

Pax Africana

КОНТИНЕНТ И ДИАСПОРА
В ПОИСКАХ СЕБЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Pax Africana

континент и диаспора
в поисках себя

Сборник научных статей

Ответственный редактор
А.Б. Давидсон

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики

Москва 2009

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
А.Б. ДАВИДСОН, И.И. ФИЛАТОВА. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ АФРОЦЕНТРИЗМА	6
Н.Г. ЩЕРБАКОВ. ПАНАФРИКАНСКИЕ КОНГРЕССЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. РАСИЗМ: PRO ET CONTRA В ПОСЛЕВОЕННОМ ПАНАФРИКАНИЗМЕ	41
А.Л. ЛИТИНСКИЙ. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ В XX В.	71
В.П. ГОРОДНОВ. АПАРТХЕЙД — ТУПИКОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	101
И.И. ФИЛАТОВА, А.Б. ДАВИДСОН. КАКОГО ЦВЕТА «ЮЖНОАФРИКАНСКОЕ ЧУДО»? НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮАР В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.	141
Г.В. ЦЫПКИН. РАСОВАЯ ПРОБЛЕМА В ЭФИОПИИ	215
И.В. КРИВУШИН. РУАНДИЙСКИЙ ГЕНОЦИД: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР, ЗНАЧЕНИЕ	239
Л.В. ИВАНОВА. СОМАЛИЙСКАЯ ДИАСПОРА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ	278
С.Ю. НИКУЛИЧЕВ. ЕВРОПЕЙСКИЙ И АФРИКАНСКИЙ СОЮЗЫ: ТЕНДЕНЦИИ, ПОМОЩЬ, ПОЛИТИКА	303
С.В. МАЗОВ. ВОСПИТЫВАТЬ «ЛЮДЕЙ С ПРОГРЕССИВНЫМИ ВЗГЛЯДАМИ, ИСКРЕННИХ ДРУЗЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА». ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ОБУЧАВШИХСЯ В СССР АФРИКАНЦЕВ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1960-Х ГОДОВ	331
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	433
СПИСОК АВТОРОВ	439
АНОНС	440

Предисловие

Во времена моей молодости (увы, так давно) об Африке редко писали в газетах и еще меньше рассказывали по радио. Теперь — куда чаще. Мы видим, что события там сменяют друг друга так быстро, что и не уследишь. И какие события... Геноцид в Руанде — погиб почти миллион. Война в Конго — ее в Африке называют третьей мировой войной: три-четыре миллиона убитых. В суданской провинции Дарфур — 200 тысяч убитых и два миллиона беженцев.

А эмиграция из Африки? Миллионы и миллионы африканцев — в Европе. Лицо таких городов, как Лондон, стало совсем иным.

И вместе с тем — достижения Африки, возрастание ее роли в мировой политике, а у некоторых государств — успехи и в экономике.

Африка ворвалась в наши СМИ так бурно, событий так много, что разобраться в них трудно. Почему же сейчас в Африке народы уничтожают друг друга, чем вызваны такие конфликты, порой перерастающие в геноцид?

А с другой стороны — в чем причины успехов?

Как за потоком событий разглядеть их истоки — то, что таится за традициями, унаследованными от прошлого, и что — за тенденциями современного мира?

Какие новые идеи несет миру Африка? Как складываются там межрасовые отношения? Как воспринимают черные белых, а белые — черных? А сами африканские народы — друг друга?

Каковы отношения между государствами Тропической и Южной Африки — как противоборствуют центробежные и центростремительные тенденции и какие силы за ними скрываются? Как складываются отношения Африканского континента с бывшими метрополиями и вообще с внешним миром?

Мы пытались, в меру своих возможностей, разглядеть, разобраться, выяснить — пусть не все, но многое. Понять, как происходило

взаимодействие культур. Что несут в себе идеи panaфриканизма и более нового течения — афроцентризма. Какие уроки человечество может извлечь из теории и практики южноафриканского апартхеида (или как у нас не вполне точно пишут — апартеида)? Что такое «антирасистский расизм»? Как складываются отношения Африканского Союза с Союзом Европейским? А с Россией? Какие волны не только миграций, но и настроений, чувств, эмоций распространяются из Африки на весь мир?

Ответы на многие из этих вопросов зависят от одного — главного: какой же Африка видит сама себя?

Ведь многие из подобных вопросов могут быть обращены и к нашей родной стране: какими мы воспринимаем себя сейчас, после распада Советского Союза и ухода господствовавшей у нас идеологии. Чужое легче понять через свое, а свое становится яснее, если не забываешь сравнивать его с чужим. Хотя, конечно, каждый народ, каждая страна, как и каждый отдельный человек, считают себя особенными (нередко — еще и еще раз особенными) и отвергают сопоставления, параллели.

У нас с Африкой параллелей не так уж мало. Хотя бы и такая. Все границы между африканскими государствами — искусственные. Их нанесли на карту европейцы в период колониального раздела, не считаясь с этническими рубежами, а просто по рекам, озерам, прежде всего по сферам влияния. А в Советском Союзе? Те границы, которые были установлены в 1920-х годах, разве они не искусственные? А они-то и остались в наследство государствам постсоветского пространства.

Африка, афроамериканцы и вся африканская диаспора играют все большую роль в мире. Какими они видят себя? Понимание современного мира будет неполным, если не взглянуть, как можно пристальнее, и в африканскую действительность, и в то зеркало, в котором видят себя «Черный континент» и его диаспора.

Конечно, все эти проблемы очень многообразны и чрезвычайно сложны — но задуматься над ними необходимо.

Мы — среди тех, кто уже задумался. И этой книгой мы пытаемся привлечь внимание читателей к вопросам, которые кажутся нам жизненно важными.

Аполлон Давидсон

А.Б. Давидсон, И.И. Филатова

Исторические пласты афроцентризма

Афроцентризм, одно из идейных течений в среде афроамериканского населения США, начал активно формироваться с начала 1980-х годов. Постепенно он захватил и африканскую интеллигенцию. Афроцентризм оказывает влияние на всю зарубежную африканистику, поскольку среди его приверженцев немало профессиональных африканистов. Споры о нем ведутся и в среде историков, специализирующихся на других направлениях исторической науки, например, на истории Древнего Египта и Древней Греции, которую афроцентристы пытаются переписать. У нас же об афроцентризме известно явно недостаточно.

Молефи Кете Асанте, профессор кафедры афроамериканских исследований Темпльского университета Филадельфии, приобрел наибольшую известность среди идеологов афроцентризма. Он издает «Джорнал оф блэк стадиз» и «Афросентрик ревью». Его книга «Афроцентризм», вышедшая в 1989 г., издавалась уже многократно и стала своего рода Библией афроцентристов. Всего же Асанте опубликовал более 60 книг. Среди них — труды по древнеегипетской философии, культуре и традициям (которые Асанте трактует как африканские), энциклопедия африканских имен, публикация источников по афроцентризму, работы по истории афроамериканцев. Наиболее известные из его трудов — «Кенет, афроцентризм и знание» (1992 г.), «Идея афроцентризма» (1998 г.), «Болезненное крушение евроцентризма: афроцентристский ответ критикам» (1999 г.), «Египетские философы. Древние африканские голоса от Имхотепа до Эхнатона» (2000 г.), «Классическая Африка» (2001 г.), «Культура и традиции Египта» (2002 г.), «Египет против Греции и Американская академия»

(2002 г.), «Риторика, раса и идентичность: конструкт души» (2006 г.).

По определению электронной энциклопедии «Википедия», главное достижение Асанте — «его теория афроцентризма, пересмотр традиционной науки с точки зрения народов Африки и африканской диаспоры»¹. Но читать труды Асанте нелегко: они написаны постмодернистским стилем, где вновь изобретаемые, но не определяемые термины употребляются вместо доказательств авторских постулатов. И все же смысл теории Асанте очевиден. «Афроцентризм, — считает он, — это интеллектуальное сосредоточение, направленное на то, чтобы помешать любым ученым, которые игнорируют, что человеческая цивилизация началась на возвышенностях Восточной Африки». «Греция, — полагает Асанте, — это единственная цивилизация, которая по происхождению может считаться европейской. Но сама Греция — продукт взаимодействия с африканскими цивилизациями. Среди древних цивилизаций, которые Африка дала миру, — Эфиопия, Нубия, Египет, Куш, Аксум, Гана, Мали и Сонгай. В этих древних цивилизациях родились медицина, естественные науки, представления о монархиях, королевствах и о Всемогущем Боге». Афроцентризм, по его мнению, «должен занять место среди таких идеологий и религий, как марксизм, ислам, христианство, буддизм и иудаизм». Что до влияния европейской цивилизации на Африку, то Асанте считает, что «европейские следы в нашей истории привели к тому, что мы утратили представление о нашей победоносной сущности»².

Можно спорить о деталях, но вклад Африки в мировую историю общепризнан. К тому же Асанте не раз утверждал, что он не намерен принижать значение европейской культуры, но только для европейцев. Обращаясь к афроамериканцам и африканцам, он убеждает их отвергать любые культурные и интеллектуальные ценности, которые он считает европейскими. «Если они говорят,

¹ *Asante M. K.* // http://en.wikipedia.org/wiki/Molefi_Kete_Asante.

² *Asante M. K.* Afrocentricity. Trenton (USA); Asmara (Eritrea), 1996. P. 38–39, 43, 55.

что величайшим писателем был Шекспир, вспомните Сезера, Дюбуа, Хьюза, Шоинку, Гильена, Нгуги, Пушкина»³.

«Если они говорят, что классический танец — это балет, знайте, что не существует ничего более классического», чем африканские танцы. «Если они говорят, что музыка Баха общечеловечна, знайте, что Бах менее общечеловечен, чем Джон Колтрейн или Дюк Эллингтон». «Если брат или сестра (Асанте называет всех африканцев и афроамериканцев братьями и сестрами. — *А.Д., И.Ф.*) скажут, что Бетховен, Бах или Моцарт — это классика, ответьте, что это классика для европейцев, но не для нас».

«Факты говорят за нас», — утверждает Асанте. «Поэзия Ленгстона Хьюза более общечеловечна, чем поэзия Роберта Фроста, а к тому же Хьюз — более приятная и гуманная личность. Этим фактом я не хочу никого бить по голове; я просто утверждаю свою правду. Это и есть практика афроцентризма». «Если вам читают лекции о Китсе, Йитсе, Твене, Вордсворте, Фросте, Элиоте и Гёте, то лучше слушайте о Бараке, Шонге, Уэлше, Гильене, Сезере, Абиоле, Окайе». «Что бы вы ни знали о событиях, связанных с войнами Англии, с царями России, с расцветом искусств в Италии, ничто из этих знаний несопоставимо со знаниями о самих себе»⁴.

Асанте ставит себе в заслугу создание нового направления в истории афроамериканцев, которое он называет афрологией. Что это такое? «Афрология — это афроцентристское изучение концепций,

³ Эме Сезер — вест-индский поэт. Уильям Дюбуа — известный афроамериканский историк. Ленгстон Хьюз — афроамериканский поэт. Воле Шоинка — нигерийский писатель, Нобелевский лауреат. Николас Гильен — кубинский поэт. Нгуги Ва Тхiongо — кенийский писатель. Пушкин, как и Дюма (отец, а нередко и сын), зачастую включаются афроцентристами в число африканских писателей, поскольку у них была африканская кровь.

Книги и статьи афроцентристов изобилуют не только именами африканцев и афроамериканцев, многие из которых отнюдь не широко известны, но и словами, взятыми из самых различных языков Африки. При этом книги нередко сопровождаются глоссарием, основная же идея, очевидно, в том, чтобы как можно больше африканских реалий и слов пришли на смену европейским.

⁴ Asante M.K. Afrocentricity, P, 40, 42, 45, 46

проблем и разновидностей поведения с особым упором на африканский мир, как в диаспоре, так и на самом континенте... это кристаллизация идей и методов ученых, ориентированных на черную расу»⁵. Иными словами, афрология — это академическое выражение афроцентризма. Предназначено оно прежде всего для потомков африканцев, вывезенных в Новый Свет, но также и для африканцев в Африке. В сущности, для Асанте это одно и то же. «Мы — африканский народ, — пишет он об афроамериканцах, — новая этническая группа, состоящая из многих древних народов: асанте, эфик, серер, тукулёр, манде, волоф, ангола, хауса, ибо, йоруба, дагомейцев и др. И по правде говоря, наша политика, как и выражения нашей религиозности, ближе по своей настроенности к Африке, чем к белой Америке»⁶.

Науку, которую Асанте называет то европейской, то западной, он отвергает. Для него это — наука Дарвина, Маркса и Фрейда, последователей Декарта, Лейбница и Ньютона. Все они, по его мнению, «посвятили свою интеллектуальную энергию абстрактным и полуабстрактным темам, а не всеобщим реальностям и истинам. Их мир — это мир частных, а не всеобщего». «Наука на Западе уступила место технике...». В ней «нет души, нет чувства, нет эмоций, только техника»⁷.

Марксизм — часть западных заблуждений. Он, считает Асанте, «упрощает значение нашей истории. Идея, что вся мировая история сводится к борьбе классов — это забвение расистского фактора... Для марксизма все дело в экономике. Почти нет понимания расовой проблемы и культуры... Марксизм во многом зиждется на той же евроцентристской основе, что и капитализм, поскольку для обоих жизнь определяется экономикой, а не культурой... Марксизм в своей основе противоположен африканской концепции общественного развития»⁸.

Африканская же наука совсем иная. «Мы возносимся над упадком западной науки и техники к божествам афроцентризма... Для

⁵ *Asante M. K.* Afrocentricity. P. 58–59.

⁶ *Ibid.* P. 67.

⁷ *Ibid.* P. 80.

нас нет абсолютного различия между сознанием и материей, формой и содержанием, нами самими и миром», — пишет Асанте⁹.

Проблема, конечно, как всегда, с Востоком, ведь его-то никак нельзя упрекнуть в бездуховности; во всяком случае, никто из антизападников пока этого не сделал. Но Асанте легко ее решает. «Если Запад проповедует материализм, а Восток, прежде всего Индия, — духовность, то Африка сочетает материальное с духовным», — утверждает он. Поэтому «западный мир должен быть возвращен к подлинным идеям Африки» — именно Африки, а не Востока¹⁰.

Асанте призывает к созданию «новой историографии, основанной на африканских устремлениях, надеждах и концепциях», в первую очередь к замене многих понятий и слов. Например, «рабское имя» заменить «африканским именем», «ощущение поражения» — «победоносными мыслями», «неуверенность» — «уверенностью», «негативное расовое поведение» — «позитивным расовым поведением», «ощущение угнетенности» — «ощущением победы», «сутулость» — «прямой осанкой», «европейскую одежду» — «одеждой, отражающей ваши вкусы», «связи с Европой» — «связями с Африкой», «поклонение европейским святыням» — «поклонением африканским святыням» и т.д.¹¹

К понятиям, которые, с точки зрения Асанте, навязаны человечеству евроцентризмом, он причисляет, например, слово «спартанский». Настоящими спартамцами были не жители Спарты, но зулусы, поскольку «ни одна армия никогда не была столь дисциплинированной, как войско Чаки»¹², и даже с масаями и нубийцами «спартанцы не идут в сравнение». И конечно, выражения «Черный Пикассо», «Черный Аполлон», «Черный Моисей» оскорбительны для черных: почему их героев надо объяснять миру через европейские понятия?¹³

Как и все, кто говорят от лица нации, расы, да, впрочем, и класса, Асанте уверен: он знает, что соответствует и что не соответствует,

⁹ *Asante M. K.* Afrocentricity. P. 81.

¹⁰ Ibid. P. 82.

¹¹ Ibid. P. 101–102, 105.

¹² Чака (1787–1828) — зулусский правитель и полководец.

что приличествует и что не приличествует африканцу. Так, он пишет, что «гомосексуализм не соответствует афроцентристской идее». Он знает о «взрыве гомосексуализма среди черных мужчин», но считает его результатом гнилого европейского влияния. «Мы не можем больше позволять, чтобы наша общественная жизнь подчинялась европейскому упадку», — утверждает он. «Пришло время плановыми афроцентристскими действиями восстановить нашу мужественность. Все наши братья, которые являются гомосексуалистами, должны знать, что им придется подчиниться нашей коллективной воле»¹⁴.

Конечно, переучивать, по мнению Асанте, надо и всех тех, кто не принимает афроцентризм. Асанте не называет их по именам, но очевидно, что это прежде всего религиозные лидеры. Прошло время проповедников, которые «вели наш народ слепой дорогой к белому Иисусу», пишет он. «Мы знаем, что Иисус появился среди евреев, но мы чувствуем также, что Бог есть и у африканцев». Асанте возмущает, что «люди не верят в достопочтенного Элайджу Мухаммеда, а верят в Моисея, Будду, Иисуса, Мухаммеда и разных индийских гуру»¹⁵.

Какую же африканскую религию нужно исповедовать? Асанте называет ее «Птаре» — «Популярная традиционная африканская повсеместная религия» («Popular Traditional African Religion Everywhere»). Характерными ее чертами являются наличие бога-творца; вместилищ бога, таких как «присутствие» или «гробница»; жрецов и жриц; медиумов; гербалистов-врачевателей; психиатров — гармонизаторов ума; прорицателей-ученых; охотников-исследователей. Асанте считает, что «Птаре» существовала задолго до египетской цивилизации, и вклад ее заключался в создании многих понятий современных мировых религий до их возникновения (он оперирует здесь именами, близкими к именам египетских богов)¹⁶.

¹⁴ *Asante M. K.* Afrocentricity. P. 57.

¹⁵ Ibid. P. 47. Элайджа Мухаммед (1897–1975) — основатель движения черных мусульман США «Нация ислама», которым сейчас руководит его преемник Луис Фаррахан.

¹⁶ *Asante M. K.* The Future of African Gods. The Clash of Civilizations: Lecture Presented at W.E.B. Du Bois Centre. 10 July 1998. Accra, 1998.

Трагедия религиозных лидеров, как и всех афроамериканских интеллектуалов, — в том, что «их учили белые учителя или черные, воспитанные белыми». «Белые учителя, — полагает Асанте, — не могут дать нашим детям те представления, которые им необходимы, чтобы преодолеть ограничения». Исправить эту ситуацию можно созданием афроцентристских школ. Ученики в таких школах должны ощущать свою связь с Африкой, приобщаться к ее традициям и, конечно, проникаться афроцентризмом. «Проникшись афроцентризмом, вы иначе будете воспринимать кинофильм, иначе видеть других людей, иначе читать книги, иначе видеть политических деятелей»¹⁷.

Что до африканских традиций, то афроцентристы тут избирательны и не всегда последовательны. Они могут проповедовать идеи взаимного согласия и взаимопомощи — «убунту» и в то же время пропагандировать довольно агрессивную школьную игру под названием «десятки». В ней двое или несколько школьников соревнуются в оскорблении друг друга — публично, без всяких ограничений, с поношением родственников и предков, и прежде всего матери. Считается, что эта практика была распространена в Африке, а также среди рабов, привезенных в Америку, и что она развивает быструю, образную словесную реакцию, выдержку, самоконтроль и мужественность¹⁸.

Асанте считает, что объективные условия для успеха афроцентризма есть. Кончились «ужасные белые столетия», пишет он. Идет «дальнейший упадок Европы, особенно Британии и Франции». Но афроцентризм не может победить без поддержки масс, а чтобы завоевать ее, для начала нужно хотя бы четверть миллиона сторонников. «Дайте нам 250 тысяч сознательных добровольцев афроцентризма, и революция в наших взглядах и в нашем поведении осуществится». Последние слова книги: «За рождение афроцентристской революции!»¹⁹

¹⁷ *Asante M. K.* Afrocentricity. P. 7, 47, 49.

¹⁸ *Levine D., Carter G.* Woodson and the Afrocentrists: Common Foes of Mis Education // The High School Journal. 2000. Vol. 84. № 1. October-November. P. 10–11.

¹⁹ *Asante M. K.* Afrocentricity. P. 53, 79, 95, 107.

Асанте чрезвычайно популярен. Он входит в десятку наиболее цитируемых афроамериканцев, в 1995 г. ему присвоили титул одного из традиционных вождей Ганы, он снялся в фильме об истории афроамериканцев (по сценарию, написанному его сыном) и, конечно, у него есть свой сайт. У него много поклонников и последователей среди африканской интеллигенции, прежде всего в ЮАР²⁰, но афроцентризм — это далеко не только Асанте. Многие афроамериканские и африканские ученые, писатели, журналисты, деятели образования и культуры несут знамя афроцентризма дальше. Широко известны публикации Моланы Каренги, введшего в оборот афроцентристского мира древнеегипетскую терминологию. Популярны произведения ученых, разрабатывающих «теорию меланина», в соответствии с которой белое господство объясняется «меланино-недостаточностью» у белых.

Но, пожалуй, самый значимый результат взлета афроцентризма — это распространение в 1990-е годы афроцентристских школ по всей Америке. В чем их отличие? Кваме Каренга, один из деятелей афроцентристского образования, определил различия между двумя системами так²¹:

Евроцентристский стиль обучения	Афроцентристский стиль обучения
Правила	Свобода
Стандартизация	Разнообразие
Конформизм	Созидательность
Запоминание фактов	Запоминание сути
Регулярность	Новаторство
Строгий порядок	Гибкость
Нормальность	Уникальность
Точность	Приблизительность
Сосредоточение на «вещах»	Сосредоточение на «людях» и т.д.

²⁰ Визиты Асанте широко освещаются в южноафриканской прессе. Во время последнего визита в начале этого года статьи о нем публиковались во многих изданиях, а газета «Сити Пресс» поместила его статью «Пусть свет нашей черноты откроет темноту белых» (City Press. 29.01.06).

²¹ Цит. по: *Austin A. Achieving Blackness. Race, Black Nationalism, and Afrocentrism in the Twentieth Century.* N.Y., 2006. P. 116.

Афроцентристское образование направлено в первую очередь на преодоление комплекса неполноценности у афроамериканцев, прежде всего у мальчиков, развившегося у них, по мнению создателей афроцентризма, в результате многовекового приниженного положения и современных предрассудков по отношению к ним как к потомкам рабов. Оно должно привести к тому, что афроамериканцы (прежде всего мужчины) будут добиваться большего успеха в работе и профессиональной карьере и тем самым способствовать повышению жизненного уровня всего афроамериканского населения.

Конечно, афроцентристы утверждают, что они не расисты, наоборот, они борются против биологического определения расы. «Раса — не биологический термин. С научной точки зрения, неверно делить пять миллиардов людей на три группы — негроидов, монголоидов и кавказцев... Повторяю: родина человеческой расы — всей — в Африке. Раса это социологический термин...», — писал известный деятель афроцентристского образования Джавандза Канджуфу²². Может быть и так, но какие именно социальные критерии определяют это понятие, не уточняется. Да и так ли важно, как именно афроцентристы понимают расу — как биологическое или как социальное явление, если в любом случае они проповедают ее исключительность?

Не так уж важно, как именно понимают слово «раса» выпускники афроцентристских школ, если главное, чему их учили, можно выразить тремя строками:

*Всем африканцам,
Которые борются за простую
Правду:
Прежде всего — Раса!*

Это слова из объемистого труда «Афроцентристская критика европейской культуры и поведения». В нем 636 страниц, но главная идея — в этих трех строках из «Посвящения». Африканцам, «запутавшимся в лабиринтах академической науки» и готовым стать «профессорами белого могущества», автор желает стать воинами.

А молодежи — верить в могущество своей африканской сущности («африканскости») и «разрушать и строить во имя африканской мечты»²³. Книга вышла в 1994 г. и переиздавалась много раз. Автор — Маримба Ани. Настоящее ее имя — Дона Ричардс, но она отказалась от «рабского» имени и придумала себе новое, похожее на африканское. Так же как и Асанте. Его настоящее имя — Артур Ли Смит. Так же как и знаменитый боксер Кассиус Клей, ставший Мухамедом Али.

* * *

Когда читаешь афроцентристскую литературу, возникает ощущение, что все это уже было. Только выражалось другими словами, без постмодернистской усложненности и неопределенности. Из своих предшественников Асанте отдает дань «великим пророкам Гарви, Дюбуа, Фанону, Нкруме, Мухаммеду, Малькольму и Каренге» и сенегальцу Шейху Анта Диопу, который, как считает Асанте, «показал, что Европа и Азия дали лишь поздние вариации первоначальной африканской темы в философии и науке»²⁴. Но вместе с тем он считает свою теорию несомненным шагом вперед. «Африканскость — это не афроцентризм. То, что ты черный, еще не делает тебя афроцентристом»²⁵. Более того, он полагает, что даже такие «великие пророки», как Уильям Дюбуа, Картер Вудсон и другие, не могут считаться афрологами, поскольку они не владели методом афрологии.

Но в действительности идеи «африканской исключительности», особой «африканской личности», мистической сущности африканской души, особого духовного богатства «африканской личности» возникли еще во второй половине XIX в. с появлением черной интеллектуальной элиты и распространением идей панафриканизма. Впервые они были сформулированы в трудах Эдуарда Блайдена (1832–1912), западноафриканского просветителя,

²³ *Ani M.* Yurugu. An Africa-Centered Critique of European Cultural Thought and Behaviour. Trenton (USA); Asmara (Eritrea), 1997. P. XIII.

²⁴ Ibid. P. X, 5–6.

священника и государственного деятеля (в 1864–1871 гг. он был министром иностранных дел Либерии). Выступая с требованием «духовной деколонизации» Африки, он утверждал, что для европейцев характерны материализм, индивидуализм, воинственность, соревновательность и культ науки, а африканцев отличает духовность, связь с природой, естественность и доброжелательность.

Идеи Блайдена, провозглашенные в XIX в., не получили широкой известности, но теория негритюда, возникшая в начале 1930-х годов, привлекла к себе внимание и в Африке, и еще больше за ее пределами. Особой популярностью она пользовалась в 1950–1960-х годах. В основе ее — та же идея исключительности, особого психического склада «негритянской души», которую нельзя понять и объяснить с позиций логики, рационализма. Белый человек, согласно негритюду, подчинил себя материализму, стал рабом техники, машин, а черный человек сохранил связь с природой, эмоциональное, чувственное восприятие действительности. Один из основателей негритюда, первый президент Сенегала, поэт Леопольд Седар Сенгор, считал, что миссия негроидной расы — в возрождении единства человека и природы, во всестороннем духовном развитии человечества, но все же утверждал, что «гордость за свою расу — это первое требование негритюда».

Афроамериканец Маркус Гарви, основавший в Соединенных Штатах движение «Назад в Африку», в 1923 г. сказал, что африканцы прекрасно владели искусствами, наукой и литературой еще тогда, когда Европу населяли лишь каннибалы, дикари, варвары и язычники²⁶.

Родоначальником широко распространенной среди афроцентристов идеи о том, что Черная Африка оказала огромное влияние на Древний Египет и Рим, был афроамериканский историк Уильям Дюбуа²⁷. Одну из глав своей наиболее известной книги, написанной полвека назад, он назвал «Крушение Западной Европы»²⁸.

²⁶ My Soul Looks Back, Less I Forget: A Collection of Quotations by People of Color / ed. by D.W. Riley. N.Y., 1998. P. 7.

²⁷ Дюбуа У.Э.Б. Африка. Очерк по истории Африканского континента и его обитателей. М., 1961. С. 75.

²⁸ Там же. С. 176–192

Еще тогда он считал крушение Европы свершившимся фактом. Теперь эта идея — один из главных постулатов афроцентризма.

Но и Дюбуа был не первым, кто предрекал закат Европы. Освальд Шпенглер сделал это задолго до него. Да и у него были предшественники. Только Шпенглер писал о ее закате с отчаянием, афроцентристы же — с удовлетворением, видя в этом расплату за колониализм, работорговлю и почти пятисотлетнее угнетение.

В 1961 г. появилась книга «Проклятьем заклейменные», к которой написал предисловие Жан-Поль Сартр. Ее автор Франц Фанон, уроженец Мартиники, поселившийся в Алжире и ставший, наряду с Сенгором, одним из основателей негритюда, писал об угнетенных колониализмом. Книга эта стала настольной как среди европейски образованной интеллигенции многих стран Африки и Арабского Востока, так и среди афроамериканцев, особенно среди сторонников организации «Черная власть». За десять лет в США было издано три четверти миллиона экземпляров²⁹. Мартин Лютер Кинг говорил: «Сторонники “Черной власти” обращаются не к Ганди и не к Толстому. Их Библия — “Проклятьем заклейменные”»³⁰. Почему — ясно из самого текста Фанона.

«Жизнь для колонизованного может возникнуть только из разлагающегося трупа колонизатора», — писал он³¹. Для колонизованного колонизатор — «человек, которого необходимо уничтожить»³². В Алжире колонизатор — каждый француз. «Француз в Алжире не может быть нейтральным или невинным. Всякий француз в Алжире угнетает, презирает, господствует»³³. Более того, весь французский народ — «колониалистский» и «вся французская

²⁹ *Гордон Л. В.* Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. М., 1977. С. 208. А. В. Гордон дал прекрасный анализ взглядов Ф. Фанона.

³⁰ *King M. L.* Where do We go from Here? Chaos or Community? N.Y., 1967. P. 55.

³¹ *Fanon F.* Les damnés de la terre. P., 1961. P. 225.

³² Ibid. P. 39.

нация вовлечена в преступления против народа, является соучастницей убийств и пыток в Алжирской войне»³⁴.

Противостояние Франции и Алжира для Фанона — лишь один из примеров взаимоотношений колонизатора и колонизованного. Он делит мир на «Мы» и «Они». Мы — это «четыре пятых человечества»³⁵, «люди желтой расы, арабы и негры», которые «хотят теперь вырабатывать свои проекты, утверждать свои ценности, определять свои отношения с миром»³⁶.

Задолго до афроцентристов Фанон отвергал «европейские модели», «европейский дух», европейскую этику, европейскую культуру — полностью и безоговорочно. «На ложь колониализма колонизованный отвечает ложью», — писал он. «Откровенность возможна лишь с соплеменниками, а в отношениях с колонизаторами — замкнутость и непроницаемость... Правда — это то, что помогает туземцам и губит чужеземцев... Хорошо все, что плохо для них»³⁷. «Язык угнетателей вдруг начинает жечь губы»³⁸. Нужен «глобальный отказ от ценностей захватчика»³⁹. И даже когда речь идет о современной науке и технике, «слова специалиста всегда воспринимаются с предубеждением»⁴⁰.

Фанон полагал, что для колонизованных вполне правомерен «самый элементарный, самый грубый, самый всесторонний национализм»⁴¹. И что «антирасистский расизм как стремление защитить свою кожу и как ответ колонизованного на колониальное угнетение — это и есть основание для борьбы»⁴², во всяком случае на начальном, стихийном ее этапе.

³⁴ *Fanon F.* Pour la Revolution... P. 90.

³⁵ *Fanon F.* Les damnes... P. 240.

³⁶ *Fanon F.* Pour la Revolution... P. 146.

³⁷ *Fanon F.* Les damnes... P. 39.

³⁸ Ibid. P. 65.

³⁹ *Fanon F.* Sociologie d'une Revolution. P., 1968. P. 46.

⁴⁰ Ibid. P. 115.

В принципе, Фанон уже сказал все, что говорят афроцентристы, и даже резче, грубее. Но он говорил это тогда, когда антиколониальная борьба была еще в разгаре, а в Алжире шла кровавая и долгая война за независимость, исход которой был далеко не ясен. Сейчас колониализма нет, имперские идеологии, связанные с ним, — в прошлом, мир, который прежде казался белым, чернеет на глазах и предоставляет своим черным гражданам особые привилегии при поступлении в университеты и приеме на работу. Но идеи Фанона живут, эволюционируют и распространяются все шире. Их муссируют даже те, кто теперь стоит у власти в африканских странах. За что же теперь идет борьба?

* * *

Один из заголовков в «Зеленой книге» ливийского лидера Муамара Каддафи: «Править миром будут черные»⁴³. Его главная идея — заставить белых искупать свою вину перед бывшим колониальным миром. «Мы должны потребовать от белых компенсации за колонизацию и геноцид, которые они устроили на нашей земле»⁴⁴. Как и афроцентристы, Каддафи призвал Африку избавиться от культурного наследия белых: «Их языки и традиции не могут выразить наши чувства и мысли, поэтому мы должны говорить только на языках наших предков». С гордостью вспоминал он о том, что в конце 1960-х годов Ливия добила изгнания более чем 20 тыс. белых, в основном итальянцев⁴⁵.

В сущности, эта книга не исследование, а политическая речь: Каддафи претендовал в это время на лидерство в Африке и говорил с ее представителями тем языком, который должен был быть им близок: языком униженных и угнетенных. В большой степени ему это удалось: ему простили и то, что он сам — представитель

⁴³ *Каддафи М.* Зеленая книга. М., 1989. С. 139.

⁴⁴ Выступление на форуме в Триполи 22 апреля 2001 г.

⁴⁵ Российские газеты дали такие заголовки сообщениям об этой программе: «Африка — только для черных» (Известия. 24 апреля 2001); «Муамар Каддафи выступил по-черному. Он призвал изгнать из Африки белых» (Коммерсант. 24 апреля 2001).

кавказской, т.е. «белой» расы; и что арабская работоторговля возникла намного раньше европейской и стоила «Черной Африке» не менее 4 млн жизней; простили и несметные нефтедолларовые богатства Ливии и его собственные. Он не стал лидером создававшегося Африканского Союза, на что он рассчитывал, но в Африке он пользуется большой популярностью и поддержкой.

Каддафи — лишь один из примеров того, какие политические дивиденды приносят расистские высказывания. Сукарно, первый президент Индонезии, написал книгу «Индонезия обвиняет». Конечно, Индонезия имела право обвинять бывших колонизаторов. Но какова цель этих обвинений с позиции власти? В большинстве случаев — стремление переложить на них ответственность за свои собственные ошибки, чтобы любой ценой удержаться у власти.

Иногда в жертву этой цели приносится благополучие собственного народа. Самый яркий пример этого — Зимбабве. Президент Роберт Мугабе, заведя страну в экономический тупик, стал поощрять «стихийный» захват ферм, принадлежавших белым и кормивших страну. Результат — развал сельского хозяйства, потеря сотен тысяч рабочих мест, голод, рост преступности, нелегальная эмиграция в соседние страны. Но для Мугабе главным было — не допустить прихода к власти оппозиции, скомпрометировать ее связями с белыми — «колонизаторами», в очередной раз выставить себя борцом за независимость.

Луис Фаррахан, который считает себя лидером афроамериканского населения, как и Каддафи, требует, чтобы все белое население мира расплатилось за то зло, которое белые принесли небелым. Своим движением черных мусульман «Нация ислама» он хотел бы охватить не только афроамериканцев, но и вообще всех небелых, а также и всех мусульман. Чем можно объединить эту разношерстную публику? Только расистскими антибелыми лозунгами.

Еще в 1989 г. на встрече афроамериканских лидеров в Новом Орлеане Фаррахан обвинил в расизме всех белых. Записал в расисты и Линкольна, президента США, который был борцом за отмену рабства. Призвал к созданию в Африке страны, в которой могли бы поселиться афроамериканцы, даже преступники.

«Пришла пора освободить из тюрем всех черных! Отпустите их! Дайте им уехать в Африку!», — восклицал он. И вместе с тем предсказывал, что наступит день, когда афроамериканцы будут управлять Соединенными Штатами: ведь «мы опережаем их по рождаемости!» Обвинил Белый дом в распространении наркотиков среди черных, «чтобы преступность среди черных росла». Публично выразил восхищение Гитлером, а иудаизм объявил «религией сточной канавы». Этот митинг, в котором участвовали и Джесси Джексон, и Анджела Дэвис, известная деятельница американской компартии, потребовал от Соединенных Штатов выплаты репараций афроамериканцам за последствия работорговли и рабства⁴⁶.

Потом Фаррахан организовал на шумевший «марш миллиона черных мужчин» на Вашингтон. Миллиона не набралось, но и участия четырехсот тысяч, которые последовали его призыву, было достаточно, чтобы ввергнуть США в шоковое состояние.

Наконец, Фаррахан выступил с еще одной идеей: черные и белые в Америке должны жить порознь. «Если два народа, черные и белые в Америке, не могут жить в мире, разве не мудро развестись?»⁴⁷ В 2001 г. «Нация ислама» опубликовала в развитие этой идеи «Мусульманскую программу»⁴⁸. В разделе «Чего хотят мусульмане» говорится, что «для всех потомков рабов» в Америке должно быть создано отдельное собственное государство. «Мы считаем, что наши бывшие рабовладельцы обязаны предоставить нам территорию и что она должна быть плодородной и богатой полезными ископаемыми. Мы считаем, что наши бывшие рабовладельцы обязаны на этой территории обеспечивать наши нужды в течение следующих 20–25 лет, пока мы не сумеем сами производить все необходимое... Мы требуем освободить всех мусульман, которые сейчас находятся в федеральных тюрьмах. Мы требуем освободить всех черных мужчин и женщин, которые приговорены к смертной казни...»

⁴⁶ Новое русское слово. Нью-Йорк, 25 апреля 1989.

⁴⁷ The Final Call. Vol. 20. No 46. 28 August 2001. P. 21.

Было здесь и требование, чтобы «все черные дети обучались и воспитывались их собственными учителями», т.е. черными, и требование запрета «смешанных браков и смешения рас».

В разделе «Во что мусульмане верят» сказано: «Мы верим, что мы — народ, избранный Всевышним». «Идея интеграции, — говорится там, — лицемерие», а «если белые люди искренни в своем дружеском отношении к так называемым неграм, то они должны доказать это, разделив Америку со своими рабами».

Конечно, сразу же возникла дискуссия: как именно делить Америку? Согласятся ли белые американцы с тем, что их назвали «бывшими рабовладельцами»? Почему надо выпустить из тюрем всех черных и всех мусульман, независимо от их преступлений? Почему слова «черные» и «мусульмане» в этом документе перемежаются как равнозначные, хотя, конечно, не все черные в Америке — мусульмане? Вопросы о том, оправдана ли сама посылка, не возникает.

«Нацию ислама», вероятно, оскорбило бы сравнение ее программы с южноафриканской доктриной апартхейда (апартеида), которую заклемили в свое время и Организация Объединенных Наций, и весь мир. Но там ведь провозглашалась та же идея раздельного развития рас, раздельного их проживания и запрета на смешанные браки. Объявив борьбу против белых расистов, «Нация ислама» повторяет их расистские лозунги.

Фаррахана принимают во многих странах мира, в том числе в России, в Дагестане и даже в Южной Африке, где у власти стоят те, кто боролся против апартхейда. Но когда, как долгие годы в Англии, в визе ему отказывают, Фаррахан заявляет, что он не расист и не антисемит. «Это ложь, которая преследует меня последние 16 или 17 лет», — говорит он⁴⁹. Однако в его вашингтонском еженедельнике «Файнал Колл» ни разу не нашлось места для опровержения этой «лжи», хотя его статьи, фотографии, рекламы его портрета и портрета его жены, «первой леди Нации ислама» («всего лишь за 10 долларов») присутствуют в каждом номере.

Фаррахан, как и Каддафи, — миллионер, но, выступая от имени сирых и убогих, он не раздает им своих богатств. И тем не менее

за ним идут если не миллионы, как говорит он сам, то все-таки сотни тысяч людей, которые считают себя обездоленными, да зачастую такими и являются. Людей, которые хотят не только уйти от нищеты, но и самоутвердиться, покончить с состоянием униженности, поверить в себя, проникнуться чувством собственного достоинства и даже превосходства. Лозунги Фаррахана их привлекают, а он, как и Каддафи, Мугабе и Бин Ладен, использует их чувства в своих целях. Борьба идет за влияние и власть — в общине, в стране, на континенте, в мире. Афроцентризм — не цель, а оружие, и мощное, в этой борьбе.

* * *

Пять веков в мире господствовал евроцентризм, европейские империи устанавливали свои законы, подчиняли другие страны и континенты. Были, конечно, и другие империи, и в Азии, и в Африке, а порядки в Османской империи или в Монгольской были никак не лучше европейских. Но из исторической памяти многих народов это стерлось. Стерлась и память о позитивном наследии Европы на других континентах.

Зато индийцы никогда не забудут, что Уинстон Черчилль называл их национального героя Махатму Ганди «воинствующим полуголым факиром». И китайцы не забудут, как кайзер Вильгельм II напутствовал немецкий экспедиционный корпус, отправляя его в 1900 г. в Китай: «Пощады не давать! Пленных не брать. Убивайте, сколько сможете! Как тысячу лет назад, когда гунны во главе с королем Атилой заслужили славу, которая и сейчас в легендах и сказках вызывает ужас, так слово “германец” должно ужасать Китай в следующую тысячу лет. Вы должны действовать так, чтобы китаец уже никогда не посмел косо посмотреть на германца»⁵⁰.

Что уж говорить об Африке. По приказу того же императора Вильгельма восставший против немецкого господства народ гереро огнем пулеметов загнали в пустыню Калахари и обрекли десятки тысяч людей на гибель от голода и жажды. Даже германский канцлер Бюлов возмутился и сказал императору, что это не соответствует

⁵⁰ Deutschland in der Periode des Imperialismus. B., 1953. S. 48.

законам ведения войны. Вильгельм невозмутимо ответил: «Законам войны в Африке это соответствует».

Гитлер писал в «Майн кампф»: «Время от времени мы слышим, что негр стал судьей, учителем, певцом или кем-либо в этом роде. Воспитывать из полуобезьяны судью — это насилие над здравым смыслом, это преступное безумие. Приучать готтентотов и кафров к интеллектуальным профессиям — это грех перед Творцом».

Одни и те же европейцы вели себя на родине и в Африке совсем по-разному. Французский писатель Жорж Оне писал в одном из своих романов в конце XIX в.: «Меслер был прямодушен и добр на редкость. Но в Африке... он никогда не колебался выстрелить... В Трансваале это называлось быть энергичным. Во Франции это считалось бы преступлением»⁵¹.

Жизнь в колониях меняла характер европейцев — настолько, что, вернувшись в Европу, многие уже не понимали ее нравов. Иосиф Шкловский, корреспондент журнала «Русское богатство» в Англии, писал больше ста лет назад: «Представителем нашего округа в парламенте с незапамятных времен был старый отставной генерал. Выслужился он где-то на западном берегу Африки; там с небольшим отрядом и пятью пушками он насадил европейскую культуру, т.е. выжег столько деревень, вырубил столько плодовых деревьев и истребил столько негров и коров, что край этот пустынен до сих пор, хотя прошло уже много, много лет!.. В парламенте старик был раза два, но свое присутствие ознаменовал. Послушав речи оппозиции, старик заявил, что, собственно говоря, с ней нужно было бы расправиться “по-африкански”, т.е. впустить несколько солдат, вкатить пушечку и затем: “Раз, два! Направо коли, налево руби!”»⁵²

* * *

Имперские идеи в течение жизни многих поколений пронизывали всю жизнь народов метрополий. И политику. И психику толпы. Все слои общества — от аристократа до простолюдина.

⁵¹ *Ohnet G.* L'inutile richesse. P., 1896. P. 5, 12.

⁵² *Дионео.* Очерки современной Англии. СПб., 1903. С. 254.

Само слово «империалист» имело совсем не то звучание, что сейчас. Оно произносилось с уважением, было овеяно романтикой. Сесиль Родс в конце XIX столетия был идиологом большой, может быть, подавляющей части английского общества, именно как империалист, человек, расширивший пределы Британской империи.

Сколько было гордости за могущество Британской империи, за то, что оно проникает в любые, даже самые отдаленные части планеты. «Арабский шейх ест плов ложкой, сделанной в Бирмингеме. Египетский паша пьет шербет из кубка бирмингемской чеканки, освещает гарем хрустальным бирмингемским канделябром и прибывает на нос лодки бирмингемские украшения... Краснокожий охотится и воюет с бирмингемской винтовкой в руках. Богатый индус украшает салон бирмингемским хрусталем. В пампасы Бирмингем посылает для диких наездников шпоры, стремяна, а для украшения бархатных штанов — блестящие пуговицы. Неграм в колониях под тропиками он шлет топоры, сечки и прессы для сахарного тростника... На жестянках, в которых хранится консервированная зелень и прессованное мясо — запасы австралийского старателя, выбито имя бирмингемского фабриканта»⁵³. Так говорилось в книге «Прогулка в страну черных», изданной больше ста лет назад английским публицистом Э. Беритом.

К имперским амбициям английских промышленников взывал известный путешественник Стенли: «На Конго живут 40 миллионов человек, и ткачи Манчестера только и ждут, чтобы одеть их. Плавильные печи Бирмингема рдеют раскаленным металлом, из которого можно сделать для них железную утварь и безделушки для украшения их темных тел, а посланники Христа жаждут обратить их, бедных темных язычников, в Христову веру»⁵⁴.

Планы Родса были куда амбициознее и обширнее: «Мир почти весь поделен, а то, что от него осталось, сейчас делится,

⁵³ Цит. по: *Дионео*. Указ. соч. С. 38.

⁵⁴ *Moon T.P. Imperialism and World Politics*. N.Y., 1927, P. 394–395

завоевывается и колонизируется. Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами ночью в небе! Я бы аннексировал планеты, если бы смог, я часто думаю об этом. Мне грустно видеть их такими ясными и вместе с тем такими далекими»⁵⁵.

Среди поклонников его идей была вся английская знать, на его стороне были правительство и сама королева. Говорят, разговоры ее с Родсом звучали примерно так:

— Что вы делали, мистер Родс, с тех пор, как мы виделись последний раз?

— Я добавил две провинции к владениям Вашего Величества.

— Как бы я хотела, чтобы так же поступали некоторые из моих министров, а то они, напротив, умудряются терять мои провинции»⁵⁶.

Но идеи Родса апеллировали не только к власти и к магнатам промышленности и торговли. Он взывал к миллионам английских рабочих: «Любой мастерской должен осознать, что, пока он не овладеет мировыми рынками, он будет жить впроголодь... Рабочий должен понять, что если он хочет жить, он должен держать в своих руках мир и мировую торговлю и что он — конченный человек, если даст миру выскользнуть из своих рук»⁵⁷.

Имперские идеи составляли суть научных исследований. Вот книга под названием «Романтика колонизации». Это экономическая история Британской империи, но речь в ней шла действительно о романтике. В предисловии говорилось: «Эта память (колониальных захватов. — *А.Д., И.Ф.*) должна вдохновлять подлинного империалиста, который верит в предназначение своей родины

⁵⁵ The Last Will and Testament of Cecil John Rhodes / ed. by W. Stead. L., 1902. P. 190.

⁵⁶ *Williams B.* Cecil Rhodes. L., 1938. P. 234.

⁵⁷ *Vindex (Verschogle F.).* Cecil Rhodes. His Political Life and Speeches, 1881 — 1900. L., 1900. P. 701–702.

и видит в достижениях прошлого путь к еще большему величию в будущем»⁵⁸.

Конечно, имперские идеи были сложными, состояли из многих компонентов. Сводить их только к грабёжам, наживе и стремлению эксплуатировать было бы неверно. В них — и мессианство, и патернализм, и искреннее стремление помочь тем, кого считали меньшими братьями, а бывало, и уважение к этим братьям.

Можно ли ставить на одну доску работорговцев, которые отправляли в Америку закованных в цепи невольников, и миссионеров, которые отказывались от благ европейской цивилизации и обрекали себя на тяжелейшую жизнь среди чуждой им природы и чужих народов, чтобы нести им то, что они сами считали величайшим благом — слово Божье?

Даже у Киплинга, который вошел в историю как бард британского империализма, были стихи, воспевающие народы, воевавшие против Англии. Он восхищался героизмом буров в англо-бурской войне. А о восставших суданцах писал:

Мы пьем за вас, Фуззи-Вуззи, за Судан, где родной ваш дом!

Вы были темным язычником, но первоклассным бойцом,
Оттого, что вы, Фуззи-Вуззи, с головою, как стог на дворе, Черномазый
бродяга, прорвали британское каре.

Колониальная романтика не обошла, как известно, и Николая Гумилева. В 1910 г. он писал:

*Я пробрался в глубь неизвестных стран.
Восемьдесят дней шел мой караван;
Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города.
Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,
И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.*

⁵⁸ **Wright A.** The Romance of Colonisation. Being the Story of the Economic Development of the British Empire. L.; N.Y., 1923. R VII.

Но у Гумилева эта романтика сочеталась с глубоким уважением к народам дальних стран. Он писал, что Африка «ждет именно гостей и никогда не признает их хозяевами»⁵⁹.

Увы, не все, кто правили Российской империей, относились к азиатам и африканцам с таким же уважением. Николай II даже в своих резолюциях называл японцев «макаками»⁶⁰. Какой кровью заплатил потом русский народ за это высокомерие!

Что уж говорить об африканцах, если российская элита воспитывалась в духе высокомерного превосходства даже по отношению к европейским нациям! Великий князь Александр Михайлович, женатый на любимой сестре Николая II, вспоминал, чему учили его в детстве специально избранные учителя: «Французы порицались за многочисленные вероломства Наполеона, шведы должны были расплачиваться за вред, причиненный России Карлом XII в царствование Петра Великого. Полякам нельзя было простить их смешного тщеславия. Англичане были всегда “коварным Альбионом”. Немцы были виноваты тем, что имели Бисмарка. Австрийцы несли ответственность за политику Франца Иосифа, монарха, не сдержавшего ни одного из своих многочисленных обещаний, данных им России. Мои “враги” были повсюду. Официальное понимание патриотизма требовало, чтобы я поддерживал в своем сердце огонь “священной ненависти” против всех и вся».

Ну и, естественно, антисемитизм. «Мой законоучитель, — писал Александр Михайлович, — ежедневно рассказывал мне о страданиях Христа. Он портил мое детское воображение, и ему удалось добиться того, что я видел в каждом еврее убийцу и мучителя. Мои робкие попытки сослаться на Нагорную Проповедь с нетерпением отвергались: “Да, Христос заповедал нам любить наших врагов, — говаривал о. Георгий Титов, — но это не должно менять наши взгляды в отношении евреев”... Антисемитское законодательство России почерпало главные свои основы из умунастроения высших иерархов православной церкви»⁶¹.

⁵⁹ *Гумилев Н.* Африканская охота // Соч. В 3 т. Т. 2. М., 1991. С. 224.

⁶⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 239, 286.

⁶¹ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 91, 92.

Голоса сомнений в необходимости имперской политики — а то и явного протеста — раздавались с давних времен. Мудрый англичанин Сэмюэл Джонсон еще в XVIII в. писал: «Расширяющиеся империи, как растягиваемое золотое колечко: меняют солидную прочность на кажущееся величие». Француз Алексис де Токвиль, через сто лет: «Это же очевидная истина, что ничто так не мешает благополучию и свободе людей, как обширные империи». А вот ироничный Джером К. Джером: «Многие уверены, что все счастье людей — в пространстве, то есть чем обширнее страна, тем лучше в ней жить. Воображают, что самый счастливый француз не может равняться с самым неудачливым англичанином, потому что Англия обладает гораздо большим количеством квадратных миль, чем Франция. А каким жалким по этой теории должен чувствовать себя в сравнении, например, с русским мужиком, швейцарский крестьянин, глядя на карту Европейской и Азиатской России!..

Счастливые жители Лондона в холодные туманные дни могут согреться мыслью, что в Британской империи никогда не заходит солнце. Сам лондонец видит солнце очень редко, но это не мешает ему считать себя одним из собственников солнца, так как он знает, что оно начинается и заканчивает свой день все в той же Британской империи, составляя, так сказать, ее особую принадлежность...». Увы, ему пришлось добавить: «Знаю, что мои взгляды считаются еретическими»⁶².

Салтыков-Щедрин: «Человек и без того уже склонен воспитывать в себе чувство национальности более, нежели всякое другое, следовательно, разжигать в нем это чувство выше той меры, которую он признает добровольно, будучи предоставлен самому себе, значит уже действовать не на патриотизм его, а на темное чувство исключительности и особничества»⁶³.

После Второй мировой войны у европейцев появилось чувство вины и даже предвидение расплаты. В 1961 г. Сартр в своем предисловии к книге Франца Фанона предупреждал:

«Европейцы, откройте книгу, вчитайтесь! Сделав несколько шагов в ночном мраке, вы выйдете к костру, вокруг которого сгрудились незнакомые вам люди. Подойдите к ним, прислушайтесь к их разговору. Они говорят о том, что им предстоит сделать с вашими конторами, с наемниками, их охраняющими... Их освещает и обогревает огонь, но это не ваш огонь. Вы держитесь от него на почтительном расстоянии, оглядываетесь, дрожите от холода. Смена ролей»⁶⁴.

* * *

Европейские колониальные империи — это совсем недавнее прошлое. Они распались лишь во второй половине XX в. Но ведь в России до сих пор вспоминают о татаро-монгольском, или, как теперь говорят, ордынском иге. У прошлого зла — долгая память. Что же говорить о памяти столь недавней?

Афроцентризм — ответная реакция афроамериканцев и африканцев на длившуюся из поколения в поколение униженность, на угнетение, на европейское высокомерие, на имперский расизм.

Историю афроамериканцев в американских школах начинали с работорговли и рабства. Африканских школьников в колониальный период заставляли изучать не историю и культуру их народов, а прошлое Великобритании, Франции, Бельгии, Португалии... Стремление к самоутверждению и ведет к бурному росту интереса к собственной культуре, собственным традициям, собственному прошлому. Вместо жизнеописаний королевы Виктории, британских Эдуардов и Георгов теперь учат историю своих правителей. И негодуют, что в Европе их называли не королями, а только вождями.

Но дело не только в прошлом. Африканцы винят Европу, Запад, в том, что, разрушив Африку, европейцы ничего для нее не делают сейчас. Недавние жесточайшие войны и конфликты в Анголе, Конго, Руанде, Бурунди, Сьерра-Леоне, Либерии, Сомали... Много ли об этом знает европеец? Европейской прессе эта тематика не интересна. Конечно, сейчас Ближний Восток, Афганистан — у всех на слуху. Но снова не Африка.

Не перегибешь — не выпрямишь. В результате из школьных программ изгоняют не только Эдуардов и Георгов, но и Шекспира, а если и оставляют, то под вопросом. Что уж говорить о писателях меньшего масштаба! «Как южноафриканка, я всегда, с почти религиозным упорством, отказываюсь обсуждать произведения белых писателей Южной Африки, потому что я не хочу соглашаться с расистской установкой, будто только белые писатели являются рупором Южной Африки». Это слова Телмы Ревел-Пинто, черной южноафриканки, преподавательницы литературы. Среди южноафриканских писательниц она назвала только черных, а о белой Надин Гордимер сообщила, что ее произведения «остаются в кругу расистско-патерналистских»⁶⁵. (Вскоре Надин Гордимер была присуждена Нобелевская премия.) Ревел-Пинто разделила мировую литературу на четыре группы: литература, созданная белыми мужчинами, белыми женщинами, черными мужчинами и черными женщинами. На вопрос о Шекспире и Льве Толстом ответила, не задумываясь: литература белых мужчин.

Неясно, по этой ли причине или из-за неконформистского содержания его произведений не пользуется популярностью среди нынешней черной элиты ЮАР и Джон Куцие, трижды лауреат Букеровской премии, в 2003 г. ставший лауреатом Нобелевской премии по литературе. После присуждения ему Нобелевской премии в южноафриканской прессе появились почти обиженные статьи: и белый мужчина, и в романе «Бесчестье» показал новую Южную Африку в неблагоприятном свете.

* * *

Как мы видим, афроцентристские идеи неоригинальны. Вера в непререкаемое превосходство твоего народа? У кого только ее не было. Классик румынской литературы Ион Караджале (1852–1912) сто лет назад высмеивал своих соотечественников, которые, как он писал, произносят название своей родины через три «р»:

⁶⁵ *Ravell-Pinto T. M.* Woman's Writing and the Politics of South Africa. The Ambiguous Role of Nadine Gordimer. P. 19. (Доклад, представленный для обсуждения на заседании Программы южноафриканских исследований Йельского университета весной 1989 г.)

«Р-румыния». Такой румын — «ярый патриот, исключительный националист, румын до мозга костей! Пусть это знает весь мир!.. Поэтому он страстно ненавидит все нерумынское, ненациональное... Кто думает иначе — тот предатель!»⁶⁶

Анвар Садат, далеко не самый радикальный из афроазиатских лидеров, говорил почти то же самое, только всерьез: мы «против разделения арабов на реакционеров и прогрессистов, монархистов и республиканцев, социалистов и капиталистов. Наша идеология в межарабских отношениях сводится к следующему принципу: мы являемся лишь арабами»⁶⁷.

Идея, что иноплеменники не могут познать и понять твой народ? Этим тоже грешат не только афроцентристы. Сталину приписывали слова: «Историей славян должны заниматься славяне».

Идея, что до чужих вторжений жизнь твоего народа была сплошной идиллией? Да вот хотя бы книга «Чудо, каким была Индия»⁶⁸. Или распространенная среди россиян вера в светлое доордынское прошлое Руси.

А желание видеть в истории собственного народа только героев? В московской «Новой газете» журналист Иосиф Вердиян написал о своем знакомом, помешанном на известных армянах и выискивающем их повсюду. «Однажды я ему посоветовал написать об армянских пройдохах международного масштаба и предложил заголовок: “Без негодаев народ неполон”. Он написал... и вроде (во всяком случае, для меня лично) демографическая ситуация в республике выправилась. Как бы устранился дисбаланс между нравственным и безнравственным в национальной действительности»⁶⁹.

В труде Маримбы Ани «Афроцентристская критика европейской культуры и поведения» нет даже упоминаний о кровавых африканских диктаторах прошлого и настоящего. Нет имени Иди Амина, который залил Уганду кровью соотечественников и довел

⁶⁶ *Караджале И.Л.* Избранное. М., 1953. С. 263–264, 271.

⁶⁷ Правда. 12 декабря 1976.

⁶⁸ *Бэшем А.Л.* Чудо, которым была Индия. М., 1977.

страну до полного развала. Может быть, потому, что кого-то из африканцев тешило, что однажды он заставил нескольких европейцев нести его на носилках, как когда-то африканцы носили белых. И когда он выслал из Уганды 40 тыс. азиатских торговцев и предпринимателей. И что он, как и Каддафи, гордился, что вел борьбу с европейцами до тех пор, «пока они не убежали из Уганды». Он объявил себя «победителем Британской империи». Нет в книге и упоминания о геноциде в Руанде, устроенном африканцами против африканцев.

Афроцентристы избегают обсуждения конфликтов между африканскими странами. Конфликтов как бы не существует — а ведь они бесчисленны. Республика Чад подавала жалобы в Организацию африканского единства на захватнические действия Ливии, а Сомали требовало ввести такое понятие, как «африканский колониализм над африканцами». В июле 2006 г. в Киншасе были демонстрации под лозунгом «Конго — для конголезцев», направленные против беженцев и переселенцев из Руанды и Бурунди.

Войны, этнические междоусобицы и религиозные преследования, а отнюдь не единство политики и культуры, характерны для афро-азиатского мира сегодня. Религиозные погромы христиан в Индонезии, на Филиппинах. В Афганистане проповедь христианства талибы карали смертной казнью. В странах Юго-Восточной Азии — повторяющиеся нападения на китайцев. Конечно, можно во всем этом усмотреть лишь пагубные результаты имперского владычества Европы — иногда это даже справедливо. Но далеко, далеко не всегда. Во многих случаях колониализм, наоборот, сдерживал конфликты. Но афроцентристы этого не видят.

Антизападничество, ненависть к Европе, презрение к европейской рациональности и «бездуховности», свой, совершенно особый путь, своя, совершенно особая духовность? Кому, как не нам, россиянам, все это до боли знакомо. Славянофилы, русские почвенники выступали с этими идеями за полтора столетия до Асанте. Да разве только славянофилы? «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить» — это тоже было сказано за полтора столетия до Асанте.

«Борьба с Западом в нашей литературе» — под таким названием известный публицист Николай Николаевич Страхов издал

в Санкт-Петербурге в конце XIX столетия три тома статей⁷⁰. Он считал, что не только в культуре, но даже и в науке Западной Европы идет процесс загнивания и разложения. Рецензент из журнала «Русский Вестник» подвел такой итог исследованию Страхова: «Наступает эпоха, когда бороться уже будет не с чем. И мы должны только благодарить Бога, что с этим процессом разложения цивилизации *на Западе* совпадает процесс национального самосознания у нас»⁷¹.

Стремление многих афро-азиатских стран видеть виновника своих бед вне себя тоже хорошо нам знакомо. Философ Георгий Федотов был свидетелем такого же настроения в России после Первой мировой войны, Революции, Гражданской войны. «Русское национальное чувство было уязвлено глубоким поражением, разделом, падением России, — писал он, — и, не желая взять на себя ответственность, не имея мужества покаяния, стало искать виновника вне себя — на Западе...»⁷²

* * *

Асанте сетует, что не все афроамериканские лидеры и не все интеллектуалы склонны думать и действовать в духе афроцентризма. Это действительно так — у него были и есть влиятельные противники и в Африке, и среди афроамериканцев.

Сам создатель теории негритюда Леопольд Сенгор еще в 1970-х годах, будучи президентом Республики Сенегал, говорил, что не надо все проблемы Африки сваливать на колониализм. Афроцентристы не любят вспоминать Сенгора и не упоминают его среди своих предшественников: ведь он хвалил европейскую культуру и говорил, что конечной целью негритюда является слияние с ней в единое общечеловеческое целое. К тому же он был женат на француженке и, уйдя с поста президента, не остался в Африке, а поселился во Франции, в Нормандии.

⁷⁰ *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Т. 1–3. СПб., 1882–1896.

⁷¹ *Русский Вестник.* 1896. № 2. С. 246.

⁷² *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2. СПб., 1992. С. 230.

Один из преемников Сенгора, Абдулай Вад, отказался поддерживать призывы некоторых своих коллег, руководителей африканских стран, объявить работорговлю и колониализм преступлениями против человечности, потребовать за них компенсации и назвать нынешний разрыв в уровне жизни западных и бедных стран экономическим расизмом. Вад еще менее популярен среди африканского руководства, чем Сенгор: ведь он не раз заявлял, что притеснения африканцев в Европе не идут ни в какое сравнение с этническими конфликтами в самой Африке, напоминал о геноциде в Руанде и Бурунди, о войне в Восточном Конго, о столкновениях между мусульманами и христианами в Нигерии, о разрушительной политике Мугабе в Зимбабве. Кампанию же требований компенсации за работорговлю и колониализм он назвал «ребячеством»⁷³.

Еще категоричней выступает сенегальский социолог А. Кабу, глава школы «африканской внутренней мысли». Сторонники этой школы выступают против мифа об особой духовности африканцев, они полагают, что Африка может добиться успеха только на основе современной науки и техники. Вслед за своим президентом Кабу призывает африканцев обсуждать некомпетентность и коррумпированность своих собственных правительств, а не ссылаться на колониальное прошлое и «международный заговор»⁷⁴.

Книга Кита Ричбурга «Из Америки»⁷⁵ произвела фурор среди афроамериканской и африканской интеллигенции, да и вообще среди читающей публики, связанной с Африкой. Готовя ее, Ричбург провел в Африке три года. Он ехал туда афроцентристом: радовался, что возвращается из Америки в прекрасное прошлое своего народа, в первозданную ясность африканского мира, музыки, ритма и танца, жаждал слиться с африканской природой. В своем багаже он вез портрет Маркуса Гарви и стихи Сенгора.

⁷³ www.guardianlimited.co.uk (30.01.2001).

⁷⁴ **Кабу А.** Считать ли Африку неизлечимой? // Компас. ИТАР-ТАСС. 1992. № 175. С. 33, 39–40.

⁷⁵ **Richbyrg K.B.** Out of America: A Black Man Cinfronts Africa. N.Y., 1997.

Первые его корреспонденции были оптимистичны. Его радовало падение нескольких тоталитарных режимов в начале 1990-х годов, и он рапортовал: «Африка выбирает демократию». Но скоро его настроение изменилось. Он видел горы трупов в Руанде, встречался с бандитами, вооруженными автоматами Калашникова⁷⁶, сам не раз оказывался под дулом. Картины «патологии бойни» и «деградации» континента заставили его задуматься о вине не только и не столько белого человека, сколько африканских лидеров, да и самих африканских народов, подверженных «духу рабства» — всепроникающей пассивности и позволяющих обмануть себя расовыми байками.

Кажется, больше всего возмутило его поведение братьев-афроамериканцев. На конференциях и встречах в Африке они устраивали овации кровавым местным диктаторам (Джесси Джексон, например, назвал нигерийского диктатора Ибрагима Бабангиду одним из величайших лидеров современного мира). А в номерах своих пятизвездочных гостиниц говорили о жизни на исторической родине с ужасом или презрением.

Самым скандальным пассажем книги стали слова Ричбурга о том, что он благодарен Господу за то, что он американец, что когда-то его предка продали белому работоторговцу, и этот предок выдержал путешествие в Америку, не умер по дороге. От афроцентризма Ричбурга не осталось и следа. Он решил даже, что не будет больше называть себя «афроамериканцем», а будет просто американцем или черным американцем. Главная идея его книги: спасение Африки не в культе исключительности, а в приобщении к общемировой культуре. Афроцентристы объявили автора ренегатом, предавшим историческую родину в угоду белым расистам. Давление было столь сильным, что ему пришлось даже, во всяком случае на время, покинуть США и уехать в Гонконг.

Во многом сходные взгляды ставились и в вину писателю В. Найполу, индийцу с острова Тринидад, поселившемуся в Англии. В своих книгах Найпол показывал неприглядные стороны

⁷⁶ АК47 в Африке — не просто оружие, а символ борьбы за независимость. Мозамбик поместил изображение советского автомата в центр своего флага.

современной Африки и, осуждая колониализм, не списывал на него все беды континента. Современная цивилизация для него — именно современная, общечеловеческая, и заменить ее нечем. Если верить отзывам знатоков его творчества, именно из-за этого его кандидатуру на Нобелевскую премию по литературе отвергали почти четверть века, и присудили только после 11 сентября 2001 г., когда теракты в Нью-Йорке заставили некоторых его противников отступить.

* * *

«Столкновения на расовой почве» — этими заголовками пестрят сегодняшние газеты. Столкновений этих становится все больше, география их ширится. Почему?

Создавая свои империи, европейцы покоряли Азию и Африку, но не заселяли их, во всяком случае сколько-нибудь значительно. Наибольший приток выходцев из Европы (русское и русскоязычное население) получили Сибирь, Дальний Восток и Центральная Азия. На втором месте оказался Юг Африки: сегодняшняя Южно-Африканская Республика, Намибия и Зимбабве. Численность европейского населения там достигла 5 млн человек (главным образом потомки выходцев из Голландии и Англии). В Алжире — больше миллиона французов. В Анголе и Мозамбике — 600 тыс. португальцев. Во всех остальных странах Азии и Африки никогда не было значительного числа переселенцев из Европы.

Как распад империй повлиял на численность этого населения? Из Алжира, Мозамбика и Анголы в ходе антиколониальных и гражданских войн уехали почти все европейцы. Из Зимбабве — большинство. Из ЮАР с переходом власти к черному большинству начался отток белого населения, хотя и не в столь крупных масштабах. Из республик постсоветской Средней Азии, как известно, стремится уехать немалая часть русского и русскоязычного населения.

Но одновременно усиливается «цветной» поток из бывших колоний в бывшие метрополии: быстро растет афроазиатское население в Европе. Никто не знает точно, сколько миллионов выходцев из Азии и Африки обосновалось в Европе в течение последних десятилетий. Во Франции сейчас каждый десятый житель — араб

или африканец. В Германии — значительная «прослойка» турков, в Великобритании — выходцев из Африки и Индостанского субконтинента. А сколько граждан среднеазиатских и закавказских республик переселилось в европейскую часть России? Сколько-то достоверной статистики на этот счет нет.

Государства Европейского Союза ужесточают меры по регулированию иммиграции. Усиливается пограничный контроль и проводится координация деятельности правоохранительных органов, ведающих борьбой с нелегальной иммиграцией.

В странах Европейского Союза и в США создаются организации, считающие себя защитниками белой расы; наиболее известны из них скинхеды — бритоголовые. В Интернете полно сайтов, проповедующих идеи защиты Европы и европейцев. Кажется, первым стал сайт «Штурмовой фронт», созданный в марте 1995 г. американцем Доном Блэком, бывшим членом Ку-Клукс-Клана. Число посетителей этих сайтов невелико, но сбрасывать их со счетов не стоит. Вот «Страница свиданий арийцев» (на сайте «Штурмовой фронт»). Здесь помещают свои объявления те, кто хочет «активно бороться против небелых», как, например, 36-летняя Кэти из штата Пенсильвания (она хочет переехать в место, «где живут БЕЛЫЕ!»). Или как 19-летняя девушка из Новой Англии, поместившая такое объявление: «Я, молодая женщина белой расы, ищу человека, глубоко преданного движению белых. Того, чья решимость непоколебима»⁷⁷.

Эти новые тенденции в межнациональных и межрасовых отношениях касаются и России. Ведь и отечественные скинхеды ненавидят иностранцев, да и своих сограждан — тех, кого они называют «черными» и кого зачастую официально и оскорбительно называют «лицами кавказской национальности». В журнале «Западная Африка» еще в 2001 г. вышла статья «Расистский террор в Москве»⁷⁸. Нам может не нравиться заголовок, но приведенные там факты, увы, трудно опровергнуть.

⁷⁷ БэкЛ. Белые крепости в киберпространстве // Курьер ЮНЕСКО. 2001. Январь. С. 44–45.

⁷⁸ Yablekova O., O'Flynn K. Racist Terror in Moscow // West Africa. 4–10 June

Не стоит давать выдержки из таких газет и журналов, как «Штурмовик», «Белое сопротивление», «Крутой» или «Уличный боец» и других отечественных изданий, которые у нас почему-то стыдливо называют «радикальными». Но вот статья «Абсолютная идея нашего будущего» из считающегося солидным журнала «Молодая гвардия». Появилась она в преддверии XXI в. «Русские и чеченцы, русские и азербайджанцы, русские и грузины, русские и узбеки, русские и арабы, русские и негры — нации абсолютно некомплементарные (то есть несовместимые), — утверждает автор. — Это означает, что наши интересы всегда будут прямо противоположны, а любое приближение друг к другу на расстояние ближе пистолетного выстрела будет восприниматься как вызов»⁷⁹.

* * *

Такие идеи самоубийственны. Прежде всего для Европы, но и для нашей страны. Если уж делить мир на белых и небелых, и к тому же не по научным основаниям, а по обыденным представлениям, то придется вспомнить, что доля белых в мире сокращается, пусть и не как шагреновая кожа (как сказал один из западных публицистов), но все же весьма быстро. Уже сейчас их не больше 15%. Тенденция — к дальнейшему уменьшению. Население Европы стареет. Сугубые скептики говорят: вымирает.

По подсчетам экспертов, Европа к 2025 г. столкнется с нехваткой 160 млн человек трудоспособного населения⁸⁰. Есть и еще более пессимистические прогнозы. А наша страна, несмотря на приток иммигрантов, теряет ежегодно сотни тысяч человек. Как результат имперского прошлого, меняется и демографический состав России. Уехали миллионы — евреи, немцы, греки... Приезжают миллионы жителей бывших южных республик.

Сферы соприкосновения белой расы со всеми остальными расширяются год от года и будут расширяться все больше. И дело тут не только в том, что люди бегут из бедных стран Африки и Азии в сравнительно пока благополучную Европу. Дело и в том, что

⁷⁹ **Лысенко Н.** Абсолютная идея нашего будущего // Молодая гвардия. 1994. №9. С. 25.

⁸⁰ **Моисеев А.** Иммигранты: бедствие или благо? Потоки незваных гостей из бедных стран нарастают // Европа. 2001. Апрель. С. 15.

самой Европе они нужны — с каждым годом все более. Массовая иммиграция в Европу неизбежна и необходима самой Европе. И вопрос о том, как сосуществовать друг с другом миллионам, десяткам миллионов представителей разных рас, придется решать уже не в Африке, но в самой Европе.

За рубежом на эти темы пишут много, существует уже обширная литература, но в нашей стране это явление еще почти не привлекало внимания. В сущности, ему была посвящена лишь одна конференция, проведенная в Институте всеобщей истории в сентябре 1999 г.⁸¹

XXI век не станет веком Африки или афроцентризма (хотя вполне может стать веком Азии), но в том, что он станет веком нового расового противостояния, сомнения нет. Историки, политологи, социологи, философы могут внести свой вклад в ослабление нетерпимости и укрепление взаимопонимания.

© Давидсон А.Б., Филатова И.И., 2009

⁸¹ Афроцентризм и евроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте: Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.Б. Давидсона. М., 2000.

Н.Г. Щербаков

Панафриканские конгрессы после Второй мировой войны. Расизм: pro et contra в послевоенном панафриканизме

С началом эпохи активной и масштабной работорговли народы африканского происхождения были вынуждены стать участниками своеобразного исторического эксперимента. За пределами африканского континента была сформирована значительная африканская диаспора. Для сторонников и противников различных теорий, основанных на расовом противопоставлении, тем самым были созданы возможности для сравнения народов, имеющих единую этнонациональную основу, но оказавшихся в различных условиях социально-экономического развития. По мере того как народы африканского происхождения добивались успехов в таком развитии или демонстрировали отставание, предпринимались попытки объяснять происходившее с позиций расизма. Важное значение в противодействии расистскому подходу при интерпретации прошлого и настоящего народов африканского происхождения с конца XIX столетия стало играть движение панафриканских конгрессов.

Отечественные исследователи рассматривали идеологическую составляющую этого движения — панафриканизм — в качестве цельного идейного течения, основанного на общедемократических ценностях. Но сторонники панафриканизма всегда ставили в основание своих идейных поисков и практических усилий принцип единства судеб народов африканского происхождения. Эти народы, как было сказано выше, находились в разных условиях развития, и соответственно по-разному формировалась их общественная мысль. Поэтому в понятие «панафриканизм» на сегодня оказываются включенными как действительно демократические, так и откровенно экстремистские политико-идеологические постулаты.

Это касается и истории движения panaфриканских конгрессов, и современного его состояния.

Не требует, к сожалению, доказательств тот факт, что сегодня в общественном сознании все более усиливаются националистические, ксенофобские настроения. При этом продолжают развиваться как «классические», привычные расистские идеи и основанные на них практики, так и «расизм наоборот». Эта составляющая в условиях постколониального развития африканских стран все активнее заявляет о себе в panaфриканизме. Представляется важным проследить истоки появления в panaфриканизме радикальных, а чаще — экстремистских, расистских настроений. При завоевывающих все более сильные позиции принципах политкорректности в изучении других культур, традиций, общественного сознания такое исследование становится еще более необходимым. Боязнь задавать «неудобные» вопросы давнему и недавнему прошлому, как известно, создает опасность переписывания истории, подталкивает к повторению ошибок.

1990-е годы для многих общественно-политических организаций в странах Африки и за ее пределами стали временем активного обсуждения возможности получения африканскими государствами компенсации за последствия работорговли. Это движение так и не оформилось до конца, но, начиная с конференции 1992 г. в новой столице Нигерии Абудже, сторонники идеи исторической ответственности белой расы за ужасы и потери эпохи работорговли на африканском континенте, как правило, называют свое сообщество «Движением за репарации». Практически сразу сторонники идеи репараций разделились на несколько враждующих группировок. Можно назвать главную причину раскола, хотя она не исчерпывает множества других глубинных противоречий: ответственность за работорговлю несет не только белая раса, но и арабские народы, с чем категорически не согласны некоторые африканские правительства, так или иначе находящиеся в орбите влияния арабского мира. Естественно, что после роспуска Организации африканского единства и преобразования ее в Африканский союз, созданный и субсидируемый руководством Ливии, сторонники

«распределенной» ответственности — между белыми колонизаторами и арабскими работоторговцами — остаются в меньшинстве, что, впрочем, не снижает в целом накала страстей в деле получения моральной и материальной компенсации от «белых поработителей» народами негроидной расы.

Не оценивая сейчас перспективы борьбы за репарации с точки зрения международного права, не анализируя участие в этом процессе собственно африканских стран и организаций так называемой африканской диаспоры, важно отметить, что уже на начальном этапе своего существования движение за репарации постаралось сделать себя продолжением движения panaфриканских конфессов, проходивших в период с 1919 г. по 1974 г. Именно для этого очередная встреча борцов за репарации в Кампале (Уганда) весной 1994 г. была названа организаторами Седьмым panaфриканским конгрессом, а намечавшаяся на конец 2006 г. встреча в Хараре (Зимбабве) должна была стать соответственно Восьмым panaфриканским конгрессом. Видимо, что-то в наследии послевоенного panaфриканизма кажется современным борцам за окончательное сокрушение колониализма-неоколониализма-глобализма очень привлекательным и функциональным. В то же время можно предположить, что по-настоящему не подведенные, «открытые» итоги деятельности panaфриканистов прошлого позволяют современным радикально настроенным африканским общественно-политическим деятелям не просто использовать сквозную нумерацию, но апеллировать к таким важным понятиям, как panaфриканская история, африканская идентичность, антирасистский расизм и некоторым другим.

История народов африканского происхождения, где бы они ни находились и о каком бы периоде ни шла речь, всегда была пронизана расовыми мотивами. В сегодняшних условиях обострения в мире расового противостояния, усиления этно-религиозных конфликтов и усложнения кросс-культурных контактов изучение истории народов африканского происхождения, и конкретно — истории движения panaфриканских конгрессов, может ощутимо помочь в противодействии расовому антагонизму. Эта задача особенно актуальна сейчас, когда вопросы противостояния расизму все в большей степени переходят из разряда проблем,

хронологически и географически далеко отстоящих от российской действительности, в категорию вопросов российской внутренней политики¹.

С середины XIX в. и на всем протяжении XX в. интеллектуальная элита народов африканского происхождения стремилась сформулировать ключевые понятия, которые могли бы стать основой общих действий народов Африки и народов африканского происхождения в странах Северной, Центральной и Южной Америк и в европейских государствах. Иначе говоря, Африка и африканская диаспора (при всей условности, неточности этого термина в приложении к сообществам выходцев с африканского континента) пытались создать политико-идеологическую концепцию, в основе которой должно было находиться понятие африканской идентичности, уважения прав и возможностей свободного развития народов черной расы. На рубеже XIX-XX вв. возник термин «панафриканизм», под которым чаще всего понимали единство судеб народов африканского происхождения. Термин укоренился в общественном сознании и вплоть до сегодняшнего времени используется как наукообразный заменитель очень разных, подчас полярных понятий. Но на всем протяжении своего существования panaфриканизм так и не получил от своих сторонников и пропагандистов сколько-нибудь внятной расшифровки. Это относится и к периоду проведения первых четырех panaфриканских конгрессов в 1919–1927 гг., и к подготовке ключевого для понимания этого общественно-политического явления Пятого (или, по месту проведения, Манчестерского) panaфриканского конгресса в 1945 г.

Отечественная африканистика признает за организаторами panaфриканского конгресса, созванного в Манчестере в середине октября 1945 г., большие заслуги в мобилизации населения зависимых

¹ Во всяком случае, отечественные расисты внимательно изучают труды африканских и афроамериканских идеологов, как по соображениям необходимости «защиты белой расы», так и для изучения опыта борьбы с расизмом. См., напр.: Расовый смысл русской идеи/ под ред. А.Н. Савельева, В.Б. Авдеева. Вып. 1–2. М., 2000; 2002.

территорий на антиколониальную борьбу². Но сам конгресс, как правило, рассматривается в качестве изолированного явления, ставшего возможным благодаря революционизирующему воздействию Второй мировой войны на общественное сознание колониальных народов. По сути дела, Пятый panaфриканский конгресс, по версии сегодняшних учебников по новейшей истории народов Азии и Африки, после перерыва длиной в активную жизнь целого поколения резко «обновил» и модернизировал принципы panaфриканизма, сложившиеся в первой четверти двадцатого столетия³. Во многом такой подход может быть объяснен авторитетом «патриарха panaфриканского движения» У. Дюбуа, который, как представляется, иногда сознательно замалчивал роль своих африканских коллег в истории межвоенного и послевоенного развития panaфриканизма. По мнению этого популярного в 1950–1960-е годы афроамериканского историка и общественного деятеля, молодые африканские преобразователи, появившиеся на Манчестерском конгрессе, лишь применили в своих странах накопленный до них опыт, перенесли, наконец, принципы, провидчески предложенные афроамериканцами в 1920-е годы, в саму Африку⁴.

В конце 1950-х годов прошли встречи У. Дюбуа в Москве с Н.С. Хрущевым (косвенным последствием которых, как известно, стала активизация создания в системе АН СССР Института Африки), были переведены на русский язык некоторые его работы. В 1961 г. было объявлено о вступлении Дюбуа в компартию США, он был награжден престижными международными премиями. В результате отечественные исследователи на протяжении многих лет оценивали все происходившее в истории panaфриканского движения и вокруг него в основном через призму суждений этого афроамериканского историка⁵.

² Идеология революционных демократов Африки / под ред. Г. Б. Старушенко. М., 1981. С. 167.

³ **Трошин Ю.А.** История стран Азии и Африки в новейшее время (1918–2000). М., 2004. С. 484–485.

⁴ **Дюбуа У.Э.** Воспоминания. М., 1962. С. 356–357, 409.

⁵ **Высоцкая Н.И.** Panaфриканизм//Идейные течения в Тропической Африке. М., 1969. С. 18–79.

Трудности с доступом к зарубежным архивным материалам и исследованиям и политико-идеологические ограничения также не способствовали появлению у нас в стране объективных оценок такого многослойного явления, как panaфриканизм⁶. Между тем в крупных международных исследованиях по истории африканского континента, как, например, в «Кембриджской истории Африки» (1984 г.), значительное внимание уделяется именно самостоятельному характеру манчестерской встречи, первому появлению того сообщества, которое сегодня обычно называют «африканской диаспорой»⁷. В самом подробном и непредвзятом исследовании движения panaфриканских конгрессов — монографии известного немецкого историка И. Гэйса «Панафриканизм» (наиболее полное английское издание вышло в 1974 г.)⁸ — Манчестерский конгресс предстает менее изолированным явлением. В отличие от советских авторов И. Гэйс опирался на первичные источники и избежал искушения считать, что знаменитый призыв участников конгресса «Колониальные и зависимые народы мира, объединяйтесь!» получил какое-либо практическое продолжение в деятельности независимых государств Африки. По его мнению, panaфриканизм после 1945 г. не трансформировался в движение, способное модернизировать Африку, и распался на множество идейных течений, лишь номинально связанных с основными идеями panaфриканизма первой половины XX в. Вплоть до настоящего времени так и не появилось исследования, в котором был бы дан анализ, сколько и какие «панафриканизмы» появились после возникновения независимых государств на месте африканских колоний.

Пятый panaфриканский конгресс был проведен в переломный момент истории народов африканского происхождения. Военная пора породила новые ожидания у колониальных народов, большинство которых осознавало себя гражданами государств — участников

⁶ *Потехин И. И.* Панафриканизм и борьба двух идеологий // Коммунист. 1964. № 1. С. 101–108.

⁷ The Cambridge History of Africa / ed. by M. Crowder. Vol. 8. Cambridge, 1984. P. 101–104.

⁸ Geiss I. The Pan-African Movement. L., 1974.

антифашистской коалиции. Планы послевоенного переустройства мира, намеченные в Атлантической хартии и на основных международных конференциях в годы войны, появление ООН, обозначившиеся линии раздела между Восточным и Западным блоками — все это активизировало процесс самоосознания и самоутверждения в среде народов африканского происхождения. Наряду с этим активно продолжалось социальное расслоение как в африканском колониальном обществе, так и среди его представителей в метрополии, в первую очередь в цветной общине в Великобритании. Увеличился диссонанс в идейных позициях представителей французских и британских колоний. В силу объективных условий гораздо дальше, чем это было на начальном этапе движения panaфриканских конгрессов, разошлись интересы африканских народов и афроамериканцев. Все эти тенденции нашли свое отражение и по форме и по существу на Манчестерском конгрессе.

Идеи panaфриканизма в том виде, в каком они получили возрождение в деятельности различных организаций выходцев из Африки и Вест-Индии, базировавшихся в Великобритании в конце 1930-х годов, не имели достаточного числа последователей для того, чтобы мог быть проведен полномасштабный конгресс по окончании Второй мировой войны. Безучастия профсоюзных деятелей, прибывших из Парижа после окончания там учредительного конгресса Всемирной федерации профсоюзов, Пятый panaфриканский конгресс едва ли приобрел то значение, которое сейчас определяет его место в истории народов африканского происхождения. Ведь именно эти представители были делегатами собственно Африки, они задали тон обсуждению вопросов, относящихся к положению колоний. Без них конгресс скорее можно было бы считать вест-индским, чем panaфриканским: ведь более трети делегатов представляли британские колонии в Вест-Индии или вест-индские организации в метрополии.

В отличие от первых конгрессов в Манчестере не были представлены французские колонии. В этом можно видеть не стечение обстоятельств, а логичное развитие той политики, которая «началась в 1944–1945 гг. под лозунгом ассимиляции и интеграции с родиной (Францией. — *Н.Ш.*) и которая не оставляла возможностей

для развития националистических, не говоря уже о panaфриканских, тенденций»⁹.

Значительные отличия призывов Пятого panaфриканского конгресса от требований предшествовавших конгрессов позволяли иногда считать их готовой программой действий тех организаций народов африканского происхождения, которые были созданы после Манчестера¹⁰. Представляется, что такая оценка была чрезмерной, как чрезмерным видится теперь убеждение К. Нкрумы в том, что «в качестве своей философии конгресс принял марксистский социализм»¹¹. В конечном счете участникам движения panaфриканских конгрессов еще только предстояло развернуть борьбу за политическую власть, определенную в «Обращении к рабочим, крестьянам и интеллигенции колониальных стран» в качестве «первого шага и необходимого условия полного социального, экономического и политического освобождения».

Шестьдесят лет, отделяющие нас от Манчестерского конгресса, ощутимо притушили его значение, память о нем. В вышедшие в конце XX в. мировые хронологии он уже не включается¹². Давно сошли с политической сцены его организаторы и участники. Чего же в этом политическом событии было больше — устремленности в будущее или укорененности в прошлом? Время его проведения было, без сомнения, временем лозунгов. Адресатами этих лозунгов стали народы, еще только входившие в сложный послевоенный мир, плохо знавшие и его, и даже своих сородичей — народы африканского происхождения по обе стороны Атлантики. Предшествовавшие попытки конструирования Пан-Африки, единой для всех этих народов Африки, — окончились неудачей. Это касалось усилий сторонников М. Гарви, исходивших из соображений расовой солидарности. Это касалось и единомышленников

⁹ *Geiss I.* Op. cit. P. 396–397.

¹⁰ Национализм в современной Африке. М., 1983. С. 56–57, 81–83.

¹¹ *Нкрума К. Я* говорю о свободе. Изложение африканской идеологии. М., 1962. С. 57.

¹² *Chronologie Universelle.* P., 1997; *Chronology of the 20th Century/* ed. by Ph. Waller. Oxford, 1996.

У. Дюбуа, стремившихся дополнить расовую солидарность системой либерально-демократических ценностей. До Пятого panaфриканского конгресса внешние общественно-политические организации приглядывались к Африке. На конгрессе сами африканцы стали примеряться к идеям panaфриканской солидарности. Лозунги, прозвучавшие на конгрессе в Манчестере, оказались понятны и в силу этого привлекательны. Но долгие десятилетия, прошедшие после конгресса, наполненные сомнениями, борьбой, разочарованиями, победами, так и не смогли воплотить эти лозунги в жизнь в полной мере. Достаточно вспомнить о судьбе уже не существующей Организации африканского единства, которая многими рассматривалась как реальное осуществление идей panaфриканского единения. Ее деятельность, по выражению современного исследователя, стала «путешествием в реальность»¹³. Реальность совсем не соответствовала panaфриканским идеалам. Главным результатом Пятого конгресса явились не столько идеи, призывы, предостережения, сколько живые люди, разъехавшиеся после конгресса по своим в то время еще зависимым от метрополий отечествам и очень скоро сделавшие их самостоятельными частями новой Африки.

В настоящее время изучение panaфриканского движения второй половины XX в. становится особенно актуальным. Именно к нему и подобным «пан-» движениям обращаются сегодня те, кто пытаются противостоять глобализации с позиций защиты своей расовой (этнической, культурно-исторической, религиозной, языковой или любой иной — на выбор) идентичности. Вместе с тем необходимо помнить, что круг участников движения panaфриканских конгрессов всегда формировался на основе принадлежности к негроидной расе, т.е. расовая составляющая представляла одно из главных условий роста и развития как собственно массового движения, так и его идеологии.

Послевоенный panaфриканизм имел еще одну важную особенность. На первых порах идейное наполнение этого движения формировалось людьми, не имевшими каких-либо официальных

¹³ *Uzoigwe G. IV. Pan-Africanism in World Politics // Mississippi State University Seminar on Modern African History. 2003 (gnu@ra.msstate.edu).*

постов и представлявшими в основном идейные воззрения немногочисленной интеллектуальной элиты народов африканского происхождения по обе стороны Атлантики. На сегодня в «пантеон» основоположников идеологии panaфриканизма конца XIX — начала XX в. вписаны тринидадский адвокат Генри Сильвестр-Уильямс, американский университетский профессор и издатель Уильям Дюбуа, карибско-американский публицист и общественный деятель Маркус Гарви, лондонское окружение вначале коммунистического, а затем антикоммунистического пропагандиста и журналиста Джорджа Пэдмора. При всей противоречивости позиций по вопросам судеб народов африканского происхождения у этих людей была одна общая черта. Их поиски новых идей в развитии общественной мысли, как правило, реализовывались в рамках общественной деятельности. Это в определенной степени придавало оттенок безответственности и необязательности их призывам, провозглашенным лозунгам, резолюциям проводимых этими людьми мероприятий. Интересно, что радикализм, революционность позиций panaфриканистов-основоположников не сделали их «нежелательными элементами» для правительств метрополий или США. Даже откровенный «антирасистский расист» Маркус Гарви, как известно, был подвергнут уголовному преследованию всего лишь за неправомерное использование американской почтовой службы и выслан на родину, т.е. получил возможность продолжить свою пропагандистскую деятельность в Лондоне. У. Дюбуа был лишен возможности выезжать из США на протяжении непродолжительного времени, но при этом свободно продолжал свою издательскую и публицистическую деятельность.

Ситуация значительно изменилась после проведения Пятого panaфриканского конгресса в 1945 г. В арсенале сторонников panaфриканской идеологии появились призывы к деколонизации, сохранению «panафриканской культуры» и традиционных ценностей, объединению африканских народов в масштабе всего континента. Все это тогда казалось проверено временем — история конгрессов насчитывала почти полвека. Общая международная ситуация, в первую очередь итоги Второй мировой войны, авансы держав, возглавлявших антигитлеровскую коалицию, выданные

«малым народам» в начале войны, ощутимо изменили расстановку сил в мире. Изменилось и положение населения африканских и карибских зависимых территорий. Накопленный багаж давал возможность не столько формулировать, оттачивать идеи, сколько преобразовывать их в лозунги для привлечения новых сторонников из числа тех социальных групп, которые после войны начинали принимать все более активное участие в общественно-политической жизни. Тем самым идеология, по сути, трансформировалась в массовое сознание, значительно более неопределенное и эклектичное. Но главное отличие нового периода состояло в том, что воплощение panaфриканских призывов в жизнь зависело теперь от людей, занимавших гораздо более ответственное положение, чем panaфриканисты-основоположники. В считанные годы участники Пятого конгресса К. Нкрума, Н. Азикве, Дж. Кениата, Х. Банда, Г. Джахумпа и некоторые другие стали во главе политических партий и профсоюзов соответствующих территорий, чуть позже — возглавили правительства независимых африканских государств. Таким образом, Пятый panaфриканский конгресс ознаменовал начало нового периода — времени создания программ развития независимых африканских государств. Здесь уже не оставалось места для panaфриканских идей, наступило время трудной и кропотливой работы для национальных партий, правительств и лидеров.

В 1960-е годы сложилась ситуация, когда реальность независимой Африки стала ощутимо расходиться с теми ожиданиями, которые рисовала идеология panaфриканизма. Было очевидно, что привести реальность в соответствие с постулатами panaфриканизма невозможно в силу объективных законов развития государств Африки. Panaфриканистским призывам не соответствовали и взаимоотношения (практически отсутствовавшие) независимой Африки с афроамериканскими и карибскими единомышленниками, которые, в свою очередь, пренебрегали panaфриканскими идеалами из-за погруженности в собственные сложные проблемы. Единственным способом доказать жизнеспособность идей, лежавших в основании panaфриканизма, было заново оценить возможности народов африканского происхождения в условиях независимого развития большей части континента и Карибских островов.

Но в то время ни в среде африканской интеллектуальной элиты, ни среди афроамериканцев не появилось новых идей. Гораздо проще было повторять привычные обвинения в адрес колониального прошлого, неокOLONиализма, империализма. Образ врага народов африканского происхождения объективно все больше приобретал расовую окраску. И в массовом сознании (а панафриканизм ощутимо воздействовал на массовое сознание народов африканского происхождения, прежде всего благодаря стремительному развитию средств массовой информации) расовые мотивы, идеология расовой нетерпимости начинают играть все большую роль. Особенно ясно эта тенденция проявилась в ходе развернувшегося массового движения за гражданские права в США во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов.

В это время начинается активный «поиск себя» молодежи западного мира, поколения послевоенного «бэби-бума». Именно молодежная культура этого периода пыталась соотнести себя с Востоком, все активнее предъявлявшим свои претензии на участие в мировых процессах. Для растущего, активно заявлявшего о себе мира афроамериканцев, особенно для его молодежной культуры, таким Востоком в определяющей степени стала к середине 1960-х годов Африка. Успехи борьбы за гражданские права в предшествующий период дали афроамериканской молодежи возможность пробиться к образованию, в том числе к высшему. Изменились запросы и мировоззрение городской молодежи. Именно в этой среде сформировались настроения, давшие жизнь новым афроамериканским общественно-политическим организациям, для которых вопрос расового противостояния стал основным. Лозунг «Власть черным!», родившийся вначале как некое языковое усовершенствование понятий «цветной», «права цветных», «негр», «черный американец», стал по-настоящему расистским в расшифровке этих новых организаций черной Америки. В массовом сознании афроамериканской молодежи укрепились левацкие представления о том, что национально-освободительное движение на африканском континенте, все активнее приобретающее характер вооруженной борьбы, должно получить союзников и продолжение в Западном полушарии. В самой Америке черная молодежь уже не была согласна действовать в соответствии с призывами

к ненасилию Мартина Лютера Кинга. «Партия самообороны Черная пантера» довольно быстро отбросила в своем названии понятие «самооборона», взяла на вооружение не только идеи расовой ненависти, неприятия любых институтов «белой» Америки, но и настоящее оружие, попыталась пропагандировать призывы о выделении черного государства в США. Парадоксально, но в конце 1960-х годов черные расисты из «Черных пантер» и многих похожих организаций-однодневок, создававшихся по всей Америке, повторили в новых условиях старые ошибки своих старших товарищей из КП США. За сорок лет до формирования «стратегии самоубийства»¹⁴ американские коммунисты уже пытались выполнить коминтерновские указания о создании в южных штатах США «независимой» Туземной республики. В терминах того времени это означало выделение сельских районов юга страны, населенных черными издольщиками, в самостоятельное государство, становившееся классовым союзником молодого СССР. Идея просуществовала недолго, естественно, не могла быть реализована, серьезно дискредитировала коммунистическую идеологию как в США, так и в Африке, поскольку аналогичная программа была предложена ИККИ и для компартии Южной Африки. Недостаточная изученность многих аспектов послевоенного panaфриканизма, двойственность трактовок событий, идей, поведения участников того движения создали прекрасные возможности для конъюнктурных оценок. В результате, в противоположность работам 1960–1980-х годов, сегодня за «патриархом» Дюбуа уже не признают заслуг по созданию panaфриканского движения (биографическая статья о нем на петербургском сайте «История США»)¹⁵. Не менее знаменательны искажения в названиях, географической и исторической атрибуции персоналий, организаций и событий в недавнем сборнике переводных статей американских авторов

¹⁴ **Уинстон Г.** Стратегия борьбы черного населения. Критика новых теорий освобождения черных в США и Африке. М., 1975. С. 20.

¹⁵ http://amstd.spb.ru/Gilded_Age/debois_im.htm. См. также раздел «Pan-Africanism» в сетевой энциклопедии «Wikipedia» или раздел «Колониализм. Период Европейской Африки (1919–1939)» на сайте Посольства Сенегала в РФ: <http://www.ambassen.ru/history>.

«Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремления». Здесь афроамериканцам даже приписывают создание авиалинии «для перевозки негров в Африку» (!), что авторы с согласия редакторов относят к 1920-м годам¹⁶.

Поиск и обоснование так называемой африканской идентичности многих современных народов по обе стороны Атлантики — предмет не только исследовательского интереса. В конце 1970-х — начале 1980-х годов был опубликован, переведен на многие языки и доброжелательно прокомментирован специалистами роман афроамериканского автора А. Хэйли «Корни» (1976 г.) из истории рабства и трансатлантической работорговли. Сам Алекс Хэйли был не просто известным журналистом, но и автором необыкновенно популярной биографии харизматичного Малькольма Х., самого известного на тот момент черного американца, уничтоженного в ходе внутренней борьбы за главенство в мире Черной Америки. В начале 1990-х годов, когда роман уже получил множество наград, был помещен в своеобразный неприкасаемый список «почти документальных» произведений и в довершение ко всему успешно экранизирован, А. Хэйли дезавуировал свои прежние утверждения (а заодно и заключения специалистов) о том, что все написанное было основано на строгих исторических свидетельствах и документах. Фактически панафриканская общность, трансатлантические связи и исторические корни афроамериканцев, живописуемые в романе, оказались просто симулякром, созданным из соображений политической конъюнктуры. В середине 1990-х годов последовала еще одна широкая общественная дискуссия, теперь уже в духе утвердившейся (по крайней мере в США) политической корректности, об исторической достоверности процессов, изображенных в очередном этно-политическом киновлобастере «Амистад» (проект С. Спилберга на ту же тему трансатлантических связей народов африканского происхождения). Такая повторяющаяся «актуализация» проблем «панафриканской идентичности» лишний раз подтверждает справедливость утверждения, что история — это опрокинутая в прошлое политика.

¹⁶ Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремления. М., 2005. С. 320.

Особенно отчетливо многослойность и противоречивость панафриканизма проявились к середине 1970-х годов в ходе подготовки и проведения Шестого panaфриканского конгресса в Дар-эс-Саламе (Танзания) в июне 1974 г., первого подобного форума народов африканского происхождения в самой Африке. Документы этого конгресса вполне объяснимо имели победительную тональность — было очевидно, что оставались месяцы до освобождения португальских колоний на континенте, страны третьего мира убедились в действенности совместных усилий в противостоянии апартеиду, сложилась новая, пока еще вселявшая оптимизм ситуация с ценами на нефть, страны Восточного блока в тот период еще могли увеличивать поддержку национально-освободительным движениям и развивать сотрудничество с освободившимися странами. После ближневосточных событий конца 1960-х годов появились особые условия для формирования новых политических союзов: ООН приравняла проявления расизма к преступлениям апартеида на юге африканского континента и добавила к этому перечню осуждаемых явлений, подлежащих искоренению, сионизм. Тем самым афроамериканские организации, все больше выступавшие против расизма с позиций «расизма наоборот», получили новых союзников среди арабских правительственных кругов и арабских национально-освободительных движений.

Тем не менее участники конгресса посчитали необходимым сделать важную оговорку относительно идеологической «начинки» панафриканизма: «Силы эксплуатации и отчуждения включили в свою идеологию господства миф о расовом превосходстве, панафриканизм с самого начала подвергался опасности впасть в расизм — расизм антирасистский. Хотя панафриканизм зародился как движение протеста, он сможет выполнять свою программу освобождения, только если станет современным революционным освободительным движением, т.е. проанализирует и ясно определит свои цели, выберет методы и начнет последовательно действовать»¹⁷.

¹⁷ Документы panaфриканского движения. Декларация Шестого panaфриканского конгресса // Расы и народы. 1977. № 7. С. 271–272.

Такое понимание опасности «расизма наоборот» не сразу сформировалось у организаторов и участников Шестого panaфриканского конгресса.

Подготовка к этому крупному форуму началась задолго до того, как сам конгресс было решено сделать продолжением усилий послевоенных panaфриканистов. Инициатива, как и в прошлом, исходила от афроамериканцев. Начиная с 1970 г. многочисленные черные общественно-политические организации провели ряд региональных конференций, на которых наряду с вопросами борьбы за гражданские права в странах Северной и Центральной Америки активно обсуждались и проблемы сотрудничества со странами Африки. Десятилетний юбилей «Года Африки», а позже — создания Организации африканского единства также давали дополнительные стимулы для обсуждения методов и форм участия народов африканского происхождения на западной стороне Атлантики в развитии африканского континента.

В сентябре 1970 г. на Конгрессе африканских народов в Атланте впервые прозвучало предложение соединить обсуждение афроамериканских проблем с изучением положения в Африке и сделать это в контексте традиции panaфриканских конгрессов. Инициатива исходила от молодого священника Джесси Джексона из Чикаго, отвечавшего в организации М.Дж. Кинга «Конференция руководства южных христианских церквей» за экономическую программу. Позже Дж. Джексон станет официальным преемником Кинга, кандидатом в президенты США на выборах 1980 г. В своей речи на открытии конференции, которую он построил по классической схеме протестантской проповеди, Дж. Джексон предложил считать форум Шестым panaфриканским конгрессом и призвал участников тщательно изучить panaфриканизм, который должен стать для них символом веры¹⁸. Позже материалы конференции, снабженные пространными комментариями Иمامу Барака (популярного черного драматурга и литератора, с конца 1960-х годов руководителя «Организации развития и защиты черного сообщества» — выжившего умеренного крыла партии «Черных пантер»), вышли

¹⁸ African Congress. A Documentary of the First Modern Pan-African Congress / ed. by Imamu Amiri Baraka (Le Roi Jones). N.Y., 1972. P. 25.

в виде отдельного тома, ставшего своеобразным проектом документов Дар-эс-Саламского panaфриканского конгресса. Характерно, что из всех многочисленных апелляций к современной Африке, содержащихся в выступлениях и резолюциях конференции, ни один документ не показывал действительного знания африканских реалий. Среди имен выступавших немало «африканских» фамилий. Но на самом деле, как и у издателя сборника Имаму Барака (урожденного Эверетта Лероя Джонса), все эти «африканские» имена — единственное, что связывало участников с континентом. По аналогии с временами М. Гарви мода на «подлинные» прически «афро», «африканские» одежды и амулеты исчерпывала отношения афроамериканцев с исторической родиной. Интересно, что конференция в Атланте стала местом первого масштабного выступления «настоятеля мечети № 125 в Бронксе, Нью-Йорк»¹⁹ Луиса Фаррахана, представлявшего стремительно набиравшую популярность религиозную организацию «Нация ислама». Но в тот период и к моменту выхода сборника материалов конференции редакторы не рискнули еще объявлять ислам главной связующей нитью между Африкой и афроамериканцами, как это станет модным делать к началу 1980-х годов.

Предложение Дж. Джексона считать усилия афроамериканских радикалов продолжением деятельности panaфриканистов по налаживанию связей с подлинной Африкой обрело после конференции в Атланте множество сторонников. Постепенно в США и Канаде были сформированы пять региональных подготовительных комитетов, занявшихся созданием объединенной делегации афроамериканцев Северной Америки на Шестой panaфриканский конгресс. Главная задача, которая стояла перед инициаторами созыва конгресса, формулировалась просто: на этот раз конгресс должен пройти в Африке. Круг стран, которые могли бы принять конгресс, был невелик. Часть отпадала из-за экономических и транспортных сложностей, практически были исключены франкоязычные страны континента из-за отсутствия у афроамериканских организаций связей с ними. Неустойчивость положения правительств из-за последствий переворотов и внутренних войн

выводила из числа кандидатов англоязычные Гану и Нигерию. Естественно, отпадали продолжавшие вооруженную борьбу за освобождение португальские колонии и страны Юга Африки. Кандидатура Танзании, таким образом, была, конечно, не единственной, но наиболее реальной. К этому времени в Танзании действовали представительства национально-освободительных движений, находилась штаб-квартира Комитета освобождения ОАЕ, у правительства страны существовал опыт проведения крупных международных мероприятий. Важным привлекательным обстоятельством было также то, что руководство страны во главе с Джулиусом Ньерере проводило относительно независимый курс на международной арене, лавируя между СССР, Китаем, Британским Содружеством и рядом международных организаций, стремясь получить помощь от всех сразу. Страна давно взяла на вооружение концепцию «Уджамбаа», не совсем точно переводимую на разные языки термином «африканский социализм». Успехов на этом пути было немного, но самостоятельность и даже строптивость, проявляемые Танзанией, привлекали на ее сторону симпатии афроамериканских левацких кругов. Но, конечно, самым главным обстоятельством при выборе Танзании стало то, что Дж. Ньерере дал согласие не просто принять конгресс и выступить на нем, но взял на себя значительную часть расходов по проведению. Дар-эс-Салам был выгодным местом проведения panaфриканского конгресса еще и потому, что там уже присутствовали дипломатические представители многих стран и упомянутых неправительственных и международных организаций — они впоследствии и стали официальными делегатами конгресса.

Всего на конгрессе были представлены 51 государство или национально-освободительное движение Африки, включая случаи дублирования представительства одной страны двумя организациями (ЗАПУ и ЗАНУ от Южной Родезии, АН К и ПАК от Южной Африки). Делегации были немногочисленны, один-два человека, и чаще всего они не имели каких-то заранее подготовленных выступлений или посланий. Исключение представляла собой принимающая сторона — делегация Танзании состояла из сорока человек, но большая часть официальной делегации выполняла чисто технические функции. Совсем иным было положение с представительством

потомков выходцев с африканского континента. От США и Канады на конгресс прибыло более 200 человек, фактически все, кто входил в региональные подготовительные комитеты и был способен оплатить перелет в Танзанию. Именно поэтому американская делегация была очень неоднородна, в ней были представлены бизнесмены, присматривавшиеся к новому для себя региону, и религиозные проповедники, имевшие давние и хорошо налаженные связи в Восточной Африке. Среди афроамериканцев было много университетских преподавателей, а формальным руководителем черного сообщества стал профессор Корнелльского университета Джеймс Тернер, за год до этого возглавлявший американских представителей на Международном конгрессе африканистов в Аддис-Абебе. Важно также помнить, что Дж. Тернер был среди создателей «Трансафрики» — одной из самых влиятельных организаций лоббистов американских интересов на африканском континенте. Среди черных делегатов от США также было много журналистов и издателей. Важную, как скоро выяснилось, группу представляли афроамериканцы, имевшие гражданство малых стран Карибского бассейна. Всего в списках участников конгресса было более 400 делегатов.

Накануне открытия, назначенного в Аудитории Нкрумы Дар-эс-Саламского университета, руководство оргкомитета конгресса, решения которого формировались в секретариате Дж. Ньерере, неожиданно установило правило, в соответствии с которым представительство на panaфриканском конгрессе осуществлялось только национальными делегациями. Причем численность таких делегаций строго ограничивалась теми самыми одним-двумя представителями, которых были способны прислать на конгресс национально-освободительные движения и большинство стран Африки. Таким образом, афроамериканцы оказались на конгрессе в качестве туристов-наблюдателей, соображения черных организаций, аккумулировавшиеся подготовительными комитетами в течение нескольких лет подготовки, остались неустребованными. Формально не произошло никакого ущемления прав делегатов, скорее наоборот — черный народ, например, Королевства Лесото оказался на panaфриканском форуме в равном положении с братским черным народом США. Единственным нарушением

процедуры стала неформальная уступка мест на конгрессе карибскими делегатами своим коллегам из США. Но это были считанные исключения, не нарушившие сложившегося «справедливого» баланса сил.

Следует признать, что у танзанийского руководства были основания опасаться серьезных разногласий, которые могли бы возникнуть, если бы объединенная делегация черной Америки смогла вынести на обсуждение конгресса свое видение прошлого, настоящего и будущего Африки. И дело было даже не в том, что франкоязычные страны «не смогут толком понять, к какому региону — Северной или Южной Америке относятся карибские страны»²⁰. Незадолго до начала работы конгресса, узнав о готовившемся «уравнивании прав» национальных делегаций, представители черных радикальных организаций подготовили так называемый Призыв. Этому документу отводилась роль проекта официальной резолюции конгресса, чтобы хотя бы в усеченном виде закрепить в итоговых материалах форума идеи «Власти черных», вооруженного отпора белым расистам по всему миру, равновеликое^{TM} таких фигур в истории народов африканского происхождения, как, скажем, Нкрума и Стокли Кармайкл. В правах на поддержку уравнивались освободительные движения Юга Африки и не существовавший даже на бумаге «Панафриканский центр науки и технологий». Всем африканским лидерам предлагали признать верховенство идей Франца Фанона и Элайджи Мухаммеда, Эме Сезера и Малькольма Х²¹.

Британская традиция — своеобразная канцелярская «штабная культура», унаследованная танзанийцами, — помогла справиться с опасностью появления неподконтрольных организаторам документов или выступлений. Была выработана строгая процедура ведения заседаний, точно рассчитано время на обсуждение каждого вопроса повестки дня, исключены какие-либо параллельные

²⁰ East African Standard. 24.06.1974.

²¹ «Sixth Pan-African Congress. Dar-es-Salam, Tanzania. East Africa. The Call» — неопубликованный документ на семи листах, с пометкой «International Secretariat, P. O. Box 9351», находится в архиве автора. Перевод этого документа см. с. 64–70 наст. изд.

обсуждения — планировались только пленарные заседания²². Два признанных лидера независимой Африки сделали свои выступления на открытии — Дж. Ньерере и президент Республики Гвинея Секу Туре (его выступление прочел посол Гвинеи в Танзании). Собственно, эти речи и стали тем немногим, что через средства массовой информации вышло за пределы университетских аудиторий. Помимо выступлений Ньерере и Туре было произнесено еще более грех десятков речей делегатами из разных стран и представителями международных организаций. Но пресс-конференции не проводились, потому что они не были внесены в программу конгресса, журналистам роздали заранее отпечатанные тексты программных выступлений, и в результате о настроениях участников теперь можно судить только на основании опубликованных речей упомянутых лидеров.

В выступлении Дж. Ньерере должное место заняли комплиментарные оценки истории предшествующих panaфриканских конгрессов. Он апеллировал к истории и при отстаивании тезиса о недопустимости расизма или расовой нетерпимости, напомнив о вкладе в достижение независимости африканскими и карибскими странами людей, принадлежавших к самым разным этническим группам. Более того, Ньерере предложил участникам непростой вопрос — «действительно ли черные там, где они сами управляют, стараются создать справедливые общества?»²³ В заключение своего выступления президент Танзании обратился к проблемам экономического развития Африки и, словно специально для своих черных американских гостей, заявил: «Мы не бедны и не остаемся бедными только из-за того, что мы — черные. Мы бедны из-за мировой торговой и валютной систем, а они, каковы бы ни были другие их отрицательные качества, слепы по отношению к цвету... Это означает, что для того, чтобы преодолеть свои экономические проблемы, Африка должна действовать как единый

²² «Sixth Pan-African Congress. June 19–27, 1974. University of Dar-es-Salam. Provisory Program». National Printing Company Limited Dar-es-Salam (буклет на английском и французском языках по 14 страниц на каждом языке под одной обложкой).

²³ East African Standart. 20.06.1974.

континент, а кроме того — в единстве с другими государствами мира»²⁴.

Практически в том же духе выступил президент Гвинеи Секу Туре. Он также отдал должное пионерам panaфриканского движения, но при этом подверг серьезной критике позиции сторонников негритюда, обвинив их в пропаганде расовой исключительности черных народов, т.е. в «расизме наоборот». Будучи верным своей политической позиции того времени, Секу Туре заявил: «Движение panaфриканизма в наши дни (1974 г. — *Н.Ш.*) — это классовая борьба в масштабах всей Африки и ее зарубежных общин». Прямым выпадом против представителей некоторых черных американских организаций стало заявление Секу Туре, особо отмеченное американской прессой: «Фидель Кастро и бывший президент Чили Сальвадор Альенде скорее братья черных, чем некоторые африканские и афроамериканские руководители»²⁵.

Итоговые резолюции Шестого panaфриканского конгресса в результате тщательной работы секретариата приобрели вполне универсальный характер. Такие документы могли быть приняты в то время на любом форуме развивающихся стран. Panaфриканизм противостоит «всем реакционным силам во всем мире», «должен выработать свою программу действий с учетом широких перспектив прогресса народных масс всех стран земного шара»²⁶. В исторической части резолюций были аккуратно опущены любые упоминания о развивавшихся параллельно с движением panaфриканских конгрессов других идейных течениях в среде народов африканского происхождения. Заодно были убраны лишние имена — остался триумвират имен уже умерших: Генри Сильвестр-Уильямс и Уильям Дюбуа в качестве основоположников и Кваме Нкрума как верный продолжатель дела panaфриканизма. Никаких имен афроамериканцев или африканцев более позднего периода, никаких

²⁴ East African Standard. 20.06.1974.

²⁵ Корреспонденция агентства Ассошейтед Пресс из Дар-эс-Салама. ТАСС. ЕЗ. ТМ.

²⁶ The African Communist. 1975. №60. P.123

возможностей для сравнений, никаких спорных терминов в резолюциях не оставили.

В воспоминаниях участников конгресса (их до обидного мало) и в оценках современных исследователей можно встретить упоминания о «провале» конгресса. Как правило, такие оценки исходят от афроамериканских авторов. Африканцы и немногочисленные отечественные авторы, которые добиваются в изучении нанафриканизма до 1974 г., обычно ограничиваются констатацией события и подчеркивают преемственность панафриканских традиций²⁷.

Представляется, что итоги Шестого панафриканского конгресса намного более значимы, чем может показаться в результате простого изучения хода его подготовки и итоговых документов. По сути, впервые в истории XX в. народы африканского происхождения попытались наладить реальный диалог именно в контексте подготовки и проведения этого конгресса. В Манчестере сразу после Второй мировой войны отсутствовали афроамериканцы, представительство африканцев было случайным, делегации были в основном от профсоюзов. В Танзании удалось собрать вместе очень сложную мозаику мнений, знаний о прошлом и настоящем континента и африканской диаспоры. При этом потомки выходцев с континента оказались, по сути, не готовы выслушать африканцев. Они постарались привнести в то, что называли «панафриканизмом», откровенно расистские тенденции, продемонстрировали незнание африканских реалий и нежелание брать эти реалии в расчет. Вполне в духе классических европейских метрополий афроамериканцы заняли откровенно патерналистскую позицию в отношении своих черных собратьев.

Африканцы в период проведения этого форума продемонстрировали устойчивую способность отвергать любые попытки навязывать искусственные схемы развития. Основным партнером по диалогу с Афро-Америкой стала на конгрессе группа представителей стран и организаций, считавшая правильным выбором для

²⁷ Летнее А. Б. Панафриканизм: взгляд через столетие // Африка и прошедший век. Материалы VIII конференции африканистов. М., 2000.

себя так называемую социалистическую ориентацию. Предложения левых афроамериканских радикалов не могли заинтересовать руководство этих стран по двум причинам. Африканские государства на собственном опыте убедились в пагубности политики расовой нетерпимости и имели слишком сложную внутреннюю этно-религиозную ситуацию, чтобы следовать советам или призывам афроамериканцев. Помимо этого независимые африканские государства уже накопили значительный опыт международных контактов, чтобы понимать опасности политики, основанной на расовом противостоянии. Некоторые государства континента, ориентировавшиеся на развитие политического и экономического диалога со странами Запада, понимали, что, разделив позиции экстремистски настроенного афроамериканского сообщества, они могут закрыть для себя путь к сотрудничеству с правительственными и неправительственными организациями этих стран.

Панафриканизм на Шестом конгрессе был для всех участников удобным понятием-лозунгом, в который африканцы помещали афроамериканским участникам конгресса вложить откровенно расистское содержание. Разрыва между участниками конгресса по этому поводу не произошло, потому что всегда присутствовавший в движении панафриканских конгрессов дух расовой солидарности сохранил и у афроамериканцев, и у африканцев надежду на достижение лучшего взаимопонимания в будущем.

Приложение

ШЕСТОЙ ПАНАФРИКАНСКИЙ КОНГРЕСС

Международный секретариат

П.я.9351

Дар-эс-Салам, Танзания

Восточная Африка

ПРИЗЫВ

Двадцатый век — век Власти Черных. Это подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первых, единой концепцией относительно всех народов, подвергнутых колонизации. Среди друзей и врагов они известны

как представители третьего мира. И наиболее значимыми среди представителей третьего мира являются те, кто борются за власть для народа и за Власть Черных для Черных Народов. В то же время власть белых, сохранявшаяся столь неизменно на протяжении нынешнего столетия, отмечена небывалой деградацией, выразившейся прежде всего в двух диких глобальных войнах, каких мир не знал прежде. Та же ментальность подготавливает третью войну. Поскольку ее варварство ненаказуемо, власть европейцев стремится любой ценой сохранить свое господство, от которого избавляются бывшие колониальные народы. Именно такой мир стремится сохранить власть белых в то время, как колониальные народы начали и продолжают одно из самых великих движений за свободу человека, какие знал мир. ШЕСТОЙ ПАНАФРИКАНСКИЙ КОНГРЕСС, проводимый в Объединенной Республике Танзания в июне 1974 г. (исправлено, первоначально — 1973. — *II. Ш.*), является частью этого движения.

Из прошлого

Мы горды тем, что можем назвать это событие ШЕСТЫМ ПАНАФРИКАНСКИМ КОНГРЕССОМ, поскольку название и принципы, в нем заложенные, показывают преемственность и усиление Власти Черных. Первая panaфриканская конференция, созванная Г. Сильвестром-Уильямсом в 1900 г., призвала мировых лидеров не игнорировать страдания Черных Народов. Британское правительство королевы Виктории ответило, что «Правительство Ее величества не упустит из виду интересы и благополучие коренных народов». Д-р У.Э.Б. Дюбуа, участник Конференции 1900 г., написал «Воззвание» к правителям различных государств. Но в этом Воззвании был слышен скрытый гнев Черных Народов. В его строках звучало:

В любом случае современный мир обязан помнить, что в этом столетии, когда части земного шара настолько сблизились, миллионы черных людей в Африке, Америке и на островах океанов, не говоря уже о множестве народов в других пределах, намерены оказывать огромное влияние на будущие мировые процессы и за счет своей численности, и непосредственно.

Сразу после Первой мировой войны и в течение 1920-х годов У.Э.Б. Дюбуа созвал серию конференций, которые стали известны как Панафриканские конгрессы.

В 1945 г. тот же д-р Дюбуа был приглашен председательствовать на Пятом panaфриканском конгрессе, знаменитом конгрессе, проведенном в Манчестере. Среди главных организаторов были лондонские panaфриканисты, а именно Джордж Пэдмор, Кваме Нкрума, Рас Маконен, Уоллес Джонсон, С.Л. Р. Джеймс и Джомо Кениата. На этом конгрессе было единогласно решено, что независимость и свобода африканцев могут быть завоеваны как результат действий больших масс самих африканских народов. В 1945 г. это казалось преждевременным и странным заявлением. Но менее чем через 20 лет все это стало реальностью и положило начало одному из величайших политических процессов, которые только знал мир.

Поскольку мы сейчас, в 1973 г. (так в тексте. — *Н.Щ.*), подготавливаем будущее, мы должны помнить, с чего мы начинали в Манчестере чуть меньше 30 лет назад. В то время единственными африканскими государствами являлись Эфиопия и Либерия. Человеком, который навсегда покончил с образом колонизованной Африки, стал африканец — Кваме Нкрума. Он создал эффективный союз с Пэдмором в 1943 г., и в 1947 г., после 12 лет отсутствия на родине, Золотом Береге, Нкрума вернулся домой. Вновь и вновь слышны слова о том, что после нескольких лет борьбы африканцев британское правительство предоставило свободу и независимость народам Золотого Берега. Ничего подобного не произошло. Утверждение, что британское правительство что-либо предоставило, — абсолютное переименование подлинных фактов.

По мере того как мы подготавливаем Шестой panaфриканский конгресс, мы должны осознавать, что Нкрума создал первую политически независимую нацию в Африке из африканских народов, веками остававшихся в рабстве. Он призвал молодежь Ганы и других стран присоединиться к борьбе против империализма во всем мире. Он решительно выступил против местного колониального правительства и организовал всеобщую забастовку, которая парализовала весь Золотой Берег и показала миру, что Африканская нация появилась.

Нкрума состоялся как политический лидер Золотого Берега в 1951 г., что стало политическим событием такого масштаба, глубины и стремительности, какого мир еще не знал. Осознавая, что гарантии независимости были связаны с установлением независимости на всем континенте, Нкрума в апреле 1958 г. созвал Конференцию независимых государств Африки, а в декабре — Конференцию народов Африки. Эти конференции вновь подтвердили принципы африканского контроля

над Африкой и призывали к panaфриканскому развитию. Конференция народов Африки особенно подчеркнула, что «существованию независимых государств в Африке не угрожает опасность империалистических заговоров и восстановления колониализма до тех пор, пока они сохраняют единство». В качестве главной задачи она провозгласила создание «Содружества свободных государств Африки». Через десять лет к северу и югу от Сахары появилось около 50 таких государств.

Независимость: политическая, экономическая, социальная

Сегодня сами африканцы и в самой Африке, и за ее пределами прокладывают путь к разрешению проблем, угрожающих поглотить человеческое общество. Разворачивается борьба в Гвинее-Бисау, Мозамбике, Анголе, Гвинее, демонстрируя, что сегодня африканцы не добиваются одной лишь политической независимости. Те, кто воюют сегодня, не делают различий между политической независимостью и полным экономическим контролем. *В соответствии с этой политикой, проводимой африканцами с оружием в руках, Шестой panaфриканский конгресс должен жестко отделить тех, кто, включая африканцев, прячутся за лозунгами показной политической независимости, позволяя финансовому капиталу главенствовать и управлять экономической и общественной жизнью.* Для африканцев, где бы то ни было, это должно стать безусловным принципом.

Мы подтверждаем, что одной из неотложных задач, стоящих перед нами, является политическая свобода и самоопределение, полное и абсолютное, наших братьев и сестер в южной части Африки. Никакие имена среди борцов за свободу не стоят так высоко, как имена тех, кто боролся в Шарпевилле. *Шестой panaфриканский конгресс должен оказать максимальную поддержку борцам, противостоящим врагам Африки в каждодневной борьбе.*

Шестой panaфриканский конгресс подтверждает для всех, кто борется, что единственным принципом, на котором Африка и африканские народы должны основывать планы относительно своего будущего, является принцип опоры на собственные силы. Мы выступаем вместе с теми, кто открыто и непримиримо воюет с элитами, стремящимися вести привилегированную жизнь среди своих народов.

Прочитируем Мвалиму Джулиуса Ньерере: «Мы исходим из полного принятия нашей африканскости и убеждения, что в нашем прошлом много такого, что полезно для нашего будущего».

Мы верим, что будущее африканцев связано и зависит от наиболее полного использования наших собственных человеческих ресурсов в противовес продолжающейся зависимости от займов и подарков из-за рубежа.

Опора на собственные силы. Это понятие много значит и для городского, и для сельского африканца. Самообеспечение и независимость прямо пропорциональны нашим возможностям как народа использовать современные достижения науки и технологии для нашего освобождения. *Если мы не будем контролировать средства выживания и защиты в контексте двадцатого столетия, мы продлим наше колонизованное существование.*

Мегамашина в значительной степени определяет бездушное и звероподобное основание Западной цивилизации. Машина, технология, научный метод — основы как проявлений расизма, так и колониального рабства, эксплуатации, угнетения и геноцида. Мы должны начать использовать то, что имеется в наличии, для нашего освобождения и защиты нашей земли и наших систем ценностей. Таким образом мы начнем осознавать — стоит ли делать ставку на науку и технологии в panaфриканской перспективе, *если только мы не хотим попасть в ловушку и быть подчинены машине, стать автоматами, тем самым заменяя собой или делая частью Западной цивилизации Африканское единство.*

Панафриканский центр науки и технологии

Подтверждая нашу приверженность независимости и опоре на собственные силы, Шестой panaфриканский конгресс будет осуществлять развитие panaфриканского центра науки и технологии. Центр будет обеспечивать широкий круг потребностей африканских народов в научной и технологической областях.

<Во-первых>, он будет представлять собой образовательную выставку, созданную для привлечения внимания и обучения заинтересованных в понимании геополитического положения Африки и геополитического и экономического положения африканцев в Америке и Карибском регионе. Это будет осуществляться графическими средствами или с помощью простых карт, книг, статей, таблиц и пояснений гидов по экспозиции.

Во-вторых, Центр будет средоточием возможностей для организации научной и технологической экспертизы в целях оказания помощи, совета или содействия в развитии различных проектов, нацеленных на гуманитарное или техническое развитие африканских обществ.

Центр будет финансироваться и управляться африканцами из всех регионов мира. Его сотрудниками и членами команд экспертов будут африканцы, нанятые из всех мест, где они проживают, на определенный период времени для выполнения специфических задач, разрешения особых проблем или проведения исследований в различных областях науки и техники.

Одним из приоритетов Центра будет использование людских, технических и научных ресурсов для развития жизнеспособной и самодостаточной сельскохозяйственной системы в Африке. Иначе говоря, Африка должна сама себя кормить. Для выполнения этой задачи сельское хозяйство должно использовать все человеческие возможности в области экономики, питания, медицины, транспорта, связи, образования и т.д. Реализации этой цели будет способствовать панафриканизм.

Центр не должен рассматриваться в качестве застывшей структуры, скорее он должен стать живой идеей в среде африканских народов. Он должен быть создан в соответствии с задачей использования Черных ресурсов для развития Африки для африканцев на родине и за рубежом. Это станет шагом к самообеспечению в панафриканской перспективе.

По мере осознания того, что мы как народ должны сражаться за свою свободу, среди нас появляются индивидуумы и группы, готовые стать во главе достижений Черного Народа в мировой культуре, которые, как считают лучшие умы человечества, станут неотъемлемой частью его будущего. При обращении к Соединенным Штатам в двадцатом столетии, нельзя найти никого в интеллектуальной или организационной области, кто стоял бы выше У.Э.Б. Дюбуа, одного из величайших духовных авторитетов нашего времени. Мы должны помнить и рассказывать о выдающемся вкладе в современную цивилизацию, сделанном Маркусом Гарви, Кваме Нкрумой и Мвалиму Ньерере.

Среди африканцев диаспоры в последние десятилетия мы находим замечательных людей, демонстрирующих высочайшие качества, присутствующие сегодня Африке и африканцам. Карибские острова выдвинули таких светочей, как Эдвард Блайден, Гарви, Эме Сезер (человек негритюда), Джордж Пэдмор, который организовал Черный Народ в политическом отношении и известен сегодня как «отец африканского освобождения», и Франц Фанон, один из наиболее уважаемых политических мыслителей современности. С ними вместе выступает историк и политический деятель С.Л.Р. Джеймс.

В Соединенных Штатах существует одно из наиболее важных явлений в сфере политической борьбы, развивающееся со времени окончания Второй мировой войны. Начиная с событий в Монтгомери, Алабама, и до сегодняшнего дня перед нами проходят беспрецедентные возмущения в Уоттсе, Кливленде, Детройте, Лос-Анджелесе, Ньюарке, по всем Соединенным Штатам, в местах известных и неизвестных. И вместе с массовыми движениями появляются такие люди, как Малькольм Х, Мартин Лютер Кинг, Элайджа Мухаммед, Стокли Кармайкл, преподаватель Рэп Браун, Джордж Джексон и Иمامу Барака, — те люди, которые, вне зависимости от их политических разногласий, показали, что черные находятся сейчас на переднем крае политического процесса в стране. Здесь мы видим универсальное неприятие Западной цивилизации черными и примеры успешного участия в создании нового общества. Малькольм Х, Джордж Джексон, Анджела Дэвис, Рэп Браун и другие в большей степени ассоциируются с тюрьмами США, чем с университетами; Нкруму, Кениату, Банду и Лумумбу пришлось освободить из империалистических тюрем, и они возглавили африканские народы, которыми не в состоянии были управлять империалисты.

Наши люди идут вместе к созданию такого общества, где не будут более доминировать интеллектualan или функционер, такого общества, в котором мы сможем добиться целей, во все времена считающихся всеми людьми закономерным итогом борьбы: независимости и равенства.

В этом заключается сегодняшнее глубоко историческое значение Шестого panaфриканского конгресса. И мы призываем вас, африканцы во всем мире, каковы бы ни были ваши политические пристрастия, если вы осознаете и чувствуете значимость прежде всего того, что переживают Черные Народы и чего мы уже достигли и должны достигнуть, прибыть на конгресс, оказать ему поддержку, распространять информацию о нем, следовать его призывам. Таким образом к концу нынешнего столетия мы, возможно, сможем занять лидирующее положение в таком обществе, в котором с первых дней жизни наших детей мы будем уверены в том, что они занимают достойное место, представляя Африку и ее народы.

А.Л. Литинский
Формирование этнического самосознания
афроамериканцев в XX в.

Афроамериканцы — этническая общность, сформировавшаяся в результате ввоза рабов из Африки на территорию сегодняшних США в XVII-XIX вв. В руки работорговцев попадали представители самых разных народов Западной Африки, говорившие на разных языках и принадлежавшие к разным культурным традициям.

В Америке они практически полностью утратили связи с родным континентом и переняли язык и культуру своих бывших рабовладельцев¹. Получив свободу, чернокожие продолжали жить в государстве, власти и население которого не соглашались считать их полноценными гражданами.

В этих условиях естественным было начатое в конце XIX в. создание собственной, афроамериканской национальной идентичности: «зеркальным отражением расизма становится то, что его жертвы вынуждены воспринимать самих себя как некое целостное и закрытое сообщество»². Это совпало с общемировым процессом (конца XIX — начала XX в.) формирования национального самосознания у многих колониальных народов. Для афроамериканцев, как и для других народов, оказавшихся под культурным и экономическим контролем белых, было характерно желание завоевать культурную и духовную независимость. Свои поиски в этом направлении они вели, отталкиваясь от господствовавших в то время представлений. Представлений, естественно, созданных белыми.

¹ См.: *Нитобург Э.Л.* Негры США. М., 1979.

² *Балибар Э., Вамерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности // *Балибар Э.* Существует ли «нео-расизм»? М., 2003. С. 28.

Специалист по культуре растафари Н.С. Сосновский приводит такие примеры: один из основных образов античерной ксенофобии — «черный, только что слезший с пальмы», образ антибелой ксенофобии — «белый, только недавно вылезший из пещеры». Белые расисты считают, что чернокожие похожи на обезьян, а черные расисты — наоборот, что белые³. Известно, что Маркус Гарви, известнейший националистический деятель черных американцев, вел переговоры с Ку-клукс-кланом, считая клансменов «самыми честными белыми».

Представление о том, что чернокожий — это «изначальный человек», за спиной которого — тысячелетия культуры и цивилизации, а белые — непонятно откуда взявшиеся дикари, сумевшие подчинить себе мир только лишь наглостью, жестокостью и хитростью, постоянно фигурирует и в исторических, и в религиозных концепциях афроамериканцев.

Понятия нации и этнической группы очень условны, имеют много определений. Несмотря на мнение ряда специалистов, есть много факторов, указывающих на то, что афроамериканцы — это именно нация, а не этническая группа в рамках американской нации. Во-первых, очень спорно, существует ли вообще такая нация, как американцы. Но если и существует, она имеет явные англосаксонский и протестантский «бэкграунды». Так называемое дефисное сознание сохраняют многие народы, в течение нескольких поколений живущие в США (ирландцы, итальянцы, евреи, русские, украинцы, поляки и др.).

Во-вторых, стремление к обособлению угасло у афроамериканцев только в 1970–1990-х годах. Немало было проектов по репатриации в Африку, переселению в Канаду, созданию государства афроамериканцев в Латинской Америке, Африке или на территории одного из американских штатов. Или просто создания только черного штата в рамках США. В XIX в. даже большая часть аболиционистов была уверена в невозможности совместного проживания на равных правах черных и белых в одном государстве.

³ См.: *Сосновский Н.С.* Культура Растафари// <http://www.margenta.ru/lirics.shtml>.

В-третьих, существует афроамериканское искусство, традиции, нормы поведения, отличающие черных американцев и от белых, и от представителей своей расы в других частях света. Существует афроамериканский диалект английского языка.

В-четвертых, афроамериканцы — практически однородная нация. Например, каталонцы и баски стремятся избавиться от испанского влияния, шотландцы и уэльсцы — от английского и т.п. Афроамериканцы не имеют проблемы этнических групп внутри себя, стремящихся стать отдельными нациями.

При создании собственной картины мира, оценке истории своего народа для афроамериканцев было (и остается до сих пор) важным дать оценку прошлому и настоящему «черного континента», степени необходимости связей с ним сегодня. Соответственно афроамериканцы сталкиваются примерно с таким набором вопросов: почему Европа смогла получить контроль над Африкой? Почему так получилось, что миллионы африканцев стали товаром для работорговцев? Как жили африканцы столетия назад? Можно ли сравнивать Европу и Африку в категориях «хуже» и «лучше»?

Нужно ли переносить африканские традиции в повседневную жизнь афроамериканцев? Есть ли необходимость если уж не уезжать обратно в Африку, то помогать африканским странам, создавать организации, отстаивающие интересы людей африканского происхождения по всему миру?

Нужно отметить, что афроамериканцы — это не полностью люди африканского происхождения. Еще в первой четверти XX в. крупнейший американский антрополог Ф. Боас пришел к выводу, что в результате сексуальных контактов с белыми в течение многих поколений американские чернокожие отличаются от африканских, а по некоторым своим антропологическим особенностям приближаются к белым американцам. По подсчетам другого американского антрополога — М. Херсковица и У. Дюбуа, уже в 1930-х годах три четверти афроамериканцев были мулатами.

Но об этом афроамериканцы не любят вспоминать, так как в подавляющем большинстве случаев расовое смешение являлось следствием принуждения черных женщин белыми мужчинами к интимным отношениям. Среди социальных низов афроамериканцев

мулатов меньше, чем среди тех, кто смог попасть в средние и высшие слои американского общества, и этот факт использовался черными националистическими движениями. Афроамериканские националисты всегда не любили ярко выраженных мулатов, отказывали им в праве на африканское прошлое, припоминали существовавшую еще во времена рабства взаимную неприязнь между рабами, трудившимися в поле, и рабами, прислуживавшими в доме рабовладельцев (среди последних мулатов было больше, чем среди работавших в поле)⁴.

Самоназвание афроамериканцы обрели не сразу. В начале XX в. черные американцы боролись за право писать слово «Negro» с большой буквы (как и названия всех остальных наций в английском языке). Уже к середине XX в. «Negro» перестало устраивать афроамериканцев — ведь действительно, впервые это слово употребили португальцы-колонизаторы. И тут началось: Black American, Afro American, African American, American people of African descent... Этот список не полон. Приводятся разные аргументы за и против каждого возможного самоназвания черных американцев. Нация, которая не может выбрать себе название, явно находится в стадии становления.

Если говорить о работах афроамериканских общественных деятелей и ученых, практически у всех — от сторонников полного размежевания с белыми (яркий современный представитель — Х. Мадубути) до интеграции чернокожих в американское общество (например, Д. Дикерсон) — Африка прошлых столетий представляется высоко развитым технологически и культурно регионом, который белые колонизовали лишь коварством и обманом. Другие мнения, в частности К. Ричбурга, черного журналиста, автора книги «Из Америки», описавшего дикость и нищету в нынешней Африке и поблагодарившего работорговцев прошлого за то, что он — афроамериканец, а не африканец, мало распространены⁵.

⁴ Подробнее об отношении черных националистов к мулатам см., напр.: *Garvey M. More Philosophy and Opinions of M. Garvey. L., 1976.*

⁵ См.: *Madhubuti H.R. Enemies: the Clash of Races. Chicago, 1978; Dickerson D.J. The End of Blackness. N.Y., 2004.*

На мой взгляд, развитие в XX в. афроамериканского национального самосознания в целом и представления об Африке, в частности, можно разделить на три временных периода. Первый — первая половина XX в. В эти пять десятилетий черные американцы, осмысляя изыскания теоретиков XIX в., всерьез приступили к формированию собственной национальной идентичности. К началу XX в. у черных американцев были немалые наработки в этом направлении, во многом определившие их идейные течения XX в. Активизируются связи с африканцами и представителями черной расы в Европе и на островах Карибского бассейна. Проходят основные panaфриканские конгрессы. Осмысление ведется в сферах теологии, политики, истории. Делаются последние масштабные попытки переселения афроамериканцев в Африку⁶.

Если на американскую «большую политику», на программы ведущих политических партий чернокожие в первой половине XX в. не имели возможности по-настоящему влиять, то афроамериканская религиозная жизнь развивалась бурно⁷. Повод к появлению афроамериканской расовой теологии дали прежде всего белые американцы: основные церкви белых (и протестантские, и католические) продолжали практиковать сегрегацию.

Хотя ведущую роль в духовной жизни афроамериканцев на протяжении всего XX в. играли массовые черные протестантские и католические церковные объединения, отличающиеся от белых в основном более эмоциональными, яркими традициями богослужений, появляются и другие религиозные группы. Обычно немногочисленные, они играли и играют до сих пор видную, периодически даже ведущую роль в движениях афроамериканцев.

⁶ Описание некоторых можно найти в: The Marcus Garvey and Universal Negro Improvement Association Papers / ed. by R.A. Hill. Vol. 1–7. Berkeley, 1983–1990.

⁷ См.: *Нитобург Э.Л.* Церковь афроамериканцев в США. М., 1995; Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремления. М., 2005; *Ястребов А.* Путь к нации, путь к исламу. Краткая история «черного ислама» в США // Исламская интеллектуальная инициатива XX века. М., 2006. С. 112–134.

«Черные иудеи» остались в США совсем малочисленным явлением. В том числе это связано с непростыми отношениями между евреями и афроамериканцами. Еще в конце XIX в. афроамериканские националисты сформулировали идею о том, что Христос на самом деле был чернокожим. И в первой половине XX в., и в 1950–1970-х годах она имела заметное число сторонников.

Появившись в первой половине XX в. и по-настоящему реализовавшись во второй половине, в духовный мир афроамериканцев вошел «черный ислам». Несмотря на то что чернокожие мусульмане всегда составляли меньшинство афроамериканцев, афроамериканские национальные движения часто ассоциируются именно с «черным исламом». Надо отметить, что американский «черный ислам» существенно отличается от того, что принято называть африканским «черным исламом»⁸. Рост количества мусульман (и в общепринятом, и в «черном» вариантах) среди афроамериканцев продолжается по сей день. Еще к XIX в. относятся оценки ислама (в принципе, как раз с евроцентристской точки зрения) как варианта христианства, культурно близкого арабам, азиатам и африканцам.

Ислам стал близок афроамериканцам и потому, что его ценности сходны с христианскими, и потому, что в Африке есть исламские государства. В США ввозились в том числе рабы-мусульмане. Никто же не осмелится сказать, что ислам не имеет под собой огромнейшего культурного и славного исторического пласта? Для ассоциирующего себя с исламом черного американца, таким образом, решалась проблема навязываемого белыми представления о «дикости», «отсутствии истории» у Африки и черной расы в целом. С момента своего появления в США и практически до 1970-х годов среди афроамериканцев господствовали только группы, мало что знающие об исламских традициях, но активно использующие мусульманскую символику и риторику. С 1970-х годов ислам представлен в США как признанными во всем мире, так и «нестандартными» мусульманскими течениями.

⁸ См.: *Мрозек А.* Философия черного ислама // История, социология, культура народов Африки. М., 1974. С. 275–306.

Сейчас существуют и группы афроамериканцев, пытающиеся возродить африканские языческие традиции. Они немногочисленны и исходят из идей о том, что чернокожим ныне нужно полностью «очиститься» от всего неафриканского. Такие идеи, например, пропагандируют Х. Мадубути, М. Асанте и М. Каренга.

В первой половине XX в. происходит переселение большинства афроамериканцев с сельского Юга — с территории, где прошли века рабства, где и сегодня черные зачастую побаиваются белых, в космополитичные мегаполисы. Такое переселение явилось поводом для разрушения страхов рабского прошлого, развития у афроамериканцев большей уверенности в себе. Но и в мегаполисах чернокожие оказались в гетто, в тисках сегрегации, внизу социальной лестницы⁹.

Афроамериканцы, несмотря на все чинимые препятствия и несправедливости, приняли активное участие в обеих мировых войнах. Черные американцы принимали участие и в Войне за независимость, и в Гражданской войне. Но именно в первой половине XX в., в мировых войнах такое большое количество потомков рабов получило опыт участия в боевых действиях. В то же время они продемонстрировали свою готовность воевать за Соединенные Штаты. Продемонстрировали, что считают США своей родиной¹⁰.

Но первая половина XX в. не была пока еще эпохой полноценных гражданских прав для черных американцев¹¹. Белые не готовы были пока признать неправоту своих отцов, дедов и прадедов, строивших благосостояние на подневольном труде черных американцев. Непонимание, страх и ненависть белые выражали через террор против черных американцев, создали «систему Джима Кроу», при любой возможности унижавшую чернокожих, не допускавшую их к влиянию на политическую жизнь страны,

⁹ См.: *Иванов Р. Ф., Лисневский Э.В.* Ку-клукс-клан. М., 1981.

¹⁰ См.: *Антекер Г.* История афро-американцев: современная эпоха. М., 1975.

¹¹ См.: *The Black Revolt and Democratic Politics* / ed. by S. Silverman. Heath, 1970.

обрекавшую афроамериканцев на худшие условия труда, худшее образование и т.п.¹² Только во время Второй мировой войны в южных штатах были ликвидированы остатки системы пеонажа, немногим отличавшейся от рабовладельческой.

Так как среди белых продолжали бытовать представления об отсутствии исторического прошлого у черной расы, об однозначной пользе для нее колониализма, вообще о неполноценности африканцев, целью афроамериканских мыслителей становится дискуссия с такими концепциями, доказательство величия африканского прошлого. При этом, исходя из представления об «обеленности» исторической науки, черные националисты далеко не всегда стремились найти серьезную доказательную базу для своих исторических изысканий¹³.

Следующий период в истории афроамериканцев — 1950–1970-е годы. Определяющие моменты этих десятилетий — обретение независимости африканскими государствами и движение за гражданские права в США. Естественно, все это стимулировало небывалый подъем национального самосознания черных американцев¹⁴. Афроамериканские исторические и теологические концепции прошлых десятилетий переключаются во вторую половину XX в. без существенных изменений. Но теперь основные события происходят в области политики и культуры. Как и свойственно этой эпохе, действия и идеологические построения (в том числе и многих афроамериканских движений) были эпатажными и радикальными. Всерьез обсуждалась перспектива создания черного государства на территории одного или нескольких штатов. Африка (наряду с Латинской Америкой, Китаем, странами Юго-Восточной Азии) рассматривалась как объект антиимпериалистической для одних и антибелой солидарности для других.

¹² См.: *Du Bois W.E.B.* An ABC of Color. Selections Chosen by the Author from over a Half Century of His Writings. N.Y., 1969.

¹³ См.: *Karenga M.* Introduction to Black Studies. Los Angeles, 1988.

¹⁴ См.: *Озадовский А. А.* США и Африка: проблемы неоколониализма. М., 1977.

И черные националисты, и черные левые радикалы создавали похожий образ врага. Для черных левых радикалов — это высшие и средние социальные слои белых. При этом они считали, что белый пролетариат в расистской политической системе США занимает привилегированное (относительно цветного пролетариата) положение. И вообще, авангардом социалистической революции в США может быть только цветной пролетариат. Среди черных левых дискутировался такой вопрос: можно ли использовать работы Маркса, ведь он же белый? В отличие от 1900–1930-х годов, черные приняли активное участие в американских леворадикальных движениях. Радикальные фракции борцов за гражданские права, студенческие движения, радикальные профсоюзы чернокожих, «Черные пантеры» — все уделяли много внимания расовому вопросу¹⁵.

Права черных вошли в число важнейших требований и для групп белых левых радикалов. Начала формироваться тенденция, когда ксенофобские высказывания черных против белых не считались таким же расизмом, как ксенофобские высказывания белых в адрес черных. Вошел в обиход довольно странный термин «антирасистский расизм». Черные националисты не делили белых на буржуазию, средний класс и пролетариат — черные националисты не любили всех белых. Идея полного отделения от белых (которое предполагалось осуществить разными способами) имела довольно широкое распространение.

И черные националисты, и черные левые радикалы выдвигали идею антитезы «белый — цветной». То есть белым противопоставлялись все остальные народы. Афроамериканским левым более импонировал Китай, а националистам — арабский мир. Наверное, не существует других исторических примеров в XX в., когда ультралевые и ультраправые были бы настолько близки, когда наблюдалось бы такое количество переходов из одного лагеря в другой¹⁶. На фоне беспорядков на расовой почве все это смотрелось очень

¹⁵ См.: *Carmichael S., Hamilton C. V. Black Power. The Politics of Liberation in America.* N.Y., 1967.

¹⁶ См. *Иванов Р.Ф. Черные пасынки Америки.* М. 1978.

серьезно. Именно 1950–1970 годы — время, когда черные американцы впервые решились и эпатировать, и предъявить серьезные претензии своим белым согражданам¹⁷.

С 1970-х годов наступает новая эпоха в истории афроамериканцев. По крайней мере, по действующему законодательству афроамериканцы имеют такие же права, как и белые. А благодаря «программам позитивного действия» — даже больше возможностей, чем белые. Афроамериканские ученые, юристы, мэры, политики, крупные бизнесмены не являются редкостью. Впервые путь к богатству и успеху для афроамериканца перестал ограничиваться спортом, театром и музыкой. За голоса афроамериканцев борются все партии.

Но афроамериканцы продолжают оставаться «проблемной нацией». С некоторыми проявлениями неафишируемого расизма чернокожие действительно сталкиваются, некоторые же ситуации видятся им как расистские благодаря обостренному восприятию этой темы. Среди афроамериканцев увеличивается пропасть между теми, кто смог удачно интегрироваться, войти в самые высшие слои американского общества, и теми, кто остался на социальном дне. Причем последних, к сожалению, значительно больше¹⁸.

И тут перед черными американцами встает вопрос: а нужно ли им национальное самосознание? В чем причина того, что им нужно продолжать ощущать себя афроамериканцами, а не просто американцами? С одной стороны, продолжают жить исторические концепции о величии прошлого черной расы, сохраняется интерес к традиционным африканским культурам, делались и делаются попытки проследить свою родословную до трансатлантической работорговли, черные националистические мотивы играют важную роль в хип-хоп-культуре, на несколько десятилетий покорившей сердца афроамериканских (и не только) под

¹⁷ См.: *Королева А. П.* Расовые войны и расовые компромиссы. М., 1987.

¹⁸ См.: *Cleaver E.* Post-prison Writings and Speeches / ed. by R. Sheer. N.Y., 1969.

ростков¹⁹. Помощь афроамериканцев в борьбе с апарtheidом, репарационное движение, Марш миллиона черных мужчин, беспорядки в Лос-Анджелесе показали сохраняющуюся силу черного национализма.

С другой стороны, бедность и хаос, царящие во многих независимых африканских странах, дают пищу для насажденного белой пропагандой прошлого представления об Африке как о континенте дикарей. Не особо дружелюбно встретили афроамериканцы африканских трудовых мигрантов — первую массовую волну чернокожих, которые едут из Африки в США не в качестве невольников. Афроамериканцы нередко припоминают им, что многие увезенные в США рабы были куплены белыми работорговцами у африканцев (т.е. у предков нынешних чернокожих иммигрантов).

Да и сам интерес афроамериканцев к Африке правительство США уже давно научилось использовать в своих дипломатических делах, так что неясно, насколько поиск афроамериканцами своей «национальной идеи» сейчас является чем-то протестным (в отличие от всех прошлых десятилетий). Вообще во всей ситуации с черным национализмом политическая система США показала свою гибкость. Столкнувшись с черным национализмом, она не стала его уничтожать — она его интегрировала. Когда национальные меньшинства стали заявлять о себе, американская элита признала, что США — это страна не только белых англосаксонских протестантов.

Афроамериканские поиски национальной идентичности и самоопределения — еще не закрытая страница истории. Можно предположить, что они будут актуализироваться в обстановке будущих социальных, национальных, экономических или каких-либо других кризисов в США²⁰. Так что изучение их полезно не только с ретроспективной точки зрения, но и для понимания процессов, происходящих в нынешних США.

¹⁹ См.: Islam in the Mix: Lessons of the Five Percent // <http://comp.uark.edu/~tsweden/5per.html>.

²⁰ *Давидсон А. Б.* Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 67–83.

1. Хаки Мадубути. Враги: столкновение рас²¹

«<...> Белая всемирная история, как ее нам преподавали, дает нам картину мира, которая не только античерна во всех возможных вариантах, но и уничтожает какой-либо позитивный образ черных как составной части истории человечества.

Если мы поинтересуемся, сколько миллионов евреев было убито во Второй европейской мировой войне XX в., большинство сойдется на цифре в 6 миллионов или больше. <...> Европейцы-немцы убивали европейцев-евреев, т.е. белые убивали белых. Если же мы спросим, сколько африканцев (черных) было убито во время евроазиатской торговли черными рабами, немногие, если вообще кто-то найдет (исключая историков-дилетантов), смогут назвать точную цифру. Число погибших, если говорить не только о Соединенных Штатах, а о Западном и Восточном полушариях, составляет *более 250 миллионов мужчин, женщин и детей — африканцев, убитых европейцами и азиатами, или черных людей, убитых белыми*. Да, рассуждения о цифрах, тем более в таких масштабах, можно посчитать либеральным эскапизмом. Но разговор о том, *кого мы потеряли*, напрямую касается нашего сегодняшнего порабощения и экономической отсталости. Мы потеряли величайших независимых мыслителей — тех, кто предпочел смерть для себя и своей семьи порабощению; мы потеряли ученых, учителей, докторов, религиозных лидеров, ремесленников — тех, кого посчитали «слишком умными» для порабощения и, следовательно, «потенциальными бунтовщиками». Мы потеряли женщин и мужчин, чья преданность своему народу была для них важнее жизни в качестве рабов. Тех, кто отказался подчиняться «дьяволам с Запада». Мы потеряли женщин, которые были в силах задушить своих грудных детей, а затем ночью молча остановить свое собственное дыхание, чтобы не подчинить себя сексуально и духовно как иноземным врагам, так и *своим собственным братьям, ставшим предателями*. Евроазиатская работорговля нанесла черной расе такой ущерб, чтобы мы *никогда не смогли*

²¹ Перевод осуществлен с издания: *Madhubuti H.R. Enemies: the Clash of Races*. Chicago, 1978. P. 13–14.

подняться. Самую нашу душу, дух наших предков, суть нашего существования, смысл жизни были содраны с нас, как лев сдирает шкуру с пойманной антилопы <...>».

2. Лия Голден. Мой долгий путь домой²²

Я была поражена, насколько они (афроамериканцы. — *А.Л.*) не знают африканскую историю, в то же время пытаясь принять африканскую культуру, сохранив параллельно блага американского общества. Хотя они страстно желают в первую очередь быть африканцами, а американцами — во вторую, весь их жизненный опыт, образование и манеры — американские в двух-трех поколениях. Некоторые пытаются одеваться в национальные костюмы, часто смешивая мужскую и женскую одежду, а также виды причесок. Когда они пытаются представиться в Европе как афроамериканцы, неизменно возникает вопрос: «Из какой части Африки? Из какого племени? Из какой страны? Может быть, вы из Южной Америки? А, из Северной? Вы из Канады?» Очень стыдно.

Только некоторые американцы, как я обнаружила во время лекций в американских университетах, понимают, что Африка — это многогранное явление. Американцы часто воспринимают Африку как единообразный континент, несмотря на то что в Африке живут представители шести расовых типов (и не все они — черные), 1600 наций и этнических групп, а также находится более 50 стран — каждая со своей историей, культурой, религией, языками и музыкальными стилями. Когда бы я ни говорила на лекциях о древней (и продолжающейся до сих пор) арабской работорговле, которая, по сути, сравнима с трансатлантической, неизбежно я получала ответ: «Но они нам никогда не говорили». Когда я спрашивала, кто эти «они», ответом было: «белые». На это я обычно парировала: «Все это есть в компьютерах и библиотеках. Почему вы сидите и ждете, когда белый человек расскажет вам об истории и культуре, которые вы декларируете своими? <...>»

²² Перевод осуществлен с издания: *Golden L. My Long Journey Home*. Chicago, 2002. P. 185–186.

Ученые, занятые изучением черной расы, обязательно задаются вопросом: почему Африка, со всей ее славой и достижениями, пала под натиском европейцев? На то есть несколько причин, но сначала рассмотрим проблему в исторической ретроспективе. Во-первых, надо понимать, что все цивилизации, неважно, насколько они велики или кажутся великими, неизбежно угасают по разным внутренним и внешним причинам. Египет, Эфиопия, Рим, Греция, Гана, Маои, Сонгай, а позже — британская, французская и американская империи — все прошли этот путь. Так что нельзя говорить о какой-то специфической слабости африканских цивилизаций. Во-вторых, нужно заметить, что покорение и колонизация Африки заняли более 400 лет — с середины 1400-х до конца 1800-х годов, и их кульминацией стал раздел Африки. За это время африканцы последовательно сопротивлялись и выиграли множество битв у европейцев. Длительная война ангольской королевы Нзинги с португальцами, развернувшаяся в Западном Судане война Самори Туре с французами, разгром британцев зулусами в битве при Исандлване в 1896 г., разгром итальянцев Менеликом в битве при Адуа в 1898 г., длительные войны асанте с британцами. <...> Фактически европейцы, пришедшие в Африку, первоначально не только не превосходили, но даже иногда уступали африканцам в культурном и политическом отношении. <...>

В конце концов, критически анализируя падение Африки, можно сделать вывод: она и не пала. Отдельные империи, государства, нации и этнические группы были колонизованы. Говорить об Африке, как будто это была осознающая себя политическая общность, а не в основном географически связанный район с различными культурами, — это игнорировать реальность. Африка не пала после краха империй зулусов и асанте, государства хауса или Судана. Не было никакого африканского правительства или столицы. Африка была континентом в себе, но не осознающим себя. Только с подъемом panaфриканизма африканцы начали ощущать себя общностью. Европейцам разобщенность была на руку, но если покорение и колонизация заняли 400 лет, то установленная

²³ Перевод осуществлен с издания: *Karenga M. Introduction to Black Studies*. Los Angeles, 1988. P. 67–69.

колонизаторами система практически развалилась менее чем за 70 лет. Так что надо ставить вопрос не почему Африка пала, а какие факторы привели к покорению и колонизации африканских обществ.

4. Автобиография Малькольма Х²⁴

Глава 11. Спасен

Я писал Элайдже Мухаммеду. Он жил в то время в Чикаго, в доме 6116 по Саус Мичиган Авеню. По крайней мере 25 раз я переписывал первое одностороннее письмо к нему, раз за разом. Я пытался сделать его четким и понятным. Я сам не мог разобрать свой почерк, стыдно даже вспоминать это. Моя орфография была такой же плохой, если не хуже. В результате я написал, в тех рамках, в каких мог выразить, что я слышал о нем от своих братьев и сестер и что я приношу извинения за свое корявое письмо.

Мистер Мухаммед послал мне типовой ответ. Больше всего меня гипнотизировала подпись «Посланник Аллаха». После того как он открыл для меня путь к «истинному знанию», он дал мне пищу для размышлений. Черный заключенный, говорил он, символизирует преступление белого общества по угнетению черных, содержанию их в бедности и невежестве, без возможности получить достойную работу и превращая их в преступников.

Он призвал меня проявлять мужество. Он даже послал мне немного денег — пятидолларовую купюру. Мистер Мухаммед, возможно, до сих пор посылает деньги по всей стране заключенным, которые пишут ему.

Регулярно мои родственники писали мне: «Повернись к Аллаху, молись на Восток».

Молитвы стали тяжелейшим испытанием для меня. Вы понимаете. Мое понимание, моя вера в учение мистера Мухаммеда состояли лишь из того, что мозг мой говорил: «Это правильно!» или «Я об этом раньше не думал».

Но склонить колени для молитвы, этот *акт* — да, он потребовал недели усилий.

Вы же знаете, как я жил: раньше мои колени сгибались только ради того, чтобы сломать замок на двери дома во время ограбления.

²⁴ Перевод осуществлен с издания: The Autobiography of Malcolm X. N.Y., 1965. P. 170–187.

Мне пришлось заставить себя встать на колени. И волны стыда и смущения тянули меня назад.

Для дьявола встать на колени, признать свою вину, молить Бога о прощении — самая сложная вещь на свете. Сейчас мне это легко видеть и говорить. Но тогда, когда я был воплощением дьявола, мне пришлось пройти через это. Снова и снова я заставлял себя встать в позу мольбы к Аллаху. А когда я заставлял себя сделать это — я не знал, что сказать Аллаху.

В течение следующих нескольких лет я был ближе всех в норфолкской тюрьме к отшельническому образу жизни. Я в жизни никогда не был так занят. Я до сих пор удивляюсь, как быстро улетучился мой прошлый образ жизни, словно снег с крыши. Как будто бы кто-то другой, кого я знал, жил пороками и преступлениями. Я начал ловить себя на том, что думаю о своей прошлой жизни в отвлеченной манере, как будто бы речь шла о другом человеке.

Чувства, которые я испытывал, невозможно было передать одностраничными письмами, которые я каждый день отправлял мистеру Элайдже Мухаммеду. И я ежедневно писал по крайней мере еще одно письмо, отвечая моим братьям или сестрам. Каждое письмо, которое я получал от них, добавляло что-либо к моим знаниям об учении мистера Мухаммеда. Я сидел и долго изучал его фотографии.

Я никогда не отличался бездействием. Все, к чему я когда-либо относился серьезно, я воплощал на практике. Я думаю, поэтому, не имея возможности сделать ничего другого, вскоре я начал писать людям, которых знал по криминальному миру, таким, как Сэмми Пимп, Джон Чьюджес, хозяин игорного дома, вор Джампстеди и несколько торговцев наркотиками. Я писал им все об Аллахе, исламе и мистере Элайдже Мухаммеде. Я не имел представления, где большая часть из них жила, я адресовал письма барам и клубам в Гарлеме и Роксбури, в которых я их встречал.

Я ни разу не получил ни одного ответа. Средний преступник слишком необразован, чтобы писать письма. Я знал много лоснящихся, круто выглядящих бандитов, которые могут произвести на вас впечатление людей, имеющих интересы на Уолл Стрит, но в личном общении они попросят кого-нибудь прочесть им письмо, если они его получили. Но в то же время я бы тоже не ответил, если бы мне написали что-нибудь столь же дикое, как «белый человек — это дьявол».

По Гарлему и Роксбури расходились слухи о том, что Детройтский Красный сходит с ума в тюрьме, или же он придумал какой-то план, чтобы запудрить мозги тюремному начальству.

В течение тех лет, что я находился в норфолкской тюрьме, ни один чиновник мне ничего не сказал про эти письма, хотя, конечно же, они проходили через тюремную цензуру. Хотя я уверен, что они проводили мониторинг моих писем для досье, которые любая тюрьма штата, как и федеральная тюрьма, составляет на негров-заключенных, перешедших на позиции мистера Элайджи Мухаммеда.

Но в то время я думал, что истинной причиной было то, что белый человек знает, что он дьявол.

После этого я писал мэру Бостона, губернатору Массачусетса, и Гарри С. Трумэну. Они ни разу не ответили; вероятно, они никогда и не видели моих писем. Я живописал им, как общество, созданное белым человеком, ответственно за ужасные условия жизни черных в Северной Америке.

О свои письма я буквально споткнулся, именно они натолкнули меня на мысль о необходимости какого-то подобия домашнего образования.

Я стал крайне нервозен из-за того, что не мог выразить то, что хотел передать, особенно в письмах к Элайдже Мухаммеду. На улице я лучше всех выражался на криминальном жаргоне, я был сконцентрирован, когда говорил что-либо. Но сейчас, пытаясь просто написать по-английски, я не то что не был сконцентрирован, я полностью не управлял ситуацией. Как бы это выглядело, если бы я писал на сленге: «Смотри, папаша, позволь мне натянуть твою пальто на кошечку, Элайджа Мухаммед».

Многие, кто сегодня общается со мной лично, видели по телевизору или читали какие-либо мои речи, думают, что я посещал школу намного дольше, чем восемь лет. Это все из-за моих тюремных занятий.

На самом деле началось это еще в чарлстонской тюрьме, когда Бимби впервые заставил меня почувствовать зависть из-за объема его знаний. Бимби всегда держал под контролем любую беседу, в которой участвовал, и я стремился подражать ему. Но любая книга, взятая мной, содержала некоторые предложения, включавшие слова (от одного до всех), которые с таким же успехом могли быть и на китайском. Когда я просто пропускал такие слова, я дочитывал книгу со слабым представлением

о том, чему она была посвящена. Я появился в норфолкской тюрьме только лишь с практикой книжечитальных моционов. Очень скоро я прекратил эти моционы, когда потерял мотивацию к ним.

Я понял, что лучшее, что я могу сделать, — это взяться за словарь, изучать, учить новые слова. Мне достаточно повезло, что я понял, что мне надо также заняться чистописанием. Печально, но я не мог даже написать строчку ровно. Обе эти причины подвигли меня попросить в школе норфолкской тюрьмы словарь вместе с бумагой и карандашами.

Я потратил два дня просто на просмотр страниц словаря. Никогда не думал, что существует так много слов! Я не знал, *какие* слова мне нужно учить. В конце концов, чтобы начать что-либо делать, я начал переписывать.

Моим медленным, старательным, неровным почерком я переписал себе в блокнот все, что было написано на первой странице до сносок.

Похоже, это заняло день. Затем вслух я перечитал для себя все, что записал в блокнот. Снова и снова вслух для себя я читал свои записи.

Я проснулся на следующее утро, думая о тех словах — безмерно гордый от сознания, что я не только так много написал за один раз, но я писал слова, о существовании которых я никогда не слышал. Более того, с некоторыми усилиями я мог вспомнить, что эти слова значат. Я просмотрел слова, чьи значения я не помнил. Забавно, прямо сейчас мне вспоминается «трубкозуб» с первой страницы словаря. В словаре была картинка с его изображением — длиннохвостое, длинноухое, живущее в норе африканское млекопитающее, питающееся термитами, которых ловит с помощью выбрасывания языка, так же как муравьед ловит муравьев.

Это было так увлекательно, что я продолжил — скопировал следующую страницу словаря. И испытал то же, когда выучил ее. С каждой успешно освоенной страницей я узнавал о людях, местах и событиях из истории. По сути, словарь — это миниатюрная энциклопедия. В конце концов буква «А» была полностью переписана и я перешел к «В». Так я начал копирование, которому в конце концов подвергся весь словарь. Практика увеличила скорость переписывания. Начиная с записывания в свой блокнот и заканчивая писанием писем, я думаю, в тюрьме я написал миллион слов.

Естественным результатом стало то, что по ходу расширения моего словарного запаса я смог в первый раз взять книгу, прочесть ее и теперь

уж понимать, о чем она. Любой много читающий человек может представить, как открываются новые слова. Вот что я скажу: с того момента, как я покинул тюрьму, в каждую свободную минуту, если я не читаю в библиотеке, я лежу с книгой. Вы меня от книг не оттащите. Между освоением учения мистера Мухаммеда, перепиской, свиданиями — обычно с Эллой и Реджинальдом, чтением книг месяцы протекали так, что даже не думалось о том, что нахожусь в тюрьме. По сути, до сегодняшнего дня я в жизни не был так свободен.

Библиотека норфолкской тюрьмы была в здании школы. Ряд предметов преподавался здесь учителями, пришедшими из таких заведений, как Гарвардский и Бостонский университеты. Каждую неделю в помещении школы проводились дебаты команд, состоящих из заключенных. Вы удивитесь, узнав, как заводили участников дебатов и зрителей темы вроде «Надо ли поить детей молоком?»

На полках тюремной библиотеки были книги практически по всем важным темам. Большая часть большой частной коллекции, которую Пархерст передал тюрьме, все еще находилась на задворках библиотеки — тысячи старых книг. Некоторые из них выглядели древними: выцветшие обложки, старый переплет, похожий на пергамент. Пархерст, как я заметил, сильно интересовался историей и религией. У него были деньги и заинтересованность доставать такие книги, которые обычными способами не достать. Любая библиотека колледжа была бы рада получить такую коллекцию.

Как вы можете представить, особенно в условиях тюрьмы, где господствовала идея исправления попавших в нее, заключенный, проявлявший яркий интерес к книгам, поощрялся. Так что в тюрьме было заметное число начитанных заключенных, особенно среди участников публичных дебатов. О многих говорили как о ходячих энциклопедиях. Они были знаменитостями. Ни один университет не потребует от своих студентов так жадно поглощать литературу, как делал это я, когда новый мир открылся мне — мир возможности читать и *понимать*. У себя в комнате я читал больше, чем в самой библиотеке. Пользующийся доверием заключенный мог брать больше книг, чем разрешалось. Я предпочитал читать в полной изоляции своей комнаты.

Когда я освоился с действительно серьезным чтением, ежевечерне меня бесило «выключение света» в 10 часов. Каждый раз оно заставляло меня на чем-то захватывающем.

К счастью, прямо за моей дверью был коридорный свет, бросавший отблески в мою комнату. Его хватало для чтения, когда мои глаза привыкали к нему. Так что когда наступало «тушение света», я садился на пол и продолжал читать в этих отблесках.

С интервалом в час мимо каждой камеры проходили ночные охранники. Каждый раз, как я слышал приближающиеся шаги, я прыгал в кровать и притворялся спящим. И как только охрана проходила, я возвращался из кровати на пол в освещенное поле, где я читал следующие пятьдесят восемь минут, пока охрана не появлялась снова. Так продолжалось каждые сутки до трех или четырех утра. Трех-четырёх часов сна ночью было достаточно для меня. За годы, проведенные на улице, я часто спал еще меньше.

Учение мистера Мухаммеда упирало на то, как история была «обелена»: когда белый пишет книгу по истории, он игнорирует черных. Мистер Мухаммед не мог сказать ничего, что зацепило бы меня больше. Я никогда не забуду, как, когда мой класс и все эти белые изучали в седьмом классе историю Соединенных Штатов в Мэнсоне, история негров была собрана в одном параграфе, а учитель долго смеялся над шуткой о том, что «негритянские ступни были такими большими, что, когда черные ходили, в земле оставались дыры».

Это одна из причин, почему учение мистера Мухаммеда так быстро распространяется по всем Соединенным Штатам, среди *всех* негров, становятся они последователями мистера Мухаммеда или нет. Его учение кажется правдоподобным каждому негру. Вы с трудом найдете взрослого черного в Америке — да и белого также — кто знал бы правду из книг по истории о роли черного человека. В моем случае, когда я услышал о «славной истории черного человека», я потратил немало сил на поиски в библиотеке книг по истории черных.

Я точно могу вспомнить первые книги из этой серии, которые произвели на меня впечатление. Позже я купил эти книги, они стоят у меня дома для детей, когда те подрастут. Они назывались «Чудеса света». В них было много иллюстраций с археологическими находками, статуями, изображавшими в большинстве случаев неевропейцев.

Я находил такие книги, как «История цивилизации» Вилла Дюранта. Я читал «Исторические наброски» Х. Дж. Веллса. «Души черного народа» Дюбуа бегло осветили мне историю чернокожих до их появления в этой стране. «Негритянская история» Картера Дж. Вудсона открыла

мне глаза на черные империи, существовавшие до того, как черных рабов начали привозить в Соединенные Штаты, и раннюю негритянскую борьбу за свободу.

Трехтомник Дж.А. Роджерса «Секс и раса» рассказал о смешении рас до рождения Христа; о сказителе басен Эзопе, который был черным, о египетских фараонах, о великой Коптской христианской империи, об Эфиопии, самой старой на земле не прерывавшейся черной цивилизации наряду с Китаем — самой старой цивилизацией в мире.

Учение мистера Мухаммеда о том, как был создан белый человек, привело меня к «Изысканиям в области генетики» Г.И. Менделя. (Раздел словаря, содержащий слова на букву «G», — отсюда я узнал, что такое генетика.) Я серьезно изучил эту книгу австрийского монаха. Читая ее снова и снова, особенно определенные разделы, я смог понять, что из черного человека может получиться белый, но из белого черный — никогда, потому что белая хромосома рецессивна. Так как никто не опровергает, что изначально был один Первочеловек, вывод очевиден.

В течение примерно года Арнольд Тойнби в «Нью-Йорк Таймс» использует слова «выбеленный» по отношению к белым людям. (Вот его слова: «Белые (т.е. выбеленные) человеческие существа североευропейского происхождения...»). Тойнби также считает Европу всего лишь полуостровом — частью Азии. Но в то же время Тойнби среди тех, кто помогает выбеливать историю. Он писал, что Африка — это единственный континент, который не создал истории. Больше он такого не напишет. Сейчас каждый день всплывает все больше правды.

Я никогда не забуду, насколько был шокирован, когда начал читать о тотальном ужасе рабства. Это произвело на меня такое впечатление, что позже, когда я стал священнослужителем у мистера Мухаммеда, стало одной из моих любимых тем. Самое чудовищное преступление на свете, грех и кровь на руках белого человека — в это просто невозможно поверить. Книги, такие, как работы Фредерика Олмстеда, открыли мои глаза на ужасы, которые раб испытывал, высаживаясь в Соединенных Штатах. Фанни Кимбалл, вышедшая замуж за южного рабовладельца, описывала, как люди деградировали. Конечно же, я прочел «Хижину дяди Тома». По сути, это было единственное литературное произведение, которое я прочел с тех пор, как стал серьезно читать.

Коллекция Пархерста содержала также несколько переплетенных памфлетов Аболиционистского антирабовладельческого общества Новой Англии. Я читал описания жестокостей, видел иллюстрации с черными женщинами-рабынями, связанными и избиваемыми плетью; черных матерей, на чьих глазах продают их детей, которых они больше никогда не увидят; собак, преследующих рабов; охотников за беглыми рабами — дьяволов-белых с плетью, палками, цепями и ружьями. Я читал о рабе-проповеднике Нэте Тернере, который посеял страх Божий среди белых рабовладельцев. Нэт Тернер не тратил время на проповедование счастья-на-небесах и «ненасильственной» свободы для черного человека. Как-то ночью в 1831 г. в Виргинии Нэт и семь других рабов, начав с дома своего хозяина, в течение ночи, убивая, переходили от одного плантационного «большого дома» к другому. К следующему утру 57 белых было убито, а за Нэтом следовало порядка 70 рабов. Белые, опасаясь за свои жизни, покидали жилища, запирались в общественных зданиях, прятались в лесах, а некоторые покинули штат. Маленькой солдатской армии потребовалось два месяца, чтобы поймать и повесить Нэта Тернера. Где-то я читал, что пример Нэта Тернера тридцать лет спустя вдохновил Джона Брауна, и он пошел в наступление в Виргинии и атаковал Харпере Ферри с тринадцатью белыми и пятью неграми.

Я читал Геродота, «отца истории», или, скорее, о нем. И я читал истории разных народов, и эти истории постепенно все шире и шире открывали мне глаза на то, что по всему миру белые люди ведут себя, как дьяволы, грабя и насилуя, рая и выкачивая соки у небелых людей. Я помню, например, историю восточных цивилизаций Вилла Дюранта и опыт Махатмы Ганди по вытеснению британцев из Индии.

Книга за книгой показывали мне, как белый человек нес по всему миру черным, коричневым, красным и желтым людям все виды страданий и эксплуатации. Я наблюдал, как с XVI в. так называемый белый *купец-христианин* курсировал по морям в поисках африканских и азиатских империй, жадный до грабежей и власти. Я читал и видел, что белый человек никогда не шел к небелым людям с крестом, неся в сердце истинно Христовы намерения и его дух — мягкость, скромность, святость.

Я понимал по мере чтения, что коллективный белый человек был, по сути, не кем иным, как пиратом-авантюристом, использовавшим

фаустовские махинации, чтобы сделать свое христианство первым клином, за которым следовали преступные захватнические действия. Впервые, он навешивал ярлыки «варварский» и «языческий» на все древние небелые культуры и цивилизации. После религиозного успеха он обращал на своих небелых жертв оружие войны. Я читал, как, войдя в Индию — *полумиллиардную* глубоко религиозную страну коричневых людей, — белый британец с 1759 г. с помощью обещаний, жульничества и манипуляций поставил под контроль большую ее часть через Ост-Индскую компанию Великобритании. Паразитическая британская администрация держала под контролем половину полуострова. В 1857 г. некоторые отчаявшиеся люди взбунтовались — и, за исключением африканской работорговли, история никогда не фиксировала более зверского и безжалостного уничтожения людей, чем подавление британцами восстания небелых индусов.

Более 115 млн черных африканцев — эта цифра близка к числу всего населения Соединенных Штатов в 1930-х годах — были порабощены или убиты во время работорговли. И я читал, что, когда рабовладельческий рынок был насыщен, канибалистские белые власти Европы вырезали по мере колонизации жителей самых богатых районов черного континента. И европейские канцлеры весь следующий век раздевали до нитки всех от мыса Горн до Каира.

Десять тюремщиков и их начальник не могли бы оторвать меня от этих книг. Даже сам Элайджа Мухаммед не мог быть более убедительным, чем эти книги, в утверждении неоспоримой истины о том, что усредненный белый человек действовал, как дьявол, практически во всех своих контактах с усредненным небелым человеком. Сегодня я слушаю радио, смотрю телевизор, читаю заголовки газет, показывающие страх усредненного белого человека перед Китаем. Когда белый человек проявляет невежество в вопросе о том, почему же китайцы его так ненавидят, я не могу не вспомнить то, что читал тогда в тюрьме: как кровные предки этого же самого белого человека насиловали Китай, когда тот был доверчивым и беспомощным. Эти «первопроходцы», «христианские купцы» привозили в Китай миллионы фунтов опиума. К 1839 г. в Китае было так много наркоманов, что доведенное до отчаяния китайское правительство уничтожило двадцать тысяч ящиков с опиумом. Белый человек быстро начал Первую опиумную войну. Представьте себе! Объявить войну против кого-либо, кто сопротивляется

наркотизации! Китайцы были жестоко разбиты, для чего использовался изобретенный китайцами же оружейный порох.

Нанкинский договор обязал Китай заплатить белому человеку-британцу за уничтоженный опиум, заставил открыть основные китайские порты для британской торговли, заставил китайцев уступить Гонконг, установил китайские тарифы импорта так низко, что скоро страну наводнили дешевые британские товары, искалечил индустриальное развитие Китая.

После Второй опиумной войны тьяньцзыньские договоренности легализовали опустошающую опиумную торговлю и британско-французско-американский контроль над китайской таможней. Китай попытался затянуть ратификацию этого договора — Пекин был разграблен и сожжен.

Лозунг китайского Боксерского восстания 1901 г. был «Убей иностранных белых дьяволов!» После поражения китайцы были выдворены из лучших районов Пекина. Злой и заносчивый белый человек придумал известную надпись: «Китайцам и собакам вход воспрещен».

После Второй мировой войны красный Китай закрыл свои двери для западного белого мира. Огромные успехи китайцев в сельском хозяйстве, науке и индустриализации описаны в книге, недавно опубликованной журналом «Лайф». Некоторые обозреватели, живущие в красном Китае, сообщают, что мир еще не видел такой волны ненависти к белым, которая сейчас захлестнула эту небелую страну, при этом уровень рождаемости там повышается и через 50 лет китайцы составят половину населения Земли. И мне кажется, китайцы кое-что припомнят, тем более что они недавно успешно провели ядерные испытания.

Давайте посмотрим в глаза реальности. В ООН мы видим образование нового мирового порядка — альянса небелых наций. Представитель Соединенных Штатов в ООН Эдлай Стивенсон недавно жаловался, что там ведется «игра цвета кожи». Он прав. Он адекватно оценивает ситуацию. «Игра цвета кожи» ведется. Но представитель Стивенсон выглядит, как Джесси Джеймс, обвиняющий маршала в ношении оружия. Потому что кто же в мире устраивал худшую «игру цвета кожи», чем белый человек?

Мистер Мухаммед, которому я писал ежедневно, не представлял, что за новый мир открылся мне через мои усилия в поисках подтверждения его учения в книгах.

Когда я открыл философию, я пытался охватить все значительное в ее развитии. Постепенно я прочел всех старых философов, западных и восточных. Я предпочитал восточных философов; в конце концов у меня сложилось впечатление, что большая часть западной философии лишь только копия достижений восточных мыслителей. Сократ, например, путешествовал по Египту. Некоторые источники даже говорят, что Сократ был приобщен к египетским таинствам. В большинстве случаев Сократ брал свою мудрость у восточных мудрецов.

Я всегда рефлексировал об открывавшихся мне новых перспективах. Уже в тюрьме я понял, что чтение навсегда изменило направление моей жизни. Как я вижу сегодня, чтение пробудило мою мозговую деятельность. Я не искал никакой ученой степени, которые в колледжах дают как символы статуса в студенческой среде. Мое самообразование с каждой новой прочитанной книгой еще немного увеличивало понимание слепоты, глухоты и немоты, поразивших черную расу в Америке. Недавно один английский писатель звонил мне по телефону из Лондона, чтобы задать несколько вопросов. Один из них: «Что есть ваша альма матер?» Я ответил ему: «Книги». Вы никогда не застанете меня в свободные пятнадцать минут, чтобы я не изучал что-то, что, я чувствую, может помочь черным людям.

Вчера я выступал в Лондоне, а по пути туда и обратно изучал документ, описывающий, как ООН собирается защитить права нацменьшинств в мире. Черные американцы — самый позорный в мире случай угнетения нацменьшинств. То, что заставляет черных рассматривать свои проблемы только как внутренние для США, это два слова-ловушки — «гражданские права». Как же черный человек получит «гражданские права», когда сначала ему надо получить *человеческие* права? Если черные американцы начнут думать о своих *человеческих* правах и будут воспринимать себя частью всемирного человечества, то они обратятся в ООН.

Я не знаю лучшего примера! Четыре сотни лет черной крови и пота, вложенных в Америку, и черным до сих пор приходится выпрашивать у белых то, что любой иммигрант получает, только сойдя с корабля.

Но я отвлекся. Я сказал англичанину, что моя альма матер — это книги, хорошая библиотека. Каждый раз, когда я лечу на самолете, я всегда беру с собой книгу, которую хочу читать, — и так я прочел немало

книг. Если бы мне не надо было ежедневно биться с белым человеком, я бы весь остаток жизни посвятил чтению, просто ради удовлетворения своей любознательности, потому что сложно найти что-то, что бы меня не интересовало. Я не думаю, что кто-либо когда-либо извлек столько же пользы от попадания в тюрьму, как я. Фактически тюрьма дала возможность мне обучаться максимально интенсивно, куда более, чем если бы я ходил в какой-нибудь колледж. Мне кажется, наибольшая беда колледжей в том, что в них слишком много отвлекающего, любовных интрижек, студенческих организаций, ничегонеделания и т.д. Где еще, как не в тюрьме, мог я атаковать свое невежество, имея возможность посвящать учебе иногда по пятнадцать часов в день?

Шопенгауэр, Кант, Ницше — я действительно прочел о них все. Я не уважал их. Я просто пытался запомнить некоторые из их теорий, которые впитал в те годы. Эти трое, считается, создали почву, на которой была построена нацистская и фашистская философия. Я не уважаю их, потому что мне кажется, что большую часть своего времени они потратили на вещи, которые не так важны на самом деле. Они напоминают мне некоторых негритянских так называемых интеллектуалов, с которыми я контактировал, — они все время спорят о чем-нибудь бесполезном.

На некоторое время меня привлек Спиноза, когда я выяснил, что он был черным. Черным испанским евреем. Иудеи отлучили его от своей веры, потому что он отстаивал пантеистическую доктрину, что-то вроде «всеобщности бога» или «бога во всем». Иудеи совершили по Спинозе погребальный обряд, как будто бы он умер; его семья бежала из Испании, по-моему, в Голландию.

Я вам вот что скажу. Вся западная философия сейчас зашла в тупик. Белый человек совершил преступление не только по отношению к черному человеку, но и по отношению к себе. Его преступление было настолько велико, что ударило и по нему. Он сделал это через свое тщательное, невзрастичное стремление замолчать настоящую роль черного человека в истории.

А сейчас белый человек сталкивается с тем, что происходит на черном континенте, в Африке. Посмотрите на археологические находки оттуда, они снова и снова доказывают, насколько великую, прекрасную и тонкую цивилизацию имели черные люди, пока белые жили в пещерах. Южнее Сахары, оттуда, откуда большинство предков американских негров были похищены, откапывают самые прекрасные ремесленные

изделия, скульптуры и другие вещи, когда-либо виденные современным человеком. Некоторые из этих вещей сейчас хранятся в нью-йоркском Музее современного искусства. Золотые работы выполнены с таким мастерством, что им нет равных. Древние предметы сделаны черными руками так, как сегодня ни одна рука не может создать что-либо подобное.

История была настолько «обелена» белым человеком, что даже черные профессора знают ненамного больше, чем самые необразованные черные, о достижениях и богатых цивилизациях черных тысячелетней давности. Я выступал в негритянских колледжах, и некоторые из этих черных профессоров с промытыми мозгами бежали потом в белые газеты и называли меня «черным фанатиком». Многие из них отстали от жизни лет на 50. Если бы я был президентом одного из таких черных колледжей, я бы целыми кампусами отправлял своих студентов на раскопки в Африку, дабы находить больше, больше и больше подтверждений исторического величия черных. Белый человек сейчас проводит раскопки в Африке. Африканский слон не может ступить, не споткнувшись о белого с лопатой. Почти каждую неделю газеты пишут о новом открытии в области африканских потерянных цивилизаций. Это все достижение белых наук. Все это время древние цивилизации покоились в глубине черного континента.

Вот пример: британский антрополог д-р Луис С. Б. Лики демонстрирует откопанные кости: ступню, кусок руки, фрагменты черепа. На базе этого д-р Лики утверждает, что надо полностью переписать историю появления человека.

Эти останки датируются 1 818 036 лет до рождества Христова. И кости эти нашли в Танганьике, на Черном континенте.

Преступна ложь, которую из поколения в поколение рассказывали черным и белым. Маленькие невинные дети, рожденные от родителей, считающих, что их раса не имеет истории. Маленькие черные дети, видящие, что их родители считают себя подчиненными. Невинные черные дети, вырастающие, проживающие свою жизнь и умирающие в старости. И все это — стыдась того, что они черные. Но правда выходит на свет.

Были еще две вещи, которые оказали сильнейшее влияние на мою жизнь с момента первого знакомства с тюремной жизнью в норфолкской колонии. Во-первых, у меня был первый опыт открытия глаз моим

собратьям с промытыми мозгами на правду о черной расе. И во-вторых, когда в результате чтения я уже знал кое-что, я начал посещать еженедельные дебаты между заключенными — мое крещение в области публичных выступлений.

Мне пришлось принять печальный, постыдный факт. Меня так тянуло к белым, что в тюрьме мне даже не нравилось, как сильно негры-заключенные привязаны друг к другу. Но когда учение мистера Мухаммеда повернуло меня к черным братьям, в качестве заглаживания вины и стыда я не упускал случая, чтобы не привлечь кого-нибудь к мистеру Мухаммеду.

Вы должны быть аккуратны, очень аккуратны, представляя правду черному человеку, который раньше никогда не слышал правды о себе, себе подобных и белом человеке. Мой брат Реджинальд говорил, что каждый мусульманин переживал это в процессе агитации за мистера Мухаммеда. Черные братья настолько введены в заблуждение, что они могут сопротивляться правде, впервые ее услышав. Реджинальд советовал, что правду нужно открывать по кусочкам. И надо дожидаться, пока утвердится какая-либо часть, перед тем как предложить новую порцию.

Я начинал с рассказов о славной истории черных своим собратьям-заключенным — о вещах, которые они никогда себе не представляли. Я рассказывал им ужасную правду о работорговле, которую они никогда не знали. Я наблюдал за их лицами, когда говорил им это, потому что белый человек полностью стер прошлое рабов, негр в Америке не знает своей настоящей родословной, и даже к какому племени он принадлежал: мандинго, волоф, серер, фула, фанти, ашанти или какому другому. Я говорил им, что часть рабов, привезенных из Африки, говорила на арабском и исповедовала ислам. Многие заключенные не могли поверить в это, не услышав от белого. Так что я часто читал им отрывки из книг белых людей. Я объяснял им, что настоящая правда известна некоторым белым, ученым, но из поколения в поколение она скрывается от черных.

Я смотрел, как каждый реагирует на это. Я всегда должен был быть осторожным. Я никогда не знал, вдруг какой-нибудь черный черт с промытыми мозгами, «готовый-умереть-под-ярмом» дядя Том, криво на меня посмотрит и побежит жаловаться белым. Когда человек был к этому готов, я мог сказать ему — отдельно от других, я выливал на него то, чему учил мистер Мухаммед: «Белый человек — это дьявол».

Это шокировало многих из них, пока они не начинали это обдумывать.
<...>

Возможно, это самая большая опасность для американской тюремной системы сегодня — способ, с помощью которого циркулирующее среди негров по всей стране мусульманское учение находит новых адептов в тюрьме, а черные в тюрьмах находятся куда в большем количестве, чем в среднем по стране.

Причина заключается в том, что черные заключенные лучше, чем какие-либо другие черные, готовы услышать слова: «Белый человек — это дьявол».

Вы говорите это любому негру. Но не помешанным на «интеграции» так называемым интеллектуалам. И у того же черного человека, который в других случаях толст, счастлив, а также слеп, глух и нем и довольствуется крошками с богатого стола белых, вы задеваете нерв американских черных. Его реакция может занять день, месяц, год, он в открытую может никогда не ответить; но будьте уверены — он видит, что белый человек действует, как дьявол.

И, как я сказал, впереди всех негров — черный заключенный. Здесь черных содержат за решеткой, иногда годы, благодаря белым. Часто заключенные рекрутируются из негров с самого дна, негров, которых вышвыривали отовсюду и обращались, как с детьми, всю их жизнь, негров, которые никогда в жизни не встречали белого, который взял бы что-то у них, так же как и дал им.

Дайте этим черным людям, сидящим в клетках, начать думать, так же как начал я, впервые услышав учение Элайджи Мухаммеда: дайте ему подумать, как, имея лучшие возможности в молодости, когда он был амбициозен, он мог бы стать юристом, доктором, ученым — да кем угодно. Дайте этому посаженному в клетку чернокожему возможность понять, как мне в свое время, что, начиная с первого прибытия первого рабовладельческого корабля, миллионы черных были в Америке, как овцы в логове волков. Вот почему черные заключенные так быстро становятся мусульманами, когда учение Элайджи Мухаммеда попадает в их клетки через других мусульман-заключенных. «Белый человек — это дьявол» — идеальное эхо всего жизненного опыта черного заключенного. <...>

Я уже говорил, что дебаты проводились еженедельно в норфолкской тюрьме. Чтение действовало на мое сознание, как давление на пар.

Каким-то образом я начал говорить белым об их сущности прямо им в лицо. Я решил, что смогу сделать это, участвуя в дебатах.

Стоять и говорить перед аудиторией — такого в моей прошлой жизни не случалось. На улице, продавая травку и грабя, у меня были фантазии после гашиша, но даже в них я никогда не представлял, что буду в один прекрасный день выступать в колизеях и на аренах, в величайших американских университетах, на радио и телевидении, не говоря уже о турне по всей Африке, Египту и Англии.

Но, скажу я вам, прямо здесь, в тюрьме, выступления перед толпой, участие в дебатах будоражили меня не меньше, чем чтение. Стояние, здесь и сейчас, смотрящие на тебя лица, утверждения из моей головы, выходящие через рот, пока мозг ищет следующий лучший вариант для продолжения того, что я уже сказал, и если мне удавалось убедить людей и перетянуть на свою сторону — я выигрывал дебаты. Что бы ни заявлялось темой дебатов, я прочитывал все, что мог найти по теме, я ставил себя на место оппонента и просчитывал его варианты победы в дебатах, находил в них слабые места. Я любым способом старался рассказать миру о дьявольской сущности белого человека.

«Принудительная служба в армии — нужна ли она?» Хороший шанс, который появился у меня неожиданно, я хорошо помню. Мой оппонент сотрясал воздух, приводя пример эфиопцев, кидавших камни и копья в итальянские самолеты, «доказывая», что обязательная служба в армии нужна. Я сказал, что эфиопскую черную плоть забрасывали бомбами, которые благословил Папа Римский, и что эфиопы готовы были бросаться на самолеты, потому что видели, что сражаются с дьяволом.

Мне выразили возмущение, что я расистски рассматриваю этот случай. Я сказал, что это всего лишь исторический факт, пусть они пойдут почитать «Дни наших лет» Пьера ван Пассена, и, что меня не удивило, эта книга после дебатов исчезла из тюремной библиотеки. Прямо в тюрьме я решил посвятить остаток своей жизни обличению белого человека глаза в глаза — или же умереть. <...>

В.П. Городнов

Апартхейд — тупиковый исторический эксперимент

История южноафриканского апартхейда, хотя с ним и было покончено в конце прошлого XX в., заслуживает пристального внимания до сих пор. Проблемы межрасовых отношений вызывают все большую тревогу в странах всего мира, и особенно в европейских.

В XX в. в Южной Африке был проведен своеобразный эксперимент решения проблемы межрасовых отношений. Его историческая ценность заключается в том, что этот эксперимент, во-первых, был доведен до конца, и, во-вторых, дал результат, причем результат бесспорно отрицательный. Белые южноафриканцы, в основном африканеры (в прошлом — буры), пытались методами сегрегации и дискриминации, а это и является сущностью апартхейда, закрепить свое господство над черными южноафриканцами. И не удалось. Их намерения и планы провалились, все усилия завели в тупик. Это было признано самими инициаторами и создателями апартхейда, и в конце XX в. им пришлось демонтировать эту систему.

Попытка, которую назвал экспериментом сам премьер-министр ЮАС Д. Малан, решить проблему межрасовых отношений в Южной Африке с помощью апартхейда может стать поучительным примером для тех стран, где возникают схожие проблемы. Еще в декабре 1984 г. архиепископ Кейптауна Десмонд Туту, получая в Стокгольме Нобелевскую премию мира, сказал: «Южная Африка — это микрокосмос мира и пример того, что можно найти в разной степени и в других странах»¹.

О южноафриканском апартхейде написано множество книг и статей, принято немало резолюций в ООН, ОАЕ, на международных конференциях; есть много документов, связанных как с создателями апартхейда, так и с борцами против него. Казалось бы, всем все ясно. И тем не менее есть кое-что малоизвестное и к тому же достаточно важное в наше время, когда проблемы межрасовых, межэтнических и межнациональных отношений приобрели глобальный характер. Вероятно, именно это подразумевал Д. Туту, когда сказал, что и в других странах можно найти в разной степени то, что происходило в Южной Африке во времена апартхейда. Так что и в начале XXI в., когда южноафриканского апартхейда уже нет, стоит ознакомиться с его корнями, истоками, ступенями развития и, наконец, с финалом этого расистского эксперимента. Это поможет вовремя избежать или предотвратить появление новых «апарт-хейдов».

Истоки и корни апартхейда

Корни апартхейда появились и начали разрастаться в начале XX в. Потенциал же расистской идеологии у европейских колонистов был и раньше, но долгое время он так и оставался потенциалом. Белые поселенцы воспринимали черных туземцев в основном как послушных слуг и дешевую рабочую силу на принадлежащих им плантациях. Сначала, в середине XVII в., белыми поселенцами были в основном голландцы (буры), потом к ним присоединились французские протестанты. Себя они считали высшей расой по сравнению с черными африканцами. У них была своя культура, религия, представленная Голландской реформатской церковью, сложился свой новый язык — африкаанс, себя они стали называть африканерами.

Все это привело к замене голландского национализма африканерским национализмом с заметным оттенком расизма. Но со временем стало меняться и это положение.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. вызвала всплеск африканерского национализма, тем более что британские войска захватили Оранжевое Свободное государство и Трансвааль. Однако по завершении войны в результате переговоров враждовавших сторон

был достигнут компромисс. Вся страна стала Южно-Африканским Союзом (ЮАС) со статусом доминиона в Британской империи, а бурские республики получили самоуправление (1910 г.). Вскоре такой же статус приобрели и две остальные колонии — Капская и Наталь (бывший Зулуленд). В бывших колониальных провинциях появились конституции, правительства, избирательные системы и другие элементы демократической структуры. Изменился и африканерский национализм, ставший фактически государственной идеологией. Национализм сомкнулся с расизмом, который был уже не потенциалом, а реальной и действующей идеологией пришедших к власти африканеров. Теперь все и *de jure*, и *de facto* принадлежало белым: власть, политические права, избирательное право. В Акте о Южной Африке, вступившем в силу в 1910 г., и в последовавших за ним других законодательных актах парламента ЮАС было закреплено полное политическое бесправие черных южноафриканцев. Аналогичные порядки были закреплены и в конституциях самоуправляющихся провинций. Так, в конституции Трансвааля, например, было прямо записано, что церковь и государство не могут признать равенство между белым южноафриканцем и черным южноафриканцем. Расовая сегрегация стала законом.

Еще большее значение имел для дальнейшей сегрегации и дискриминации черных южноафриканцев Закон о земле 1913 г. Почти вся территория страны была отдана белым южноафриканцам или забронирована за ними. Черным же было оставлено менее 10% земли для ведения самостоятельного хозяйства. Так осуществлялась легализация сегрегационных мер, которые, наряду с дискриминационными, стали основой апартхеида.

Социальные и политические перемены в начале XX в. происходили не только в «лагере белых». Изменялось и общество черных южноафриканцев. Рабство и колониализм уходили в прошлое. Распространялась грамотность. Появилась прослойка интеллигенции, формировалось самосознание людей, появились политические организации, выдвигались лидеры сопротивления дискриминационным действиям со стороны белых, захвативших власть, землю и объявивших себя высшей расой.

Среди африканских общественных и политических деятелей первых десятилетий XX в. выделялся зулус Пиксли Ка Исаака Семе.

Еще в 1906 г., будучи студентом Колумбийского университета в США, он заявил: «Я африканец и горжусь своей расой наперекор широко распространенному мнению о нас... Если бы вы могли прочесть приходящие к нам письма из Зулуленда, вы бы убедились, что возвышение африканской расы неотделимо от нового порядка вещей, который приходит с новым и могущественным веянием времени. Главная движущая сила, которая гарантирует возрождение африканских народов, — пробуждение расового самосознания»².

Именно П. Семе инициировал создание организации африканцев в масштабе всего нового государства — ЮАС. 8 января 1912 г. был образован Южноафриканский Туземный Национальный Конгресс, переименованный в 1925 г. в Африканский национальный конгресс (АНК). В программном документе этой организации говорилось, что Конгресс борется против расизма, за ликвидацию цветного барьера и стремится к повышению морального, духовного, интеллектуального и материального, социального и политического уровня черной расы. Этот период политических и социальных сдвигов подробно описал и глубоко исследовал А. Б. Давидсон в книге «Южная Африка: становление сил протеста». Все эти перемены в африканском обществе не могли не встревожить бывших рабовладельцев, которые стали в ЮАС не только общественными, но и государственными деятелями. Африканерский национализм прошлых веков стал превращаться в расистскую идеологию африканеров. Начинался путь к расистской системе и политике апартеида.

Одна из причин носила экономический характер и была связана с открытием богатейших месторождений драгоценных металлов и камней, но корни южноафриканского расизма нужно искать в африканерском национализме, в его стремлении обеспечить выживание африканерской нации. Корни кроются и в ортодоксальном неокальвинизме Голландской реформатской церкви, ставшей в первой половине XX в. мощным инструментом установления

² Цит. по: *Давидсон А. Б.* Южная Африка: становление сил протеста. М., 1972. С. 234.

африканерского господства в Южной Африке и главным источником идей апартхейда.

Кроме политических и экономических факторов, стимулировавших переход от национализма к расизму, большую роль сыграл религиозный фактор. В зарубежной литературе об апартхейде пишут о религии и различных конфессиях и церквях мало, как бы мимоходом. В российских же публикациях на эту тему есть заслуживающая внимания книга В.И. Тихомирова «Церковь и политическая борьба в Южной Африке». В этой книге автор, используя обильный документальный материал, показал воздействие религиозного фактора в появлении, а затем и исчезновении апартхейда в Южной Африке.

Религиозный фактор в данном случае проявился как в активной деятельности голландских реформатских церквей, так и «в самой религиозности африканеров, их жестком кальвинизме, в приверженности не только духу, но и букве Библии. В этом они видели оправдание расовой сегрегации, а потом и апартхейду. Африканерские националисты видели в Библии предназначение, чтобы все жили розно, по отдельности, не смешиваясь друг с другом»³.

Такого же мнения придерживался южноафриканский историк Сал Дабау: «Одной из коренных идей африканерского национализма стало утверждение, что апартхейд ниспослан небесами. Бог был “Великим разделителем”. Разделение наций и этнических групп было частью божественного плана для нашего мира, и поэтому с волей Божьей согласно то, что нации и этнические группы принадлежат к своим собственным отдельным территориям и сохраняют свои культуры, языки и политические системы»⁴.

Деятельность Голландской реформатской церкви (НГК) была особенно многогранной. В 1918 г. пасторы-реформаты приняли самое активное участие в создании тайного националистического

³ Давидсон А. Б. Южная Африка... С. 95.

⁴ Цит. по: *Maylam P.* South Africa's Racial Past. Aldershot (UK); Burlington (USA), 2001. P. 186–187.

общества «Африканер Брудербонд» («Африканерский Союз братьев»), целью которого было развитие национального самосознания буров и борьба с «либеральными тенденциями» стирания национальных различий. Первым президентом Брудербонда стал пастор НГК Й.Ф. Науде. О размахе деятельности этой расистской организации можно судить по росту численности ее «братьев». В 1925 г. их было полторы сотни, а в 1977 г. Брудербонд уже располагал 810 отделениями по всей стране с общим числом членов 12 тыс. Усилия церкви и Брудербонда дополняли друг друга, оказывая огромное влияние на развитие африканерского национализма и способствуя перерастанию его в апарtheid⁵.

Впервые взгляды идеологов Брудербонда на отношения между белыми африканерами и черными африканцами были выражены в 1933 г. В секретном циркуляре, распространенном тогда среди членов этой организации, говорилось: «Тотальная сегрегация должна быть не только целью, но и безотлагательной практической политикой государства. Необходимо любой ценой приобрести и отделить подходящие и соответствующие районы для проживания там семей туземцев, которые в настоящее время находятся на фермах или в меньших по площадям резерватах. Необходимо предоставить условия для сосредоточения различных племен в отделенных друг от друга районах. <...> Те туземцы, которые не смогут переехать в резерваты, должны размещаться на специально выделенных участках, где им не будут предоставляться никакие политические права на владение собственностью, так как они будут рассматриваться как временные жители белых районов, проживающие в них по собственному выбору и ради собственной выгоды»⁶. В дальнейшем на фольксконгрессах, проводимых совместно Брудебондом, НГК и Федерацией африканерских культурных ассоциаций (ФАК), обсуждались проблемы расовой сегрегации. Так, в 1947 г. на очередном фольксконгрессе предлагалось следующее решение: «Идеальным решением южноафриканских проблем, по мнению конгресса, должно стать полное разделение белой

⁵ *Wilkins I., Strydom H.* The Broederbond. N.Y., 1979. P. 193–194.

⁶ Цит. по: *Тухомиров В. И.* Партия апартеида. М., 1987. С. 69.

и небелой групп в территориальном, экономическом и политическом плане»⁷.

На протяжении первой половины XX в. реформатские церкви сконцентрировали свою деятельность в сфере образования. Была разработана общая концепция под названием «теория христианско-национального образования». Термин «христианский» подразумевал национализм, «основанный на Священном Писании и сформулированный в догматах трех африканерских церквей»⁸.

«Национальный» принцип, по утверждению теологов, должен находиться под опекой «христианского» принципа⁹. Библия должна стать основным предметом изучения в школах. В специально изданной брошюре по вопросам образования говорилось, что Господь «пожелал разделить нации и народы и наделил каждый народ своим призванием, задачами и способностями. Авторы брошюры особо подчеркивали, что образование должно быть нацелено на становление мироздания молодежи»¹⁰.

Нельзя не согласиться с мнением В.И. Тихомирова, что особенностью доктрины «христианского национализма», явившейся одним из истоков апартхеида, стало смешение в ней религии и политики. Прав он и в том, что реформатские церкви в ЮАС сыграли одну из главных ролей в формировании националистически-расистской психологии белого населения, особенно африканеров. Обоснован и его главный вывод: реформатские церкви вместе с Националистической партией несут главную ответственность за разработку политики апартхеида и ее последствия¹¹. К этому можно добавить, что церкви, особенно НГК, в своей деятельности

⁷ *Тихомиров В. И.* Партия апартеида. С. 69. г

⁸ Голландская реформатская церковь (НГК), Реформатская церковь Южной Африки (ГКСА), Голландская реформатская церковь в Африке (НХК).

⁹ См.: *Тихомиров В. И.* Церковь и политическая борьба в Южной Африке. М., 1990. С. 28; *Carter G. M.* The Politics of Inequality. L., 1958.

¹⁰ Цит. По: *Тихомиров В. И.* Церковь и политическая борьба в Южной Африке. М., 1990. С. 28; *Carter G.M.* The politics of Inequality. L., 1958,

¹¹ Там же, С. 3, 31

нередко опережали политических деятелей в их продвижении к системе апартхейда и соответственно к политике сегрегации и дискриминации небелого населения. Более того, начиная с 1932 г. НГК стала регулярно посылать к правительству синодальные делегации с петициями, в которых требовала осуществления предложений депутатов-националистов относительно создания системы апартхейда¹².

Наиболее действенным в создании системы апартхейда был фактор религиозно-теологический. Это проявилось в действиях Голландской реформатской церкви и близких к ней других африканерских церквей. Они сформулировали и создали с помощью теологов-кальвинистов «христианский национализм», ставший предшественником теории апартхейда. Не будет преувеличением сказать, что национализм, постепенно и скрытно превращавшийся в расизм, был основным истоком апартхейда. Более того, реформатские священнослужители, сыгравшие ведущую роль в этой эволюции, свели воедино все факторы.

Разработка грядущей системы апартхейда шла в 1930–1940-х годах не только в религиозной и политических сферах. Этим занимались и представители научной элиты — историки, социологи, философы. В 1935 г. группа националистически настроенных ученых основала Африканское бюро по изучению расовых отношений (АБРС). В 1937 г. в АБРС был впервые применен термин «апартхейд» в качестве синонима понятия «расовая сегрегация». Для разработки теории расовой сегрегации большое значение имела книга профессора социологии Преторийского университета Г. Кронье «Дом для потомства», опубликованная в 1945 г. Южноафриканский историк В.А. де Клерк отмечал: «Самое удивительное заключается в том, что эта книга в своем роде оказалась наброском будущей системы. Г. Кронье утверждал, что, проводя политику сохранения расовых и культурных различий, африканеры исполняют “волю бога”». Г. Кронье предложил создать систему полного разделения проживавших в стране расово-этнических

¹² См.: *Boesak A.* Black and Reformed: Apartheid, Liberation and Calvinist Tradition. Marknoll (N.Y.), 1984.

и национальных групп, чтобы африканеры таким образом смогли остаться «чистыми» в расовом отношении. Он настаивал на немедленном введении системы раздельного проживания в городах и на роспуске межрасовых политических организаций и смешанных профсоюзов. Основой концепции Кронье было тотальное разделение, включая разделение территориальное»¹³. В 1947 г. появляется другая работа Кронье, в которой делается попытка доказать преимущество «раздельного развития рас». Существо расовой проблемы, — пишет Г. Кронье, — состоит прежде всего в том, что контакты между расами привели к расовому смешению и что расовый конфликт здесь возник как следствие господства белых». Господство белых, по его словам, обусловлено их более высокой степенью развития¹⁴.

Анализ событий, происходивших в Южной Африке и имевших прямое отношение к расовым и национальным проблемам, дает возможность определить корни и истоки апартхейда, а также степень воздействия тех факторов, которые способствовали появлению системы апартхейда. Это может помочь в выявлении признаков перехода от национализма к расизму в той или иной степени и в других странах. Как раз об этом и предупреждал еще в 1984 г. Д. Туту.

Можно сделать вывод, что основными истоками и корнями апартхейда были прежде всего экстремистская идеология национализма и политика сегрегации со стороны господствующей белой расы, а также последовавшие за ними дискриминация и угнетение людей черной расы. К этому следует добавить, что доминировавшие силы белых африканеров начисто отрицали возможность интеграции и ассимиляции людей различных рас и этнических групп.

Появлению апартхейда способствовал в значительной мере политический фактор. В руки белых африканеров переходила политическая

¹³ Цит. по: *Тухомиров В. И.* Партия апартеида. С. 68.

¹⁴ См.: *Тухомиров В. И.* Церковь... С. 29; *Rhodie N.J., Venter H.J.* Apartheid: A Socio-Historical Exposition of the Origin and Development of the Apartheid Idea. Capetown; Pretoria, 1960.

власть, а небелое население, в первую очередь черные южноафриканцы, лишалось или ограничивалось в политических и гражданских правах. Им отводилась участь жителей второго сорта.

В 1914 г. Дж. Б. Херцог (Герцог) и его сторонники — активные националисты — образовали Националистическую партию (НП), ставшую политической организацией африканерского национализма. Апогеем национализма стал 1938 г., когда отмечалось столетие Великого трека африканеров. Тогда Дж.Б. Херцог стал уже премьер-министром, а Д.Ф. Малан, лидер крайне правого крыла националистов, выражая свою позицию по поводу межрасовых отношений в Южной Африке, совершенно определенно заявил, что истинная религия, нефальсифицированная свобода и полное сохранение белой расы и цивилизации являются жизненно необходимыми условиями для существования нашего народа (африканеров. — *В. Г.*). Именно Малан, заняв в 1948 г. пост премьер-министра, сразу же провозгласил апартхейд государственной политикой.

Еще в предвыборном манифесте НП 1947 г. (Race Relations Policy of National Party), содержащем призыв к белым избирателям голосовать за «принцип апартхейда», было провозглашено:

«В нашей стране должна проводиться политика поощрения полного апартхейда как конечной цели естественного процесса раздельного развития. Апартхейд — это политика, которая поставила своей целью сохранение и защиту расовой идентичности белого населения страны и в то же время сохранение и защиту идентичности туземных народов как отдельных расовых групп с возможностями развиваться в самоуправляемые национальные общности. <...> В общих чертах наша политика предусматривает сегрегацию наиболее крупных этнических групп и подгрупп по их собственным районам, где каждая группа сможет развиваться в самодостаточную единицу. В качестве общего принципа мы отстаиваем территориальную сегрегацию банту и белых. В городах к банту следует относиться как к мигрантам, которые не могут претендовать на такие же полити

ческие и социальные права, что и белые»¹⁵. В итоге в 1948 г. НП снова пришла к власти, на сей раз уже под флагом апартхеида.

Апартхейд действует

Начался период апартхеида, который можно считать экспериментом решения проблемы межрасовых отношений. И не только в Южной Африке, поскольку эта проблема становится глобальной.

НП первым делом полностью лишила избирательных прав всех небелых южноафриканцев, завершив тем самым расово-сегрегационную политику в сфере гражданских прав. Конституционное большинство НП в парламенте обеспечивалось всего лишь пятью голосами, так что для сохранения власти партии нужны были прежде всего голоса белых рабочих и совсем не нужны голоса черных южноафриканцев в последующих избирательных кампаниях. Так открылись широкие законодательные возможности для создания системы апартхеида.

Первым шагом в этом направлении была самая массовая сегрегационная операция — бантустанизация. Черных южноафриканцев называли «банту»; резерваты, отведенные для их проживания, стали бантустанами, хотя власти называли их «хоумлендами». Сначала таких «национальных отечеств» было восемь, потом добавили еще два. Разделение страны на бантустаны проводилось на основе этнического и культурного различия. Управлялись бантустаны уже не традиционными племенными вождями, избираемыми жителями или получавшими власть по наследству, как это было в прошлом, а «вождями», назначаемыми правительством. Для полного контроля над «самоуправляемыми» хоумлендами в правительстве было создано министерство по делам банту во главе с Хендриком Фервурдом, одним из самых ярых сторонников африканерского национализма и расовой сегрегации. В 1958 г. он занял пост премьер-министра, т.е. стал руководителем всей системы апартхеида. Министр иностранных дел ЮАС Э. Лоу заявил (5 сентября

1959 г.): «Мы намерены предоставить самоуправление этническим группам черной расы... Их земли резервированы, и они станут негритянскими государствами. Поступая таким образом, мы намерены содействовать эволюции черного населения ЮАС, которое развивается в том же направлении, как и население других районов Африки...». В ответ на это Африканский национальный конгресс (АНК) провозгласил: «Конгресс отвергает концепцию создания национальных отечеств для африканцев на каких-либо произвольно ограниченных территориях. Африканцы — это автохтонные жители страны, имеющие неоспоримое право на всю Южную Африку»¹⁶.

Чтобы как-то замаскировать всеохватывающую и жесткую расовую и этническую сегрегацию, бантустанам обещали, кроме «сохранения и защиты чистоты туземных народов», постепенный переход от введенного «самоуправления» к независимости. И действительно, через двадцать пять лет правительство объявило бантустан Транскей «независимым», однако оставило за собой полный политический и экономический контроль над «независимым» хоумлендом. Основным источником доходов населения по-прежнему оставалось массовое отходничество на заработки в «белые» районы. Зато была заведена «своя армия», правда, командовали в ней белые офицеры. Несколькими годами позднее такую же «независимость» обрели еще три бантустана.

Все эти акции, касающиеся бантустанов, и другие расово-сегрегационные операции были легализованы парламентом принятием целой серии законов и поправок к законам. За период с 1948 по 1963 г. было принято 52 законодательных акта, из которых 41 имел прямое отношение к расовой сегрегации и дискриминации небелого населения Южной Африки.

Венцом бантустанизации, продолжавшейся около 30 лет, был «закон о гражданстве банту в хоумлендах» (1970 г.). Он превратил всех африканцев в граждан того или иного бантустана, лишив их южноафриканского гражданства, даже если африканец

¹⁶ Цит. по: *Давидсон А. Б.* Апартхейд — система расового порабощения // *Расовая дискриминация в странах Африки.* М., 1960. С. 85–86.

по той или иной причине всю жизнь прожил в «белом районе».

«Предполагалось, что бантустаны будут выполнять ряд функций государства апартхейда. Они могли стать своего рода свалкой для сброса африканцев, высланных из “белых” сельских и городских районов по причине того, что их сочли излишком рабочей силы в этих районах. Политика бантустанизации была также стратегией “разделяй и властвуй” — политикой разделения африканского большинства на разрозненную группу этнических меньшинств в попытке (тщетной) подорвать разворачивающееся африканское националистическое движение. Предполагалось, что бантустаны станут для африканцев аренами, где они удовлетворят свои политические устремления и амбиции, и это станет опровержением обвинения, что апартхейд представляет собой систему правления меньшинства, которое отказывает большинству в политическом соучастии. Политика бантустанизации предусматривала также лишение африканцев полного южноафриканского гражданства... Таковы были цели»¹⁷.

Главным элементом апартхейда была территориально-пространственная сегрегация. Она началась с принятия в 1913 г. закона о земле, лишившего африканцев права на владение 86% земли в стране и передавшего ее белым южноафриканцам. С наступлением периода апартхейда во время бантустанизации была введена в действие и многие годы продолжалась крупномасштабная территориальная расовая сегрегация. Режим апартхейда в 1960–1963 гг. осуществил насильственное перемещение около 3,5 млн черных южноафриканцев. Почти половина из них была переселена в бантустаны. Полмиллиона было переселено из так называемых черных пятен — земель, принадлежащих африканцам, но расположенных на территориях, отведенных исключительно для белых землевладельцев¹⁸.

Главной целью этих сельских насильственных перемещений в бантустаны было переселить туда африканцев, оставив только

¹⁷ *May lam P.* Op. cit. P. 180–181.

¹⁸ См.: *Platzky L., Walker Ch.* The Surplus People. Forced Removals in South Africa. Johannesburg, 1985. P. 9–10.

тех, чья рабочая сила была еще нужна на «белых» фермах и плантациях.

Территориально-пространственный апартхейд не ограничивался сельскими районами и распространялся на города. Сегрегационное изгнание африканцев из городских районов затруднялось немалыми потребностями в рабочей силе на промышленных предприятиях. В 1950 г. был принят закон об обязательном¹⁹ расселении городского населения по расовым группам. Реализация городской расовой сегрегации привела к сооружению обширных пригородных поселков раздельно для африканцев, индийцев и цветных. В соответствии с нормами апартхейда места для таких поселков выбирались подальше от «белых» районов, но намеренно поближе к промышленным зонам. Пространственное разделение жилых районов закреплялось буферными зонами, а также естественными или сооружаемыми барьерами²⁰.

Расовая сегрегация проводилась и среди промышленных рабочих. У пришедшей к власти Националистической партии, кроме программы расовой сегрегации как таковой, была острая потребность в поддержке со стороны белых рабочих, которые в отличие от черных рабочих имели избирательные права и голосовали за националистов. Правительство создало Комиссию по разработке нового законодательства для промышленности. Доклад этой комиссии предопределил ряд законодательных мер (8 законов и поправок к законам в 1950-х годах), направленных на обеспечение господствующего положения белых среди южноафриканских рабочих. Министр труда, действуя через «промышленные суды» и опираясь на закон об урегулировании трудовых конфликтов, получил возможность не только разделять виды занятий по расовым группам рабочих, но и резервировать определенные виды профессий и занятий для белых рабочих. Африканским рабочим было запрещено бастовать, их профсоюзы не признавались властями, расово смешанные профсоюзы вообще запрещались.

¹⁹ В 1923 г. был принят закон о расселении по расовым группам. Городскому населению, в отличие от сельского, это только рекомендовалось.

²⁰ Подробнее о расовой сегрегации в городах, в частности в Йоханнесбурге, см.: *Городнов В. П.* Черные жители «белого» города. М., 1983.

Расовой сегрегации подверглась и система образования. В 1953 г. был принят «Закон об образовании банту», который передал все школы для африканцев из ведения властей провинций не в ведение министерства просвещения, а в министерство по делам туземцев. Бывший в то время главой этого министерства Х. Фервурд разъяснил в сенате: «Общие цели закона об образовании для банту заключаются в том, чтобы превратить образование для туземцев в образование банту... В действительности для него (банту) нет места в европейской общине, за исключением некоторых видов физической работы... по этой причине ему незачем давать образование, которое рассчитано на его ассимиляцию с европейской общиной». Ему же принадлежит и фраза: «Что толку учить ребенка банту математике, если он не может применить ее на практике»²¹. В 1959 г. (Фервурд уже стал премьер-министром) появилась «Поправка о расширении сферы действия закона об университетском образовании». Эта законодательная мера означала не столько расширение университетского образования, сколько его расовую и этническую сегрегацию. Небелых студентов исключили из тех университетов, которые ранее были доступны для них, под расширением же сферы образования подразумевалось создание колледжей по этническому принципу в бантустанах (например, для зулу и тсвана) и двух отдельных университетов для индийцев и цветных студентов. По мнению Брайена Бантинга, «так же, как и школы для банту — это не настоящие школы, так племенные колледжи — это не университеты в истинном смысле слова и никогда таковыми не будут, сколько средств не затрачивалось бы на их создание и развитие. Власть и не намеревалась сделать эти колледжи центрами науки, культуры и просвещения... Первостепенной задачей является принудительная муштра молодежи в духе официальной политики апартхейда»²².

Меры расовой сегрегации, уже в рамках системы апартхейда, переходящие в дискриминацию жертв этой сегрегации, можно перечислять почти бесконечно. Пол Мейлам отмечает в книге

²¹ **Бантинг Б.** Становление южноафриканского рейха. М., 1965. С. 246–247.

²² Там же, С. 263–264.

«Расистское прошлое Южной Африки»: «Апартхейд пропитал все сферы южноафриканского общества... Очень мало видов человеческой деятельности и общественной жизни остались незатронутыми апартхейдом»²³.

В 1949 г. были запрещены смешанные браки. Еще через несколько лет (в 1957 г.) «Закон о борьбе с безнравственностью» повысил максимальное наказание за внебрачные связи между белыми и небелыми до семи лет тюремного заключения. В те же годы расовой сегрегации подверглись даже зрелища и развлекательные мероприятия и еще один закон апартхейда практически коснулся всех южноафриканцев — «Закон о разделении различных средств обслуживания» (1953 г.). Эта акция режима принесла расовую сегрегацию в самые разные сферы социального обслуживания, затронув туалеты, лифты, общественный транспорт, пляжи, парки и парковые скамейки, входы в общественные здания. Применение этого «мелкого апартхейда» временами оказывалось абсурдным, а иногда и трагическим. Были случаи, когда вызванная машина скорой помощи приезжала к месту происшествия и отказывалась доставлять пострадавшего в больницу, если цвет его кожи не соответствовал расовой категории машины. И люди умирали из-за того, что строго соблюдались нормы апартхейда.

Основой легализации апартхейда как системы управления стал «Закон о регистрации населения» (1950 г.), который предписал провести расовую регистрацию всего населения страны. Без этого было невозможно проводить расовую сегрегацию и последовавшую за нею расовую дискриминацию. С этого начались многочисленные законодательные акции правящей Националистической партии по установлению апартхейда. Для того чтобы разделить население расовыми границами, этот закон ввел классификацию населения по четырем расовым группам — белые, африканцы (по терминологии того времени «банту»), цветные (метисы — потомки смешанных браков), азиаты (в основном — индийцы). Африканцы к тому же подразделялись на этнические группы (вероятно, для предстоящей бантустанизации). Расовая принадлежность каждого определялась по его внешности, а также на основании «общего

²³ Maylan P. Op. cit. P. 183.

мнения» на этот счет. По завершении регистрации каждому полагалось получить и всегда иметь при себе удостоверение личности, в котором его расовая принадлежность навсегда заверялась несмываемой печатью²⁴. Так выглядел апартхейд в действии в 1940–1950-х годах.

Протесты и сопротивление апартхейду

В 1950–1960-е годы система апартхейда в основном сформировалась, и политика сегрегации перешла в следующую стадию — расовую дискриминацию. Расовое угнетение усиливалось в «белых» городах и бангустанах, на промышленных предприятиях и африканерских фермах, в системе образования, во всех сферах общественной жизни. Естественно, что расовая дискриминация не могла не вызвать волну недовольства и возмущения со стороны небелого населения. Сначала были протесты, много и повсюду. Потом — сопротивление.

Первой крупной организованной акцией была Кампания неповиновения (1952 г.) шести расистским законам. Среди них были законы о пропусках, которые африканцы называли «клеймом рабства», о расселении по расовому признаку, о так называемых властях банту. Руководители Африканского национального конгресса и Южноафриканского индийского конгресса призвали добровольцев нарушить тот или иной закон и подвергнуться тюремному заключению. За полгода на этот призыв откликнулось более 8,5 тыс. человек. Это была мощная демонстрация протеста против дискриминационных законов и всего расистского режима.

Новым явлением в общественной жизни Южной Африки была активность африканок. В городских условиях многие из них освободились от традиционной власти мужей и включились в протестное движение против расовой дискриминации. Особого размаха их выступления достигли в середине 1950-х годов, когда власти, укрепляя апартхейд, распространили на женщин обязанность постоянно иметь при себе пропуск. Так, в октябре 1955 г. в Претории состоялась демонстрация протеста, в которой приняли участие

²⁴ Бантинг Б. Указ. Соч. С. 174.

2 тыс. женщин. На следующий год там же в Претории в подобной демонстрации участвовали уже 20 тыс. женщин.

Форм протеста было немало. Например, «автобусный» и «картофельный» бойкоты. Поводом для них было повышение платы за проезд и бесчеловечное обращение с работниками на картофельных полях, принадлежавших фермерам-африканерам. «Бойкот не был просто протестом относительно одного пени, — писал южноафриканский коммунист Л. Бернстейн, — это было нечто большее. Это было заявление, направленное белому населению и правительству, что чаша горечи переполнилась. Это было утверждение африканским народом своей зрелости и своей решимости добиться того, чтобы с ним считались, когда дело касается его нужд»²⁵. Правительство, напуганное широким размахом таких бойкотов, нередко шло на уступки.

Из всего разнообразия мирных форм выражения возмущения и протеста против расовой дискриминации и режима апартхеида самой действенной, вероятно, была всеобщая политическая забастовка. За период с 1950 по 1961 г. было проведено пять таких забастовок. Самым массовым выступлением африканцев была всеобщая забастовка 28 марта 1960 г. Она была объявлена в знак траура по африканцам, расстрелянным во время демонстрации протеста в г. Шарпевиле 21 марта. Буря гнева и возмущения, прокатившаяся по всей стране, нашла свое выражение в этой небывалой по своему размаху всеобщей забастовке. В пяти крупнейших городах бастовало от 85 до 95% африканских рабочих. Забастовщики не только отказались выйти на работу в этот день. Тысячи людей сожгли свои пропуска — «клеймо рабства», выразив еще более решительно свой протест против полицейского террора и расистской политики правительства.

Все политические забастовки были направлены против режима апартхеида. Основные лозунги, выдвинутые в ходе забастовок, содержали требования отмены дискриминационных законов, предоставления гражданских и политических прав небелому

²⁵ Fighting Talk. March 1957. P. 7. Цит. по: *Городнов В. П.* Южноафриканский рабочий класс в борьбе против реакции и расизма (50–60-е годы XX века). М., 1969. С. 126.

большинству и т.п. Выдвигались и экономические требования, но они занимали второстепенное место.

В целом, период использования мирных, ненасильственных форм был успешным. Вполне справедливо замечание М. Хармела, писавшего под псевдонимом А. Лерумо, о том, что «было бы неправильно утверждать, что эти выступления и кампании были бесполезны. В ходе кампании гражданского неповиновения, сжигания пропусков, забастовок, демонстраций, бойкотов и других ненасильственных массовых действий намного выросло политическое сознание масс»²⁶.

Все, что происходило в этот период, было всеобщим и мощным протестом против режима апарtheidа. Но встал вопрос, что же нужно людям, страдающим от расовой дискриминации и режима апарtheidа в целом? Нужна была позитивная программа дальнейших действий. Такой программой стала Хартия свободы, принятая 26 июня 1955 г. Конгрессом народов. По мнению организаторов Конгресса, такая хартия, задуманная как проект будущего южноафриканского общества, сможет побудить народ Южной Африки к активности и заставит его «перейти от постоянных оборонительных действий к наступлению против реакционных сил в стране»²⁷.

Созыву Конгресса народов предшествовало создание по всей стране подготовительных комитетов, которые занимались сбором предложений и требований народных масс. По всей стране рассылались анкеты с вопросами: «Если бы Вы могли составлять законы, то что бы Вы сделали? С чего бы Вы начали, чтобы сделать Южную Африку счастливым местом для всех проживающих в ней людей?» Наиболее типичным был ответ Растенбургской межплеменной ассоциации фермеров, осудившей дискриминационную систему просвещения для народов банту, законы о пропусках и закон «о властях банту» и потребовавшей создания условий для восстановления посевных и пастбищных земель, прямого представительства

²⁶ **Lerumo A.** Forms and Methods of Struggle // The African Communist. 1962. № 9. P. 46.

²⁷ **Feit E.** South Africa. The Dynamic of African National Congress. L., 1962.

в парламенте для африканского народа и равного образования для всех рас²⁸.

Свои горести от режима апартхейда и надежды на будущее африканцы, присутствовавшие на Конгрессе, выразили песней:

«О, апартхейд, ты несешь нам страдания,

И апартхейд губит жизни наши,

И апартхейд детей убивает наших,

И жен угоняет наших,

И нас заставляет носить пропуска.

В нашей стране нет нам свободы,

Но Конгресс народов

*Проложит к свободе нам путь»*²⁹.

Хартия свободы стала документом, в котором было четко обрисовано положение в стране и определены цели предстоящих действий. В преамбуле Хартии провозглашалось:

«Южная Африка принадлежит всем, кто в ней живет, черным и белым, и никакое правительство не может претендовать на власть, если оно не создано по воле всего народа;

У нашего народа были отняты его исконные права на землю, свободу и мир в результате установления формы правления, основанной на несправедливости и неравенстве;

Только демократическое государство, выражающее волю всего народа, может обеспечить всем людям данные им от рождения права без различия цвета кожи, расы, пола и убеждений, вследствие чего мы, народ Южной Африки, черные и белые, как равные сограждане и братья, принимаем эту Хартию свободы».

Среди важнейших требований Хартии были следующие: «Все национальные группы должны обладать равными правами», «все

²⁸ **Benson M.** The African Patriots. L., 1963. P. 212.

²⁹ **Phillips N.** The Tragedy of Apartheid. L., 1961. P. 2.

законы, которые проводят дискриминацию на основе расовой принадлежности, цвета кожи или вероисповедания, должны быть аннулированы»³⁰.

Крепкой опорой для системы апартхеида были государственные репрессии. Они применялись со все возрастающей силой, чтобы подавить протест и сокрушить сопротивление апартхеиду. Государственный репрессивный аппарат постоянно увеличивался и укреплялся начиная с 1948 г. и особенно интенсивно в 1960-х годах. Была принята целая серия жестоких законов «о подрывной деятельности». Эти законы и поправки к ним расширяли полномочия правительства и полиции при подавлении оппозиции и давали возможность одновременно изменять существующие нормы судопроизводства. Первым подобным законом был «Закон о подавлении коммунизма», который дал такую широкую трактовку понятия «коммунизм», что министр юстиции мог запретить существование всех оппозиционных организаций³¹.

В такой обстановке на Конгресс народов и обрушились полицейские репрессии, «узаконенные» системой апартхеида. Вооруженные полицейские вторгались даже на заседания Конгресса, производили обыски и аресты руководителей и активных участников подготовки Конгресса. Многим было предъявлено обвинение в «государственной измене». На следующий год арестовали и предали суду 156 человек. Правительство явно рассчитывало одним ударом обезглавить, если удастся, движение сопротивления, а если нет, то по крайней мере изолировать их от народа на время длительных судебных процессов³².

Уровень «законных» репрессий возрос после всеобщей политической забастовки, вызванной Шарпевильской бойней 1960 г. В последующие годы парламентом в дополнение к уже существовавшим законам были приняты новые поправки, которые еще больше ужесточили репрессии против всех противников режима

³⁰ История Африки в документах. Т. 2. М., 2007. С. 465.

³¹ *Maylam P.* Op. cit. P. 185.

апартхейда. В помощь полиции правительство направило армейские части. Было сформировано двенадцать дивизионов броневиков под названием «Сарацины». Они располагались на «стратегически важных местах». К этим мероприятиям подключилась и военная авиация. Все эти меры предпринимались правительством начиная с 1957 г., как объявил сам министр обороны Дж. Фуш в армейском журнале «Коммандо» в мае 1960 г.³³

Так власти отвечали на протесты 1950-х годов. Наступал новый период, период сопротивления апартхейду, сопротивления вооруженного, боевого. 16 декабря 1961 г. в Южной Африке был провозглашен Манифест «Умконто ве сизве». Первой фразой было: «Отряды Умконто ве сизве (МК) сегодня провели запланированные нападения на правительственные сооружения, имеющие отношение к проведению политики апартхейда и расовой дискриминации. <...> Умконто ве сизве — это новая, независимая организация, созданная африканцами, в ее состав входят южноафриканцы всех рас. <...> Умконто ве сизве будет вести борьбу за свободу и демократию новыми методами, которыми необходимо дополнить действия созданных ранее организаций национального освободительного движения, а члены нашей организации, все вместе и индивидуально, ставят себя под общее политическое руководство со стороны этого движения. <...> Умконто ве сизве будет на передней линии защиты народа в борьбе за свободу, права и свое полное освобождение! Пусть правительство, те, кто привел его к власти, и те, кто своей терпимостью дает ему возможность удержаться у власти, пусть они задумаются — куда ведет страну Националистическое правительство!»³⁴

В Манифесте сказано многое. Умконто — независимое движение, но находящееся под политическим руководством группы национально-освободительных организаций, таких как Африканский

³³ *Cawthra G.* Brutal Force: the Apartheid War Machine. IDAF for South Africa. L., 1986. P. 13.

³⁴ История Африки в документах. Т. 3. С. 282–283.

национальный конгресс, Южноафриканская коммунистическая партия, Конгресс цветного населения, Южноафриканский индийский конгресс и Конгресс демократов. Эти организации не только осуществляли политическое руководство, они и создали Умконто ве сизве. Документальные материалы подтверждают это. «Важное свидетельство того, как принималось решение о создании Умконто ве сизве в 1961 г., содержится в протоколе весьма конфиденциальной встречи, состоявшейся между делегациями АНК и ЮАКП в мае 1969 г. в Морогоро (Танзания). Джо Слово, член руководства ЮАКП и Высшего командования МК, напомнил об одновременном решении руководств обеих организаций проложить новый путь — путь вооруженной борьбы»³⁵. И еще одно подтверждение — статья командующего Умконто Джо Модисе (в дальнейшем он стал министром обороны ЮАР, освободившейся от режима апартхеида), опубликованная в журнале «Даун», органе Умконто, в 1986 г. По его словам, «АНК, ЮАКП, КЦН, ЮАИК и КД встретились в г. Стангер в Натале, чтобы обсудить этот новый метод борьбы... Там и было решено: МК будет создано»³⁶.

В Манифесте Умконто говорится, что в МК входят южноафриканцы всех рас, т.е. и белые южноафриканцы, например, Джо Слово и Джек Ходжсон — оба участники Второй мировой войны; были и другие, тоже обладающие опытом боевых действий.

И наконец, последняя фраза Манифеста. В ней — цель создания и грядущих боевых действий Умконто — политическое и боевое давление на правительство Националистической партии и всех белых южноафриканцев, ставших на позиции расизма и апартхеида. Им предлагают задуматься и понять, что апартхейд — дело безнадежное, что он не только не приемлем для небелых южноафриканцев, но что они готовы бороться против режима апартхеида с оружием в руках. Более того, южноафриканское освободительное движение, ставшее на путь вооруженной борьбы,

³⁵ *Шубин В. Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М., 1999. С. 29.

³⁶ Dawn. Souvenir Issue. 1986. P.24.

имеет большую поддержку со стороны мировой общественности во главе с Организацией Объединенных Наций. В добившихся независимости африканских странах войны Умконто проходят боевую подготовку, получают современное оружие, и их очень много. Поддержка и помощь шли и со стороны Советского Союза. Как бы это ни скрывалось, власти ЮАР понимали это. Ведь ЮАКП, принимавшее участие в создании Умконто и в его руководстве, имело тесные и прочные связи с КПСС, правившей в СССР. Есть о чем задуматься создателям и политикам апартхейда в Южной Африке.

Боевые действия Умконто ве сизве не были многочисленными и успешными. Об этом можно прочесть в книге В.Г. Шубина «Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы». Отряды и группы бойцов располагались в основном в приграничных странах и оттуда пытались проникнуть в ЮАР, чтобы наносить удары по стратегическим объектам режима апартхейда. Подводя итоги усилиям руководства АНК, Д. Слово писал много лет спустя: «Можно сказать, что так продолжалось до 1976 г.; один проект следовал за другим, но ни один из них по-настоящему не был успешным. Но наши неудачи все же имели эффект. Каждый мог видеть, что АНК был бесконечно настойчив в своих усилиях, несмотря на огромные трудности. Люди узнавали, что существует преданная своему делу группа, которая все равно будет биться головой об стену, пока та как-нибудь не треснет»³⁷. И в конечном итоге стена апартхейда действительно треснула, а потом и рухнула.

1976 год был упомянут не случайно. 16 июня этого года режиму апартхейда был нанесен мощный удар. Грянуло восстание в Соуэто³⁸. Все началось с массовой протестной демонстрации школьников. Они выступили против очередной акции режима апартхейда — обязательного обучения черных школьников на

³⁷ Цит. по: *Шубин В. Г.* Указ. соч. С. 128–129.

³⁸ Соуэто — комплекс поселков около Йоханнесбурга, созданный в 1950-х годах в полном соответствии с нормами апартхейда для размещения более полумиллиона африканцев, работающих в Йоханнесбурге и на ближайших промышленных предприятиях.

языке африкаанс вместо английского языка. Ответом были выстрелы полицейских. К молодежи присоединились рабочие. Восстание распространилось по всей стране и продолжалось полгода. По официальным данным, погибло 575 человек, в том числе пять белых южноафриканцев. Из них 451 черных южноафриканцев застрелены полицейскими³⁹. «Восстание в Соуэто радикально изменило ситуацию в Южной Африке прежде всего психологически. Впервые за полтора десятилетия правительство столкнулось с массовым сопротивлением. Создались благоприятные условия не только для возобновления, но и для продолжения вооруженного сопротивления. Умконто ве сизве получило многочисленное подкрепление — новых добровольцев из числа восставших в Соуэто. Сначала сотни, потом тысячи молодых южноафриканцев, покинувших страну, приступили к военной подготовке для вооруженной борьбы с режимом апартхейда. <...> Исполком АНК принял решение создать «летучие отряды», которые могли бы проникать в Южную Африку, наносить удары и возвращаться в приграничные страны. <...> В 1979–1980 гг. боевые операции Умконто стали более эффективными»⁴⁰. Так сопротивлялись африканцы режиму апартхейда.

Кризис апартхейда

Кризис режима апартхейда проявился уже в 1960-е годы, когда активизировалось либеральное крыло церковников-реформатов. К ним присоединился один из главных теоретиков «христианского национализма» — профессор Почефструмского университета J1. дю Плесси, который резко критиковал введение системы расовой дискриминации. За ним последовал целый ряд теологов.

Состоявшаяся в декабре 1960 г. в Йоханнесбурге конференция Всемирного совета церквей подвергла острой критике основные принципы апартхейда и призвала церкви ЮАР выступить

³⁹ История Африки в документах. Т. 3. С. 337–341, 357–358.

⁴⁰ Шубин В.Г. Указ. соч. С. 128–129.

с осуждением расистских порядков. Делегаты НГК присоединились к заключительной резолюции конференции, гласившей, что политика апартхеида не имеет религиозного основания. В 1968 г. Южноафриканский совет церквей принял в качестве своего программного документа «Послание к народу Южной Африки». В этом документе политика «раздельного развития» объявлялась «религиозно ложной» и «находящейся в противоречии с принципами христианской религии». В нем содержался также призыв к правительству отменить «социальные структуры апартхеида».

В ноябре 1977 г. появился документ, названный «Декларацией Койнония» (The Koinonia Declaration). Он был составлен несколькими профессорами Почеструмского университета, к которым присоединились два пастора и теолог НГК Д. Бош. Авторы Декларации заявили: «Все люди, проживающие в границах Южной Африки, должны иметь одинаковые права для выполнения своего долга». В документе отмечалось, что ни одна из национальных групп не имеет права господствовать над другими и что политика расизма не может иметь под собой никаких оснований.

В 1982 г. Генеральный синод Голландской реформатской церкви пересмотрел свою прежнюю программу и принял новую, названную «Церковь и общество: свидетельство Голландской реформатской церкви». Документ был опубликован только в 1986 г. Новая программа объявила расизм «страшным грехом». Вот небольшая выдержка из нее:

«Вслед за полемикой, которая на протяжении ряда лет велась в церковной печати, на конференциях, заседаниях комиссии и синода по вопросу о политике, известной под названием апартхеида, постепенно росло убеждение, что насильственное разделение и отделение людей не может считаться вытекающим из Библии. Попытку оправдать такую практику как продиктованную Библией необходимо считать ошибочной и отвергнуть. Голландская реформатская церковь убеждена, что осуществление апартхеида как социальной и политической системы, при которой неизбежно ущемляется человеческое

достоинство, а одна группа населения угнетает другую, не может быть приемлемым по христианско-этическим нормам, потому что эта система противоречит самой сущности концепции любви к ближнему, уважения человеческого достоинства».

Синод признал, что церковь совершала ошибку, когда на протяжении многих десятилетий использовала Библию для оправдания расовой дискриминации.

В июне 1982 г. в периодическом издании НГК «Да Керкбоде» было опубликовано открытое письмо, в котором содержалась критика библейского оправдания апартхеида, его философских основ, расистской действительности апартхеида. Среди 123 подписавшихся были видные реформатские теологи и профессора университетов. Более 40 человек были пасторами или проповедниками в приходах. Авторы письма требовали отмены законов апартхеида.

Так постепенно усиливалось противоречие между либеральными и консервативными сторонниками «христианского национализма», превратившегося в апартхейд. В 1980-х годах была окончательно подорвана идеологическая основа и устранено теологическое прикрытие апартхеида в реформатских церквях.

Кроме голландских реформатских церквей, пользовавшихся традиционно сильным влиянием среди африканеров, в Южной Африке были (они есть и сейчас) и другие христианские церкви: англиканская, методистская, католическая, пресвитерианская и другие, прихожанами которых были не только большинство англоязычных белых южноафриканцев, но и черные южноафриканцы. И все они (церкви), в той или иной мере, сторонились расистской позиции реформатских церквей или занимали антирасистскую позицию и выступали против режима апартхеида.

Особенно твердую позицию в антирасистском движении занимала англиканская церковь. В 1949 г. после провозглашения апартхеида государственной политикой англиканский синод выступил с требованием предоставления политических прав всем

гражданам независимо от их расовой принадлежности, при единственном условии «достижения ими определенного уровня образования». А за год до этого заявления англиканские епископы осудили расовую дискриминацию и публично выступили против принятия объявленных законопроектов апартхеида⁴¹. Похожей позиции придерживались и методисты, которые в 1948 г. на своей ежегодной конференции приняли следующую резолюцию (The Churches' Judgement on Apartheid): «Ни один человек любой национальности не может быть лишен конституционных прав и привилегий только на основе расовой принадлежности... Политические и социальные права, особенно тех групп, которые подвергаются дискриминации, не должны сокращаться, а, наоборот, должны развиваться и расширяться в целях большей пользы...»⁴².

В 1953 г. синод Англиканской церкви принимает резолюцию, в которой заявляет: «Мы убеждены, что единственной оправданной политикой является то, что предоставляет всем расовым группам полные возможности для развития. Мы считаем морально неверным проведение политики, ставящей целью сохранение в постоянном подчинении определенной расовой группы, и убеждены, что именно эту цель преследует политика расовой дискриминации, которая осуществляется в нашей стране»⁴³. Осудила апартхейд и Южноафриканская конференция католических епископов в феврале 1964 г., хотя и не единогласно; позицию противников апартхеида среди католиков значительно укрепили решения Второго Ватиканского собора.

В ноябре 1980 г. Постоянный комитет Англиканской церкви опубликовал брошюру, в которой говорилось: «Апартхейд — это несправедливость и зло. Церковь же борется против несправедливости и зла. Она защищает угнетенных и неимущих». В англиканских приходах было зачитано послание архиепископа Кейптаунского

⁴¹ См.: *Тихомиров В. И.* Церковь... С. 59–60; *Hope M., Young J.* The South Africa Churches in Revolutionary Situation. Maryknoll (N.Y.), 1981.

⁴² Цит. по: Тихомиров В.И. Церковь... С. 80.

⁴³ Там же, С. 81

и 13 епископов и их викариев с призывом к активизации борьбы против расизма. В послании прямо провозглашалось, что церковь «должна быть готова сыграть свою роль в приближении дня осуществления необходимых перемен»⁴⁴. Синод Англиканской церкви в ноябре 1982 г. определил апартхейд как «глубоко антихристианское, вредное учение, как ересь». Апартхейд, гласила принятая на синоде резолюция, «отвергает центральное положение христианской веры о том, что Господь через Христа стремится к примирению, поскольку он (апартхейд. — В. Г.) основан на принципе непримиримости отдельных рас»⁴⁵. Позиции и действия почти всех христианских церквей в ЮАР, в том числе реформатских, прозревших к этому времени, сыграли важную роль в антирасистском движении и в демонтаже расистской системы апартхейда. К этому они пришли в немалой степени и под давлением мировой общественности, которая постоянно и активно осуждала апартхейд и добивалась его ликвидации. Активность мировой общественности проявлялась в деятельности Организации Объединенных Наций.

В 1988 г. Специальный комитет ООН против апартхейда в Южной Африке подводил итоги своей 25-летней деятельности по организации действий государств-членов ООН и мировой общественности в борьбе против апартхейда и по разработке стратегических акций, призванных способствовать уничтожению апартхейда. Среди членов Комитета были пять виднейших политических и религиозных южноафриканских деятелей. Один из них — Алан Бусак, председатель синода Голландской реформатской миссионерской церкви, президент Всемирного альянса реформатских церквей. Выступая на этом собрании, А. Бусак назвал апартхейд «раковой опухолью в государствах современного мира, преступлением против человечества и позором для нашей страны»⁴⁶.

⁴⁴ *Тихомиров В. И.* Церковь... С. 98.

⁴⁵ Там же. С. 99.

⁴⁶ Южноафриканская республика. Экономический справочник. М., 1982. С. 55.

Если церковь меняла свое отношение к апартхейду постепенно, реагируя на акции расистского режима, то в сфере экономики недовольство апартхейдом со стороны предпринимателей и бизнесменов проявилось с момента его установления.

Экономические изъяны системы апартхейда стали очевидными уже в 1960-е годы. Недостаток квалифицированной рабочей силы, особенно на предприятиях обрабатывающей промышленности, стал ощущаться с конца 1950-х годов. В 1964 г. не хватало 50 тыс. квалифицированных рабочих, а в 1970 г. — уже 100 тыс.⁴⁷ В 1960-е годы южноафриканские промышленники открыто выступали за отмену «базисных законов» апартхейда. Директор правления «Англо-Америкэн корпорейшн» Гарри Оппенгеймер заявил в те времена: «Дискриминация по расовой принадлежности или по цвету кожи является неправильной с точки зрения морали, а с точки зрения экономики — неприемлемой»⁴⁸.

Противоречия системы апартхейда, проявившиеся в 1950–1960-е годы, переросли в 1970-х годах в кризис. С требованием отмены или изменения экономических законов апартхейда выступали не только отдельные бизнесмены, но и многие предпринимательские объединения, различные компании. Предложения по ослаблению негативных экономических сторон системы апартхейда исходили даже от государственных корпораций, например от Корпорации по производству чугуна и стали (ИСКОР).

После массового восстания против режима апартхейда в Соуэто в июне–августе 1976 г. многие бизнесмены, выступавшие раньше только за отмену экономических законов апартхейда, затрагивавших их интересы, осознали необходимость устранения и политико-дискриминационного законодательства. Причины такого изменения взглядов четко определил все тот же Г. Оппенгеймер: «Белый человек принес в Южную Африку

⁴⁷ The Times. 04.06.1964.

⁴⁸ United Nations Special Committee against Apartheid: 25 years of Commitment to the Elimination of Apartheid in South Africa. N.Y., 1988. P. 1,7.

позитивные и негативные изменения. Позитивным изменением является частное предпринимательство — капитализм, который дал возможность стране стать одной из ведущих промышленно развитых стран мира. Негативным изменением является расизм... Небелые жители Южной Африки считают капитализм и расизм тесно связанными друг с другом. Пока ЮАР не сделает отступлений в области расовых отношений, тот, кто борется за уничтожение системы расизма, уничтожит и капитализм»⁴⁹.

В 1981 г. на конференции в Йоханнесбурге при участии более 600 крупных бизнесменов специальным комитетом в составе глав десяти крупнейших монополий была разработана программа «минимальных требований» к правительству. Бизнес настаивал на форсированной отмене законов апартхейда, «ограничивающих мобильность рабочей силы»⁵⁰. Это было требование покончить с расовой дискриминацией рабочих африканцев.

Таково было отношение южноафриканских предпринимателей к системе апартхейда, которая мешала им и которая, противореча реальной экономике, зашла в тупик.

Не удалась и основная сегрегационная акция политики апартхейда — создание бантустанов, где должны были жить и «развиваться» африканцы, не только отделенные от белых южноафриканцев, но и разделенные между собой по этническим признакам. «В 1970-е годы становилось все очевиднее, что несоответствие системы апартхейда объективной реальности достигло вершины кризиса, — оценивал обстановку в стране Пол Мейлам. — Полностью провалилась политика бантустанизации. Было ясно, что бантустаны никоим образом не станут жизнеспособными политическими или экономическими самостоятельными единицами. Правительство еще цеплялось в 1980-х годах за эту политику, хотя давно уже было очевидно, что система бантустанов развалилась»⁵¹. Это было

⁴⁹ The African Communist. L., 1979. № 76. P. 64.

⁵⁰ Rand Daily Mail. Johannesburg. 13.11.1981.

⁵¹ Maylan P. Op. cit. P. 181

серьезным поражением всей системы апартхейда, несмотря на то что в бантустаны было насильственно переселено около 2 млн африканцев.

«Реагируя на разрушение системы апартхейда, — отмечал тот же П. Мейлам, — правительство в конце 1970-х годов начало потихоньку демонтировать институционализированную расистскую систему, пытаясь в то же время гарантировать сохранение власти в руках белых — некоторые называли это “модернизацией” расового господства»⁵².

В программном документе южноафриканской Прогрессивной партии дается психологическая характеристика межрасовых взаимоотношений белых и черных южноафриканцев: «В любом многорасовом обществе, вероятно, в каждой его общине существует глубоко сидящий страх, что над ней может господствовать другая расовая община. <...> Белые боятся, что со временем численно превосходящие их африканцы установят политический контроль над ними и что неафриканские общины будут ущемлены в правах так же, как это сейчас происходит с африканцами. Именно этот страх заставляет сейчас многих белых из всех сил цепляться за свое господствующее положение даже в том случае, когда сами понимают, что такое положение не имеет морального оправдания и что, в конце концов, его невозможно сохранить. <...> Что нам нужно, так это парламент, сформированный таким образом, чтобы политическое господство одной расы было невозможно, независимо от того, какая расовая община получит большинство на всеобщих выборах»⁵³.

Все попытки правительства, сначала во главе с Б. Форстером, затем с П. Ботой, найти такой путь модификации режима апартхейда, чтобы сохранить господство белой расы, были тщетны. Не помогли ни новая конституция 1984 г., ни обещания отменить законы, ограничивающие свободу передвижения (пропуска, миграционный контроль), и ввести единый южноафриканский паспорт. Попытки политических реформистов, как в правительстве, так и

⁵² *Maylam P.* Op. cit. P. 204.

⁵³ Цит. по: История Африки в документах. Т. 3. С. 62.

вне его, преобразовать ЮАР в федеративное или даже конфедеративное государство также остались пустыми разговорами. Все это делалось, чтобы заменить полностью дискредитировавшую себя, доказавшую политическую несостоятельность и экономическую неэффективность политику государственного апартхеида не менее дискриминационными, но внешне замаскированными политикоправовыми структурами. Иными словами, сохранив контроль над политической властью, избавиться от экономических пут апартхеида.

Кризисная ситуация из-за неудач политики апартхеида отразилась и на правящей Националистической партии. Одна из ее фракций, «ферлихте», выступала за господство белых, но господство реформированное. Вскоре среди них появились «неоферлихте» (левые), еще более резко выступавшие против системы апартхеида. О них можно судить по перемене отношения к апартхейду в 1980-х годах одного из ведущих идеологов НП — профессора Почефструмского университета Виллема Дж. де Клерка. Бывший сторонник апартхеида, он, примкнув к «неоферлихте», заявил в африканерской газете «Раппорт»: «Нам необходимо уничтожить идеологию, господствующую в этой стране, причем сделать это срочно и не откладывая на будущее. <...> Мы должны порвать с идеологией апартхеида: 1984 г. должен еще глубже разрушить его идеологическое самооправдание. Такие понятия, как автоматическое членство в рядах олигархии, обладающей исключительными правами, изоляция по цвету кожи, надменность расизма, разделяющего и подвергающего дискриминации людей, — все это включено в действующие законы и обычаи и существует под покровом верховной святости. Этнический бог манипулирует разделением (апартхейдом. — **В. Г.**) настолько, что сам становится дьяволом, уничтожающим человеколюбие и возможность сосуществования»⁵⁴.

Правящая НП к этому времени не только раскололась на сторонников и противников апартхеида, но и почти полностью отвернулась от апартхеида.

⁵⁴ Цит. по: *Тихомиров В. И.* Партия апартеида. С. 192–193.

Кардинальное изменение в политике НП произошло с избранием в 1990 г. президентом ЮАР Фредерика В. де Клерка. Началась активная переговорная деятельность с руководством Африканского национального конгресса, с Нельсоном Манделой. Перед этим Нельсон Мандела сразу же после своего освобождения из тюремного заключения выступил на стадионе в Соуэто, пригороде Йоханнесбурга, обращаясь к 120 тыс. своих соотечественников. И об апартхейде он сказал: «Большинство южноафриканцев, черных и белых, осознали теперь, что у апартхейда нет будущего. С ним нужно покончить, и мы добьемся этого своими решительными массовыми действиями, обеспечив тем самым мир и безопасность в стране. <...> Неисчислимы беды, принесенные апартхейдом на наш субконтинент. Разрушены семьи миллионов людей, людей моего народа. Миллионы бездомных и безработных. Наша экономика лежит в руинах, а народ втянут в политическую междоусобную борьбу»⁵⁵.

В самом начале своего правления, 21 марта 1990 г., новый президент ЮАР встретился с министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. Мировая пресса назвала беседу Ф.В. де Клерка и Шеварднадзе «исторической» и «сенсационной». Дипломатическое выражение «беседа прошла в конструктивном духе» полностью отражало характер этой встречи. После встречи у Шеварднадзе сложилось впечатление, что господин де Клерк понимает: апартхейд — это анахронизм нашего времени. И хотелось верить в то, что он сказал о планах ликвидации апартхейда. И через год это подтвердилось, когда де Клерк докладывал парламенту ЮАР: «Прошел год, как Южная Африка взяла новый курс. События следовали быстро одно за другим, и у меня нет сомнений, что наша страна вышла на путь своего обновления. Перед нами, избавившимися от расовой дискриминации, стоит цель — дать всем южноафриканцам полные права и возможности во всех сферах жизни». Затем Ф. В. де Клерк представил членам парламента программный документ под названием «Манифест для Новой Южной Африки».

В этом многостраничном документе, предшественнике новой конституции, говорилось: «Мы, южноафриканцы, декларируем, что справедливой и прекрасной Новой Южной Африке, избавившейся от апартхеида, необходима крепкая южноафриканская нация. <...> Права всех людей и всех меньшинств, определенные на нерасовой основе, будут адекватно защищены и конституционно гарантированы»⁵⁶. Этот документ датирован 1 февраля 1991 г., а уже 29 апреля президент сообщил через прессу: «Наша цель — создание южноафриканского государства, свободного от каких-либо проявлений подавления, насилия, неравенства и дискриминации. Мы уже сделали значительные шаги к этой цели. Мы уже отменили более ста законов, основанных на принципе расовой дискриминации, и впредь не собираемся издавать законы, подобные прежним. Нет никакого сомнения в том, что в день выхода этой статьи все основные законы апартхеида уже будут отменены»⁵⁷.

Апартхейд не только оказался в тупике. Его создатели, и политические и религиозные, поняли, что дело это безнадежное, и стали сначала постепенно, а потом решительно и полностью уничтожать всю систему апартхеида. Эксперимент создателей системы апартхеида, пытавшихся решить проблему межрасовых отношений таким образом, чтобы сохранить свое господство над другой расой, завершился. Результат оказался отрицательным для «экспериментаторов». Но у него оказалась и положительная сторона. Те, кому в других странах приходится решать подобные проблемы, вероятно, поняли, что идти по этому же пути — значит обресть себя на поражение. Путь, по которому южноафриканские «экспериментаторы» шли почти все XX столетие, — от радикального национализма и ксенофобии через расовую сегрегацию и дискриминацию к расизму в облике апартхеида — оказался тупиковым и даже опасным.

В заключение можно, и даже нужно напомнить слова, произнесенные Табо Мбеки, президентом новой и свободной от расовой

⁵⁶ Address by State President, Mr. F.W. de Klerk, at the Opening of the Third Session of the Ninth Parliament of the Republic of South Africa (February 1, 1991). Cape Town, 1991. P. 28–29.

⁵⁷ The Time International: The Emerging New South Africa. April 29, 1991. P. 5.

дискриминации Южно-Африканской Республики, в 2000 г. на международной конференции по расизму: «Практика расизма является антигуманной и грубейшим нарушением прав человека. <...> Расизм проявляется в разных сферах: идеологической, существуя как идея, и в социально-экономической, пронизывая социальные, политические, экономические, культурные и властные отношения благодаря подавлению и дискриминации жертв расизма. <...> Наследие расизма так глубоко укоренилось, что ни одна страна в мире не преуспела в создании нерасового общества. Действительно, весьма тревожный всплеск расизма и ксенофобии в настоящее время является частью социально-политической действительности некоторых стран Севера»⁵⁸.

Итак, эксперимент завершен, система апартхеида признана ненужной, даже вредной. С апартхейдом в Южной Африке покончено. Однако остались опасные микробы апартхеида, микробы расизма. Они распространяются там, где есть для них питательная почва, а почва эта — прежде всего ксенофобия и национализм.

Приложение

1. Из письма премьер-министра ЮАС Д.Ф. Малана американскому священнику Дж.Е. Пиерема в ответ на просьбу «дать откровенное описание апартхеида». 12.02.1954⁵⁹

Апартхейд — божественное призвание

<...> Нужно прежде всего понять, что апартхейд, разделение, сегрегация или дифференциация — как бы ни называлась традиционная расовая политика Южной Африки — все это составная часть южноафриканской традиции, берущей начало со времен первого поселения голландцев на Кейпе в 1652 г. и до сих пор поддерживаемой подавляющим большинством белых южноафриканцев, состоящих в основных политических партиях.

⁵⁸ История Африки в документах. Т. 3. С. 394.

⁵⁹ Перевод осуществлен с издания: Apartheid: Divine Calling by D.F. Malan. The Anti-Apartheid Reader / ed. by D. Mermelstein. N.Y., 1977. P. 94–98.

Глубоко укоренившееся расовое самосознание белых южноафриканцев — явление, которое не в состоянии понять не очень осведомленные, — берет свое начало от базового различия между двумя группами, белыми и черными. Различие по цвету кожи — это просто физическое проявление контраста между двумя несовместимыми образами жизни, между варварством и цивилизацией, между язычеством и христианством и, наконец, между многообразием и его отсутствием. Расовая дифференциация провозглашается сейчас так же, как и 300 лет назад.

С самого начала европейские колонисты составляли незначительное меньшинство; нет никакого сомнения, что если бы они поддались соблазну ассимиляции, то их бы затопило язычество черной Африки иплоть до полного уничтожения. По необходимости им пришлось вооружаться и защищаться от все возрастающей угрозы; и что бы могло стать более надежной защитой, нежели окружить себя непроницаемой броней — броней расовой чистоты и самосохранения?

<...> Южноафриканские расовые отношения, означавшие выживание, недопущение смешанных браков, предотвращение ассимиляции, стали реальностью только благодаря христианской вере и претворению ее в жизнь, что, в свою очередь, привело к сохранению расовой идентичности и взаимному уважению.

Такова основа апартхеида. <...>

Здесь проводится грандиозный эксперимент; не чреватый кровавым истреблением и не приукрашенный ассимиляцией, а вдохновленный верой в логическое разделение с принятием основных человеческих прав и обязанностей. Однако пользоваться человеческими правами и выполнять соответствующие обязанности могут только люди, способные оценить их значимость, и вот здесь-то мое правительство, имеющее дело со все еще примитивным небелым населением, сталкивается с огромной проблемой образования. <...>

Обвиняют, что небелым в нашей стране не предоставлены политические права. Это — неправда. В городских районах есть консультативные советы, члены которых избираются жителями черных городских поселков, получающих таким образом возможность адекватного самовыражения. Кроме того, в сельских районах в соответствии с законом о властях банту созданы племенные органы власти; через эти органы банту предоставлена возможность играть активную роль в управлении их собственными делами, и по мере их развития на них будет возлагаться

все больше ответственности и обязанностей наряду с ростом привилегий. Все это будет продолжаться, пока они не докажут, что компетентны управлять собой. <...>

Теоретически цель политики апартхеида можно было достичь, разделив страну на два государства: все белые — в одном, а все черные — в другом. Однако в обозримом будущем это просто практически нереальная политика. <...>

В любом случае полное осуществление политики раздельного расового развития займет очень много лет. Можете назвать это экспериментом, если вам нравится, и тогда можно сказать, что это эксперимент, находящийся на начальных стадиях. Многие аспекты этой проблемы, конечно, все еще далеко не ясны, и было бы неразумно, даже если это возможно, выработать план действий на 50 лет вперед. Скорее всего прогресс будет достигнут путем проб и ошибок.

Комментарий

Премьер-министр Д.Ф. Малан ответил американскому священнику письмом, в котором действительно откровенно изложил свое мнение об апартхейде. Отвечая американцу, Малан коснулся даже перспективы системы апартхеида. Он не только согласился с автором письма к нему, назвавшим политику апартхеида «экспериментом», но и оценил это как «грандиозный эксперимент, находящийся на начальных стадиях и вдохновленный верой в логическое разделение при развитии», т.е. в апартхейд. Более того, Малан был уверен, что пройдет много лет и «скорее всего прогресс будет достигнут». Первый премьер-министр эпохи апартхеида не дождался ожидаемого прогресса, и не потому, что он скончался через пять лет после своей отставки в конце 1954 г., а потому, что «грандиозный эксперимент», который продолжался почти полвека, привел не к прогрессу, а к тупику и полному провалу. Апартхейд был демонтирован, и не только его оппонентами, но и его же создателями.

2. Циркуляр № 25 от 1967 г. Категории африканцев, подлежащих выселению в бантустаны в первую очередь⁶⁰

Официальная политика правительства заключается в том, что банту являются лишь временно проживающими в европейских районах

⁶⁰ Перевод осуществлен с издания: *Desmond C. The Discarded People*. Baltimore, 1971. P. 42.

Республики; когда они становятся по той или иной причине более неспособными выполнять работу или избыточными на рынке рабочей силы, они должны возвратиться в страну своего происхождения, или на территорию, или в национальный район, которому они соответствуют по этническому признаку... необходимо сделать абсолютно все возможное, чтобы добиться выселения в хоумленды непродуктивных банту, в настоящее время проживающих в европейских районах. К банту, которые должны быть отправлены в хоумленды, относятся:

1. Престарелые, недееспособные, вдовы, женщины с иждивенцами, детьми и семьи, которые не подходят для проживания в европейских городских районах;

2. Работающие на европейских фермах, старые или недееспособные, число которых превышает установленное... или сквоттеры из числа банту из районов миссионерских станций и черных пятен, подвергшихся ликвидации;

3. Врачи, адвокаты, коммерсанты, торговцы, предприниматели и т.д., которые не востребованы на европейском рынке рабочей силы.

3. Харарская декларация Всемирного совета церквей.

Декабрь 1985 г.⁶¹

Мы пришли к выводу, что структура апартхейда противоречит воле Бога, а существующее правительство не заслуживает доверия. Мы призываем к отмене чрезвычайного положения, разрешению легальной деятельности всех запрещенных организаций, возвращению эмигрантов и передаче власти в руки большинства народа на основе всеобщего избирательного права.

Мы полностью понимаем и поддерживаем тех в Южной Африке, кто призывает к отставке правительства. Мы считаем, что это стало бы наиболее подходящей и разумной переменной с целью образования нового демократического представительного правительства в Южной Африке.

⁶¹ Перевод осуществлен с издания: Weekly Mail. Johannesburg. 05.12.1985. На конференции в Хараре (Зимбабве) участвовали церковные лидеры из Западной Европы, Америки, Австралии, Южной Африки, представители Всемирного совета церквей.

Мы призываем все церкви в Южной Африке и за ее пределами продолжать молиться за народы Южной Африки и отметить день 16 июня — 10-ю годовщину восстания в Соуэто — как Всемирный день молитвы за прекращение несправедливого правления в Южной Африке.

Мы призываем все международное сообщество не допускать предоставления или продления банковских займов правительству, банкам, корпорациям и полуправительственным организациям ЮАР.

Мы призываем все церкви в Южной Африке и за ее пределами оказывать поддержку южноафриканским движениям, борющимся за освобождение своей страны.

Мы призываем международное сообщество немедленно установить всеобъемлющие санкции против ЮАР.

© Городнов В.П., 2009

И.И. Филатова, А.Б. Давидсон

Какого цвета «южноафриканское чудо»?

Национально-демократическая революция и национальные отношения в ЮАР в конце XX — начале XXI в.

После формальной отмены апартхеида в ЮАР в начале 1990-х годов журналисты и политологи впервые заговорили о «южноафриканском чуде» — возможности мирного перехода власти к демократически избранному правительству и мирной трансформации законодательно расчлененного по расовому признаку южноафриканского общества в единую нацию. В 1994 г. в ЮАР прошли первые демократические выборы, Нельсон Мандела сформировал правительство национального единства и провозгласил политику национального примирения. В стране началась настоящая эйфория. Епископ Десмонд Туту провозгласил, что Южная Африка уже стала «радужной нацией». Но прошло совсем немного времени, и южноафриканцы стали относиться к этим словам скептически, а то и с насмешкой.

Расовая дискриминация была основой государственной структуры страны на протяжении столетий, не говоря уже о четырех с лишним десятилетиях режима апартхеида. Она оставила глубочайший след в исторической памяти южноафриканцев, как черных, так и белых. Этот след и определяет в большой мере то, как развивались события в стране после краха апартхеида.

Теоретические основы национальной политики АНК

Африканский национальный конгресс (АНК) — нынешняя партия власти в ЮАР — занимался осмыслением расовых и национальных проблем десятилетиями, но единого определения нации,

как и четкой программы национально-расовой политики, организация не выработала. Теоретики АНК не пришли к единому мнению о том, сколько наций в ЮАР¹.

В Хартии свободы, документе, принятом в 1955 г. и признанном программным и АНК, и его союзниками — Конгрессом южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ) и Южноафриканской компартией (ЮАКП), говорится и об одной нации («Мы, народ Южной Африки...»), и о двух («Южная Африка принадлежит всем, кто в ней живет, черным и белым...»), и о нескольких национальных группах². В 1979 г., в своем новогоднем послании АНК Оливер Тамбо выступил с лозунгом «Одна страна, один народ, одно правительство — правительство народа Южной Африки»³. В документе «Основы конституции», сформулированном в 1986 г., руководство АНК утверждало: «Государственной политикой будет развитие единой национальной идентичности... государство признает языковое и культурное разнообразие народа...»⁴ В это же время генеральный секретарь ЮАКП Джо Слово писал о том, что Южная Африка — это единая «нация в процессе становления», или «становящаяся нация», «единая нация, объединяющая все этнические

¹ Эта тема подробно освещена в следующих работах: *Alexander N.* An Ordinary Country. Issues in the Transition from Apartheid to Democracy in South Africa. Pietermaritzburg, 2002; *Chipkin I.* Do South Africans Exist? Nationalism, Democracy and the Identity of the People'. Johannesburg, 2007; The National Question in South Africa / ed. by M. van Diepen. L., 1988; *Filatova I.* Contested Domains: National Identity and Conflict in Russia and South Africa. Johannesburg, 1992; *Idem.* One, Two or Many? Aspects of South African Debate on the Concept of Nation. Johannesburg, 1995; *Sizwe No* (N. Alexander). One Azania, One Nation. The National Question in South Africa. L., 1979; '*Mzala*' *Nxumalo J.* The National Question in the Writing of South African History. A Critical Survey of some Major Tendencies // Working Paper. Vol. 22. Walton Hall, n.d.

² From Protest to Challenge. A Documentary History Of African Politics in South Africa, 1882–1964. Vol. 3 / ed. by T. Karis, G. Gerhart. Stanford, 1977. P. 205.

³ Sechaba. April 1979.

⁴ African National Congress. Constitutional Guidelines for a Democratic South Africa. Lusaka, n.d. [1986].

общности» с «национальной культурой, в которой участвуют разные этнические группы»⁵. В конце 1980-х — начале 1990-х годов был введен в оборот термин «нерасовость», противопоставлявшийся «многорасовости», которую пропагандировали представители белой либеральной интеллигенции. В предвыборном манифесте АНК 1994 г. говорилось о «нации, построенной в результате развития наших разных культур, верований и языков, как источнике нашей общей силы»⁶.

Приход АНК к власти не добавил ясности в его видение южно-африканской нации. В 1996 г. Табо Мбеки, тогда вице-президент страны, в речи «Я — африканец», произнесенной по поводу принятия новой конституции, упомянул и зулусов, и коса, и кои, и сан, и цветных, и африканеров, и даже южноафриканских китайцев, объединив их всех в единый образ африканца⁷. Но всего через два года в другой речи он сказал, что «Южная Африка — страна двух наций. Одна из этих наций — белая, относительно зажиточная... Другая, большая нация... — черная и бедная»⁸. Еще через три года Мбеки, уже будучи президентом ЮАР, говорил о вкладе в борьбу против апарtheid представителей четырех национальных групп страны⁹.

Но при всей этой разногласии в теоретических документах, определяющих подход АНК к национальному вопросу, прослеживается единая линия.

Начать нужно снова с Хартии свободы, поскольку считается, что принципы, провозглашенные в ней, лежат в основе всех более поздних документов АНК и политики руководимых этой

⁵ *Slovo J.* The South African Working Class and the National Democratic Revolution: Umsebenzi Discussion Paper. South African Communist Party Publication. N.p., n.d. [1988].

⁶ African National Congress. A Better Life for All: Working together for Jobs, Peace and Freedom. Johannesburg, 1994.

⁷ *Mbeki T.* Africa. The Time Has Come. Selected Speeches. Cape Town, 1998. P. 31–36.

⁸ *Mbeki T.* Op. cit. P. 71.

партий правительств. Во втором пункте Хартии провозглашено следующее¹⁰.

Все национальные группы будут иметь равные права:

- все национальные группы и расы будут иметь равный статус в государственных органах, судах и школах;
- все национальные группы будут защищены законом от оскорбления их расовой и национальной гордости;
- все люди будут иметь равные права пользоваться своим языком и развивать свою народную культуру и обычаи;
- пропаганда и практика дискриминации по признаку нации, расы и цвета кожи и презрения (к любому из них. — *И. Ф., А. Д.*) будут наказуемым преступлением;
- все законы и практика апартхеида будут отменены.

Из текста документа ясно, однако, что условием осуществления такого политического равенства АНК считал радикальную социально-экономическую перестройку общества, в частности, национализацию горнорудной промышленности, банков и ферм и установление государственного контроля над остальной промышленностью и торговлей.

В 1969 г. на конференции в Морогоро АНК развил и несколько изменил свои теоретические подходы к национальному вопросу. Главный акцент теперь делался не на политическое равенство, а на освобождение африканцев. В резолюции конференции «Стратегия и тактика Африканского национального конгресса» говорилось: «Главное содержание настоящей стадии южноафриканской революции — национальное освобождение самой большой и наиболее угнетаемой группы — африканского народа. Эта стратегическая цель должна определять каждый аспект нашей борьбы, от формулирования политики до создания структур. Среди прочего, она требует прежде всего максимальной мобилизации африканского народа как лишенной всего и расово угнетенной нации... Она должна стимулировать и углублять уверенность нашей нации, национальную гордость и национальное самоутверждение... Эти

качества не противоречат принципам интернационализма. Наоборот, они становятся основой более длительного и значимого сотрудничества; сотрудничества добровольного и равного... *В конечном итоге только успех национально-демократической революции, которая, разрушив существующие социальные и экономические отношения, приведет к исправлению исторических несправедливостей, совершенных против всего туземного большинства, и заложит основу нового и более глубокого интернационалистского подхода*¹¹.

В документе говорилось о том, что ЮАР — это колония «особого типа», в которой колонизаторы и колонизованные проживают на одной территории, и подтверждался принцип радикального социально-экономического переустройства общества как предпосылки установления настоящего, а не «формального» равенства. Такое переустройство авторы документа называли национально-демократической революцией (НДР) — первой ступенью революционного процесса, который должен был вывести страну за рамки «формального» политического равенства, возможного при капитализме.

Эти идеи легли в основу всех последующих документов АНК, определявших его национальную политику. В большой мере определяют они ее и по сию пору.

АНК пришел к власти в результате политического компромисса и переговоров, а не революционной победы, но на его теоретических взглядах это отразилось мало. В 1992 г., в разгар переговоров, Слово писал, что переговорный процесс является ступенью к достижению «более благоприятных позиций», с которых «освободительные силы» смогут продвигаться к «основной цели — национально-демократической революции»¹². НДР осталась основой официальной политики АНК после его прихода к власти. Вопрос заключался в том, как трактовать это понятие.

Конечно, в стране, где социальное размежевание в обществе было насильственно совмещено с расовым, общая задача нового

¹¹ Strategy and Tactics of the African National Congress, As adopted by the ANC meeting at Morogoro, Tanzania, 25th April — 1st May 1969. N. p., 1970.

¹² *Slovo J.* Negotiations: What Room for Compromise? // African Communist. 1992. 3rd Quarter. P. 37.

государства была очевидна: не только ликвидировать искусственные препятствия и перегородки между расовыми группами, но прежде всего добиться ощутимого улучшения положения огромного большинства населения, поставленного апартхейдом в условия нечеловеческой нищеты. Но как именно это сделать? В начале 1990-х годов руководство АНК отказалось от идеи национализации, так как понимало, что в условиях новой глобальной ситуации, создавшейся с распадом социалистической системы, этот путь мог привести страну только к экономическому краху. Одни считали это временной, тактической уступкой, другие — вынужденным стратегическим отступлением. Но и при этом ограничении у организации был немалый выбор экономических и политических мер, которые наполнили бы конкретным содержанием идею национально-демократической революции.

АНК определил свой выбор в 1997 г. в ходе очередной национальной конференции, принявшей документы, в которых впервые были очерчены контуры воплощения национально-демократической революции в жизнь. Одним из важнейших документов, рассматривавшихся на конференции, был документ под названием «Формирование нации и национальное строительство. Национальный вопрос в Южной Африке». Он определил тактику национального строительства АНК во всех сферах, начиная от экономики и кончая образованием.

Документ подтверждал приверженность АНК принципу «нерасовости» и освобождению страны от расизма. Авторы упоминали также и многообразие и устойчивость культурных, религиозных и прочих традиций в южноафриканском обществе и даже подчеркивали, что «отрицание реальности этих идентичностей демократическим движением означало бы создание вакуума, который может быть легко использован контрреволюцией». В документе говорилось о «южноафриканской нации», находящейся в процессе становления, и о «новом патриотизме», «критически необходимом для национального строительства», однако его пафос заключался в подтверждении тезиса Морогорской конференции о том, что «освобождение черных вообще и африканцев в частности» составляет главное содержание национально-демократической революции, разворачивавшейся в стране. Итогом национального

строительства, по мнению авторов, должна была стать «африканская нация на Африканском континенте... по взглядам, стилю и содержанию средств массовой информации, по культурному самовыражению, по пище и по акценту, с которым говорят ее дети». Авторы призывали «продолжать борьбу за утверждение африканской гегемонии в контексте многокультурного нерасового общества»¹³.

Большое внимание уделили авторы документа классовому содержанию национальной политики АНК и классовому составу новой «африканской» южноафриканской нации. Центральной задачей национально-демократической революции они назвали «улучшение качества жизни прежде всего бедных», «подавляющее большинство которых... составляют черные вообще и африканцы в частности»¹⁴. Однако, заявляли они, «поскольку создание социалистического или коммунистического общества не является целью НДР», ее важной составной частью должно было стать «создание черной буржуазии» и «ускоренный рост черного среднего класса», с тем чтобы «место человека в обществе не определялось его расовой принадлежностью»¹⁵.

В итоговом программном документе конференции (по сути, новой программе АНК) «Стратегия и тактика Африканского национального конгресса» целью НДР было названо «создание единого, нерасового, несексистского, демократического общества. В сущности, это означает освобождение всех черных вообще и африканцев в частности от политического и экономического рабства». Эта цель, разъяснялось далее в документе, может быть достигнута только тогда, когда будет «преодолено наследие социальной системы, основанной на угнетении черного большинства», и разорвана «симбиотическая связь между капитализмом и национальным

¹³ Nation Formation and Nation Building. The National Question in South Africa. ANC Discussion Document. July 1997.

¹⁴ С начала 1970-х годов под влиянием Движения черного самосознания все небелое население ЮАР — индийцы, цветные (потомки смешанных браков) и африканцы — стали называть себя одинаково — «черными». До этого индийцы и цветные использовали другие самоназвания.

¹⁵ National Formation...

угнетением». С точки зрения авторов, «национальное угнетение и его социальные последствия» не могли быть ликвидированы «формальной демократией при поддержке рыночных сил» — нужна была кардинальная трансформация общественного порядка. В документе упоминалась и ведущая роль рабочего класса в НДР, хотя ее движущие силы были разбавлены другими социальными группами: беднотой, безработными и даже африканской буржуазией и средним классом¹⁶.

Конференция стала рубежом, определившим переход АНК от политики национального примирения, проводившейся правительством Манделы, к национальной демократической революции, в ходе которой должны были «разрешиться антагонистические противоречия между угнетенным большинством и его угнетателями»¹⁷. Единственно возможной южноафриканской нацией была объявлена нация африканская, основанная на единстве многообразия африканских «идентичностей». Неафриканцы могли стать членами этой нации, только отказавшись от своей собственной «идентичности» и приняв африканскую. Что до белых, против которых и была направлена национальная революция, то, по словам документа, «новая система предлагает им такую свободу и такую безопасность, которая законна и рассчитана на длительный срок, а потому значима»¹⁸.

Отказ от курса на национальное примирение казался многим южноафриканцам неожиданным и неоправданным, но причин для этого шага у АНК было так много, что было бы странно, если бы организация его не сделала.

Начать нужно, очевидно, с того, что основой идеологии АНК на протяжении нескольких десятилетий была национально-демократическая революция, а не национальное примирение. За революцию, а не за примирение воевали и отдавали жизнь поколения бойцов АНК. Идея национального примирения с противником

¹⁶ ANC Strategy and Tactics, as Amended at the 50th National Conference. December 1997.

¹⁷ Nation Formation...

¹⁸ Ibid.

была им не только чужда — они воспринимали ее как предательство. Конечно, даже при недовольстве политикой своей партии, они голосовали бы за нее все равно, но к их настроению руководству приходилось прислушиваться.

Другой причиной было возрождение африканизма после падения режима апарtheidа. Видный член Панафриканистского конгресса (ПАК) — партии, отколовшейся от АНК в 1959 г. из-за его сотрудничества с коммунистами, среди которых было немало неафриканцев, заявил в мае 1997 г., что правительство Нельсона Манделы «словно кокосовый орех — черное снаружи и супербелое внутри»¹⁹. Он лишь повторил публично то, о чем говорили в кулуарах многие, в том числе и в самом АНК. В недостатке «африканскости» правительство Манделы упрекали и лидеры других африканских стран, но главным был, конечно, внутренний фактор. Африканизм — африканский национализм — был в то время единственной реальной, хотя и не очень серьезной, опасностью для АНК.

Другой причиной был исход первых демократических выборов. Несмотря на пропаганду «нерасовости» и поддержку руководством АНК политики национального примирения, несмотря на энтузиазм белой интеллигенции, многие представители которой голосовали в 1994 г. за АНК, электорат все равно резко разделился по расово-национальному признаку. Для руководства АНК это было лишним подтверждением того, что партия может игнорировать белых избирателей. К 1997 г. сокрушительное моральное и политическое поражение крайне правых белых партий, выход Национальной партии из правительства Манделы, разоблачение преступлений части ее прошлого руководства, а также последовавший внутренний кризис в ее рядах — все это явно свидетельствовало, что угрозы справа для АНК больше не существовало.

Возврат к лозунгу национальной революции позволял руководству АНК выбить оружие из рук африканистов, консолидировать и мобилизовать основной электорат своей партии и упрочить ее положение. Национальные лозунги помогали АНК подорвать

и позиции Партии независимости Инкаты, основной базой которой являлась и является часть зулусского населения провинции Квазулу-Натал. Ее сторонникам национализм был куда понятнее и ближе, чем «нерасовость» и социализм. В то же время деление южноафриканского общества на белых эксплуататоров и черных эксплуатируемых посылало союзникам АНК — Компартии и КОСАТУ — сигнал о том, что национальная политика АНК оставалась одновременно и классовой, — что, конечно, было правдой, но не совсем такой, какой она виделась в тот момент коммунистам и профсоюзному руководству.

«Национальный проект» АНК 1997 г. был детищем вице-президента партии и страны Табо Мбеки, избранного президентом АНК на конференции 1997 г. и ставшего президентом страны в 1999 г.

На следующей конференции АНК в декабре 2002 г. «Стратегия и тактика...» 1997 г. была снабжена подробным и весьма значимым Предисловием. По сравнению с основным текстом документа в нем было много нового. Основой тактики АНК было названо «креативное использование рычагов государственной власти, которые постепенно, но верно переходят в руки движущих сил фундаментальных перемен...». «Критическим элементом программы национального освобождения» авторы документа назвали не только «перераспределение богатства и доходов в пользу всего общества, особенно бедных», но и «расовое перераспределение собственности и контроля над богатством, включая землю; равенство и позитивные действия²⁰ при приобретении квалификации... консолидацию и объединение государственного капитала, капитала институтов²¹ и социального капитала в руках движущих сил...». Белых рабочих, средний класс и буржуазию предлагалось последовательно убеждать в том, что «объединенные патриотические усилия

²⁰ Термин «affirmative actions», переводимый на русский язык как «позитивные действия», официально означает, что при наличии нескольких претендентов равной квалификации на одну должность предпочтение должно отдаваться черным кандидатам.

²¹ По логике текста под этой неясной формулировкой подразумевается частный капитал.

по построению лучшей жизни для всех — в их долгосрочных интересах»²².

Изменение отношения к белым было вызвано скорее всего тем, что в 2004 г. АНК поглотил своего главного врага — Национальную партию²³. Важным элементом среди ее электората в провинции Западный Кейп были цветные, но в целом она оставалась белой. Далеко не все в АНК одобряли эти изменения, но, поскольку основной документ 1997 г. с его революционной перспективой оставался в силе, эти отступления от традиционной трактовки национально-демократической революции были приняты не только АНК, но и ЮАКП и КОСАТУ.

Новый вариант «Стратегии и тактики...», принятый на очередной конференции АНК в декабре 2007 г.²⁴, включал прежнее определение национально-демократической революции, прежнее описание южноафриканской нации как нации «африканской», прежнее утверждение о том, что «черные в целом и африканцы в частности являются движущими силами НДР», а также называл «черных рабочих» «главной движущей силой и лидером процесса перемен». Однако генеральный секретарь ЮАКП Блэйд Нзиманде считал концепцию движущих сил НДР, изложенную в документе, «ревизионистской» и «оппортунистической»²⁵, а ведущий популярного блога ЮАКП «Коммунистический университет» назвал ее даже «фашистской»²⁶. Чем же вызвана такая резкая реакция?

Среди остальных, неглавных, движущих сил НДР документ называл не только бедноту, черный средний класс и черную «патриотическую» буржуазию — это было и прежде, — но даже, в качестве их

²² People's power in Action. Preface to the Strategy and tactics of the ANC. 51st National Conference. 2002.

²³ С 1992 г. — Новая национальная партия.

²⁴ Strategy and Tactics of the ANC. Building A National Democratic Society. As Adopted by the 52nd National Conference of the African National Congress. 16–20 December 2007. Polokwane, Limpopo.

²⁵ *Nzimande B.* The Motive Forces of the Natinal Democratic Revolution // Umsebenzi Online. 2007. Vol. 6. No. 4.

²⁶ DomzaNet. Communist-University@googlegroups.com, 06.04.2007.

периферийных отрядов, и белое население, а значит, и белую буржуазию²⁷.

Присоединение белых к движущим силам НДР означало, что у революции исчез враг, против которого ведется борьба. Авторы документа объявили таким врагом другие партии — те, что находятся в оппозиции, хотя и конституционной, к АНК, прежде всего либеральный Демократический союз (ДС). ДС был объявлен белой партией²⁸, стремящейся повернуть страну назад, к апартеиду и расизму. Но это было явным отступлением от прежней позиции, когда все белые считались угнетателями, против которых нужно было вести революционную борьбу.

Изменились и цели революции: к борьбе за «освобождение от экономического рабства черных вообще и африканцев в частности» была добавлена необходимость «повышения уровня жизни всего населения». Колониализм особого типа упоминался в документе только в историческом контексте, но зато в нем говорилось о необходимости формирования государства общественного договора. «Общество национальной демократии», провозглашенное целью НДР, было объявлено «социал-демократическим», что, по представлениям коммунистов, социализмом отнюдь не было²⁹.

Из нового варианта «Стратегии и тактики...», таким образом, исчезла социалистическая перспектива. Это-то и вызвало бурную реакцию союзников АНК — ведь они не только считают, что социализм необходим и неизбежен в будущем, но и требуют его установления уже сейчас.

На прошедшем в ноябре 2006 г. расширенном заседании ЦК ЮАКП одним из главных был вопрос о том, «что НДР необходимы

²⁷ DomzaNet. Cornmunist-University@googlegroups.com, 06.04.2007.

²⁸ ДС — до 2000 г. Демократическая партия (ДП). Большинство электората и членов ДС — белые, но за партию голосует и значительное число индийского и цветного населения, а также небольшое число африканцев.

²⁹ Strategy and Tactics of the ANC. Building A National Democratic Society. As Adopted by the 52nd National Conference of the African National Congress. 16–20 December 2007. Polokwane, Limpopo //ANC official website: <<http://www.anc.org.za/>>.

серьезные меры социалистического типа, особенно в экономике»³⁰. В резолюции IX съезда КОСАТУ, прошедшего в сентябре 2006 г., говорилось: «...В практическом выражении мы должны определять политическую экономию НДР современной эпохи в соответствии с Хартией свободы... Мы официально отвергаем отделение НДР от социализма и утверждаем, что диктатура пролетариата — единственная гарантия перехода от НДР к социализму»³¹. Обе организации обвинили группировку Мбеки в отходе от принципа социалистически ориентированной НДР и в предательстве классовых интересов своей массовой базы — бедноты и рабочих. С национальным аспектом НДР профсоюзы согласны — пролетариат для КОСАТУ только черный; с социальным — нет: черный капиталист — это капиталист, а значит, враг.

Но так ли далеки были идеи, а главное, практическая деятельность правительства Мбеки, от того, чего ждали от него союзники, да и влиятельные левые круги АНК?

Законодательная база национальной политики правительства Мбеки

Апартхейд как государственная система был отменен законом о переходной конституции 1993 г., уравнившей в правах все население ЮАР. Но переходная конституция предусматривала и разнообразные меры защиты государственных служащих, работавших при прежнем режиме. Эти меры были согласованы в ходе переговоров

³⁰ *Nzimande B.* Op. cit. В Заявлении расширенного заседания ЦК этих слов напрямую нет. См.: SACP, Statement of the Augmented Central Committee. South African Communist Party. Media Release. 26 November 2006.

³¹ Resolutions of the 9th COSATU National Congress. 1.4. The National Democratic Revolution (NDR) and Socialism. N. d., [September 2006]. Кроме всего прочего, это заявление означало негласное признание того факта, что Хартия была социалистическим документом. Это полностью противоречит прежним утверждениям ЮАКП и АНК и заверениям Манделы во время судебного процесса 1963 г. над ним, когда он доказывал прямо противоположное. Тогда признание Хартии социалистическим документом стоило бы ему и его коллегам жизни.

и названы прессой «закатными пунктами». Назначение, смещение и продвижение по службе всех чиновников государственной службы должно было зависеть исключительно от качества их работы, хотя упоминалась и необходимость расовой «репрезентативности» населения, для введения которой нужны были «позитивные действия». Отвечать за назначение и смещение чиновников должна была независимая Комиссия государственной службы. Те же принципы были заложены и в основу Закона о государственной службе 1994 г.

Но уже в конце 1994 г. на очередной конференции АНК говорилось о необходимости внесения поправок в конституцию с целью ускорения процесса передачи всех уровней государственного аппарата в руки «африканцев, цветных, индийцев, женщин и других, ранее не допускавшихся» в него³².

В следующем году АНК провел Конституционную конференцию, декларируя необходимость принятия законодательных мер, которые позволили бы передать все институты государственной власти от «эксплуататорского меньшинства» «демократическому большинству», перераспределить в его пользу собственность, восстановить его права на утраченные в годы апартеида земли, а также проводить политику «позитивных действий»³³.

Уже с начала 1996 г. в выступлениях руководства АНК начали звучать обвинения белых в том, что они стремятся сохранить свои привилегии, повернуть историю вспять и разрушить демократические завоевания АНК³⁴. Эти обвинения особенно усилились после того, как в том же году Национальная партия (НП) вышла из правительства национального единства, хотя сопротивления основному курсу АНК ни с ее стороны, ни со стороны других оппозиционных партий практически не было. За новую конституцию в парламенте проголосовало абсолютное большинство.

³² ANC. Report on the 49th National Conference, Bloemfontein, December 1994. Johannesburg: Department of Information and Publicity, 1995.

³³ ANC. Building a United Nation: National Constitutional Conference Policy Proposals for the Final Constitution. 31 March — 1 April 1995. Johannesburg, 1995.

³⁴ См., напр.: *Mandela N.* Statement of the NEC on the Occasion of the 84th Anniversary of the African National Congress. 8 January 1996.

В новой конституции подтверждалось равенство всех перед законом и право частной собственности, но в Билле о правах предусматривалась и возможность принятия, «для достижения равенства», «законодательных и прочих мер, направленных на защиту или продвижение (advance) лиц или категорий лиц, пострадавших от несправедливой дискриминации»³⁵. В конституции отсутствовали гарантии прав национальных меньшинств: в тот момент такие гарантии казались излишними при наличии гарантий прав личности. На практике это означало, что при огромном большинстве в парламенте АНК мог провести любое законодательство, в том числе и дискриминационное.

В 1996 г. правительство резко ускорило проведение политики «позитивных действий» в государственном секторе. Оно обвинило Комиссию государственной службы в том, что та слишком медленно проводит «трансформацию» состава сотрудников госаппарата, и ее функции отбора, назначения, увольнения и продвижения по службе служащих госсектора были переданы руководству ведомств, к тому времени состоявшему полностью из представителей АНК³⁶. Позже Комиссию ликвидировали окончательно.

В октябре того же года правительство приняло закон, предусматривавший выгодные пенсионные условия для служащих, соглашавшихся уйти на пенсию раньше срока. Начался отток из государственной службы квалифицированных и опытных служащих — прежде всего белых. Руководство АНК полагало, что их посты будут заполнены черными служащими, но квалифицированных черных кадров не хватало, и места зачастую оставались незаполненными или заполнялись людьми с недостаточной квалификацией, что, конечно, немедленно сказывалось на качестве работы госслужбы³⁷.

В середине 1997 г. поправками к закону о государственной службе в число требований при приеме на работу был введен

³⁵ Constitution of the Republic of South Africa, 1996. Ch. 2: Bill of Rights. Section 9(2). В разделах 25(5) и 25(6) предусматривается компенсация экспроприированной в годы апартеида земли и собственности.

³⁶ Business Day. 26.02.1996.

критерий «необходимости исправления дисбалансов прошлого» и «создания государственной службы, которая в широком смысле отражала бы состав населения Южной Африки, в том числе по признакам расы, пола и нетрудоспособности». Среди других критериев упоминалась «необходимая подготовка», но не конкретный уровень квалификации, опыта и знаний кандидатов. В ходе дискуссии были и призывы отказаться вообще от всех формальных требований к кандидатам³⁸.

«Государственная служба» включает не только сотрудников министерств, ведомств и прочих государственных учреждений всех уровней, но и служащих гигантских государственных и полугосударственных корпораций, таких, как телекоммуникационная служба Телком, служба энергоснабжения Эском и транспортная система Трансет, а также штат армии, полиции, тюрем, государственных медицинских учреждений, государственных школ и университетов, получающих государственные субсидии. Снижение критериев для черных кандидатов при приеме на работу в эти учреждения было чревато серьезными последствиями для дееспособности всех этих институтов и экономики страны в целом.

С мая 1996 г. по сентябрь 1997 г. 22 249 служащих центрального аппарата, 25 806 служащих администрации провинций и 15 541 учителей уволились или были уволены на пенсию³⁹. В течение 1997–1998 гг. было сменено все высшее руководство армии и военной разведки. В подавляющем большинстве это были белые. Только среди учителей было немало черных. Вынужденный преждевременный выход на пенсию черных учителей объясняли тем, что они долго работали при системе апартхейда и не сумели «перестроиться».

В сфере высшего образования шли сходные процессы. В некоторых университетах пенсионный возраст был снижен с 65 до 60 лет, сотрудникам были предложены выгодные условия еще

³⁸ Business Day. 12.02.1997.

³⁹ National Assembly. 05.10.1998. Цит. no: *Myburgh J.* The Last Jacobines of Africa. Thabo Mbeki and the making of the new South Africa. 1994–2002. Ch. 3. P. III (рукопись).

более раннего выхода на пенсию. С 1996 г. подразделениям университетов стало практически невозможно принимать на работу белую молодежь. При отсутствии местных черных кадров на руководящие посты зачастую назначались черные кандидаты-иностранцы в ущерб местным белым равной или более высокой квалификации. Дискриминационной практике подвергались и подвергаются порой не только белые, но и индийцы и цветные граждане: при наличии черного кандидата ему обычно отдается предпочтение, особенно если этот кандидат — женщина, даже при отсутствии всех необходимых критериев⁴⁰.

После национальной конференции АНК 1997 г. расовая трансформация ускорилась. Конференция приняла решение о «фундаментальной трансформации государства», что, в свою очередь, должно было стать главным рычагом «структурной трансформации общества». Решено было также, что руководство АНК будет «дислоцировать» свои кадры по своему усмотрению⁴¹. Смысл их решений заключался в том, чтобы обеспечить АНК «руководящую роль во всех центрах власти» через кадры, связанные партийной дисциплиной и обязанные проводить политику партии⁴².

В духе этих решений в конце 1990-х годов было принято несколько законов, направленных на упрочение принципа «демографической репрезентативности» в государственном секторе, причем не в целом, а в каждом учреждении и на каждом уровне. Так, в сентябре 1997 г. министерство образования выпустило «Белую книгу о трансформации высшего образования», в которой говорилось, что расовый состав студентов всех факультетов во всех вузах должен отражать демографию населения страны⁴³. «Белая книга

⁴⁰ С этой практикой И. И. Филатова неоднократно сталкивалась во время преподавания в вузах ЮАР в 1992–2002 гг.

⁴¹ 50th National Conference Resolutions of the ANC. December 1997.

⁴² All Power to the People!: Building on the Foundation for a Better Life: Draft Strategy and Tactics of the African National Congress. July 1997.

⁴³ Department of Education. White Paper on Transforming Higher Education. September 1997.

о позитивных действиях на государственной службе» 1998 г.⁴⁴ ставила целью достижение «полной демографической репрезентативности» на всех уровнях всех государственных учреждений. «Закон о равенстве при приеме на работу» 1998 г.⁴⁵ распространил требование «демографической репрезентативности» на частный сектор, а именно на организации и предприятия с числом сотрудников больше 50. Закон не требовал немедленного и полного введения этого принципа, но предприниматели должны были представить правительству планы его введения с конкретными сроками и, как и государственный сектор, представлять ежегодные отчеты об их выполнении.

На практике требование «демографической репрезентативности» не означало, конечно, что 25% мест в бывшем черном Университете Форт Хейр будут зарезервированы за белыми, цветными и индийцами. Оно означало, что в бывших белых университетах предпочтение при приеме будет отдаваться черным студентам, особенно на такие престижные и в прошлом «белые» факультеты, как юридический, медицинский и инженерный. Те, кто понимали требование «репрезентативности» слишком буквально, могли попасть в неловкое положение.

В начале 2007 г. в газете «Ситизен» появилось объявление о том, что для работы в службе безопасности Южноафриканской компании аэропортов требуются белые мужчины и женщины. Разразился скандал. Посредническая компания, поместившая объявление, разъяснила, что Компания аэропортов просила их найти белых работников, чтобы сбалансировать расовый состав своей службы безопасности, полностью черной. Компания аэропортов немедленно заявила, что она не просила посредников помещать расистские объявления и что вообще вакансий у нее больше нет⁴⁶.

⁴⁴ Department of Public Service and Administration. White Paper on Affirmative Action in the Public Service // Government Gazette. No. 18800. Cape Town. 23 April 1998.

⁴⁵ Employment Equity Act // Government Gazette. No. 19370. Cape Town. 19 October 1998.

⁴⁶ Pretoria News. 16.02.2007

Объявления о вакансиях, включающие слова «предпочтение будет отдаваться черным кандидатам», публикуются каждый день, но скандалов по этому поводу не возникает. В 1998 г., когда расовые объявления были еще в новинку, газета «Санди Трибьюн» опубликовала заметку по этому поводу, в которой процитированы слова (черного) юриста — специалиста по трудовому законодательству: «Это дискриминация всех нечерных. Ирония в том, что закон о равенстве при приеме на работу увековечивает расовую классификацию»⁴⁷.

В 2003 г. правительство приняло «Закон о расширенном наделении экономической властью черных»⁴⁸, направленный на развитие черного бизнеса и занятости черного населения. В законе предлагалось введение «кодов хорошей практики» — расовых квот — для каждого вида деятельности всех секторов управления и экономики. Конкретные детали этого плана были разработаны в документе министерства торговли и промышленности⁴⁹. Каждый вид «хорошей практики», как, например, доля черных управленцев, менеджеров и членов советов директоров, размер затрат на развитие навыков черных работников относительно затрат на зарплату, число и размеры черных компаний и т.д., оценивается определенным количеством очков, и на их базе оценивается деятельность каждой отрасли и каждого предприятия. От этой оценки зависит не только абстрактное одобрение или неодобрение правительства, но и правительственные заказы. Одним из важнейших критериев «хорошей практики» частных предприятий является «партнерство» с новым черным бизнесом, а именно предоставление доли их собственного бизнеса черным партнерам, закупка сырья и изделий у компаний, принадлежащих черным, продажа произведенной продукции компаниям, принадлежащим черным. Наличие достаточного капитала или опыта у таких компаний не является при

⁴⁷ Sunday Tribune. 22.02.1998.

⁴⁸ Broad-Based Black Economic Empowerment Act, 2003 //Government Gazette. No. 25899. 9 January 2004.

⁴⁹ DTI. South Africa's Economic Transformation. A strategy for Broad-Based Black Economic Empowerment. N. d.

этом необходимым. Правительство не одобряло ни одну сколько-нибудь значимую сделку, если в ней не участвовали черные компании.

На протяжении нескольких последних лет каждая отрасль и каждое предприятие создавало свою Хартию наделения экономической властью черных и свой план приведения своей деятельности и своих штатов в соответствие с требованиями правительства. Составлены и приняты Хартии горнодобывающей промышленности, нефтяной и жидкого топлива, морского транспорта, туризма, финансового обслуживания. Рассматривается Хартия сектора информации и коммуникаций.

В государственном секторе составление этих планов закончено. Вот как выглядел, например, план введения «расовой репрезентативности» в полиции на 2007–2010 гг., подписанный комиссаром полиции Джеки Селеби. Доля африканцев, занимавших в 2007 г. 50% высших управленческих должностей, к 2010 г. «в идеале» должна была вырасти до 79%, но «реалистически» до 67,6%. Доля индийцев среди этой категории «в идеале» должна уменьшиться с 6,99% до 2,5%, «реалистически» до 5%. Доля белых менеджеров должна «в идеале» уменьшиться с 35,26% до 9,6% и «реалистически» до 18,5%. План детализирован не только по расовым категориям, но и по половым: среди категорий есть, например, «индийские женщины», «цветные мужчины», «цветные женщины», и т.д. Каждое подразделение полиции должно составить свои собственные планы в рамках этой общей инструкции⁵⁰.

При расовой категоризации населения у правительства АНК возникают те же проблемы, что и у его предшественников в годы апартхеида. Трудовое законодательство оперирует эвфемизмами: например, группы населения, в пользу которых проводится дискриминация, называются «обозначенными». Но в законах о наделении черных экономической властью напрямую используется расовая терминология времен апартхеида и дается разъяснение, что черный — это африканец, цветной или индеец. Граждане вольны классифицировать себя как угодно, но это не помогает. Бывали

случаи, когда белые называли себя «черными» или «африканцами», иногда даже меняя при этом фамилию на более «африканскую», но их все равно не брали на работу из-за цвета кожи. Несколько таких случаев разбирались в судах⁵¹. Самая уязвимая группа, как и при апарtheid, — потомки от смешанных браков. По внешним признакам их зачастую трудно бывает однозначно отнести к определенной категории. Определение, кто именно является «цветным», а кто нет, комиссар полиции Селеби оставил на усмотрение соответствующих руководителей⁵².

Обвинения в недостаточной «черности» стали постоянным явлением в производственных конфликтах. Вот один из бесчисленных примеров. В 2000 г. коллектив Комиссии по посредничеству и арбитражу обвинил своего директора, Танди Орлейн, в расизме. Черные коллеги Орлейн, возмущенные тем, что она назначила на некоторые посты белых, говорили, что она — «черная только снаружи и белая, как лилия, внутри». Обвинение не имело ничего общего с идеей книги Франца Фанона «Черная кожа, белые маски» и основывалось на том, что бабушка Орлейн была немкой. Орлейн пыталась объяснить, что назначала белых по принципу квалификации, но в конечном итоге ей пришлось покинуть должность⁵³.

Расовая трансформация не ограничивается экономикой: она энергично проводится во всех сферах жизни страны, в том числе в культуре и спорте. Через различные неправительственные организации правительство и руководство АНК оказывало давление на спортивные организации с тем, чтобы команды составлялись тоже по принципу демографической репрезентативности. В 2007 г. Бутана Комфела, председатель парламентского комитета по спорту и отдыху, заявил, например, что если команда по регби не «трансформируется», то правительство отберет у нее паспорта, чтобы она не попала на чемпионат мира⁵⁴.

⁵¹ Business Day. 07.12.2006.

⁵² Business Day. 01.03.2007.

⁵³ Mail and Guardian. 06–12.10.2000.

⁵⁴ Mail and Guardian. 06–12.14.2007; Cape Times. 04.04.2007.

Примеров такого давления — множество. Президент Южноафриканского союза регби (белый) — самого белого спорта ЮАР — объявил, что к мировому чемпионату по регби 2011 г. в команде будет по меньшей мере семь черных игроков. Его черный заместитель тут же опубликовал опровержение: черных игроков должно быть больше, и при этом термин «черный» не должен включать цветных⁵⁵. Ассоциация нетбола ЮАР узаконила новую систему подсчета очков: в соревнованиях команда получает бонус в 6 очков, если ее состав «отражает демографическую ситуацию», а именно имеет 5 черных игроков и 2 белых⁵⁶. Команда по футболу остается полностью черной, но давления на нее в смысле «репрезентативности» не оказывается.

Важнейшей сферой расовой трансформации является вопрос о земле. Считается, что белые владеют сейчас 80% сельскохозяйственных угодий страны. В действительности это не совсем так: эта цифра не учитывает территорию бывших бантустанов, большая часть земли в которых находится в «традиционном пользовании», т.е. принадлежит общинам и находится в ведении вождей. Но товарное сельскохозяйственное производство действительно почти полностью в руках белых фермеров. Конституция подтвердила принцип частной собственности, в том числе и на землю, т.е. теоретически по закону просто отобрать фермы у нынешних собственников нельзя. Конституцией предусмотрено несколько способов передачи земли черным владельцам. Один из них — реституция, регулируемый и строго регламентированный процесс возвращения земли лицам и общинам, потерявшим ее после 1913 г. в результате дискриминационных законов⁵⁷. Другой — перераспределение, т.е. возможность выкупа ферм государством на основе добровольного согласия и по рыночным ценам для последующей передачи их общинам или черным фермерам. Но реституция идет медленно, поскольку все заявки нужно документально обосновать

⁵⁵ Cape Times. 06.08.2007.

⁵⁶ Sunday Times. 12.08.2007.

⁵⁷ Constitution of the Republic of South Africa, 1996. Ch. 2: Bill of Rights. Section 25(5) и др.

и провести через многочисленные юридические и бюрократические препоны, а перераспределение и того медленнее, поскольку фермеры не соглашались с той ценой, которую им предлагает государство и оспаривают ее в суде. Несколько таких процессов фермеры выиграли.

Правительство начало терять терпение. В «Стратегии и тактике...» 2007 г. перераспределению земли уделяется большое внимание⁵⁸. Конкретные предложения по этому поводу сводятся к следующему: принятие закона, который обяжет всех, продающих землю, предлагать ее прежде всего государству; установление максимального размера ферм и резкое повышение земельного налога; создание многомиллиардного фонда для выкупа земли; изменение законодательства с целью узаконения принудительного выкупа ферм (в документе используется слово «экспроприация»); принятие мер против приобретения земли иностранцами. Цель правительства — к 2014 г. перераспределить в пользу черных 30% товарных ферм⁵⁹.

Правительство обещало, что за принудительно выкупаемые («экспроприруемые») фермы оно будет платить по рыночной цене, но фермеры не верят в то, что получают справедливую компенсацию. Лютеранская церковь, которой принадлежала первая принудительно выкупаемая ферма в провинции Северный Кейп, подала в суд, поскольку, по мнению ее экспертов, компенсация была значительно ниже рыночной цены⁶⁰. В одной только провинции Западный Кейп в начале 2007 г. на продажу было выставлено около 30 ферм, но правительство не изъявило желания приобрести ни одну из них.

Правительство особенно озабочено положением работников ферм и тех, кто проживает на их территории. АНК никогда не скрывал своего мнения, что фермеры являются худшими эксплуататорами

⁵⁸ Building a National Democratic Society...

⁵⁹ Rural Development, Land Reform and Agrarian Change. Resolutions of the ANC 52nd National Conference. 16–20 December 2007; Economic Transformation for a National Democratic Society. ANC Discussion Document, 2007. См.: <http://www.anc.org.za>.

⁶⁰ Sunsay Independent 18.03.2007

и угнетателями африканского большинства. Так, в дискуссионном документе АНК 2000 г. «Искореняя демон расизма» говорится, что «фермерские общины остаются клоакой расизма и откровенной эксплуатации, более открытых, чем в большинстве других секторов»⁶¹. Министр сельского хозяйства и земельных дел Лулу Ксингвана неоднократно публично обвиняла фермеров как социальную группу в том, что они не только сгоняют своих работников с земли, но и избивают и насилюют их⁶². Союз фермеров потребовал доказательств, но, кроме нескольких случаев преступлений, разбиравшихся в судах, министр привести таких доказательств не смогла. Тем не менее в дискуссионном документе 2007 г. «Социальная трансформация» Конгрессу предлагалось перераспределить землю белых коммерческих ферм в пользу работников этих ферм и тех, кто проживает на территории ферм, и наделить их полными правами собственности на эту землю⁶³.

Вариации на тему расизма

В своей речи на конференции АНК 1997 г. Мандела предупреждал, что чем дальше будет идти трансформация общества, тем больше будет нарастать сопротивление ей со стороны белых, которые, по его словам, будут вести против правительства контрреволюционную борьбу, чтобы удержать свои привилегии⁶⁴. В действительности ни борьбы против трансформации, ни даже возражений против ее трактовки Африканским национальным конгрессом не было. Политическая оппозиция и немногие комментаторы предупреждали о возможных негативных последствиях ее проведения теми темпами и в тех масштабах, которых требовало правительство, для экономики страны в целом и для бедной части ее населения в частности, но правящая партия представляла эту

⁶¹ Uprooting the Demon of Racism. ANC Discussion Document. May 2000.

⁶² См., напр.: Mail and Guardian. 23–29.03.2007.

⁶³ Social Transformation. ANC Discussion Document. 2007.

⁶⁴ *Mandela N.* Political Report of the President of the ANC. Mafikeng. 16.12.1997.

политическую оппозицию расистской и успешно ее изолировала и игнорировала.

Англоязычные средства массовой информации, в том числе и те, что не контролировались АНК, полностью встали на его точку зрения, а иногда шли еще дальше. В 1999 г. считавшийся оппозиционным АНК еженедельник «Мэйл энд Гардиан» опубликовал колонку редактора с предложением лишить белых права голоса на десять лет, «чтобы выровнять поле», а потом вернуть его, но разрешить им голосовать только за «черные» партии. Перед выборами 1999 г. белые редакторы нескольких независимых изданий сочли нужным публично заявить о своей поддержке АНК. Причиной было широко распространенное тогда среди белого населения, особенно среди интеллигенции, чувство вины за апарtheid и признание необходимости восстановления исторической справедливости.

Было, конечно, и стремление сохранить свои посты в быстро африканизированной стране. Но, кроме того, белая интеллигенция приняла и поддержала понимание демократии как неограниченной власти большинства — и только, без гарантий прав меньшинств и каких бы то ни было иных ограничений. Именно так трактовал это понятие АНК. Об этом свидетельствуют и документы партии, и ее политическая практика, и аргументация ее сторонников в дискуссиях по поводу национально-расовых проблем. В конце 1990-х годов встать на эту позицию было легко: АНК не только победил аморальный и дискредитировавший себя расистский режим, но и ничем еще себя особенно не скомпрометировал.

Возражений со стороны бизнеса против политики АНК тоже практически не было. Саки Макозума, один из крупных новых черных бизнесменов, объяснил, что черная элита нужна не только массам, которым она дает надежду на лучшее будущее, но и белому капиталу, которому она дает возможность существования⁶⁵. Капитал, который к тому же быстро утрачивал свою «белизну», прекрасно это понял и попытался приспособиться.

Несмотря на эту поддержку, обвинения белых в расизме после 1997 г. стали нарастать в геометрической прогрессии. Любая

⁶⁵ Business Day. 07.03.2007.

критика правительства или политики АНК представлялась расистской, в том числе и по таким конкретным поводам, как, например, отношение правительства к эпидемии СПИДа или безнаказанность коррупции среди видных членов партии. Обвинения в расизме стали непрямым элементом в любом конфликте любого уровня в любой организации. Не стали исключением и белые члены АНК и ЮАКП, включая руководство. Так, в 1999 г. по обвинению в расизме, nepoтизме и коррупции с поста главы Земельного банка была уволена Хелина Дольны, видный член обеих организаций, вдова Джо Слово. Обвинения не подтвердились, но на пост главы банка Дольны не вернули.

Обвинениям в «расизме» или пособничестве расистам подвергались и черные, не согласные с политикой АНК. Это относилось в первую очередь к некоторым представителям черной интеллигенции, особенно к тем, кто поддерживал оппозиционные партии.

В то же время присоединившиеся к АНК в 2004 г. члены Новой национальной партии (ННП) — наследницы Национальной партии, создававшей и поддерживавшей апартхейд — расистами не считались. Бывший лидер ННП Марти нус ван Скалквейк занял в правительстве Мбеки пост министра туризма и окружающей среды. Более того, руководители Молодежной лиги АНК, подразделения партии, которое наиболее напористо требует расовой трансформации, говорили на похоронах убитого при загадочных обстоятельствах бизнесмена Брета Кеббла, обвиненного в коррупции и участии в наркобизнесе, что он «хороший товарищ». При жизни Кеббл субсидировал и АНК, и оппозиционный Демократический союз, но особенно сблизился с новыми черными бизнесменами — членами Молодежной лиги АНК⁶⁶.

Казалось бы, это может служить доказательством того, что руководство АНК трактовало понятие расизма исключительно политически. Те, кто активно поддерживали его политику и не позволяли себе критиковать какие бы то ни было ее аспекты или конкретных людей, расистами не являлись, независимо от своей расовой или этнической принадлежности. Сомневающиеся или критикующие попадали под категорию расистов, тоже независимо от языка

⁶⁶ Sunday Independent. 04.07.2007.

и цвета кожи. Но в действительности дело обстояло не так. В расизме обвинялись все белые и все несогласные, но для активных и полезных белых союзников иногда делалось исключение.

Тон кампании обвинений в расизме задавало руководство страны. Табо Мбеки постоянно приравнивал критику правительства и АНК к «афропессимизму», т.е. неверию в силы и способности африканцев, а значит, к расизму. В 1999 г. он посвятил свою речь на конференции Форума черного менеджмента — организации черного бизнеса — белому расизму и необходимости борьбы против него⁶⁷. В январе 2000 г. Мбеки открыл национальную кампанию против расизма и призвал к проведению национальной конференции по этому поводу⁶⁸. В феврале он объявил о проведении такой конференции в своем ежегодном обращении к нации во время открытия сессии парламента и наметил ее параметры⁶⁹. В апреле 2000 г. АНК представил свой документ о расизме Комиссии по правам человека, проводившей слушания по поводу расизма в средствах массовой информации⁷⁰. В документе говорилось о двух формах расизма, существовавших в ЮАР, субъективной и объективной. Объективный, или структурный, расизм состоял, по мнению авторов, в том, что структура общества продолжала работать в интересах белого меньшинства. Субъективный, или подсознательный, расизм — это негативный стереотип африканца, существовавший, как они считали, в головах белых. В доказательство приводились описания неприглядных персонажей африканцев из романа Джона Куэте «Бесчестье», а также статьи, критиковавшие правительство и лично Мбеки. Критика расовой политики АНК считалась попыткой белых ограничить его власть, чтобы сохранить свои собственные привилегии.

⁶⁷ *Mbeki T.* Speech at the Annual National Conference of the Black Management Forum. Kempton Park, 20 November 1999.

⁶⁸ *Mbeki T.* Statement of the National Executive Committee on the occasion of the 88th Anniversary of the ANC. 8 January 2000.

⁶⁹ The National Conference on Racism. Concept Paper. Human Rights Commission, 19 June 2000.

⁷⁰ ANC. Statement at the Human Rights Commission Hearings on Racism in the Media. Johannesburg, 5 April 2000.

В мае того же года АНК выпустил дискуссионный документ «Искореняя демон расизма»⁷¹. Подсознательный расизм в этом документе не упоминался. Авторы сосредоточились на разъяснении структурного расизма. Из документа следовало, что социально-экономическая политика АНК — это и есть борьба против расизма. В расизме обвинялись оппозиция, пресса, белые, особенно либералы, но прежде всего фермеры. Индийцам и цветным, жаловавшимся на дискриминацию, было указано, что «поле еще не выровнено», а потому и дискриминация против них — это лишь создание равных условий. Упоминание дискриминации против белых вообще считается воплощением белого расизма.

Различным оттенкам сознательного и подсознательного белого расизма посвящена книга Мелиссы Стейн «Белизна уже не та, что была раньше. Белая идентичность в меняющейся Южной Африке»⁷². Автор рассматривает несколько типов реакции белых на перемены и приходит к выводу, что все эти типы так или иначе расово окрашены. Даже стремление «перестать быть белыми» у части белой общины она считает результатом неспособности и нежелания белых отвечать за преступления, совершенные их предками. Книга была опубликована в 2001 г., но руководство АНК считало ее настолько важной, что опубликовало большую и подробную рецензию на нее, практически пересказ, в трех номерах «АНК Тудэй» в 2007 г.⁷³

В августе 2001 г. по инициативе АНК в ЮАР состоялась Всемирная конференция Форума неправительственных организаций против расизма. Делегация АНК представила на ней подробное разъяснение своего видения расизма. Он связывался только с европейской колонизацией и апарtheidом, причем о борьбе европейцев и южноафриканских белых против расизма не упоминалось. Борьба АНК против апартхеида была названа «нерасовой»,

⁷¹ Uprooting the Demon of Racism. ANC Discussion Document. Umrabulo. No. 8. n.d. [May, 2000].

⁷² *Steyn M.* Whiteness Just Isn't What It Used To Be. White Identity in a Changing South Africa. N.Y., 2001.

⁷³ ANC Today. 13–19.04.2007; 20–26.04.2007; 27.04–03.05.2007.

в доказательство чего приводились цитаты из исторических документов АНК и из высказываний его лидеров. Цитировалась речь Манделы на суде в 1964 г., в которой он сказал, что «белый человек боится демократии», потому что при равных политических правах большинство избирателей будут черными. Новым элементом в документе было утверждение важности антиглобализма и борьбе против расизма⁷⁴. Ни в одном из документов конференции не было и намека на то, что расизм может быть не только белым. Те определения расизма, которые давал АНК, исключали возможность какой бы то ни было иной трактовки этого понятия, кроме той, что связывала его с колониализмом и апартеидом.

Кампания борьбы против расизма, начатая сверху, была подхвачена черной интеллигенцией. Поначалу у некоторых ее представителей были сомнения. Десятилетия нерасовой пропаганды АНК в годы борьбы против апартеида и действительно нерасовый характер Объединенного демократического фронта в 1980-е годы давали себя знать. Но сомнения быстро ушли.

К концу 1990-х годов в стране не осталось ни одной темы, от спорта до литературы, от местного правительства до армии, от внешней политики до истории, при обсуждении которой белое население в целом и его отдельные представители не обвинялись бы в расизме. Когда в октябре 2003 г. Джон Куцие получил Нобелевскую премию по литературе за роман «Бесчестье», газеты буквально взорвались негодующими статьями черных журналистов, критиков и обозревателей. Кголела Мангку, тогда директор Фонда Стива Бико, сам нередко критиковавший АНК, писал, например, что Куцие получил эту награду только потому, что он белый, и потому что он показал, насколько плохо черное правительство⁷⁵.

Больше всего доставалось журналистам. Видный представитель африканской интеллигенции, медик и в то время проректор Витватерсрандского университета Малеганпуру Макхоба в 1997 г. призвал

⁷⁴ Non-Racialism in Action. Acknowledging the Past, Changing the Present, Building the Future. Submission of the African National Congress to the World Conference against Racism NGO Forum. August 2001.

⁷⁵ Business Day, 09.12.2003

правительство назначить расследование расизма в СМИ и их роли в годы апартхеида⁷⁶. Заседание по этому поводу, организованное Комиссией правды и примирения, вылилось в поток обвинений прессы в расизме. Под кампанию попали и черные журналисты, число которых за последнее десятилетие значительно выросло. За неугодные статьи их обвиняли в пособничестве врагам революции и демократии, в смыкании с теми, кто стремится вернуть апартхейд⁷⁷.

После 2001 г. АНК не издавал программных документов против расизма, но кампания продолжалась. Даже негодованием общественности по поводу роста преступности в стране попытались придать расовый характер. ЮАР занимает по преступности одно из первых мест в мире и по числу убийств стоит непосредственно за странами, в которых идут военные конфликты. По официальным данным с середины 2006 г. до середины 2007 г. в стране было совершено более 19 200 убийств и более 126 500 грабежей «с отягчающими обстоятельствами»⁷⁸. Страдают от преступности все слои и группы населения, бедные не меньше богатых. Проведенное в 2005–2006 гг. исследование показало, что в богатых, в основном белых, пригородах и в бедных черных тауншипах отношение к преступности одинаково: в 2005 г. жители и тех и других ставили преступность на четвертое место среди волнующих их проблем, в 2006 г. — на второе. И те и другие говорили, что правительство не справлялось с ростом преступности⁷⁹.

Тем не менее Мбеки отказывался даже признать, что проблема преступности существует. В «АНК Тудэй» он утверждал, что преступность в Йоганнесбурге постоянно снижалась с 1994 г., а та, что есть, осталась в наследство от апартхеида. Но главное, он объяснил то внимание, которое пресса уделяла преступности, исключительно «страхами белых»⁸⁰.

⁷⁶ Sunday Independent. 14.09.1997.

⁷⁷ См., напр.: ANC Today. 05.10.2007.

⁷⁸ Business Day. 04.07.2007.

⁷⁹ Business Day. 19.03.2007.

⁸⁰ ANC Today. 16–22.03.2007.

Существует ли белый расизм в действительности, или поток обвинений белых в расизме — всего лишь оправдание дискриминации и доступный способ сплочения электората АНК?

Конечно, белый расизм в современной ЮАР есть. И в подсознании, и в быту, и даже в политике — только в политике он встречается куда реже, чем представляло это правительство Мбеки, и не там, где оно его искало. Например, вовремя пришедшие на заседание белые понимающе переглянутся, если увидят, что задерживаются их черные коллеги. Белый электрик отпустит грубую шутку насчет своего неумелого черного помощника. Газеты часто публикуют информацию о случаях бытового расизма. Цветной любитель регби пришел на матч с женой и дочерью, но его встретили оскорблениями и обозвали кафром⁸¹. Черный журналист идет в бар, где за пиво с него берут вдвое больше, чем с белой клиентуры⁸². Появляется все больше публикаций о случаях расизма в школах, особенно с обучением на языке африкаанс⁸³.

В начале 2008 г. в университете Фри Стейт разразился скандал. В международные СМИ попало видео об «инициации» четырьмя белыми студентами нескольких черных уборщиц и работников общежития. В ходе «инициации», которую студенты называли «шуткой», рабочие ели из мисок, стоявших на полу, пищу, в которую студенты до того помочились. Скандальное видео многократно демонстрировалось по телевидению, сообщения о нем обошли все местные СМИ. Не только руководство университета, но и все партии, в том числе правый африканерский Фронт свободы плюс, осудили действия студентов, но ситуацию это не улучшило⁸⁴.

В глубинке белого бытового расизма больше, чем в крупных городах. Наиболее яркие его проявления авторы наблюдали на Южном побережье — территории между Дурбаном и Порт-Эдвардом, одном из районов страны, где белые относительно бедны и где

⁸¹ City Press. 18.02.2007.

⁸² The Mercury. 20.11.1997.

⁸³ См, напр.: The Mercury. 11.02.1998.

⁸⁴ См, напр.: Cape Times. 28.02.2008.

их сравнительно много. Бытовой расизм там не исчезал никогда, а 2000-е годы усилился. Там даже появились заведения, куда — неофициально, конечно, не пускали африканцев. Слова «К» — кафр — авторам слышать не доводилось, но другое — «дарки» (темнокожий) — произносится с тем же выражением и с тем же значением.

Что до политики, то достаточно вспомнить историю с африканерской организацией Буремах, 22 члена которой обвиняются в заговоре против правительства и в организации взрывов в черных поселках в октябре 2002 г. Заговорщики планировали взорвать несколько правительственных учреждений и Йоганнесбургский аэропорт, что должно было послужить сигналом к стихийному восстанию белых. После переворота «нация» (очевидно, африканерская. — *И.Ф., А.Д.*) должна была собраться в определенном месте и выслушать планы новых лидеров. Одним из таких планов было сжечь и расплавить все автомашины, которыми владеют черные; другим — собрать группу женщин (очевидно, африканерских. — *И.Ф., А.Д.*) в одном из армейских зданий, изолировать и оплодотворить их спермой членов Буремаха, чтобы таким образом положить начало новой нации⁸⁵.

Эти показания были встречены в суде смехом, но ведь не на пустом месте возникли у членов организации эти бредовые мысли: предыдущее правительство воспитывало белых, особенно африканеров, в духе расового — биологического — превосходства на протяжении десятилетий. Те, кто не могут смириться с новым порядком, но не хотят покидать страну и готовы пожертвовать городской жизнью и карьерой, селятся в Орании, африканерском поселке, где не разрешают ни жить, ни работать черным. Орания, возникшая в начале 1990-х годов буквально на пустом месте посреди кару — южноафриканской полупустынной степи, превратилась в небольшой, но процветающий городок со всеми удобствами: там даже есть две школы с полным циклом обучения.

Расистские настроения среди белой интеллигенции — редкость, но есть и они. Дэн Рудт, известный африканерский писатель

с двумя докторскими степенями, издал книгу под названием «Бедствие АНК» и описал создание правительства черного большинства как победу над африканерами их «традиционного врага» — этноса коса. Рудт писал, что «в Южной Африке “большинство” — это биологическое понятие», и обвинял руководство страны в том, что оно дает пособия на детей бедным женщинам специально, чтобы те рожали как можно больше будущих избирателей⁸⁶.

Есть и «белые страхи», основанные на вполне реальном чувстве вины за апарtheid. В феврале 2007 г. среди африканеров начали распространяться СМС-сообщения о том, что Мандела умер и что его смерть скрывают, поскольку, как только будет объявлено, что он умер, африканцы начнут вырезать белых. Источником посланий оказалась организация, называющая себя Сёйдлендерз. Ее лидер, Густав Мюллер, считает себя Иосифом, избранным Богом, чтобы сохранить бурский народ и вывести его к свободе. В его посланиях африканерам предлагалось запастись пищей и горючим, уходить из городов и с ферм и собираться в определенных центрах, чтобы переждать «ночь длинных ножей».

Смерти Манделы эти круги африканеров ждали с 2002 г. Когда, вопреки предсказаниям, он в назначенный день, 13 сентября, не умер, его решили убить. Манделу спасла случайность. Помешательство на смерти Манделы объясняется давним предсказанием некоего Николааса фан Ренсбурга — африканерского «провидца», жившего между 1844 и 1926 гг. Предсказание заключалось в том, что смерть могущественного черного лидера приведет к убийству тысяч белых в Йоганнесбурге и десятков тысяч по стране. После этого ученик Бога, «одетый в коричневый костюм», поведет буров на войну, и они снова установят свой политический и военный контроль в Южной Африке. Эти предсказания вошли в моду, когда около 2001 г. на политической арене появился Буремах. После попытки покушения на Манделу полиция арестовала заговорщиков⁸⁷.

⁸⁶ **Roodt D.** The Scourge of the ANC and Afrikaner Survival under Black Rule. Dainfem, 2005. P. 64, 65, 70.

⁸⁷ Mail and Guardian. 21.02–01.03.2007, 02–08.03.2007; Sunday Independent. 18.03.2007.

Об этом вполне осязаемом расизме и об этих белых страхах правительство не говорит. Руководство АНК понимает, что такой расизм не только ему не опасен, но даже на руку. Людей с подобными взглядами — единицы. Любое их действие и высказывание может только сплотить электорат АНК и скомпрометировать политическую оппозицию, сколько бы она ни осуждала подобные взгляды. А вот оппозиция, принявшая новую Южную Африку, подписавшая конституцию, базирующая свою критику политики АНК на реальных проблемах страны и пытающаяся привлечь на свою сторону часть электората АНК, — эта оппозиция, конечно, представляет если и не реальную альтернативу, то определенную опасность, и потому ее и клеймят как расистскую. Больше всего АНК обвиняет в расизме Демократический союз. В 1997 г. АНК назвал лидера ДС — тогда Демпартии — Тони Леона расистом за его осуждение визита Манделы в Ливию и утверждение, что этот визит имел целью получение средств для АНК⁸⁸. В 2005 г. это утверждение полностью подтвердилось⁸⁹. Леона обвиняли в расизме по поводу критики и других конкретных аспектов политики правительства, например, позиции министра здравоохранения Нкосазаны Зумы в вопросе о СПИДе, отношения правительства и президента к политике президента Зимбабве Роберта Мугабе, закона об образовании.

Ничего не говорит правительство и о черном расизме, которого, по определениям АНК, просто не может быть, но в реальной жизни он, конечно, существует. Перед национальной конференцией АНК 1997 г. в прессе появилось несколько статей об «африканистской» тенденции внутри АНК и о борьбе между «африканистами» и коммунистами за влияние в партии, и в частности на конференции. Лидером африканистов тогда считали Питера Мокабу, заместителя министра окружающей среды и туризма и члена Национального исполкома АНК, известного своим призывом «один фермер — одна пуля». Мокаба подал для обсуждения на конференции два документа — «Национальный вопрос» и «К вопросу о лидерстве: пища для ума — инструкция к действию». Смысл их

сводился к тому, что революция в Южной Африке национальная и лидерами в ней должны быть только африканцы: только они имеют право на руководящие посты в стране⁹⁰. Ему вторил Зола Сквеййя, министр государственной службы и администрации. «Меня не волнует, что в кабинете министров слишком много индийцев, раз их политика приводит к власти африканцев», — говорил он⁹¹. До 1997 г. руководство АНК так не высказывалось, во всяком случае публично.

Джереми Кронин, заместитель генерального секретаря ЮАКП, более откровенно говорил тогда о том, что газеты мягко называли «африканизмом». По его словам, естественно, что «элементы расовой игры» появляются в парламенте, где «люди борются за карьеры»⁹². С резкой критикой позиции Мокабы выступил его непосредственный начальник, Палло Джордан — в то время министр окружающей среды. Он писал, что АНК не выиграет от политики более «африканистской», чем у Панафриканского конгресса, или более «зулусской», чем у Инкаты⁹³.

Казалось бы, позиция Мокабы на конференции не прошла: его документы приняты не были. Но новая политическая линия руководства АНК, несомненно, вырабатывалась с учетом популярности его и близких ему взглядов, а его позиция, казавшаяся крайней, сегодня выглядит вполне умеренной и почти нейтральной. Кронин свои взгляды по поводу «расовых игр» с тех пор не высказывал, а КОСАТУ и ЮАКП полностью поддерживали линию Мбеки в расовом вопросе, хотя расовое перераспределение мест в высших эшелонах государства и бизнеса объективно вело к углублению и расширению базы крупного капитала в ЮАР, т.е. именно к тому, за что обе организации яростно критиковали правительство Мбеки.

В 1997 г., в свою бытность проректором Витватерсрандского университета Малегапуре Макхоба, уже упоминавшийся известный черный ученый-медик, писал группе видных ученых, известных своими

⁹⁰ Sunday Times. 12.10.1997.

⁹¹ Mail and Guardian. 23–30.05.1997.

⁹² Ibid.

⁹³ Sunday Independent. 16.11.1997

марксистскими и либеральными взглядами, о своих противниках по разгоревшемуся в университете конфликту: «Африканским демократиям сегодня противостоит не примитивный правый расист из АВБ, КП или Фронта свободы»⁹⁴, но неолиберал, который усвоил из расистского общества изощренную форму расизма. Обычно это тот, кто утверждает, что боролся с нами бок о бок или что у его сестры или брата черные родственники»⁹⁵.

Вина этих людей, критиковавших его лично и пытавшихся не допустить его назначения на пост ректора университета, состояла, по мнению Макхоба, в том, что они стремились «разрушить африканскую гордость, подъем и достижения», «унижая черных везде... стремясь поколебать уверенность наших детей... установить новую форму превосходства». Они полагали, что борются против конкретного руководителя, чьи методы были им не по душе; он считал, что это была борьба за власть между двумя расами, черной и белой, и что целью белых было подчинение черных интеллектуалов своей воле. А коли так, то нужны были особые меры, чтобы заставить этих белых понять и прочувствовать, что именно означает трансформация. «Я справедливо полагал, — пишет Макхоба, — <что они> должны пережить тяжелую психологическую травму, испытать боль, отверженность, публичное унижение и неполноценность». «Только тогда, — продолжал он, — они поймут истинную природу и значение трансформации... Их белые скелеты должны были выйти наружу и плясать под ярким африканским небом...» С удовлетворением писал Макхоба о том, что один из его университетских противников покончил с собой⁹⁶.

Макхоба, пожалуй, наиболее коротко и доступно объяснил разницу в подходе к трансформации белых и черных — тех, кто мыслит,

⁹⁴ AWW (Afrikaner Weerstandsbeweging) — Партия африканерского сопротивления, крайне правая африканерская организация фашистского толка; КП (Консервативная партия) и Фронт свободы — африканерские правые организации. Все три весьма малочисленны. Многие их члены объединились сейчас в Фронт свободы плюс, у которого есть несколько депутатов в парламенте.

⁹⁵ *Makgoba M. W.* Makoko. The Makgoba Affair. A Reflection on Transformation. Johannesburg, 1997. P. 116.

⁹⁶ Ibid. P. 117, 171, 228–229.

как он: «Их (белых либералов. — Л.Д., И. Ф.) интересует статистика преступности, падение рэнда, качество образования, эффективность бюрократии и т.д. Экономика и политика важны, но более важный и фундаментальный вопрос для (черного. — А.Д., И. Ф.) большинства, это то, кто определяет производство знания и интеллектуальное направление, культуру и системы ценностей, значение и ценность жизни и идентичность нации в глобальном контексте... Крохотная либеральная мысль... слишком технична, легалистична и связана протоколом...»⁹⁷

Взгляды Макхобы особенно интересны, поскольку они были близки видению Мбеки. Мбеки написал предисловия к двум книгам Макхобы⁹⁸ и сам неоднократно высказывал мысль о том, что главные враги трансформации и самые ярые расисты — это «неолибералы».

Макхоба позже стал президентом Медицинского исследовательского совета, а затем ректором университета КваЗулу-Натал. Уже будучи на этом посту, он опубликовал статью, в которой сравнил белых мужчин с бабуинами⁹⁹. Нетрудно представить, что произошло бы, если бы так высказался о черных белый ректор одного из южноафриканских университетов. Но в данном случае ни обвинений в расизме, ни каких бы то ни было административных мер не последовало. Более того, черная интеллигенция обвинила в расизме не Макхобу, а его противников. Махмуд Мамдани, например, угандийский историк, возглавлявший в конце 1990-х годов Центр африканских исследований Кейптаунского университета, написал, что Макхоба стал жертвой «расистской власти, укоренившейся в Витсе»¹⁰⁰.

⁹⁷ *Makgoba M. W.* Makoko... P. 116–117.

⁹⁸ *Mbeki T.* Foreward // *Makgoba M. W.* Makoko... P. VII—XI; *Mbeki T.* Prologue // *African Renaissance. The New Struggle* / ed. by M. W. Makgoba. Johannesburg, 1999. P. XIII–XXI.

⁹⁹ *Makgoba M.* Wrath of Dethroned White Males // *Mail and Guardian*. 24–31.03.2005.

¹⁰⁰ *Mail and Guardian*. 05–11.09.1997. «Вите» — Витватерсрандский университет.

Стоит, вероятно, заметить, что после поражения Мбеки на Национальной конференции в декабре 2007 г. Макхоба назвал его оппонента, Джейкоба Зуму, «одним из величайших африканских лидеров», а своего многолетнего покровителя — «классическим диктатором нашего времени наравне с Иди Амином, Робертом Мугабе, Мобуту Сесе Секо и зулусским королем Чакой»¹⁰¹.

Руководство АНК не позволяет себе высказываться в духе Макхобы, но отношения своего к белым вообще и к африканерам в частности не скрывает, и проявляется это отнюдь не только в законах о позитивных действиях. По конституции государственными в ЮАР являются 11 языков. В теории у них равные права, но в действительности положение их не равно. Заметного развития языков банту не происходит, хотя появился телевизионный канал, вещающий на этих языках, и школьное образование тоже частично ведется на этих языках. Но вот положение языка африкаанс изменилось, и не без давления со стороны правительства, которое продолжает считать его языком «колонизаторов», «поселенцев», хотя это родной язык не только бывших угнетателей — африканеров, но и бывших угнетенных — цветных.

Африкаанс перестали использовать в армии и в большой степени в полиции, несмотря на протесты прежде всего в провинциях Западный Кейп и Северный Кейп, где заметный процент цветного населения не говорит или почти не говорит по-английски. Процесс сокращения числа школ и университетов с обучением на африкаанс, начавшийся подспудно и естественно с уменьшением числа желающих обучаться на этом языке, перерос в конфликтную ситуацию, когда правительство начало принудительно вводить в некоторых школах с обучением на африкаанс параллельное обучение на английском. Каждый раз это приводило к такому наплыву новых черных школьников, что обучение на африкаанс приходилось прекращать.

События в африканерских университетах развивались по такому же сценарию. Только Стелленбошский университет ведет сейчас полный цикл обучения на африкаанс, хотя и там уже введено параллельное преподавание на английском. Руководство страны приветствовало

¹⁰¹ Sunday Independent. 13.07.2008

и поощряло инициативу профессора Макхобы по переводу всего обучения в Университете КваЗулу-Натал на зулусский язык. Но это же руководство полагало, что те, кто выступают за сохранение африкаанс в Стелленбоше, попросту пытаются не допустить туда африканцев. В действительности черных студентов там немало, но тому, кто не говорит на африкаанс, приходится учить этот язык.

Выступая на первой сессии парламента 2007 г., представитель Фронта свободы плюс высказал и другие претензии африканеров. По его мнению, в переписанных теперь учебниках африканеры «вычеркнуты из истории или представлены ее единственными злодеями», а в серии книг «Поворотные моменты истории», используемой в школе, нет ни одного имени бурских лидеров или героев. Кампанию по перемене названий городов, улиц, аэропортов и т.д., развернувшуюся в стране в 2008 г., он назвал «продуманной пощечиной африканерам»¹⁰².

В Претории напротив бывшего памятника бурским треккерам построен Парк свободы, одной из частей которого является Парк памяти с мемориальной стеной. На ней написаны имена южноафриканских героев, погибших в борьбе за свободу. Там есть и имена африканеров — героев англо-бурской войны, но, по решению министра искусств и культуры Палло Джордана, имен бойцов южноафриканской армии, погибших в боях против освободительного движения, на стене нет. Группа африканерских активистов открыла неподалеку другой, альтернативный мемориал с именами этих людей¹⁰³.

С точки зрения африканцев, эти мелкие уколы самолюбия — наказание ничтожное по сравнению с масштабами совершенного африканерами зла, но многие африканеры этого не понимают и не принимают. Во-первых, они не проиграли войну — АНК не победил их, но относится к ним как к побежденным. Во-вторых, им обещали национальное примирение, а вместо этого они видят только месть. Наконец, в-третьих, они искренне раскаялись и просили прощения, в отличие, например, от Молодежной лиги АНК,

еще в конце 1990-х годов пропагандировавшей лозунг «убей фермера, убей бура», а также от Panaфриканистского конгресса, боровшегося под девизом «один поселенец, одна пуля». По их христианским понятиям, прощение должно было быть им даровано¹⁰⁴.

Абсолютное большинство черных считает, что африканеров более чем простили: их не убили, не выгнали из страны, не выселили из домов и даже не отобрали у них пенсии. Более того, правительство до сих пор не привлекло к суду почти никого из тех, кто отказался давать показания Комиссии правды и примирения, созданной Нельсоном Манделой, и кого оно должно было бы привлечь к суду по закону. Все высшее руководство бывшего режима осталось безнаказанным. Компенсация, предусмотренная законом для жертв апартхейда, выявленных Комиссией правды и примирения (всего 22 тыс. человек), ничтожна, от 17 тыс. до 24 тыс. рандов (примерно от 2 до 3 тыс. долл. США) в год в течение шести лет. Но и она до сих пор не выплачивается. Единовременные пособия от 2 до 6 тыс. рандов, которые Комиссия заплатила 13 тыс. человек, выглядят и вовсе насмешкой¹⁰⁵. Попытка энтузиастов организовать репарации через суд пока ни к чему не привела.

Но с точки зрения африканеров, особенно молодежи, которая не знала апартхейда, прощения не последовало: в стране, которую они считают своей, они чувствуют себя гражданами второго сорта.

Новое африканерское «мы»

Искренность и масштабы раскаяния африканеров недооценивать нельзя. Ведь многие искренне ужасались и калялись во время работы Комиссии правды и примирения и несколько лет после ее окончания. По-разному калялись и переосмысливали свою историю африканерские писатели и поэты. Именно об этом знаменитый роман Джона Куэце «Бесчестье», да и другие его романы. Об этом же писали и такие разные писатели, как Андре Бринк, Риан Малан

и Анки Крох, и публицист Макс дю Приа. Статья Крох о национальном примирении называлась «Я смущена прощением»; статья Малана на ту же тему — «Дар столь большой, что я задохнулся от него»¹⁰⁶. Столп апартхеида, бывший министр законности и порядка, Адриаан Флок публично омыл ноги Фрэнка Чикане, священника и в то время генерального директора канцелярии президента Мбеки, которого Флок в бытность свою министром дал распоряжение отравить. В конце 1990-х годов среди молодых африканерских пар распространилось поверье брать на воспитание черных детей-сирот. Поддержка Национальной партии стала падать не тогда, когда она была в правительстве национального единства с АНК, а после того, как она из него вышла.

На протяжении нескольких лет после прихода к власти черного большинства африканеры каялись, молчали или уезжали. Только самые правые вели арьегардные бои за создание на территории ЮАР независимого африканерского «народного государства» (Фолькстат), да Буремах тайно обсуждал свои безумные планы. В 1997 г. известный журналист Шон Джонсон писал, что белые чувствуют себя отчужденными и выбирают «уход» — внешнюю или внутреннюю эмиграцию¹⁰⁷. Правительство Мбеки решило, что с политическим африканерским национализмом покончено навсегда, и перестало принимать эмоции африканеров в расчет. В июне 2006 г. министр госпредприятий Элек Эрвин сказал африканерским лидерам: «Такого понятия, как африканер, не существует». Эту фразу они цитируют до сих пор¹⁰⁸. В апреле 2007 г. газеты обошла история с разрушением в Стандертоне памятника 150-летию бурского трека — стеллы с отпечатками колес бурских повозок и мемориальной доской. По распоряжению Квина Радебе-Кумало, мэра города, установленный в 1988 г. памятник был не просто снесен, но и раздроблен на мелкие куски. По сообщению газеты «Билд», он прокомментировал свои действия словами: «Этот кусок чего-то ничего для нас

¹⁰⁶ Sunday Times. 01.02.2004; 29.02.2004.

¹⁰⁷ Sunday Independent. 14.12.1997.

¹⁰⁸ См., напр.: Weekend Argus. 10.03.2007.

не значит»¹⁰⁹. Позже национальное руководство АНК отказалось поддержать эту акцию и объявило о том, что проведет расследование инцидента¹¹⁰, но вред, конечно, был нанесен немалый.

Никакой сплоченной политической оппозиции со стороны африканеров правительству АНК не существует. После присоединения Нацпартии к АНК часть их стала голосовать за АНК, часть — за Демократический союз, часть — за правые партии. Но в последние годы африканерское национальное самосознание, задавленное прежде грузом чувства вины, начало возрождаться. Возрождение это началось подспудно, как это ни странно, с музыки. Новые певцы и рок-группы начали петь о прошлом африканерской нации, об ущемленной гордости, о том, что молодое поколение устало извиняться. Пожалуй, лучше всего настроение молодого поколения выражено такими словами одной из песен группы Клопьях: «Я встану в конец очереди / Я буду носить цвета радуги на рукаве / Но я никогда больше не буду извиняться»¹¹¹.

Однако символом этого поколения стала другая песня, посвященная герою англо-бурской войны Куусу Де ла Рейу:

*Де ла Рей, Де ла Рей,
Придешь ли ты, чтобы вести буров?..
Генерал, как один Мы падём вокруг тебя..
А Хаки смеются,
Горсточка нас против всей их
Великой мощи,
И наши спины прижаты к скалам, они
Думают, что все кончено..
И репрессии Хаки льются
На нацию, но она опять поднимется.
Генерал Де ла Рей..
Придешь ли ты к бурам?
Мы готовы.*

¹⁰⁹ Sunday Independent. 15.04.2007; News 24. 13.04.2007.

¹¹⁰ Business Day. 19.04.2007.

¹¹¹ Mail and Guardian. 16–22.02.2007; Weekend Argus. 10.03.2007.

Автор ее — композитор и певец Бок фан Блёрк¹¹². Казалось бы, в словах нет политики: кому, в конце-концов, дело до старых обид африканеров на «хаки» — англичан? Да и Де ла Рей — отнюдь не самый непримиримый из бурских лидеров — попал в песню случайно, просто потому, что его имя рифмуется с африканерским словом «lei» (вести). Бок фан Блёрк говорит, что он не политик и просто хотел что-то сделать для языка и культуры африканеров¹¹³. Но, конечно, песня политизирована. Билеты на концерты фан Блёрка всегда раскуплены, и публика сразу требует «Де ла Рей». Ее поют все, стоя навытяжку, голос певца тонет в хоре, у некоторых в аудитории старые южноафриканские флаги. Когда Йоганнесбургский аэропорт называли именем О.Р. Тамбо, кто-то перечеркнул новое название на указателе и написал на нем «Де ла Рей». Песни фан Блёрка настолько популярны среди африканерской молодежи, что ее даже называют «поколением Де ла Рея», а газета «Мэйл энд Гардиан» назвала взрыв увлечения этой «бурской музыкой» «восстанием Де ла Рея». Другие музыканты подхватили начатую фан Блёрком тенденцию¹¹⁴.

Первый диск фан Блёрка — альбом под названием этой песни — стал самым популярным дебютным альбомом за всю историю южноафриканской музыки. Но отношение правительства к «бурской музыке» было более чем прохладным. Его выразил министр искусств и культуры Палло Джордан: «...Эту популярную песню перехватило меньшинство правых, которые... хотят повести по неверному пути некоторые группы общины, говорящей на языке африкаанс, чтобы они думали, что это “песня борьбы”, которая “призывает к оружию”»¹¹⁵.

Песня не запрещена, но по радио и телевидению она, как и другие африканерские песни новой волны, не исполняется. Впрочем, не исполняется и другая популярная песенка — «Дайте мне

¹¹² Бок фан Блёрк — псевдоним, настоящее имя Луис Пеплер.

¹¹³ Mail and Guardian. 16–22.02.2007.

¹¹⁴ Ibid. «Бурской музыкой» называет эти песни Риан Малан, который и сам неожиданно обратился к этому жанру.

¹¹⁵ Sunday Independent. 18.02.2007; Mail and Guardian, 16–22.02.2007.

мой пулемет...» Ее поют на митингах сторонники нового президента АНК Джейкоба Зумы¹¹⁶.

Другой популярный африканерский певец и актер Стив Хофмейер перешел от музыки к действиям. Он возглавляет кампании демонстраций против начатого АНК переименования улиц и городов, против преступности и т.д. Хофмейер говорит, что раньше боролся против африканерства с одной идеей и одним флагом, а теперь борется «за создание нового многокультурного общества, в котором разные группы южноафриканцев смогут наслаждаться своей культурой и языком без того, чтобы их маргинализировали или игнорировали». Политика наделения черных экономической властью¹¹⁷, с его точки зрения, равнозначна лишению африканеров права голоса и противоречит конституции — но он поддерживает ее, поскольку она «небходимое зло»¹¹⁸.

Реакция африканерских либералов на возрождение национального самосознания в африканерской среде разная. Йохан Россоу предложил, например, несколько скромных мер, которые могли бы снять напряжение, а именно: определять категории лиц, подпадающих под «позитивные действия», не расовыми, а классовыми критериями¹¹⁹, присваивать переименованным географическим точкам двойные названия (например, «Претория-Чване»), увеличить объем обучения на родном языке для всех детей, не только для африканеров¹²⁰. Но, конечно, и эта программа-минимум была неприемлема для правительства Мбеки.

Макс дю Приа объяснил «феномен Де ла Рея» как «проявление разочарования и неуверенности, чувства, что их (африканеров. —

¹¹⁶ Weekend Argus. 10.03.2007; Sunday Independent. 18.02.2007; Mail and Guardian. 16–22.02.2007.

¹¹⁷ Black Economic Empowerment (BEE).

¹¹⁸ Sunday Times. 18.02.2007; Sunday Independent. 18.02.2007.

¹¹⁹ Этот взгляд на «позитивные действия» распространен довольно широко, в том числе и среди части небелой интеллигенции. См., например, статью социолога коммуниста, профессора Витватерсрандского университета Девана Пиллея (Sunday Times. 26.06.2005).

¹²⁰ Ibid.

И.Ф., А.Д.) маргинализируют в Южной Африке, управляемой АНК... Они действительно чувствуют себя гражданами второго сорта»¹²¹.

Рост национализма среди африканерской молодежи льет воду на мельницу правых партий. Увереннее стали высказываться в парламенте представители партии Фронт свободы плюс. Появляются и новые силы. Политическое выражение «поколения Де ла Рея» — Аффрифорум, группа, сформировавшаяся в профсоюзе Солидарность, костяк членов которого составляют африканеры. Группа выступает за «гражданские права» африканеров, Хофмейер — один из ее активистов. Она устраивает демонстрации против переименования городов и улиц, борется против «переписывания истории». Руководитель группы Калли Криль говорит, что прежние лидеры предали африканеров, а африканское правительство, особенно после 1997 г., маргинализирует их. «Нашу историю унижают, — говорит он, — примирение заменили мстью, а Джордан практикует демократию через диктатуру». «Примирения нет, — повторяет он, — а есть *a luta continua* другими средствами». По его словам, задача группы — препятствовать попыткам правительства АНК смести африканеров с политической арены¹²².

¹²¹ Business Day. 22.02.2007.

¹²² Weekend Argus. 10.03.2007. Палло Джордан, министр искусств и культуры, попал под огонь критики африканеров в связи с политикой АНК по переименованию названий городов и улиц, за которую он нес ответственность и которая проводилась далеко не всегда с чувством меры и такта и зачастую без необходимых по закону консультаций. Недавно решение местных властей города Луи Трихард о переименовании было отменено судом из-за несоблюдения процедуры. Участие в кампании против переименования улиц и аэропортов (города были переименованы или включены в большие по размеру муниципальные районы под другими названиями уже некоторое время назад) отнюдь не ограничивается африканерами. 1 мая 2007 г. в Дурбане состоялась 10-тысячная демонстрация против переименований в муниципальном районе Этеквини, частью которого является Дурбан, организованная совместно ДС и Инкатой. Правительству пришлось улаживать конфликт, и решение было временно отложено.

Ему вторит Ян Босман, директор Африканербонда: «И конституция, и Хартия свободы совершенно недвусмысленно утверждают равенство прав для всех... На практике этот идеал сведен на нет политикой позитивных действий и законом о равенстве при приеме на работу... Африканербонд осуждает тех, кто говорит уничижительно о представителях других рас, но такие люди есть далеко не только среди белых, а Мбеки критикует только их»¹²³.

Разочарованы не только африканеры (и далеко не все африканеры) и не только белые (и далеко не все белые), но в том, что это чувство распространено среди африканеров наиболее широко, сомнения нет. Одним из результатов этого разочарования явилась массовая эмиграция.

Определить число уехавших трудно. Официальная статистика учитывает только тех, кто официально уезжает в эмиграцию, а таких меньшинство. Едут на учебу, на работу по контракту, просто попутешествовать. По официальным данным, в одном только 2003 г. на работу за рубеж уехало 16 165 южноафриканцев, из них 1631 — специалисты, нехватка которых ощущается в самой Южной Африке: бухгалтеры, инженеры, врачи и т.д. По данным министерства здравоохранения, в Англии, США, Канаде, Новой Зеландии и Австралии в 2001 г. работало больше 23 тыс. южноафриканских медиков. Южноафриканцы работают в 50 странах мира, но больше всего в Англии¹²⁴. Это неудивительно: граждане ЮАР до сих пор пользуются правом безвизового въезда в эту страну.

В действительности число уехавших, конечно, выше. В Лондоне действуют уже две голландские реформатские церкви, а в Австралии открыто семь школ с обучением на африкаанс. Счет идет, очевидно, на сотни тысяч. Обычно уезжают выпускники университетов, не находящие себе достойной работы или не видящие перспективы продвижения по службе, а также молодые родители, обеспокоенные ростом преступности и снижением качества образования.

¹²³ Mail and Guardian. 05–12.04.2007.

¹²⁴ Sunday Times. 25.02.2007

Нельзя сбрасывать со счетов и экономический фактор. Медсестры, например, получают в Англии по меньшей мере вдвое больше, чем в ЮАР. Поэтому уезжают не только белые, но и черные. В английских больницах работает много черных южноафриканских медсестер¹²⁵. Процент уехавшей индийской молодежи едва ли не выше, чем белой.

Но белых эмигрантов абсолютное большинство, и если африканцы, как правило, едут только на заработки, то белые и индийцы обычно не возвращаются. Большинство уехавших предпочли бы остаться в Южной Африке, но не видят там перспективы для себя или для своих детей.

Результаты расовой трансформации

Но стоит ли, в конце концов, обращать внимание на эмоции белых вообще и африканеров в частности? Ведь старшее поколение вполне заслужило ненависть черного большинства своей поддержкой апартхеида, а представители младшего, и даже те, которые не знали апартхеида, до сих пор пользуются его плодами.

Главная цель правительства АНК, достижение которой партия провозглашает жизненно необходимым для страны, — это исправление исторической несправедливости, создание человеческих условий жизни для черного большинства. Удалось ли правительству Мбеки приблизить эту цель? Насколько верен тот курс, который оно избрало для ее достижения? Оценки успехов правительства АНК в этом отношении настолько разнятся, что порой кажется, будто речь идет о разных странах.

К 13-й годовщине «освобождения» — прихода АНК к власти (1994 г.) — Мбеки отметил следующие достижения своего правительства: высокую степень уверенности потребителей (по некоторым данным, в то время ЮАР занимала по этому показателю 3-е место среди стран Азии, Ближнего Востока и Африки); рост интереса иностранного капитала к приобретению недвижимости в стране; самый быстрый рост числа туристов в мире — на 13,6% в 2005–2006 гг.; создание множества новых рабочих мест в результате

быстрого роста экономики (по данным Статистического агентства ЮАР, за последние 3 месяца 2006 г. создавалось 1086 рабочих мест в день). Всемирный валютный фонд, продолжал Мбеки, отметил в своем отчете, что «здоровая макроэкономическая политика и сильная банковская система позволяют Южной Африке избежать внешних шоков»; в стране быстрыми темпами, за одно поколение, был создан средний класс; из оценивавшихся 115 стран ЮАР занимала 18 место по разнице в положении в обществе мужчин и женщин, обгоняя Бельгию, США, Швейцарию, Австрию и Францию. Упомянул Мбеки и возвращение в страну медсестер и инженеров (цифр по медсестрам он не привел; число вернувшихся инженеров — 35, из них 15 — черные). Все эти успехи Мбеки напрямую связал с политикой «позитивных действий», предусмотренной, по его мнению, конституцией и проводившейся его правительством¹²⁶.

Мбеки мог бы привести и более красноречивые данные. В 2006 г. рост экономики превысил 4%. По оценкам специалистов Первого национального банка, ежегодно создается около 300 тыс. новых рабочих мест в формальном секторе экономики и еще около 200 тыс. — в неформальном, а число безработных упало с 8,2 млн человек в 2003 г. до 7,5 млн в 2007 г., причем тенденция на понижение этого показателя сохраняется. Введено бесплатное базовое школьное обучение, созданы медпункты в сельской местности, беднота получила бесплатный доступ к определенному минимуму электроэнергии и воды. С 1994 по 2005 г. число черных студентов выросло на 18 п.п. — с 42% до 60¹²⁷; в школьное образование вкладываются колоссальные средства, и 90% детей школьного возраста посещают школы; соотношение девочек и мальчиков в школах практически 1/1 — лучше, чем в большинстве развивающихся стран, и при этом успеваемость у девочек лучше, чем у мальчиков¹²⁸; в рамках программы реконструкции и развития (РДП)

¹²⁶ ANC Today. 20–26.04.2007.

¹²⁷ Business Day. 16.02.2007.

¹²⁸ *Taylor N.* How Can School Performance Be Improved? Paper Presented at the Conference «Roads out of Poverty». Friedrich Naumann Foundation, 20–21 February, 2007.

правительство построило больше миллиона жилых домов для бедных; около 10 млн человек получают различные пособия и гранты¹²⁹.

Но критики Мбеки рисуют другую картину: в стране в среднем убивают 50 человек в день, преступность — одна из самых высоких в мире; 1000 человек в день умирает от СПИДа — эпидемия поглотила уже около 2 млн человек; население ЮАР составляет всего 0,7% населения мира, но число больных СПИДом составляет 14% от числа больных СПИДом в мире, и ответственность за это несет лично Мбеки, долгое время отказывавшийся признавать принятые во всем мире методы лечения этой болезни и не позволявший своему кабинету внедрять их; 1,7 млн человек в стране не имеют никакого образования, а 7,2 млн функционально неграмотны; полностью безработны 8 млн человек, еще 4 млн — частично безработны, что вместе составляет две трети работоспособного черного населения страны; среди работающих африканцев 6,2 млн или 73% получают менее 2500 рандов (около 350 долл.) в месяц; если взять все население, то цифра еще выше: 7,4 млн работающих получают менее 2500 рандов в месяц; 10% населения получают 45% национального дохода; только 366 тыс. черных южноафриканцев получают зарплату более 8 тыс. рандов в месяц; машина есть у 93% белых семей, но только у 10% черных семей¹³⁰. Значит, если «выравнивание» и происходит, то недопустимо медленно, а с учетом безработицы и последствий эпидемии СПИДа положение черного большинства даже ухудшилось.

Конечно, даже при самой лучшей политике тяжелое наследие колониализма и апарtheidа невозможно ликвидировать за полтора десятилетия, и все же ситуация явно могла бы быть лучше, если бы экономика ЮАР росла быстрее. Но рост ВВП в 1995–2005 гг. составлял всего 3,5% в год, в последующие два года он повысился до 4,5%. В странах Восточной Азии — бывших колониях и полуколониях этот показатель составлял 8% в год на протяжении

¹²⁹ *Simkins Ch.* Welfare Spending: Its Costs, Benefits and Limits. Paper presented at the «Roads out of Poverty» Conference.

¹³⁰ Sunday Times. 04.03.2007.

последних пяти десятилетий, а в развивающихся странах в целом — 7%¹³¹. Причин к тому, что южноафриканская экономика развивается недостаточно быстро, много, но прежде всего стоит задаться вопросом, все ли сделало правительство АНК, чтобы ЮАР развивалась так же быстро, как страны Азии.

Политику правящей партии критиковали многие. Официальная оппозиция — Демократический союз одобрил правительственную программу экономического развития «Рост, занятость и перераспределение» (ГЕАР), принятую в 1996 г., но полагает, что слишком строгие законы о труде отталкивают потенциальных инвесторов, а политика «позитивных действий» лишает страну квалифицированных кадров.

Критика и протесты со стороны союзников АНК — ЮАКП и КОСАТУ (а большинство их членов является одновременно и членами АНК) была иной. Они критиковали правительство Мбеки не за «позитивные действия», но за медленные темпы перераспределения, за попытки приватизации государственных и полугосударственных предприятий (вскоре оставленные), а главное — за то, что ГЕАР в целом была направлена на укрепление капитализма.

С середины 2000-х годов в стране начались протесты по более конкретным поводам. Одним из таких выступлений были демонстрации и другие акции, организованные неправительственной организацией «Кампания действий в поддержку лечения СПИДа». И члены организации, и участники ее акций были в подавляющем большинстве членами АНК. В 2006 г. в нескольких черных районах начались волнения, направленные против местных властей и вызванные тем, что администрация не справлялась с обеспечением населения коммунальными услугами. Иногда протесты происходили стихийно, иногда их возглавляли или организовывали местные отделения Компартии. Правительство Мбеки увидело в этих выступлениях заговор и начало расследование, но волнения не прекратились. В начале 2007 г., например, восстала молодежь Бойкутсо, черного тауншипа небольшого города Лихтенбург. Требования выступавших были незатейливы: прочистить

¹³¹ Sunday Times. 04.03.2007.

дренажную систему, покончить с нехваткой машин скорой помощи, регулярно производить уборку тауншипа и кладбищ, закончить строительство домов РДП в кратчайшие сроки и т.д. Но настроена молодежь была воинственно: на улицах появились баррикады. Когда прибыла полиция (черная), в нее полетели камни. Возглавили эти выступления местные отделения Союза студентов Южной Африки, Молодежной лиги АНК¹³² и Молодежной лиги ЮАКП¹³³.

Эти протесты возвращают нас к вопросу о темпах экономического роста страны. Администрация всех уровней не справляется со своими обязанностями даже при существующих темпах роста экономики. У нее попросту не хватает кадров. Политика «позитивных действий» и снижение требований при приеме на работу черных привели к резкому ухудшению работы всех звеньев государственного механизма. В первые годы после прихода к власти руководство АНК полагало, что в ЮАР и в эмиграции достаточно черных квалифицированных специалистов, чтобы заполнить ими места уходящих белых, тем более что университеты, в том числе и белые, начали принимать черных студентов с середины 1980-х годов. Увы, это оказалось не так, и в полной мере масштабы проблемы руководство АНК не осознает еще и сейчас. В 2007 г. в 75 муниципалитетах страны (из 231) не было ни одного инженера, технолога или техника¹³⁴. Незанятых постов в правительственных учреждениях — до 30% при норме в 5%; то же самое в органах управления на провинциальном и местном уровнях. В одном только министерстве земельных дел около 1000 вакансий. В 2005–2006 гг. правительство не смогло истратить 5,4 млрд рандов по причине нехватки кадров или их недостаточной квалификации¹³⁵.

¹³² Молодежная лига АНК часто принимает политические решения, отличные от политики АНК, а иногда и выступает с критикой партии. Отношения между руководством АНК и Молодежной лигой в разные периоды истории складывались по-разному.

¹³³ City Press. 04.03.2007.

¹³⁴ Sunday Times 25.02.2007.

¹³⁵ Mail and Guardian, 05–12.04.2007.

В 2007 г. в больницах не хватало 20% медсестер в палатах и 40% медсестер в интенсивной терапии¹³⁶. В том же году в двух университетских больницах Кейптауна — Хруте Схюр и Тайгерберг — отменялось до 10 операций в день из-за нехватки медицинского персонала. Это государственные больницы, и в проигрыше остаются бедные черные пациенты — их в этих двух больницах тысячи. В мае 2007 г. руководители хирургических отделений Хруте Схюр получили распоряжение резко сократить списки больных на операции, поскольку в больнице не хватало анестезиологов: на две вакансии заявления подали только белые мужчины, но ни одного на работу не взяли¹³⁷.

Средний возраст технологов в ЮАР составляет сейчас 54 года. В 2007 г. правительство создало специальную программу, в соответствии с которой прежде уволенных или ушедших на пенсию технологов и техников приглашали в местные правительственные учреждения, чтобы они обучали молодежь, но зачастую оказывалось, что новых кадров там нет, так что пенсионеры сами занимались ремонтом и обслуживанием оборудования, т.е. выполняли свою прежнюю работу практически за двойную плату. Существует множество проектов в сфере строительства и улучшения дорог, канализации, водоснабжения, а также амбициозные проекты в связи с намеченным проведением в ЮАР мирового первенства по футболу в 2010 г. Для их реализации не хватает кадров¹³⁸.

Судя по списку вакансий по «редким» специальностям за 2007 г., опубликованному министерством труда, стране в целом не хватает около миллиона специалистов: инженеров, техников, технологов, врачей, медсестер, учителей, преподавателей вузов, менеджеров, управляющих ферм, квалифицированных работников ферм и т.д.¹³⁹ На раздававшиеся призывы приостановить политику «позитивных действий» министр труда Мембетиси Мдладлана

¹³⁶ ANC Today. 20–26.04.2007.

¹³⁷ Sunday Times. 03.06.2007.

¹³⁸ Cape Times. 02.03.2007.

ответил, что «“позитивные действия” и нынешний закон о равенстве при приеме на работу не будут отменены никогда, наоборот, их действие будет расширяться». В принципе это противоречит международным законам о труде, в том числе и правилам Международной организации труда, в соответствии с которыми политика «позитивных действий» может быть введена только как временная мера. Но профсоюзы поддержали министра, и дискуссия была закрыта¹⁴⁰. Проблема кадров настолько тяжела, что полного единства на этот счет нет даже в рядах черной элиты, в том числе и среди руководства АНК. Но сторонникам «позитивных действий» — а их в АНК и профсоюзах большинство — до сих пор удавалось не допустить изменений.

Тяжелое положение сложилось с электроэнергией. В середине 1990-х годов правительство приняло решение о создании всестороннего национального плана развития сети снабжения страны электроэнергией. В связи с этим все существовавшие проекты строительства новых электростанций и расширения существующих были приостановлены. Это означало, что в последнее десятилетие производство электроэнергии в стране не увеличивалось, оборудование не обновлялось и редко ремонтировалось, число квалифицированных работников уменьшалось, — и все это при подъеме экономики, увеличении числа предприятий, росте численности населения городов и т. д. Перебои с подачей электричества начались с начала 2000-х годов, а к 2006 г. достигли масштабов национального кризиса. Это привело к многомиллионным убыткам и потерям для правительства и бизнеса и сказалось на инвестиционном климате и темпах роста экономики.

В 2006 г. правительство Мбеки признало, наконец, что проблема нехватки кадров существует, и выступило с так называемой Объединенной инициативой по приобретению приоритетных специальностей, известной под акронимом Джипса и рассчитанной на ускоренную подготовку квалифицированных кадров по «приоритетным» техническим специальностям¹⁴¹. Мбеки придавал этой

¹⁴⁰ Cape Times. 02.03.2007; Business Day. 05.03.2007.

¹⁴¹ Jipsa — Joint initiative for priority skills acquisition.

программе огромное значение: ее центр разместили в администрации президента, и занималась ею лично вице-президент страны Пумзиле Мламбо-Нгука¹⁴². Правительство наметило увеличить с 2007 г. число выпускников — специалистов с техническим образованием с 5 до 12,5 тыс. человек в год, с тем чтобы к 2010 г. их было не менее 50 тыс. Выпуск инженеров планировалось увеличить с 4 тыс. до 12 тыс. человек в год. Но даже если бы этот план осуществился, то такого числа выпускников было бы недостаточно, чтобы покончить с нехваткой специалистов¹⁴³.

Очевидно, что если АНК действительно хочет добиться роста экономики, его руководству придется признать необходимость привлечения квалифицированных кадров из-за рубежа. Но вместо агрессивного рекрутирования специалистов на выгодных для них условиях, правительство предлагает иностранцам и южноафриканским эмигрантам краткосрочные контракты без каких бы то ни было гарантий их возобновления. Одновременно оно обвиняет уехавших в недостатке патриотизма и вводит квоты, которые не позволяют нанимать на работу белую молодежь и заставляют предпринимателей избавляться от уже работающих белых юношей и девушек.

Важным препятствием ускоренного развития экономики стали разработанные под руководством правительства Мбеки отраслевые хартии. Горнорудная хартия, например, привела к оттоку квалифицированных кадров из госучреждений, не увеличив их числа в промышленности. Одним из ее требований является заполнение 40% постов руководства всех горнорудных компаний черными. Черных горных инженеров, геологов, металлургов, бухгалтеров с промышленным опытом не хватало и прежде, но после введения хартии бизнес начал избавляться от белых специалистов и предлагать завышенные ставки квалифицированным черным, в основном из госсектора. В результате общее число специалистов в отрасли снизилось¹⁴⁴.

¹⁴² Cape Times. 01.03.2007.

¹⁴³ Mail and Guardian. 05–12.04.2007.

¹⁴⁴ Business Report. 20.12.2006.

Для выполнения еще одного требования хартий — привлечения бизнесом черных компаний в качестве партнеров — правительство создало Национальный фонд наделения экономической властью черных¹⁴⁵. По оценкам этого фонда, финансирование черных партнеров только существующего бизнеса потребует от 772 млрд до 2 трлн рандов. Оценка основана на суммах затрат по уже действующим хартиям. С марта 2004 по конец 2006 г. Фонд вложил в разные проекты около 1 млрд рандов, но сейчас только 2,5% компаний, зарегистрированных на Йоганнесбургской бирже, принадлежат черному бизнесу. По оценке Фонда, процесс формирования черных партнерских компаний идет трудно, потому что у них нет не только средств, но и знания производства, финансовых рынков и финансовых структур, менеджерского опыта и умения составлять деловые планы, под которые можно было бы получить банковский кредит¹⁴⁶. По сути дела, страна тратит сейчас сотни миллиардов не на ускоренное развитие, а на искусственно ускоренное создание черной буржуазии, — пока, увы, с минимальным успехом, но с катастрофическими последствиями для экономики.

Не менее плачевны последствия реформ в сельском хозяйстве. У новых владельцев нет ни капиталов, ни опыта управления крупными коммерческими фермами. У правительства тоже нет средств, кадров и даже системы обучения новых коллективных фермеров, снабжения их техникой, обеспечения их банковской поддержкой и т.д. В коллективах, получивших землю, зачастую начинаются попытки отделиться и продать участки или использовать их под мелкое натуральное производство, и как результат — конфликты из-за контроля над землей, доходящие до суда. В любом случае введение мелких товарных хозяйств отнюдь не гарантирует повышения уровня производства. По оценке представителя Сельскохозяйственного союза Хаутенга, обследовавшего 400 новых хозяйств, появившихся в результате перераспределения земли, 90% из них нежизнеспособны. А по результатам иссле

¹⁴⁵ National Empowerment Fund.

¹⁴⁶ Business Day. 01.02.2007.

дования таких хозяйств университетом Претории в 68% из них производство резко упало¹⁴⁷. Наиболее успешные новые хозяйства, как правило, не связаны с производством сельскохозяйственной продукции и представляют собой частные заповедники и заведения гостиничного типа на границах государственных заповедников.

В 2007 г. в ЮАР был низкий урожай кукурузы. С 2008 г. кукурузная мука — основная пища большинства черных южноафриканцев — начала исчезать из магазинов. Кукурузных ферм в стране всего 8 тыс., в основном в провинции Фри стейт. До сих пор ЮАР снабжала кукурузой соседние страны, в 2008 г. впервые закупила ее в Замбии. Число коммерческих ферм в стране постоянно сокращается. По данным ценса 2002 г., их число упало с 58 тыс. в 1993 г. до 46 тыс. в 2002 г. В последующие годы эта тенденция усилилась. Основными причинами является необходимость увеличения затрат в условиях нарастающей засушливости климата и нежелание фермеров идти на эти расходы из-за неблагоприятного для фермерского сектора политического климата. Южноафриканских фермеров (как и фермеров Зимбабве, где товарное сельскохозяйственное производство полностью разрушено) приглашают теперь в Ботсвану и Замбию, и некоторые уезжают. В связи с неурожаем руководство АНК начало говорить о необходимости введения регулирования цен. Это, несомненно, приведет к нарушению рыночных отношений и срыву производства, а значит, и к нехватке продовольствия¹⁴⁸.

Общепризнано, что одним из факторов, сдерживающих развитие мелкого и среднего бизнеса, а также рост капиталовложений в стране, является рост преступности. И здесь одна из причин — нехватка кадров. За два года, 2005 и 2006, полиция истратила 100 млн рандов на патрулирование полицейских участков частными фирмами безопасности (по сути, теми же бывшими полицейскими, которых уволили на пенсию или «выдавили» из системы

¹⁴⁷ *Jager D. de*. Land Redistribution: The Value of Commercial Agriculture in South Africa // *Solidarity Magazine*. 2007. No. 4.

¹⁴⁸ *Financial Mail*. 16.03.2007.

по причине несоответствия их этнического профиля новым требованиям). В 2006 г. расходы на услуги частных фирм возросли почти в 3 раза по сравнению с 2005 г.¹⁴⁹ Руководство полиции создает планы приведения личного состава в соответствие с «демографическим профилем страны» в то самое время, когда на многих полицейских участках нехватка кадров достигла катастрофических масштабов.

Даже с образованием, где дело, казалось бы, обстоит наиболее благополучно, далеко не все в порядке. При большом росте числа черных студентов (до 60% общего числа студентов вузов в 2005 г.), заканчивают обучение и получают дипломы только 14,9% из них — и это несмотря на огромные затраты правительства. В 2007 г. только по займам черным студентам было выплачено 1,6 млрд рандов (фанты и прочие поощрения в эту сумму не входят), но пока не похоже, чтобы это отражалось на их успеваемости¹⁵⁰. Качество школьного образования в большинстве школ, особенно в сельской местности, чрезвычайно низко. Тестирование учителей провинции Лимпопо показало, например, что учителя третьих классов едва справлялись с тестами, предназначенными для детей шестого класса (их средняя оценка по грамматике была 55 из 100; по арифметике — 65 из 100). В 2004 г. только 66% выпускников 414 лучших школ страны (7% всех школ) сдали выпускные экзамены по математике и естественным наукам. В слабых школах этот результат был еще плачевнее: в 4877 слабых школах (79% всех школ) эти же экзамены сдали только 15% выпускников¹⁵¹. Специалисты утверждают, что падает и качество высшего образования. Доказать это трудно, однако косвенным свидетельством может служить тот факт, что число публикаций в вузах страны постоянно снижалось с конца 1980-х годов. В одном из лучших вузов страны — Витватерсрандском университете оно упало с 1100 в 1988 г. до 700 в 2006 г., а техникон Мангосуту в 2006 г. опубликовал лишь одну статью¹⁵².

¹⁴⁹ Weekend Argus. 10–11.03.2007.

¹⁵⁰ Business Day. 16.02.2007.

¹⁵¹ *Taylor N.* Op. cit.

¹⁵² Business Day. 16.02.2007.

Сторонники и защитники политики правительства Мбеки оценивали ее обычно с морально-этической стороны; оппоненты — и справа, и слева — с практической. Увы, мораль, даже и закрепленная в конституции, не всегда способствует ускоренному развитию экономики, столь необходимому стране. На протяжении полутора десятилетий правительство пыталось балансировать между тем, что, по его мнению, нужно для развития, и тем, что, по его же мнению, нужно для восстановления исторической справедливости, учитывая при этом давление «экономистов» справа и популистов слева. В результате недовольными остались все, и ни одна из целей не была достигнута.

Трибализм и этничность

Под восприятиями расовыми находится огромный пласт восприятий, эмоций и противоречий клановых, племенных и региональных. До недавнего времени этого пласта почти не было видно на поверхности. Об этничности в разных ее проявлениях говорят только в своей среде. Чужак может иногда присутствовать при неофициальных разговорах, но никто не захочет дать ему на эту тему официальное интервью. В 2007–2008 гг. эта проблема вырвалась на политическую арену страны.

В частной беседе любой зулус мог объяснить, например, почему многие из его соотечественников считают едва ли не оскорблением тот факт, что вице-президентом страны после снятия с этого поста Джейкоба Зумы (зулуса) была назначена Пумзиле Мламбо-Нгкука (зулуска). Дело не только в том, что она женщина, хотя и это фактор неблагоприятный: негоже женщине представлять в руководстве страны нацию великих воинов. Но главное, конечно, в том, что муж ее — коса, и не просто коса, а Булелани Нгкука, бывший государственный прокурор, один из главных противников и обвинителей Джейкоба Зумы. Журналист Фред Кумало — единственный, осмелившийся обсуждать эту тему на страницах печати, писал, что недовольство зулусов этническим распределением постов в правительстве Мбеки было гораздо шире. Токо Дидиза, министр земельных дел, а с 2006 г. министр общественных работ — зулуска, но тоже замужем за коса. А Нкосазану

Дламини-Зуму, министра иностранных дел и бывшую жену Джейкоба Зумы, считают и вовсе не зулуской, а свази. Свази хотя и близки зулусам и говорят на том же языке, но все же не совсем зулусы¹⁵³.

Учет этнического фактора при назначении правительства долгое время был самым очевидным проявлением этничности. Любому президенту приходится учитывать не только политические и этнические, но и клановые факторы, не говоря уже о личных амбициях. Так, в 1997 г. в стране ходили слухи, что один из популярнейших лидеров АНК — Мэтьюз Поза по просьбе Манделы снял свою кандидатуру на пост вице-президента партии, потому что тогдашний вице-президент АНК Табо Мбеки (коса) должен был стать президентом и партии, и страны, а это означало, что вице-президентом должен был стать зулус. На должность вице-президента был назначен Зума, а более популярный тогда Поза (сото) стал всего лишь премьером провинции Мпумаланга, а позже и вовсе ушел со всех официальных постов.

В последнем кабинете Мбеки, назначенном в 2004 г., было двенадцать коса, не считая президента, пятеро зулусов, не считая вице-президента, двое тсвана, двое венда и один сото. Белых в кабинете было трое, индийцев — двое, цветных — двое. На уровне заместителей министров эта тенденция была еще заметнее. Что до генеральных директоров министерств — фактически глав администраций каждой отрасли, — здесь преобладание коса было абсолютным. В конце 1990-х — начале 2000-х годов в печати появились даже статьи о «коса ностра» — термин, употреблявшийся в кулуарах и черными, и белыми¹⁵⁴. В одной из них Кголела Мангку, в то время глава Фонда Стива Бико, попытался объяснить роль коса в правительстве тем, что исторически они принимали наиболее активное участие в борьбе против апарtheidа. Увы, такая интерпретация ситуации только усугубила недовольство: «тянуть своих» — это понятно и знакомо, но зачем же при этом упрекать остальных в том, что они плохо боролись? Ложность

¹⁵³ Sunday Times. 26.06.2005.

¹⁵⁴ City Press. 19.08.2001; 09.06.2002.

этой аргументации была тем более очевидна, что далеко не все коса среди членов кабинета имели хоть какое-то отношение к борьбе.

Стелла Сигкаву, например, министр государственных предприятий в правительстве Манделы (1994–1999 гг.) и министр общественных работ в двух правительствах Мбеки (1999–2006 гг.), была представительницей «королевского дома» (верховного вождя) гкалека в провинции Восточный Кейп. Она — дочь бывшего президента «независимого» бантустана Транскей и сама была министром, а затем премьер-министром этого бантустана, т.е. самым воплощением системы, против которой боролся АНК. Сигкаву оставалась членом правительства ЮАР до дня своей смерти, и официальную речь на ее похоронах произнес президент Мбеки. Вся страна знает, конечно, что Мбеки родился в Айдучве, небольшом городке в Транскее, находящемся на территории «королевства» гкалека.

Кайзер Даливонга Матанзима, первый премьер-министр независимого бантустана Транскей, которого АНК и его союзники в годы апартхеида звали «тираном» Транскея и «предателем», ни в одно руководимое АНК правительство не попал. Но после смерти в 2003 г. Матанзима был удостоен государственных похорон, на которых присутствовали и Мандела, и Мбеки. Мбеки сказал, что Матанзима боролся за независимость, какой он ее видел, и стремился улучшить положение своего народа, как мог¹⁵⁵. Матанзима был племянником Манделы, и в юности они были близкими друзьями.

Этническим трениям и противоречиям правительство Мбеки стремилось противопоставить пропаганду надэтнической общеафриканской идентичности и культуры — зачастую искусственной. Руководство АНК, прошедшее десятилетия в европейской эмиграции и прошедшее школу советского марксизма, сознательно отвергало внешние проявления своей этнической и даже расовой принадлежности. Но по возвращении в ЮАР лидеры АНК переоделись в одежду стиля афропсевдоафриканского платья, введенного в моду афроамериканцами (но не в традиционную одежду

своих этнических групп). В этом же стиле были декорированы государственные учреждения, включая посольства, парламент, кабинеты министров, провинциальные и местные административные здания. С 1994 г. такие официальные церемонии, как открытие парламента и особенно инаугурация президента, включали элементы африканского ритуала: барабанный бой, африканский хор, традиционные хвалебные песнопения. С начала 2000-х годов африканская элита начала менять свои европейские имена и подпольные клички на давно забытые или вновь принятые африканские. Так, министр обороны в кабинете Мбеки Пэтрик «Террор» Лекота вернулся к имени Мосиуоа Лекота, премьер провинции Гаутенг и бывший профсоюзный лидер Сэм Шилова стал Мбхазимой Шилова.

Все это было частью процесса возрождения национальной гордости африканцев, отчасти шедшего стихийно, отчасти подталкиваемого официальной политикой. С конца 1990-х годов правительство начало пропагандировать «африканский ренессанс». По мысли авторов этой концепции, «африканский ренессанс» выражался прежде всего в стремлении покончить с войнами, политическим хаосом, голодом, болезнями и бедностью на Африканском континенте. Но у «африканского ренессанса» был и культурно-психологический аспект: развитие у африканцев гордости за свою культуру, свои традиции, достижения своих предков. В это же время началась пропаганда «убунту», что можно перевести как «человечность», «совместность» (близко по значению к славянофильской «соборности»). Теперь «убунту» считается африканской идеологией и африканским образом жизни, существовавшими якобы в африканских обществах до прихода белого человека.

Тенденция эта, конечно, естественна. Взрыва «африканскости» не могло не произойти после десятилетий подавления ее апарtheidом и столетий расовой дискриминации. Но в многоэтничном и многорасовом обществе явление это политизировано, и правительство направляло и использовало его в своих целях. С одной стороны, правительство стремилось формировать общеафриканское самосознание и единую африканскую нацию (напомним, что, по мнению Мбеки, в стране есть две нации — бедная черная и богатая белая), что должно способствовать сплочению различных

групп африканского населения. С другой — эта политика противопоставляет, конечно, африканцев в ЮАР всем остальным, в том числе и небелым.

В тяжелом положении оказались те виды искусства и отрасли культуры, которые правительство считает «неафриканскими». В конце 1990-х годов в стране начали свертываться «европейские» симфонические оркестры и театральные труппы: правительство перестало их субсидировать. Но какое именно содержание заключено в понятии «африканская культура», неясно. В миф об «убунту», например, поверили южноафриканцы разной расовой принадлежности, в том числе многие белые; он стал частью общенациональной мифологии. Но многие африканские традиции большинство неафриканского населения, да и часть африканского, отвергает: многоженство, традиционное обрезание, от которого ежегодно умирают десятки юношей, и т.д.

Профессор Макхоба во время своих политических баталий в Витватерсрандском университете мазал лицо львиным жиром, дабы победить своих врагов. Йон Квелане, черный журналист, написал об этом с восхищением, а критиков Макхобы назвал расистами и евроцетристами¹⁵⁶. Сам Макхоба писал, что по совету знахаря он жевал одно традиционное средство перед тем, как открыть корреспонденцию, и другим натирал глаза, чтобы его противники не могли в них смотреть¹⁵⁷.

Даже в городской местности стало обыденным благодарственное забивание быка в честь какого-то важного события. У зулусов возрождена традиция проверки девственности, и только девственницы допускаются к участию в традиционном танце камыша, во время которого мужчины — прежде всего традиционная знать — присматривают себе жен. Даже многие студенты вузов верят в то, что традиционная медицина может вылечить их от СПИДа. Вряд ли стоит напоминать, что положение женщин в традиционных африканских обществах было отнюдь не завидным, что традиционные границы между этническими группами и структура

соподчиненности вождей остаются спорными, а также что определял эти границы и соподчиненности в основном закон силы, — это общеизвестно. Но правительство не обсуждает вопрос о том, что же из «традиционного» африканского наследия принимать, а что нет.

У всплеска «африканскости» есть и еще одна сторона — патронаж. Ведь теперь есть, что делить, чем вознаграждать сторонников и последователей, за что бороться. Именно в этой связи в начале 2000-х годов в прессе развернулась дискуссия о роли азиатов в стране. В 1999 г. известные певцы Хнага Бойз Сеньяка и Камазу начали исполнять антикитайскую песню, но китайцев было тогда в ЮАР немного, и мало кто обратил на это внимание. В 2002 г. разгорелся скандал по поводу песни еще более известного певца Мбонгени Нгемы «АмаНдийа» («Индийцы»), В песне были такие слова: «О братья, о мои товарищи и братья. Нам нужны сильные и смелые мужчины, чтобы выступить против индийцев... Индийцы завоевали Дурбан, мы бедны, потому что все отнято индийцами...»¹⁵⁸.

Конечно, если бы речь шла о белых, никто не обратил бы на эти слова внимания: они повторяются в официальных речах и документах ежедневно, не говоря уже о неофициальных высказываниях в СМИ. Но по отношению к индийцам — той группе населения, которая, как и африканцы, пострадала от апартхеида, и к тому же сыграла выдающуюся роль в борьбе против него, это звучало кощунственно. В газеты посыпались письма протеста от индийцев, перечислявших заслуги своей общины в борьбе, но много было писем и от африканцев, утверждавших, что индийцы больше всех выиграли от политики «позитивных действий». Комиссия жалоб телевидения и радиовещания запретила передавать песню, но антииндийские чувства проявляются в африканской среде далеко не только в музыкальных программах. Не приходится удивляться, что индийская молодежь уезжает из страны.

Разочарование многих индийцев в АНК, прежде всего в политике «позитивных действий», выражалось в том, что в их среде росла поддержка оппозиционных партий, а также оппозиция Мбеки

и поддержка его соперника в борьбе за лидерство АНК Джейкоба Зумы. Обвинения в коррупции семьи Шейхов, ближайших сподвижников и банкиров Зумы, и Мака Махараджа, одного из героев и лидеров борьбы против апартхейда, воспринимаются индийцами провинции КваЗулу-Натал как попытка Мбеки покончить с влиянием этой группы в партии. В Дурбане — городе, где до сих пор проживает большинство индийского населения ЮАР, — распространено мнение, что в противостоянии Мбеки и Зумы «трансваальские индийцы»¹⁵⁹ поддерживали Мбеки, а «натальские индийцы» выступали за Зуму.

Широко распространено было недовольство политикой правительства Мбеки и среди цветного населения страны. В 1990-х годах многие цветные голосовали за Новую национальную партию. Слияние ее с АНК в 2004 г. и самороспуск в 2005 г. автоматически поставили провинцию Западный Кейп и Кейптаун под управление АНК, но передать АНК свой электорат партия не смогла. Часть его отошла к ДС, но недоверие многих цветных избирателей к англоязычным либералам привело к возникновению новых оппозиционных организаций, и прежде всего (в 2003 г.) партии Независимые демократы (НД), которую возглавила Патриция де Лилль — цветная, из бывших лидеров Панафриканистского конгресса. Партия собрала небольшое число голосов по всей стране, но основной базой ее поддержки было и остается цветное население Западного Кейпа. Во время выборов в местные органы власти в 2006 г. НД поначалу вступила в коалицию с АНК. Электорат тут же наказал партию: на следующих выборах она потеряла значительное число голосов и вынуждена была вступить в коалицию с оппозиционным АНК Демократическим союзом.

В середине 2000-х годов в Кейп флэте — цветном районе Кейптауна — начала набирать силу антиАНКовская организация МАДАМ (Движение против дискриминации африканских меньшинств). Она была основана в 2004 г. цветными офицерами тюремной службы, уволенными, как они считают, из-за дискриминации. Представители партии встретились даже со специальным

¹⁵⁹ Трансвааль — старое название Гаутенга.

представителем ООН по делам туземных народов. Тот рекомендовал изъять термин «цветной» из южноафриканского политического лексикона¹⁶⁰, но пока правительство этого не сделало. Как мы видели, оно, наоборот, ввело расовые квоты, под которые подпадают и цветные, и именно под этим названием.

Этнические трения и противоречия зачастую связаны с меркантильными интересами и прямой коррупцией. Именно обвинения в коррупции и протекционизме привели к «этническому» расколу в руководстве АНК в провинции Западный Кейп. Две противоборствующие группировки, одна во главе с премьером провинции Ибрагимом Расулом — цветным, другая во главе с генеральным секретарем провинциального отделения АНК Мтсебиси Скуатшей — коса, обвиняли друг друга в расизме и коррупции. Трения начались по поводу распределения мест в руководстве провинцией после победы АНК на выборах 1999 г. Потом разгорелась война из-за продажи дорогостоящего пустыря в центре самого дорогого района Кейптауна. Позже Скуатшу обвинили в коррупции, поскольку компания его брата выиграла тендер на обеспечение безопасности горсовета. А антикоррупционная служба «Скорпионы», находящаяся в ведении лично президента страны, освободила его от подозрений и обвинила в коррупции Расула¹⁶¹. Провинциальное отделение АНК разделилось на «африканскую» и «цветную» секции. Из-за взаимных обвинений и подозрений, связанных с коммерческими интересами, отделение оказалось в состоянии хаоса. В противостоянии Мбеки и Зумы «цветная» секция поддерживала Мбеки, «африканская» — Зуму.

Несмотря на усилия правительства по формированию общеафриканской «идентичности», идея эта особым успехом не пользуется. Черная интеллигенция в какой-то степени поддерживает ее, но многие рядовые граждане общеафриканского единения не понимают и не принимают. В 2000-е годы в стране стала быстро нарастать волна ксенофобии. Когда в 2001 г. жители неформального поселения Зандспруйт в Ханидью к северу от Йоганнесбурга

¹⁶⁰ Business Day. 22.02.2007.

¹⁶¹ Financial Mail. 19.01.2007

напали на живших в поселке зимбабвийцев, это было большим событием. Тогда было ранено шесть человек, 174 человека были ограблены, 74 лачуги сожжены. Зимбабвийцам, которых обвиняли в том, что они «крадут работу» у местного населения, пришлось бежать¹⁶².

Но с тех пор и легальная, и нелегальная иммиграция со всей Африки в ЮАР возросла в десятки, если не в сотни раз. Здесь и беженцы, и экономические иммигранты, и криминальные элементы. Границы практически не охраняются, а соблазн попытаться найти работу в ЮАР необычайно велик. К тому же правительство Мбеки ввело закон, в соответствии с которым все дети, проживающие в стране, имеют право на образование. Это распространяется и на детей нелегальных иммигрантов, даже если их родители не могут платить за образование. По неофициальным данным, к 2008 г. в стране было до 6 млн иммигрантов из африканских стран; одних только зимбабвийцев не менее 3 млн.

Судя по газетным публикациям и наблюдениям авторов, сомалийцы, нигерийцы, конголезцы, руандийцы, бурундийцы, угандийцы, танзанийцы, мозамбиканцы и зимбабвийцы монополизировали целые отрасли обслуживания в южноафриканских городах. Сомалийцы занимаются в основном мелкой торговлей в тауншипах и даже шантитаунах — неформальных лачужных поселениях в городах, где южноафриканцы не торгуют — слишком опасно. Зимбабвийцы, прежде всего ндебеле, находятся в особенно выгодном положении: их язык близок к зулусскому, и по-английски они обычно говорят лучше, чем многие черные южноафриканцы (сказывается наследие системы образования в ЮАР при апарtheid). Они часто работают официантами в ресторанах Йоганнесбурга, Претории и других крупных городов и легко находят работу в качестве домашней прислуги, садовников, продавцов, водителей, секретарей и т.д. Руандийцы, бурундийцы и конголезцы специализируются на охране автостоянок. Что до криминального бизнеса — краж автомобилей, наркобизнеса и проституции, то в нем участвуют представители всех иммигрантских групп (и конечно,

¹⁶² Mail and Guardian. 05–11.10.2001; Sunday Times. 28.10.2001; Star. 22.10.2001.

южноафриканцы), но особенно активны нигерийские преступные группировки. Существуют разветвленные подпольные синдикаты, контролирующие разные криминальные сферы, в которых нелегальные иммигранты играют большую роль. Это способствует коррупции в учреждениях министерства внутренних дел и полиции.

Социальная напряженность создала идеальные условия для всплеска ксенофобии. В апреле 2007 г. школьники черного кейптаунского района Филиппи связали и жестоко избили полтора десятка детей беженцев, в основном из Руанды, Бурунди и ДРК¹⁶³. В феврале этого же года произошел погром сомалийцев в тауншипе Маверуелл около Порт Элизабета. Все их магазины и лавки — около 130 — были разграблены, многие сожжены. Полиция вывезла 400 человек, но несколько были избиты и ранены, один убит. Всего только в Кейптауне и его пригородах с 2006 г. по начало 2008 г. было убито около 100 сомалийцев¹⁶⁴.

В мае 2008 г. волна погромов черных иммигрантов прокатилась по всей стране. За несколько дней было убито несколько десятков человек (некоторые сожжены), тысячи ранены, около 30 тыс. бежали или были изгнаны из тауншипов, тысячи жилищ, лавок, лачуг, принадлежавших иммигрантам, сожжены. Полиция не могла остановить беспорядки больше недели. Правительство осудило ксенофобию и создало временные лагеря для беженцев. Сотни погромщиков были арестованы. Напряжение несколько спало, но проблема осталась нерешенной. В декабре 2008 г. толпа погромщиков ворвалась в многоэтажное здание в центре Дурбана, занятое нелегальными иммигрантами. Обитатели бежали на верхние этажи здания перед наступающей толпой. Двое выбросились из окон, предпочтя такую смерть издевательствам погромщиков. После этого те отступили.

Единства нет и среди самого африканского населения ЮАР. Политика, направленная на утверждение новой общеафриканской идентичности, отнюдь не противоречит возрождению

¹⁶³ Cape Times. 13.04.2007.

¹⁶⁴ City Press. 23.03.2008

разных традиций и языков, которые прежде были, с одной стороны, принижены расистским режимом, а с другой — заклеены противниками апартеида. Обе тенденции взаимодействуют и дополняют друг друга. Но отношение правительства к «расцвету африканских культур», который в начале 1990-х годов предвидел и пропагандировал Джо Слово¹⁶⁵, стало далеко не однозначным.

Создавая и развивая единую «африканскую» культуру, правительство пытается нивелировать различия и сглаживать противоречия. Так, в начале 2007 г. двое черных радиожурналистов были отстранены от работы за то, что говорили в эфире, что «женщины коса крадут мужчин у других женщин»¹⁶⁶. А Палло Джордан отказался от приглашения выступить на церемонии в честь подписания меморандума о взаимопонимании между королевствами Западный Тембуленд и АмаРарабе. В ответе на приглашение он написал, что «во-первых, исторически — до завоевания и колониализма — никаких таких королевств не существовало...», а во-вторых, возрождение этнических и племенных идентичностей служит только разделению африканского народа. «Правительство отчаянно пытается объединить африканцев, белых, цветных и индийцев в единую южноафриканскую нацию, — продолжал он, — и я не стану оказывать поддержку чему бы то ни было, что стимулирует этническую идентичность»¹⁶⁷.

Если допустить, что правительство действительно пытается объединить всех жителей страны в одну нацию (что, как мы видели, не совсем так), то главным объединяющим ее фактором мог бы стать единый язык. Общеизвестно, что роль английского языка в стране резко возросла после 1994 г. С 1994 по 1999 г. количество печатных изданий на педи, например, сократилось на 88%, на африкаанс — на 70%, на зулу — на 60%. За эти же годы количество печатных изданий на английском выросло на 60%¹⁶⁸.

¹⁶⁵ **Филатова И. И.** Интервью с Джо Слово. 11.08.1992.

¹⁶⁶ Sunday Times. 29.04.2007.

¹⁶⁷ Financial Mail. 24.06.2005.

¹⁶⁸ The Citizen. 08.11.2001

В 1999–2000 гг. теле- и радиопрограммы на английском языке составляли больше 70%, на африкаанс — чуть больше 8%, на языках группы сото/тсвана — 3,5%. В 2000 г. обучение в 80% средних школ велось на английском языке, в 16% — на африкаанс. В стране идет много споров о том, хорошо ли это с точки зрения образовательного процесса: школьникам и студентам трудно понимать содержание уроков и лекций на чужом языке. По данным проведенного в 2000 г. исследования, только 22% респондентов с неродным английским сказали, что они полностью понимают речь и программы на этом языке¹⁶⁹. К тому же и у преподавателей английский язык оставляет желать лучшего. И все же с точки зрения строительства единой нации развитие английского как главного языка межэтнического общения можно было бы только приветствовать, тем более что обучение на нем в средней школе отвечает пожеланиям и родителей, и самих детей. Но правительство пытается действовать вопреки этой тенденции, пропагандируя все одиннадцать официальных языков страны и пытаясь их развивать.

С учетом этнического принципа создавались и границы провинций. Это было, конечно, наследием прошлого этнотерриториального деления. После того, как АНК установил контроль над всеми провинциальными и большинством местных органов власти, это стало еще труднее, поскольку начали действовать местнические и этнические интересы внутри самой партии. Но там, где границы провинций не совпадают с этническими, ситуация еще хуже. В 2001 г. ветераны АНК в Северной провинции, например, открыто говорили, что исполком провинциального комитета АНК разделен по национальному признаку и занимается только внутренней борьбой. Премьера провинции Нгоако Раматлоди обвиняют, с одной стороны, в том, что он набрал в свою администрацию слишком много шангаанов, с другой — в фаворитизме по отношению к сото (в его кабинете было 4 шангаана, 4 сото и двое венда)¹⁷⁰.

¹⁶⁹ The Star. 08.09.2000.

¹⁷⁰ Mail and Guardian, 11–17.05.2001.

Противоречия и трения, существовавшие между отдельными группами на протяжении десятилетий, а то и столетий, но временно подавленные колониализмом и апарtheidом и заглушенные необходимостью единения в борьбе, начали выходить наружу и усиливаться. Один из примеров — разногласия между вождями гкалека и бомвана¹⁷¹. Иногда такие трения доходят и до прямых столкновений, как это случилось в 2004 г. неподалеку от Растенбурга, где произошли стычки между коса и шангаанами¹⁷².

«Племенной расизм в Южной Африке... это национальная проблема, и сводить ее к проблеме границ провинций неверно, — писал в Сити Пресс обозреватель-тсонга. — <...> Мы должны, наконец, проснуться и понять, что такое племенной расизм в действительности: это бомба замедленного действия в национальном масштабе, которая только ждет подходящего момента, чтобы взорваться»¹⁷³.

С середины 2000-х годов этничность, проявлявшаяся до этого только на местном и провинциальном уровнях, вышла на национальный уровень и политизировалась. Связано это было с противостоянием Мбеки и Зумы в борьбе за руководство АНК, а значит, и всей страной. Этнический элемент был привнесен в эту борьбу почти в самом ее начале — в 2005 г., когда разгорелся скандал с электронной перепиской между руководителями партии, видными государственными деятелями и парламентариями по поводу Зумы. Расследования показали, что переписка была фальшивкой, созданной по заказу Национальной службы безопасности. Важно было то, что в этой корреспонденции Зуму уничижительно называли «зулусским боем»¹⁷⁴. Это сплотило

¹⁷¹ Business Day. 01.07.2001.

¹⁷² City Press. 13.06.2004.

¹⁷³ City Press. 19.08.2001.

¹⁷⁴ Дословно «Zulu boy». «Boy» (мальчик) — пренебрежительное обращение к мужской прислуге любого возраста в годы колониализма и апартхеида. Оно давно исчезло из южноафриканского лексикона. Зума — один из крупнейших и старейших лидеров АНК. В Умконто ве Сизве он руководил службой безопасности.

вокруг него зулусское лобби, прежде всего в провинции КваЗулу-Натал. Часть сторонников Зумы открыто говорит, что время коса кончилось — наступила очередь зулусов править страной. Эта сентенция украшала даже официальный сайт друзей Зумы.

Поддержка Зумы базируется далеко не только на этнической солидарности: официально его поддерживали КОСАТУ, ЮАКП и обе Молодежные лиги — АНК и ЮАКП. Иными словами, эта поддержка имеет многоплановый и многослойный характер. Она порождена и широко распространенным недовольством политикой правительства Мбеки, и борьбой различных группировок внутри АНК и его союзников за передел сфер влияния и экономического патронажа, а также за возможность определения курса страны в будущем. И все же самая массовая и самая прочная база у Зумы — именно в КваЗулу-Натале¹⁷⁵.

Поддержка Мбеки тоже не лишена этнического элемента. Первой провинцией, официально поддержавшей идею третьего срока президентства АНК для Мбеки, стал его родной Восточный Кейп. По этому поводу он провел на своей родине в Айдучве традиционный благодарственный ритуал¹⁷⁶. На митингах в Натале Мбеки встречали враждебно, а в Восточном Кейпе — восторженно.

В декабре 2007 г. Зума был избран президентом АНК, а в сентябре 2008 г. Национальный исполком АНК отозвал Мбеки с поста президента страны — менее чем за год до следующих национальных выборов. Президентом до выборов был назначен не Зума, над которым висит судебное разбирательство по обвинению в коррупции, а его соратник Кгалема Мотланте, но сторонники Зумы торжествовали победу. Борьба, однако, на этом не закончилась. В конце 2008 г. часть бывших сторонников и сотрудников Мбеки вышла из АНК и основала новую партию, Конгресс народов (КН). Говорить о политике новой партии пока рано, хотя она явно подчеркивает свою многорасовость. Трудно судить и о том, насколько она

¹⁷⁵ City Press. 29.04.2007.

¹⁷⁶ Sunday Independent, 29.04.97; Sunday Times. 29.04.2007.

будет популярной. Но одно совершенно ясно: этнический элемент сыграл в расколе АНК важнейшую роль. КН начал свою деятельность и сумел завоевать определенную поддержку в провинциях Западный Кейп и Восточный Кейп — районах расселения коса. У него практически нет поддержки в провинции КваЗулу-Натал. Национальные противоречия, которые на протяжении многих десятилетий удавалось сдерживать старшему поколению лидеров АНК при апартхейде, настигли партию, когда она пришла к власти.

Заключение

Многие южноафриканцы, и белые, и черные, считают, что этнорасовая политика АНК под руководством Мбеки была недемократична. Так ли это? Ответ на этот вопрос зависит от определения понятия «демократия». Подавляющее большинство населения страны голосовало за АНК, давая ему мандат на проведение той политики, которую партия считает нужной. И руководство АНК проводило и проводит ту политику, которая, по его мнению, направлена на удовлетворение нужд, потребностей и чаяний подавляющего большинства населения и отражает принципы, зафиксированные в конституции. Можно, конечно, спорить о том, всегда ли большинство действует в своих собственных интересах, но к определению демократии это отношения не имеет. Если понятие «демократия» определять как власть большинства — и ничего больше, то политика правительства Мбеки была вполне демократична. Но такое определение давно уже отвергнуто большинством демократий мира, да и само правительство ЮАР энергично защищает права меньшинств, только в других странах, например в Европе.

Южноафриканская демократия — это демократия особого рода: не просто мажоритарная, но и лимитирующая права меньшинств, что, как справедливо замечают некоторые южноафриканские политологи, нормами международного права допустимо, но только на определенный, строго ограниченный, срок. Срока этого ни правительство, ни правящая партия пока не установили.

Некоторые политологи называют южноафриканскую демократию «нелиберальной», т.е. демократией, имеющей все формальные атрибуты демократического правления — конституцию, выборы, разделение властей и т.д., но не имеющей либеральной политической культуры, которая позволяла бы этим институтам работать в полную силу. «Нелиберальная демократия» обеспечивает власть недемократического правительства с помощью демократических средств¹⁷⁷. Но в ЮАР, несмотря на отчетливую тенденцию к централизации управления и установлению контроля исполнительной власти над властью законодательной и судебной, этот процесс далеко не завершен: в парламенте действует активная оппозиция, ни пресса, ни суды не зависят от исполнительной власти, в стране есть гражданское общество, проявляющее себя далеко не всегда так, как этого хочет правительство. Да и сам АНК перестал быть послушной машиной руководства.

История Южной Африки — это столетия расовой сегрегации, расовой дискриминации и этнической разобщенности. У нее есть и другое наследие: десятилетия антирасистской деятельности ЮАКП и единства всех сил, боровшихся против апартхеида как в эмиграции, так и внутри страны. Но борьба против расизма, национализма и этничности не освобождает от этих зол сознание тех, кто против них борется. Пресс исторического опыта не мог не привести к взрыву расовых и этнических эмоций, а они, как известно, не способствуют ни развитию демократии, ни рациональному подходу к решению социально-экономических проблем.

Так или иначе, апартхейд продолжает жить в головах людей, в их политических взглядах и повседневной жизни. В 1997 г. были опубликованы результаты опроса общественного мнения, показавшие, что абсолютное большинство южноафриканцев считали себя прежде всего «африканцами», «зулусами», «коса», «христианами» и т.д. и лишь очень небольшая часть — в основном англоязычные

¹⁷⁷ Понятие это было введено политологом Фаридом Закариа. См., напр.: *Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy//Foreign Affairs. 1999. Vol. 76. No. 6.*

белые и небольшое число цветных — называли себя прежде всего «южноафриканцами»¹⁷⁸. В 2006 г. другой опрос показал, что 72% южноафриканцев редко общаются или не общаются вне работы с представителями других расовых групп, а 40% не доверяют представителям других расовых групп. Это прежде всего относится к африканцам — 45%. За ними следуют белые — 22%; цветные — 17%; индийцы — 13%. Самая низкая степень общения с другими группами среди бедноты. Но есть и повод для оптимизма: тех, кто считает, что важно стремиться создать единую нацию, много — 76%, и за последние три года их число даже выросло, хотя и всего на 3%¹⁷⁹.

© Филатова И.И., Давидсон А.Б., 2009

¹⁷⁸ *Kotze H.* Culture, Ethnicity and Religion. South African Perceptions of Social Identity. Konrad Adenauer Foundation Occasional Paper. Johannesburg, 1997.

¹⁷⁹ Sunday Independent. 17.12.2006.

Г.В. Цыпкин

Расовая проблема в Эфиопии

Расовый гнет, расовая неприязнь возникают в определенных условиях, но не сами по себе. Такими условиями, в частности, могут быть проживание в рамках единого государства этносов, относящихся к разным антропологическим расам, или же установление колониального господства какой-либо европейской державы над той или иной территорией, скажем, в Африке, что в значительной мере и явилось одной из причин возникновения этого феномена.

Определенный интерес представляет рассмотрение понятия «расизм» применительно к Эфиопии — стране, с незапамятных времен сохранявшей независимость, население которой составляли если не представители отдельных рас, то, во всяком случае, представители различных этнических типов. Ведь порой для возникновения расовой неприязни достаточно небольшого различия в цвете кожи и особенностях строения черт лица. За этнонимом «эфиоп» стоят представители почти 80 этносов, что позволило К. Конти Россини называть Эфиопию «музеем народов»¹.

В результате поражения Эфиопии в итало-эфиопской войне 1935–1941 гг. страна была превращена в колонию Италии. Впервые в своей истории, хоть и на короткий срок, население страны ощутило со стороны оккупационных властей проявления расизма, принявшего в Эфиопии специфические формы. Об этом речь пойдет во второй части работы, вначале же необходимо выяснить, насколько проявление расизма было свойственно самим эфиопам, насколько расовая неприязнь участвовала в их мировоззрении, в их отношении к себе и окружающему миру. Иными словами,

¹ *Conti Rossini C.* Etiopia e genti di Etiopia. Firenze, 1937. P. 169.

необходимо, хотя бы в общих чертах, представить характерные особенности традиционного эфиопского общества и прежде всего систему его духовных ценностей.

При этом следует пояснить, что автор подразумевает под понятием «традиционное общество». В данном случае оно используется не для соотнесения с общественно-формационными и социально-классовыми категориями, а для выделения того типа социальной организации, в которой традиции играют первостепенную роль, являясь, по сути дела, основой ее воспроизводства. Иными словами, под термином «традиционное общество» в самом общем плане понимается особый способ социокультурной регуляции, свойственный этому обществу и осуществляемый преимущественно при помощи традиций. Сохранявшееся на протяжении многих веков, вплоть до 1970-х годов, социально-экономическое и политическое устройство эфиопского общества, незначительность изменений в его духовной и культурной жизни, равно как и живучесть и сила традиций обусловили возможность определить его как «традиционное».

Откуда «есть пошло» население Эфиопии, как формировалась этническая карта страны? В VI–V в. до н.э. происходил процесс переселения на побережье Эфиопии представителей различных племен Южной Аравии, в том числе и из Сабы, достаточно развитого в социально-экономическом отношении царства. Семиты-иммигранты привезли с собой письменность, семитский язык, ремесла. Это были в основном светлокожие люди, отличавшиеся от коренного населения Африканского материка. Продвигаясь дальше вглубь страны, они постепенно перемешались с местным кушитоязычным населением, стоявшим на более низкой ступени социально-экономического развития. Много позднее, во второй половине XIX в., в процессе феодальной экспансии в состав эфиопского государства были включены обширные территории на западе и юго-западе, населенные негроидными племенами шеллук, нуэр, барья и рядом других. Еще раньше, в XVI в., началось вторжение из южных районов Африканского Рога в пределы Эфиопии племен галла (самоназвание оромо), которые в течение двух веков обосновались в разных частях страны, заняв около трети Эфиопского нагорья. Таковой была да и

сохраняется по сей день этническая карта страны. Привело ли наличие в пределах одной страны населения различных расовых типов к проявлению расизма, к возникновению расовых антагонизмов, к привилегированному статусу одних этносов по отношению к другим?

Ключ к пониманию ситуации в этой сфере следует искать прежде всего в государственной религии страны, вернее, в конфессиональной принадлежности населяющих ее этносов.

Практически все историки-эфиописты отмечают всеобъемлющую роль, которую играла в жизни эфиопского общества религия, определявшая взгляды и поступки каждого эфиопа. Принятие эфиопскими правителями христианства в IV в. стало важнейшим фактором, определившим дальнейший путь исторического развития страны. Распространение в среде эфиопского общества одной из мировых религий на раннем этапе ее становления сыграло огромную роль в процессе духовного формирования эфиопов. В соответствии с существовавшей на протяжении многих веков концепцией, Эфиопия рассматривала себя не как часть Африканского континента, а как часть христианского мира. В соответствии с этой концепцией истоки своей истории и культуры эфиопское общество усматривало в христианстве — религии, связывающей его с Римом и Византией².

Это обстоятельство сыграло первостепенную роль в становлении и развитии взглядов эфиопов на себя и окружающий мир. У эфиопа-христианина формировалось чувство превосходства над людьми иных религиозных конфессий, будь то ислам либо какие-нибудь местные верования. Не антропологическими признаками, а принадлежностью к истинной, по мнению эфиопов, религии определялось место человека в обществе. Коллективная самоидентификация неизбежно была связана с господствовавшей в Эфиопии религией, христианством.

Самосознание эфиопов как африканцев стало формироваться много позже и, как правило, в ситуации столкновения с европей

² Подробнее см.: *Цыпкин Г.В.* Эфиопоцентризм и эфиопское общество // Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. М., 2000. С. 82–93.

цами и европейскими реалиями. Интересное наблюдение на сей счет содержится в работе польского историка Ю. Халасинского: «Когда эфиопа, принадлежащего к молодому поколению интеллигенции, — пишет он, — спросили, считал ли себя африканцем его дед, он ответил: “Мой дед? Никогда. Сама мысль об этом была для него унижительна. Он не имел ничего общего с Африкой. Он не был африканцем. Он был эфиопом, чистым эфиопом и гордился этим... Мой отец испытывал почти те же самые чувства. По крайней мере до 1935 года. Тогда пришли итальянцы. С этого времени он стал чувствовать, что является африканцем... Когда я сам стал африканцем? Когда я первый раз приехал в Европу”»³.

Своеобразное представление о социальной структуре страны дает созданная в начале XX в. картина эфиопского художника Але-ма Хадиса. Изображенная на ней женщина олицетворяет мать-Эфиопию. Над ней в виде большого льва изображен император Менелик, маленького — его наследник на императорском троне Лидж Иясу. Ниже в виде львов размером поменьше нарисованы феодалы, стоящие на спинах быков, олицетворяющих крестьянство, трудом которого кормилась страна. И в самом низу в образе свиней изображены нехристи, население завоеванных областей.

Безусловно, жизнь эфиопского крестьянина, хоть и христианина, была нелегка. Но еще хуже была жизнь человека, находящегося вне сферы христианской религии. Согласно древнему кодексу законов «Фытха Нэгест» («Право царей»), христианин не мог быть обращен в рабство. Отсюда невольничий рынок (а Эфиопия долгое время была одним из ведущих поставщиков рабов в страны Аравийского полуострова) формировался за счет нехристианского населения как в исторической части страны, так и на новых территориях. Уже даже то обстоятельство, что каждый нехристианин являлся потенциальным кандидатом в рабы, приводило к восприятию его как человека второго сорта со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Понятно, что в этих условиях нехристианское население пыталось как-то себя обезопасить. Французский путешественник

³ *Халасинский Ю.* Современная Африка и кризис европейского сознания // История, социология, культура народов Африки. М., 1974. С. 317.

Ги ле Ру, побывавший в 1896 г. в области Уалламо на западе Эфиопии, пишет о местном мальчике, попросившем у него синий шнурок, ношение которого на шее является таким же знаком принадлежности к христианству, как и крестик. Когда европеец спросил мальчика, не собирается ли тот принять христианство, тот ответил: «Мне до него дела нет, шнурок мне нужен потому, что все солдаты издеваются надо мной. Они показывают на меня пальцем и говорят: “Глянь на этого уалламца без шнурка, собака и то лучше его!”»⁴.

При некоторых императорах, прежде всего при Йоханнесе IV (1872–1889), известном своим религиозным рвением, осуществлялся процесс и насильственного обращения в христианскую веру. В Уолло, где наиболее сильны были мусульманские настроения, по приказу императора были отправлены самые ревностные священнослужители. Решив, говоря словами Г. Маркуса, который перефразировал известное выражение короля Генриха IV, что «Уолло стоит обедни», оромская верхушка предпочла подчиниться воле эфиопского монарха. Один из наиболее влиятельных вождей Уолло Мухаммед Али после крещения получил имя Микаэль и был пожалован титулом раса. Несколько позднее он был приближен ко двору Менелика, получил в жены императорскую дочь Шуарег, а их сын Лидж Иясу после смерти императора возглавил страну. Чаше всего опасение возможных последствий для нехристианина приводило к формальному принятию христианства со стороны оромо и других этносов, при этом многие из них втайне продолжали исповедовать прежнюю веру, являясь, по эфиопской поговорке, «христианами днем и мусульманами ночью». Процесс насильственной поголовной христианизации, державшийся исключительно на силе, впоследствии сошел на нет. По словам эфиопского историка Тайе Гэбрэ-Мэдхына, «после смерти Йоханнеса большинство оромо отошло от чистой христианской веры»⁵.

⁴ *Marcus H.* Motives, Methods and Some Results of the Unification of Ethiopia During the Reign of Menelek II // Proceedings of the III International Conference of Ethiopian Studies. Vol. I. Addis Ababa, 1966. P. 275.

⁵ *Алека Тайе* (Тайе Гэбрэ-Мэдхын). История эфиопского народа. Аддис-Абеба, 1914 (на амхарском языке, эфиопский календарь).

Как бы то ни было, но переход в христианскую веру уравнивал людей, предоставляя новообращенным больший шанс в жизни и освобождая их от ощущения своей второсортности. Так, на протяжении почти всей истории Эфиопии мусульманское население было лишено права владеть землей, что побуждало его заниматься преимущественно торговлей, занятием, по бытовавшему в стране мнению, малопочтенным и недостойным для эфиопа-христианина. Переход же в монофизитскую веру открывал перед бывшими мусульманами доступ к владению землей в христианских областях Эфиопии. Г. Маркус отмечал: «В то время как язычники, насильственно обращенные в христианство, имели чисто внешнее отношение к новой вере, для некоторых из них акт обращения означал собой начало процесса аккультурации и аккомодации, которые в конечном счете являлись важными сторонами политического вовлечения в состав эфиопского государства. Так как северяне использовали различные методы косвенного управления, правящая верхушка различных покоренных народов все более и более входила в общение с довольно развитыми и культурными христианами, особенно в военных городках и административных центрах»⁶. Таким образом шел процесс вовлечения местной знати в среду господствующего класса феодальной Эфиопии. Многие оромо, приняв христианство, становились частью ближнего окружения императора Менелика. Примером может служить карьера раса Гобэны Дачи, самого доверенного военачальника-оромо, получившего в жены одну из дочерей монарха.

Таким образом, можно предположить, что расовая принадлежность, цвет кожи и другие антропологические признаки не играли заметной роли в определении статуса человека в традиционном эфиопском обществе. В конце концов, судя по описаниям, цвет лица того же Менелика был несколько темнее, чем обычно у амхарской знати, что дало повод недоброжелателям говорить о примеси негроидной крови. Но это не помешало ему стать императором. Точно так же явные негроидные черты выходца из западной провинции страны Мэнгысту Хайле-Мариама не явились для него

⁶ *Marcus H. Op. cit. P. 276*

препятствием для того, чтобы возглавить в 1970-е годы эфиопскую национально-демократическую революцию.

Для традиционного эфиопского общества помимо конфессиональной принадлежности человека важным было место, занимаемое им на социальной лестнице, его умение пробиться в жизни и занять завидную должность. Еще в конце XIX в. А. К. Булатович отмечал, как он выразился, «практический» ум эфиопов: «Они преклоняются перед богатством, положением, личными заслугами до тех пор, пока эти элементы силы налицо, но их больше нет — богатый обеднел, у начальника отняли его область, сильный при дворе подвергся опале, — дети сильного и великого человека ни по богатству, ни по положению не представляют из себя ничего выдающегося, — и тогда эти лица становятся наравне со всеми прочими и самый последний солдат будет говорить им “ты”»⁷.

О значимости социального статуса, а не цвета кожи можно сделать вывод из содержания одной из новелл эфиопского писателя Кэббэде Микаэля. Один из персонажей его рассказа, носитель ярко выраженных негроидных черт, приехав в Аддис-Абебу из далекой провинции, предпочел выдавать себя за студента из Ганы, оправданно надеясь повысить в глазах людей свое реноме.

До периода итальянской оккупации 1936–1941 гг. Эфиопия не сталкивалась с расизмом со стороны европейцев. Жители отдаленных от главных дорог деревень могли всю жизнь прожить и ни разу не увидеть белого человека. Население гордилось независимостью своей страны и не испытывало комплекса неполноценности по отношению к заезжим европейцам. Более того, можно говорить если и не о некотором расизме по отношению к представителям белой расы, то, по крайней мере, об очевидной ксенофобии. Такое отношение к белым стало складываться с середины XVI в., когда в почти проигранной войне с мусульманским султанатом Адалем во главе с имамом Ахмедом ибн-Ибрагим аль-Гази, более известным в Эфиопии под именем Грань (Левша), христианский правитель Эфиопии обратился за помощью к Португалии.

⁷ *Булатович А. К.* От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи в 1896–1897 гг. СПб., 1897.

Португальские мушкетеры с помощью огнестрельного оружия склонили чашу весов в пользу Эфиопии. Все было бы хорошо, но, рассчитывая на благодарность, португальцы попытались насадить в стране католичество, достигнув в первые годы определенных успехов в этом начинании. Ярким защитником чистой веры отцов выступило духовенство страны, которое добилось изгнания португальских католических священнослужителей. С тех пор прошли века, но по-прежнему в проповедях в эфиопских церквях содержится упоминание об угрозе, которая исходила древним церковным заветам от белых европейцев. Недоверие и нелюбовь к белому человеку, которого в Эфиопии называют презрительно «фэрэнджем», были усилены и неоднократными попытками Италии установить свой контроль над Эфиопией. Накануне итало-эфиопской войны 1895–1896 гг. в стране пользовалась популярностью песня, в которой, в частности, говорилось: «От укуса черной змеи вы вылечитесь, но от укуса белой змеи — никогда». Естественно, что под «белой змеей» подразумевались европейцы.

На протяжении веков эфиопское традиционное общество, за исключением нескольких просвещенных правителей, таких, в частности, как императоры Теодрос II и Менелик, отвергало все новое, что приходило в страну из Европы. Немногие европейцы, побывавшие в Эфиопии, еще какие-нибудь сто лет назад рассматривались как носители вредных идей и мыслей, способных только сбить с праведного пути богобоязненного эфиопа, живущего по заветам отцов и дедов. Вот так и складывался стереотип белого человека, существа скорее злонамеренного, чем благонамеренного.

О малоуважительном отношении эфиопов к европейцам неоднократно упоминалось в донесениях русских дипломатов из Аддис-Абебы. Примером, в частности, может служить донесение временного поверенного России в Эфиопии С.А. Лихачева от 17 декабря 1906 г.: «Сего числа, при выезде моем из ограды временно вверенной мне Миссии, при проезде брода через р. Кабаны, проезжавший тут же галлас низменного происхождения, пропустив меня с конвоем мимо, произнес классическое, столь часто здесь повторяющееся, туземное бранное слово “Уша фаренджи”

(фэрэндж. — *Г. Ц.*) (собаки иностранцы). Само собой разумеется, нельзя оставлять здесь безнаказанно ни одной туземной дерзости, этого не допускает европейский престиж, но преследовать виновных, в большинстве случаев необразованных людей низшего класса, слишком строгими наказаниями я считаю делом довольно жестоким. Виноват не дикий, безответственный при наказании туземный крестьянин или солдат, нет; виноваты его начальники, которые не сумели ему внушить уважение к европейцу и подчас, даже наоборот, разжигают в нем расовую ненависть. Не ударами курбачей (палки бегемотовой кожи), но кандалами и тюрьмой можем мы внушить к себе если не любовь, то по крайней мере уважение туземцев. Единственно рядом правильно проведенных реформ в стране, из которых низшее туземное население извлечет выгоды и выйдет из того почти рабского положения, в котором оно состоит теперь по отношению своих начальников, можно рассчитывать добиться изменения взгляда туземца на европейца»⁸.

Русский дипломат совершенно справедливо подметил, что антиевропейские настроения в стране насаждались прежде всего имущим классом, опасющимся, что проникновение европейцев, заимствование некоторых элементов европейской цивилизации может каким-то образом повлиять на безусловное господство в стране феодальной верхушки.

Еще более категоричен в своей оценке данной ситуации врач Миссии А. Кохановский, одно время также исполнявший обязанности временного поверенного. Сообщая в российский МИД о деятельности в Аддис-Абебе одной из первых школ европейского образца, он пишет: «Любопытно, что эта коптская школа не учит любить европейцев. Скорее наоборот. Отвечая настроению современного общества в Аддис-Абебе, она внушает золотой молодежи, что белые это “недт-улач” (непереводимое слово, презренный белый), и европеец чаще слышит эту площадную брань “недт-улач” от знатной молодежи, чем от бедняков. Со времени болезни императора (Менелика II. — *Г.Ц.*), бывшего едва ли не единственным другом европейцев, сознательно относившимся

⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 164. Л. 36.

к неотвратимой европейской культуре, — абиссинцы стали глядеть на европейцев (к которым относят и русских, исключая разве только армян и греков) не только как на своих политических врагов, но и как на вообще ненавистных им людей, вносящих новшества, прививающих вредные идеи и чувства рабам и порабощенным народам (волламцам и др.), враждебных самому духу и строю абиссинского феодального государства и подготовляющих экономический переворот; а последний, подняв и обогатив предприимчивых, хозяйственных галласов, волламцев, падет всей тяжестью на ленивых абиссинцев, для которых труд, — как нечто позорящее свободного человека и воина, — менее допустим, чем воровство и разбой»⁹.

* * *

В истории Эфиопии был период, когда население этой страны испытало на себе расизм в его современных формах и проявлениях. Речь идет о периоде 1936–1941 гг., когда в этой части Африканского Рога был установлен итальянский оккупационный режим. В отечественной исторической литературе изучению проблемы итальянского расизма в Африке практически не уделялось внимания. Интерес у исследователей в первую очередь привлекали такие сюжеты, как сам ход итало-эфиопской войны 1935–1941 гг., формы и методы эфиопского сопротивления, влияние этой войны на развитие международных событий. Естественно, что данная тема самый большой интерес вызвала у итальянских историков, поскольку принятые Римом расовые законы наложили заметный отпечаток и на развитие самой Италии.

Вплоть до создания в 1936 г. своей крупной колонии на Африканском континенте — Итальянской Восточной Африки в составе старых колониальных владений Сомали и Эритреи и только-только завоеванной Эфиопии — официальная политика Рима хоть и содержала в себе некоторые элементы расизма по отношению к населению своих колоний, тем не менее не отличалась особой жестокостью. Для итальянцев, как и для населения любой средиземноморской страны, не были характерны какие-либо расовые

⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 176. Л. 17–18.

проявления к представителям других рас. В той же Эритрее, которая была образована в 1890 г., сосуществование итальянских чиновников, военнотружущих и местного населения на протяжении более чем сорока лет не было омрачено заметной расовой неприязнью. Конечно, существовала разница в социальном статусе, карьерных возможностях, праве на занятие какой-либо административной должности, но все это было скорее не результатом расовой принадлежности, а следствием того, что одни были в колонии хозяевами, а другие — подчиненным им населением. Скажем, квалифицированный автомеханик из местных мог зарабатывать и жить ненамного хуже, чем малообразованный итальянец-переселенец.

Как правило, все итальянские авторы работ по итальянскому расизму в Африке, стремясь подчеркнуть относительный либерализм по отношению к эритрейцам, уделяют большое внимание явлению, которое они обозначают словом «*madamismo*», трудно переводимым на русский язык. Суть этого явления — неосуждаемое с обеих сторон создание междрасовой семьи из пребывающего в колонии итальянца и представительницы прекрасного пола из числа местных жительниц. Во всяком случае, для эритреек такой брак не представлял ничего особенного. В Эритрее, как и в Эфиопии, существовало несколько форм брака — церковный, гражданский и, что важно для изучения упомянутого явления, брак на определенный период времени согласно заключенному между обеими сторонами контракту. Известный под названием бэдэмос (дэмос в переводе с амхарского означает «зарплата»), такой брак был идеален для любвеобильного итальянца, оторванного от женского общества. Согласно традиции, мужчина в таком браке обязан был обеспечить свою временную жену жильем, нехитрой мебелью, продовольствием и определенной суммой денег. Самым важным было то обстоятельство, что дети, рожденные в браке бэдэмос, считались законными.

В целом высшие чины колониальной администрации неодобрительно относились к подобным бракам, но их число по мере увеличения численности итальянцев в Эритрее неуклонно возрастало.

В содержательной статье Ричарда Панхерста, знакомого со многими итальянскими работами, в которых большое внимание

уделено описанию жизни колониальных чиновников и военнослужащих в Африке, приводятся любопытные факты относительно «*madamismo*»¹⁰. В частности, он упоминает об итальянском офицере, который нанял нескольких охранников из местных для сопровождения своей жены-эритрейки. Другой офицер, явившись утром на службу, тут же отправлял своего денщика варить кофе жене, а также периодически отправлял нескольких солдат-итальянцев колоть дрова и выполнять другие работы по дому. По возвращении в Италию тот же офицер приказал одному из сержантов каждое утро справляться о здоровье своей бывшей жены и еженедельно информировать его об этом в письмах. Местные жены итальянцев отнюдь не ощущали неодобрения со стороны своих земляков, они скорее вызвали зависть, поскольку лучше жили, одевались и питались.

Большинство итальянских авторов из числа бывших колониальных чиновников и военнослужащих одобрительно отзывались о системе смешанных браков, хотя они и вели к значительному росту числа полукровок. Отмечая это обстоятельство, один из них, Алессандро Сепелли, пишет, что «хотя отъезд итальянских отцов на родину создавал проблему брошенных детей, практически все уехавшие продолжали заботиться о своих бывших семьях»¹¹. Более того, поскольку, согласно итальянскому законодательству, дети от смешанных браков имели право на итальянское гражданство, часть их отправлялась на учебу в университеты Италии, получая финансовую поддержку от своих белых отцов.

По мнению того же автора, итальянцы не испытывали предубеждения против иного цвета кожи, что отличало их от англосаксов. Точно так же эфиопам не был присущ комплекс некой второсортности, поскольку они считали, что отличаются от других африканцев.

Вместе с тем итальянское законодательство так и не выработало единого подхода к смешанным бракам. Если 27 июня 1924 г.

10 **Pankhurst R.** Fascist Racial Policies in Ethiopia 1922–1941 // *Ethiopia Observer*. 1969. Vol. XU. № 4. P. 270–286.

Апелляционный суд в Риме вынес постановление о том, что расовое различие между итальянцами и эфиопами делает невозможным брак между итальянским мужчиной и эфиопской женщиной, то такой же суд в Турине 17 октября 1925 г. постановил, что подобное расовое различие не может служить препятствием для заключения брака. Единственным юридическим актом, имеющим отношение к смешанным бракам, являлся закон об итальянском гражданстве от 12 июня 1912 г., в соответствии с которым гражданство детей от таких браков определялось национальностью отца.

С приходом к власти в Италии фашистов в начале 1930-х годов расовые моменты в колониальной политике Рима все более усиливались. Это проявлялось и в ряде газетных материалов о величии белой расы, и в осуждении смешанных браков, и во введении сегрегационных постановлений в отношении колониального населения. Так, в соответствии с постановлением администрации Эритреи, местное население могло занимать в автобусах специально отведенные для них места в задних рядах салона, в то время как передние предназначались только для итальянцев. Все эти проявления знаменовали перемены в официальной расовой политике итальянского правительства накануне вторжения в Эфиопию.

В одной из своих речей дуче Бенито Муссолини заявил, что «империи создаются силой оружия, но сохраняются благодаря престижу победителей». Важное место в этом процессе он отводил выработке в солдатах, направляемых в Эфиопию, чувства расового превосходства над местным населением. Не то чтобы он призывал к варварскому отношению к побежденным, но эфиопы должны были четко усвоить, что итальянцы — раса господ и удел представителей другой расы — повиноваться им. Дуче беспокоили довольно мягкие межрасовые отношения в Эритрее, и он не желал их повторения в Эфиопии.

В ходе войны с Эфиопией итальянцы не сразу стали осуществлять на практике свои расистские идеи. Накануне войны официальная итальянская пропаганда много трубила о цивилизаторской миссии Рима в Африке, и поспешность в реализации новых расовых идей могла нанести вред стране на международной арене.

Во всяком случае, на первом этапе войны расовые проблемы не выпячивались. Ведь итальянские солдаты, направляющиеся в Африку, полагали, что среди трофеев победителей будут и эфиопские женщины. Самой популярной среди солдат в то время была песенка «Черное личико», припев которой гласил: «Черное личико, прекрасная абиссинка, надейся и жди, когда я к тебе прибуду и дам тебе нового дуче и другого короля».

После захвата Эфиопии новая итальянская расовая политика начинает приобретать зримые черты. Спустя две недели после торжественного въезда победителей в Аддис-Абебу официальная «Гадзетта дель пополо» опубликовала статью под заголовком «Фашистская империя не должна стать империей полукровок». Спустя пару дней римский корреспондент газеты «Ньюс кроникл» сообщал: «Во вчерашнем номере газеты “Мессаджеро” появились сообщения, что итальянские переселенцы и местное население должны держаться подальше друг от друга и в дальнейшем в Эфиопию будут отправляться только женатые мужчины со своими женами». Далее сообщалось о таинственном исчезновении фотографий эфиопок из витрин магазинов и намерении властей запретить песню «Черное личико»¹².

Последовали изменения и в законодательной сфере. Так, 1 июня 1936 г. были внесены поправки в административный закон для Итальянской Восточной Африки, в соответствии с которыми итальянское гражданство могло быть предоставлено местным жителям лишь при условии, что оба родителя являлись итальянцами по происхождению и если черты лица соответствовали европейским. Инициатором этой поправки был сам Б. Муссолини. Таким образом закрывалась возможность для подавляющего большинства детей из смешанных браков на получение итальянского гражданства¹³.

Похоже, что в Министерстве по делам колоний собрались одни трудоголики, почти каждый день издавались законы, связанные с межрасовыми отношениями. Уже в начале июля того же года

¹² Pankhurst R. Op. cit. P. 274

¹³ Ibid.

в Триесте состоялась важная конференция по колониальным проблемам, важнейшей из которых была проблема межрасовых отношений. Выступивший с речью министр по делам колоний А. Лессона заявил о необходимости проведения жесткой расовой политики, не допускающей никакого промискуитета. В инструкции вице-королю Эфиопии Р. Грациани от 5 августа он подчеркивал необходимость раздельного существования представителей черной и белой рас и что белая раса должна постоянно демонстрировать свое расовое превосходство по отношению к местному неевропейскому населению¹⁴.

Материалы на расовую тему стали привычным сюжетом итальянской прессы. Например, в одной из статей утверждалось, что «фашизм защищает белую расу и делает все, чтобы поддерживать ее чистоту. Итальянская нация обладает качествами, которые она должна беречь и приумножать. Необходимо предпринимать все усилия, чтобы находящиеся на территории Восточной Африки итальянские рабочие не являлись с местным населением, которое способно нанести моральный и физический вред великолепной расе, создавшей новую империю... В Италии должно быть место только для нас, белых итальянцев, и наша кровь не должна смешиваться с кровью представителей других рас. Люди, никогда не бывавшие в колонии, не имеют никакого представления о полукровках. Их презирают белые, недолюбливают черные, а сами они ненавидят и тех и других»¹⁵.

По сути дела, главный удар фашистское руководство Италии направило против смешанных браков, видя в них угрозу для создаваемой дуче новой империи. Во всяком случае, любой газетный материал на расовую тему ставил эту проблему во главу угла.

19 апреля 1937 г. новым императором Эфиопии — королем Италии Виктором Эммануилом III был подписан первый указ, устанавливающий меру уголовного наказания за вступление в брак итальянца с представительницей местного черного населения. Согласно указу, каждый итальянец, «предавший белую расу», мог

¹⁴ Pankhurst R. Op. cit. P. 275

¹⁵ Ibid.

быть заключен в тюрьму сроком от одного года до пяти лет. Соответственно, колониальная администрация незамедлительно получила инструкции об установлении контроля над итальянцами в Эфиопии с целью предотвратить подобные браки. Большая роль в реализации указа короля отводилась чернорубашечникам, наиболее идейной части итальянского контингента в Итальянской Восточной Африке.

Выступая через несколько дней после выхода королевского указа в Палате депутатов, А. Лессона еще раз заявил, что правительство придает огромное внимание проблеме сосуществования в пределах одной территории десятков тысяч итальянцев и нескольких миллионов местного населения и что фашизм не может допустить, чтобы империя, высшее достижение итальянского народа, может, хоть и частично, трансформироваться из нации «пионеров, завоевателей, мореплавателей и героев в нацию полукровок»¹⁶.

Одним из важных направлений реализации расового законодательства стала осуществляемая колониальной администрацией сегрегация в городах. Суть ее заключалась в запрете для эфиопов проживать в кварталах городов, отведенных для проживания итальянцев. Например, в Аддис-Абебе между соответствующими кварталами была создана полоса как бы «ничейной» земли, которую эфиопы не имели права пересекать под угрозой наказания. К началу 1939 г. не менее 20 тыс. местных жителей были вынуждены покинуть свои жилища и обосноваться в отведенных для них местах¹⁷.

Расовая дискриминация проявилась и в системе транспорта. Согласно распоряжениям колониальной администрации, местные жители были лишены права проезда в одном автобусе с белыми. Если в самом начале оккупации существовали общие для итальянцев и местного населения кинотеатры (причем представителям каждой расы были отведены зрительские места в разных частях зала — для белых в первых рядах, для эфиопов в задних), то по мере

¹⁶ *Pankhurst R.* Op. cit. P. 275.

¹⁷ *Sbacci A.* Ethiopia Under Mussolini. Fascism and the Colonial Experience. L., 1985. P. 168.

ужесточения расового законодательства и реализации политики расовой сегрегации были определены разные кинозалы для белых и черных.

Постепенно сегрегация охватывала в оккупированной Эфиопии все сферы производственной деятельности. Был определен круг профессиональных занятий, которыми могли заниматься только белые итальянцы. Поддерживая престиж белой расы, итальянец не мог заниматься малоквалифицированной работой, такой, например, как уборка улиц или же чистка обуви. Более того, итальянские и эфиопские рабочие не имели права трудиться вместе в рамках одного производства. Продавец-итальянец в магазине не имел права обслуживать темнокожего покупателя, для этого предназначались продавцы из числа местного населения. Точно так же не подлежали обслуживанию итальянцами клиенты-эфиопы в парикмахерских, швейных мастерских, мастерских по ремонту обуви. Эфиопы не могли пользоваться такси с водителем-итальянцем за рулем, белые водители грузовиков не имели права подвозить местных жителей¹⁸.

Исключения делались для аскари — местных жителей, служивших в колониальной армии, которые, скажем, при наличии особого удостоверения могли пользоваться автобусами, предназначенными для итальянцев. Кроме того, несмотря на всю расовую риторику, частично под сегрегационные законы не попадали представители эфиопской знати, которые пошли на сотрудничество с оккупационными властями. Практически в повседневной жизни они пользовались многими правами, предназначенными для белых. Во всяком случае, в ресторанах их обслуживали итальянские официанты.

У Б. Муссолини была мечта о создании новой великой Римской империи. Продвигаясь по пути реализации этой мечты, поначалу он уделял расовому вопросу не так много внимания. До завоевания Эфиопии, что выводило Италию в число видных колониальных держав, он ограничивался скорее внешней атрибутикой, как бы связывающей Италию 1930-х годов с древним величием Рима. Вот, например, образчик одного из его выступлений перед огромной

толпой в Риме в честь захвата столицы Эфиопии Аддис-Абебы: «Легионеры! Выше поднимайте ваши значки, ваше оружие и ваши сердца, салютуя появлению после 15 столетий новой империи на римских холмах!»¹⁹ Да и само фашистское приветствие — вытянутая вперед и вверх правая рука, позднее заимствованное и нацистской Германией, взято у древних римлян. Многие итальянские авторы полагают, что именно союзник Италии — нацистский режим Германии оказал влияние на дуче в его желании утвердить расовые законы не только в итальянских колониях, но и в самой метрополии.

Вскоре стало очевидным, что угрозу белой расе в пределах созданной империи фашистский режим в Италии видел не только в чернокожих жителях колоний. Встав на путь утверждения расового превосходства белой нации «мореплавателей и героев», очередную угрозу дуче усмотрел в проживающих в Италии евреях. 5 сентября 1938 г. был издан королевский указ, в соответствии с которым лицам еврейской национальности запрещалось заниматься преподавательской деятельностью в государственных и полугосударственных школах и состоять в членах итальянской академии и других научных учреждениях. Евреи не могли занимать должности в государственном и административном аппарате на всех уровнях, работать в банках и страховых компаниях, владеть земельными участками стоимостью более 5 тыс. лир и предприятиями стоимостью более 20 тыс. лир. Им запрещалось служить в вооруженных силах страны, а также использовать арийцев-итальянцев в качестве прислуги. Нарушение запретов каралось штрафом от 1 до 5 тыс. лир²⁰.

Наглядно представить расизм по-итальянски может помочь обложка нового журнала «Ла дифеза делла радза» («Защита расы»), решение об издании которого было принято в правительстве в августе 1938 г. Уже само издание такого печатного органа свидетельствовало о серьезности намерений фашистского режима

¹⁹ Цит. по: *Coffey T. M.* Lion by the Tail. The Story of the Italian-Ethiopian War. L., 1974. P. 337.

²⁰ *Pankhurst R.* Op. cit. P. 280.

в насаждении идеи расового превосходства белой расы. На обложке первого номера, задавшего тон всем последующим, была изображена голова статуи древнеримского юноши, которая коротким легионерским мечом отделялась от двух других голов — иудея с типичными семитскими чертами и чернокожей африканской девушки с явными негроидными признаками. В журнале были собраны различные псевдонаучные статьи антропологического и медицинского характера, в которых доказывалось преимущество белой расы над черной. Кроме того, в ряде материалов подчеркивались расовая ущербность семитов, в частности евреев, и та угроза, которую они представляют для европейского христианства²¹.

Идеологические основы итальянской расовой политики находили свое практическое осуществление в оккупированной Эфиопии. Постоянно ужесточалась система расовой сегрегации, увеличивались штрафные санкции против ее нарушителей. Причем штраф мог налагаться и на представителей белой расы, итальянцев, в случае если они были замечены в дружеском общении с эфиопами или, например, в сексуальных связях с местными женщинами. Некоторых провинившихся для острастки другим отправляли на родину.

В попытке предотвратить нежелательные межрасовые контакты между итальянскими мужчинами и эфиопскими женщинами фашистское руководство в 1938 г. развернуло кампанию по привлечению итальянских женщин к переезду в Итальянскую Восточную Африку. Практически повсеместно в Италии были созданы специальные курсы для подготовки и обучения итальянок, готовых разделить с итальянскими мужчинами тяготы колониальной жизни вдали от родины. Теоретическая подготовка добровольцев включала цикл лекций на такие темы, как «защита белой расы», «престиж белой расы во взаимоотношениях с местным населением» и «сотрудничество итальянских женщин в борьбе против полу-кровок»²².

²¹ Pankhurst R. Op. cit. P. 280.

²² Ibid. P. 281.

Действительно, часть энтузиасток отправилась в Эфиопию в качестве машинисток, секретарш, телефонисток, бухгалтеров и учителей, но эффект от их пребывания там не был значителен. Да и условия проживания в Эфиопии после достаточно благополучной Италии вынудили большинство вскоре вернуться на родину.

Другое дело, что итальянская официальная пропаганда использовала факт отъезда в колонию представительниц женского пола для того, чтобы лишний раз поразглагольствовать о престиже белого человека и о настоящих итальянках, наследницах древних римлянок, готовых защищать статус и интересы белой расы.

Наиболее жестокие расовые притеснения эфиопского населения происходили в период нахождения во главе Итальянской Восточной Африки маршала Р. Грациани, сменившего на этом посту маршала П. Бадольо. С именем Грациани связаны наиболее жестокие карательные методы борьбы с эфиопским Сопротивлением, когда любой попавший под подозрение человек, по возрасту еще совсем мальчик, мог быть казнен без суда и следствия. К полученной по прежнему месту службы кличке «ливийская гиена» после кровавой бойни, которую по его приказу устроили в столице и нескольких других эфиопских городах в феврале 1937 г. чернорубашечники, он получил в Эфиопии прозвище «Аддис-Абебский мясник». Поскольку методы Р. Грациани по ликвидации эфиопского Сопротивления оказались безрезультатными и, более того, привели к тому, что в ряды партизан влились даже те, кто первоначально об этом не помышляли, дуче пришел к выводу о необходимости замены тактики массового террора и постоянных репрессий на внешне более привлекательную политику «умиротворения» населения Эфиопии. Герцог д'Аоста, заменивший в конце 1937 г. маршала Р. Грациани на посту генерал-губернатора Итальянской Восточной Африки, избрал тактику более мягкого обращения с местным населением. А. Збакки отмечает, что новый вице-король полагал, что Италии не нужно следовать какой-то жесткой расовой теории, но исходить из специфики конкретной ситуации. По его мнению, Италия должна главным образом способствовать постепенному развитию населения колонии в сторону цивилизации,

исходя из его особенностей и возможностей, но ни в коем случае не заставляя эфиопов насильно принимать те нормы жизни, которые несовместимы с особенностями их исторического развития²³. В результате постепенно сошли на нет некоторые наиболее одиозные проявления расовой политики. Колониальные власти стали сквозь пальцы смотреть на взаимоотношения итальянских мужчин и эфиопских женщин, реже стали публиковаться воззвания о превосходстве белой расы над расой черной, итальянцы и эфиопы могли безнаказанно вместе посещать рестораны и работать в одной мастерской. Согласно послевоенной итальянской статистике, лишь в Эритрее число местных женщин, живущих с итальянцами, возросло с 10 тыс. в 1937 г. до 15 тыс. к 1940 г.²⁴

Пытаясь хоть как-то оправдать свою расовую политику в Эфиопии, равно как и зверства по отношению к мирному населению, допущенные в период правления генерал-губернатора Итальянской Восточной Африки маршала Р. Грациани, официальная итальянская пропаганда, рассчитанная на внешний мир, все чаще стала говорить о своей цивилизаторской миссии. В качестве примера обычно приводились официальное запрещение в Эфиопии рабства и принятие колониальной конституции, которая якобы обеспечивала в стране справедливость и уважение по отношению к местным традициям и культуре.

Справедливости ради необходимо напомнить, что борьба с рабством и работорговлей проходила в Эфиопии по инициативе нескольких императоров задолго до оккупации страны итальянцами. Первые указы о ликвидации работорговли были изданы императором Теодросом II еще в начале 1860-х годов. Позднее аналогичные меры по борьбе с рабством принимались и Менеликом II, и Хайле Селассие I. Однако живучесть традиций и относительно мягкий характер рабовладения в Эфиопии обрекали на неудачу усилия как эфиопских монархов, так и итальянской колониальной администрации. Точно так же лишь на бумаге

²³ *Sbacchi A.* Op. cit. P. 169.

²⁴ *Pankhurst R.* Op. cit. P. 285.

остались положения колониальной конституции, направленные на развитие (в итальянском понимании) населения оккупированной Эфиопии.

Накануне войны Италия все больше сталкивалась с проблемами нехватки земли и массовой безработицы. В своих публичных выступлениях Б. Муссолини изображал Эфиопию как богатую страну, то место, где молочные реки текут среди кисельных берегов и где каждый безработный, надев солдатскую форму, после победы найдет свое благополучие и процветание. Отправляющиеся в Африку солдаты рассчитывали на получение в собственность обширного участка земли и на встречи с представительницами местного прекрасного пола.

Но даже после захвата Эфиопии реальность оказалась суровее предвкушений. В условиях подъема партизанской войны оккупанты контролировали практически лишь Аддис-Абебу и несколько крупных городов, в то время как значительная часть сельской местности находилась в зоне действий партизанских отрядов. Многочисленные итальянские переселенцы вынуждены были трудиться буквально с лопатой в одной руке и винтовкой — в другой. В таких условиях трудно было думать о престиже белой расы, как требовали от них в Риме.

Итальянскому руководству так и не удалось воплотить расовые теории на практике. Прежде всего, был слишком короток период оккупации Эфиопии, неполных пяти лет было явно недостаточно, чтобы внести серьезные изменения как в психологию покоренного населения, так и самих итальянцев. В недавнем прошлом простому крестьянину сицилийцу, цветом кожи мало отличавшемуся от эфиопов, трудно было вбить в голову идею о превосходстве белой расы. Препятствия, например, возникали при осуществлении политики расовой сегрегации в городах. Дело в том, что даже в столице число относительно современных жилищ было незначительным, вокруг отдельной виллы располагались десятки традиционных жилищ-тукулей с одной комнатой и земляным полом. Проживание итальянских офицеров в таких домах мало способствовало живучести идеи о превосходстве итальянской нации. Само итальянское руководство вынуждено было со временем признать, что расовая политика, проводимая по отношению к населению колоний,

не могла быть полностью реализована вследствие того, что многие положения фашистского расового законодательства «оказались чуждыми итальянским традициям»²⁵.

Отсутствие расизма со стороны простых итальянцев, не одурманенных идеями о превосходстве одной расы над другой, в конечном счете сослужило им добрую службу. Как правило, большинство итальянских военнопленных, использовавшихся после освобождения Эфиопии на разных работах, в частности на строительстве дорог, не испытывали ненависти со стороны эфиопского населения. Многие из них предпочли остаться подле своих эфиопских жен на новой родине.

Если же брать эфиопскую сторону расового процесса, то нужно не забывать, что страна до этого никогда не находилась под европейским господством, а следовательно, никто никогда не навязывал эфиопам комплекса расового превосходства белой расы. Как уже отмечалось, эфиопы не считали себя африканскими варварами, но всегда ощущали себя частью христианского мира. Сыграла свою роль и многовековая ксенофобия местного населения по отношению к белым европейцам.

Что же касается конкретно итальянцев, то в коллективной памяти эфиопов еще свежи были воспоминания о предыдущей итало-эфиопской войне, когда итальянцы были унижены поражением в битве при Адуа. Как отмечал еще в начале XX в. в своей книге «Военные очерки Абиссинии» прикомандированный к составу русской дипломатической миссии поручик К. Арнольди, эфиопы считали себя лучшими воинами, чем итальянцы: «Чего нового могут сказать ему эти несчастные ференджи (фэрэндж. — Г.Ц.), которых он убивал и гнал на холмистых полях Адуи и в ущельях Амба-Аладжи, чему они могут научить?»²⁶.

Можно еще добавить, что в итало-эфиопской войне 1935–1941 гг. принимали участие и ветераны битвы при Адуа, причем с обеих сторон. Так, например, для командующего итальянской армии, вторгнувшейся на территорию Эфиопии с севера, это

²⁵ См. напр.: *Sbacci A.* Op. cit. P. 169.

²⁶ *Арнольди К.* Военные очерки Абиссинии. СПб., 1907. С. 114.

наступление было как бы своеобразным путешествием в молодость — в 1896 г. молодым лейтенантом берсальеров генерал де Боно участвовал в битве при Адуа и испытал позор поражения. В отличие от того же Р. Грациани, он хорошо представлял воинские качества эфиопского солдата, поэтому предпочитал вести боевые действия с большой осторожностью. Это не нравилось дуче, который жаждал быстрой победы, и в начале 1936 г. новым главнокомандующим итальянской армии был назначен маршал П. Бадольо.

В заключение можно сказать, что насаждаемый в оккупированной Эфиопии престиж белого человека и другие расовые установления держались только благодаря силе оружия. После разгрома итальянцев и освобождения Эфиопии в начале 1941 г. они канули в Лету, так и не доказав своей состоятельности.

© Цыпкин Г. В., 2009

И.В. Кривушин

Руандийский геноцид: причины, характер, значение¹

В крахе иллюзий «эпохи надежд», начавшейся с окончанием «холодной войны» и завершившейся терактами 11 сентября 2001 г., значительную роль сыграл «кризис в регионе Великих озер», который порой именуют — из-за его масштабов — «Третьей мировой войной». В специфически африканском контексте он разрушил надежды, связанные с широкой волной демократизации начала 1990-х годов. Та волна, по словам Филиппа Леймари, «...потрясла весь континент и породила большое количество общенациональных конференций, многопартийных конституций и выборов. Такое количество ярких сигналов, казалось, открывает... эру возрождения... Но апогей ужаса, достигнутый... в 1994 г., — геноцид тутси в Руанде и столкновения хуту и тутси в Бурунди, — так же как и последние сюрреалистические конвульсии режима Мобуту в Заире, вскоре сметенного ударной волной руандийской трагедии, чьи отзвуки до сих пор ощущаются во всей Центральной Африке, смешали все карты»².

5 апреля 1994 г. самолет, на борту которого находился президент Руанды Жювеналь Хабиаримана, был сбит на подлете к руандийской столице Кигали; все пассажиры погибли. Возложив ответственность за террористический акт на Руандийский патриотический фронт (антиправительственное движение повстанцев

¹ Статья подготовлена в рамках Индивидуального исследовательского проекта № 08-01-0115 «Глобализация и судьбы африканского постколониального государства» при поддержке Научного фонда ГУ ВШЭ.

² *Leymarie Ph.* Ces guerres qui usent l'Afrique // *Le Monde diplomatique*. Avril 1999. P. 16.

из этноса тутси), власти Руанды, принадлежавшие к этносу хуту, организовали массовый геноцид тутси, длившийся в течение трех месяцев при общей пассивности международного сообщества и расквартированных в стране сил ООН. Его результатом стало уничтожение около 800 тыс. руандийцев (750 тыс. тутси и 50 тыс. хуту)³. Резня прекратилась только после захвата повстанцами-тутси большей части территории Руанды. Опасаясь возмездия, 2 млн хуту бежали из страны в соседние Бурунди, Заир и Танзанию.

Руандийский геноцид воспринимается и как центральное событие «кризиса в регионе Великих озер», и как его первотолчок, и даже как его причина. Геноцид произвел и производит настолько шоковое впечатление, что при его анализе исследователям трудно оставаться беспристрастными⁴. Сила этого впечатления заставляет их концентрировать внимание прежде всего на гуманитарном измерении руандийской катастрофы и непосредственно связанных с ним проблемах и тематике — событийном воплощении геноцида, его виновниках и их наказании, роли международного сообщества, страданиях беженцев и т.д. В результате отодвигается на второй план ее историко-политическое и геостратегическое измерение: глубинные исторические причины событий 1994 г., связь их с особенностями функционирования руандийской социальной и политической систем и с основными тенденциями постколо-

³ Эта цифра, предложенная экспертами ООН, фигурирует в большинстве работ; некоторые исследователи, однако, ориентируются на более осторожные подсчеты (более 500 тыс. убитых тутси). См.: *Des Forges A.* «Leave None to Tell the Story»: Genocide in Rwanda. N.Y., 1999. P. 15–16.

⁴ Стало традиционным сравнивать руандийский геноцид с Холокостом и уничтожением советских военнопленных нацистским режимом, подчеркивая при этом, что первый был, по словам Филипа Гуревича, «самым концентрированным актом геноцида в истории человечества» (*Gourevitch Ph.* We Wish to Inform You That Tomorrow We Will Be Killed With Our Families: Stories from Rwanda. N.Y., 1998. P. 3); его повседневная интенсивность, говорит Жерар Прюнье, «по меньшей мере, в пять раз» превосходила темпы уничтожения жертв в немецких лагерях смерти (*Prunier G.* The Rwanda Crisis: History of a Genocide. N.Y., 1995. P. 261).

ниальной эволюции всего региона Великих озер, их воздействие на трансформацию политических структур как в Руанде, так и в соседних странах, и их значение для будущего африканского государства как такового.

Пример Руанды, Бурунди и Заира (ДРК) любят приводить как доказательство ставшей особенно популярной с середины 1990-х годов теории о «крахе государства в Черной Африке», — действительно, что лучше иллюстрирует деградацию африканской политической реальности и политической культуры, чем руандийский геноцид, а также последние годы существования мобутистского режима в Заире и его практически моментальный развал в 1997 г.? Многие подобные построения, однако, очень уязвимы, прежде всего потому, что их создатели пытаются объединить в рамках универсальной модели очень различные исторические ситуации, возникавшие каждая в своих специфических условиях. Нередко также исследователей подводит желание — вольное или невольное — отталкиваться при анализе от традиционных категорий, когда они пытаются, например, определять соотношение внутренних и внешних факторов того или иного события. Негативную роль играет и довольно популярное, доходящее практически до автоматизма, объяснение политических конфликтов в Черной Африке 1990-х годов этническими противоречиями («этничностью»), что далеко не всегда учитывает реальное содержание понятия «этнос» применительно к африканским условиям. Адекватное понимание причин и значения таких масштабных событий, как «кризис в регионе Великих озер», невозможно без анализа его исторического контекста, природы социальных и политических структур в рамках каждой страны, в него вовлеченной, и его регионального измерения.

Исторические предпосылки этнического конфликта в Руанде

Общим местом в историографии стало выводить руандийскую катастрофу, а, следовательно, и всю последующую цепь событий, из противостояния двух этносов — хуту и тутси. Однако в действительности, когда речь идет о тутси или хуту, можно говорить только

о «мнимых этносах» или о «навязанной этничности», да и то с большими оговорками. Во всяком случае, к ним не применим один из ключевых признаков «этноса» — их не разделяют ни лингвистические, ни культурные, ни религиозные и ни территориальные признаки. Тутси и хуту являются этносами только в качестве групп, идентифицирующих друг друга на основе предполагаемого различия своего происхождения (даже в расовом отношении). Каково бы ни было подлинное расовое и этническое происхождение тутси и хуту⁵, в XIX в. и те, и другие говорили на общем языке, имели общие традиции и культ, жили вместе в одних и тех же общинах («холмах»), вступали между собой в браки и брали одни и те же имена⁶. По сути дела, в тот период обозначения «тутси» и «хуту» носили профессиональный характер: первые были преимущественно скотоводами и воинами, вторые — земледельцами и жрецами⁷. При этом, во-первых, руандийское общество не представляло собой жесткую социальную систему и ни в коей мере не может рассматриваться как «кастовое общество»; оно характеризовалось относительной социальной мобильностью, и был

⁵ Наиболее дискуссионным остается вопрос о происхождении тутси. См.: *Ben Hammouda H.* Burundi. Histoire economique et politique d'un conflit. P.: Harmattan, 1995. P. 21–22.

См. также: *Arianoff A. d'.* Origines des clans hamites au Ruanda // Zaire. Vol. 5. 1951. № 1. P. 45–54; *Kagame A.* Les organisations socio-familiales de l'ancien Rwanda. Bruxelles, 1954. P. 39–60; *Vansina J.* Involution du royaume Rwanda des origines & 1900. Bruxelles, 1962.

⁶ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 31–34; *Destexhe A.* Rwanda and Genocide in the Twentieth Century. L., 1995; P. 36; *Prunier G.* The Rwanda Crisis... P. 3; *Rennie J.K.* The Precolonial Kingdom of Rwanda: A Reinterpretation // TransAfrican Journal of History. 1972. Vol. 2. № 2.

⁷ Так, в своей последней работе Ян Вансина связывает происхождение различий с традиционной хозяйственной ориентацией тутси на скотоводство, а хуту — на земледелие и с той ролью, которую скотоводство сыграло в процессе концентрации власти и политической централизации. См.: *Vansina J.* Antecedents to Modern Rwanda: The Nyiginya Kingdom. Madison (Wise.), 2004. См. также: *Des Forges A.* Op. cit. P. 31–32; *Newbury C.* The Cohesion of Oppression. Clientship and Ethnicity in Rwanda 1860–1960. N.Y., 1988. P. 12.

возможен переход из одной социальной категории в другую — *kwihutura* («перестать быть хуту»)⁸. Во-вторых, клановые различия в руандийском обществе в XIX в. оставались гораздо более значимыми, чем профессиональные⁹. В-третьих, содержание понятий «тутси» и «хуту» варьировалось по регионам и менялось со временем¹⁰. И наконец, даже придворная элита не была «этнически» однородной: в окружении короля были не только тутси, но и несколько хуту.

Важным моментом в трансформации прежних чисто профессиональных различий между тутси и хуту в более жестко иерархизированную систему отношений стала централизация руандийского королевства во второй половине XIX в. при короле Кители IV (1860–1895 гг.)¹¹. «Линии различия, — считает Кэтрин Ньюбери, — изменились и стали более четкими, поскольку категории “тутси” и “хуту” приобрели новое иерархическое значение, связанное с близостью к центральной власти. Позже, с расширением политического пространства и усилением интенсивности политической деятельности, эта классификация приобрела более стратифицированный и жесткий характер. Идентичность хуту стала связываться и в конечном итоге определяться более низким статусом»¹². Этому способствовала и активная внешнеполитическая экспансия Руанды, в ходе которой термин «хуту»

⁸ См.: *Gahama J.* Le Burundi sous administration beige. La période du mandat 1919–1939. P.: CRA-Karthala-ACCT, 1983. P. 288; *Newbury C.* The Cohesion... P. 12–13; *Shyaka A.* The Rwandan Conflict. Origin, Development, Exit Strategies. Kigali, 2005. P. 11.

⁹ *Hertefelt M. d'.* Les clans du Rwanda ancien: Elements d'ethnosociologie et d'ethnohistoire. Tervuren, 1971 (Belgique annales. Ser. 8: Sciences humaines. № 70). P. 49–71; *Newbury D.* The Clans of Rwanda: An Historical Hypothesis // *Africa*. 1980. Vol. 50. № 4. P. 389–403; *Newbury C.* Ethnicity in Rwanda: The Case of Kinyaga // *International African Institute*. 1978. Vol. 48. № 1. P. 17–29.

¹⁰ *Newbury D.* Kings and Clans: Ijwi Island (Zaire) c. 1780–1840. Madison (Wise.), 1979; *Newbury C.* The Cohesion... P. 10–11.

¹¹ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 32–33.

стали переносить на покоренные руандийскими королями племени¹³.

Социальному размежеванию тутси и хуту, несомненно, также способствовало введение Кигели IV своеобразной «феодальной системы», точнее системы патронатных отношений (*ubuhake*), распространенной в том числе и на сферу землепользования: исполнение отработочных повинностей (*uburetwa*) в пользу и по требованию назначаемых королем вождей (как правило, тутси) за право пользования землей (обычно хуту) своим наделом¹⁴. Правда, реформа эта коснулась только Центральной Руанды: на севере и юго-западе страны контроль над системой землепользования остался в основном в руках хуту¹⁵. Даже административный аппарат королевства не состоял из одних тутси — притом что они почти монополизировали высшие должности (как гражданские, так и военные), а также управление провинциями, на среднем (районы) и низшем («холмы») уровнях присутствовали хуту («глава земли», в отличие от «главы пастбищ», которым всегда был тутси)¹⁶. Социально-профессиональный критерий продолжал доминировать.

¹³ Завоевание способствовало укреплению самоидентичности и самих покоренных хуту, как показали, например, Л. Дорси и Д. Уоллер на примере северных хуту в районе Рухенгери, подчиненных руандийцами в 1910–1912 гг. См.: **Dorsey L.** *Historical Dictionary of Rwanda*. L., 1994; **Waller D.** *Rwanda: Which Way Now?* Oxford, 1993.

¹⁴ См.: **Newbury C.** *The Cohesion...* P. 82–96; **Nkurikiyimfura J.-N.** *Le gros bdtail et la societe rwandaise. Evolution historique des XI leme-XIVeme siecles a 1958*. P., 1994. P. 132–140. А. Лема доказывает, что реформа имела большое значение для «этнического размежевания» тутси и хуту (**Lema A.** *Africa Divided. The Creation of «Ethnic Groups»*. Lund, 1993). Большинство ученых, однако, сомневаются в этом. См.: **Vidal C.** *Situations Ethniques au Rwanda* // *Au coeurde l'ethnie*/ed. de J.L. Amselle, E. M'Bokolo. P., 1985. P. 167–184; **Newbury C.** *The Clans of Rwanda...* P. 49ff.; **Portier J.** *Reimaging Rwanda. Conflict, Survival and Disinformation in the Late 20th Century*. Cambridge, 2002. P. 13; **Prunier G.** *The Rwanda Crisis...* P. 14, 20.

¹⁵ **Vansina J.** *L'evolution...* О разных вариациях системы *ubuhake* см.: **Codere H.** *Power in Rwanda* // *Anthropologica*. 1962. Vol. 4. No. 1. P. 54–55.

¹⁶ См.: **Kagame A.** *Un abrdrge de l'histoire du Rwanda de 1853 a 1972*. Butare: Editions Universitaires de Rwanda, 1975. Vol. II.

Итак, можно констатировать, что, хотя в доколониальный период процесс социального разделения тутси и хуту значительно продвинулся, он далеко не завершился. И конечно, едва ли есть основания говорить о существовании накануне прихода немецких колонизаторов (конец XIX в.) этнических или «племенных групп» тутси и хуту¹⁷. «Рассматривать тутси и хуту как “племена”, — говорит Рене Лемаршан, — значит только запутать дело. В отличие от практически всех других африканских обществ, где “племена” противопоставлены друг другу в горизонтальном плане, в Руанде и в меньшей степени в Бурунди этнические отношения вращаются вокруг вертикальной системы стратификации, в которой тутси и хуту находятся в ранжированных взаимоотношениях друг с другом, когда меньшинство (тутси) притязает на львиную долю богатства и статуса, а большинство (хуту) занимает более скромное положение на традиционном тотемном столбе. Мы имеем дело не с “племенами” в обычном (и ошибочном) смысле этого слова, но со статусными группами, чьи различия подкрепляются различием занятий между тутси-скотоводами и хуту-земледельцами»¹⁸.

Завершение процесса социальной и возникновение этнической идентификации тутси и хуту относится уже к колониальному периоду. Немцы, а затем бельгийцы, обнаружив, что большая часть руандийской элиты называет себя «тутси» и что многие из них обладают «европеизированными чертами», избрали их в качестве административных «посредников» в системе косвенного управления Руандой-Урунди¹⁹. «Используя физические характеристики как ориентир — тутси были, как правило, высокими, худощавыми и более “европейскими” по своей внешности, чем менее рослые, более коренастые хуту, колонизаторы, — пишет Жерар Прюнье, — решили, что хуту и тутси были двумя разными

¹⁷ *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. P. 28.

¹⁸ *Lemarchand R.* Patterns of State Collapse and Reconstruction in Central Africa: Reflections on the Crisis in the Great Lakes // *Afrika Spectrum*. 1997. Bd. 32. No. 2. S. 176.

расами. Согласно расовым теориям конца XIX — начала XX в., тутси с их более «европейской» внешностью были восприняты как «господствующая раса»²⁰. Теоретическим обоснованием для «расовой» селекции стала «хамитская концепция», согласно которой носителями цивилизации в доколониальной Африке были хамитские племена, ответвление кавказской расы²¹. Тутси («европейцы с черной кожей») были отнесены к хамитам²². История Руанды и соседнего королевства Бурунди (тогда Урунди) рассматривалась как чередование миграционных волн, причем каждая последующая приносила племена более «цивилизованные», чем предшествующая²³.

В 1930-х годах бельгийцы провели «тутсификацию» системы управления, установив монополию тутси на занятие административных должностей²⁴, а католическая церковь стала осуществлять дискриминационные меры при приеме детей-хуту в католические школы²⁵. Положенный в основу этой политики заявительный принцип идентификации тутси и хуту показывает, что до того момента не существовало никаких четких критериев их разделения: в 1933 г., когда была произведена регистрация местного населения по «расовому» признаку, каждому руандийцу, по сути

²⁰ *Prunier G.* Rwanda's Struggle to Recover from Genocide // Microsoft Encarta Encyclopedia. 1999. Week 14 (6/8).

²¹ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 36–37.

²² См.: *Ben Hammouda H.* Op. cit. P. 51–53; *Hertefeldt M. d'* Mythes et ideologies dans le Rwanda ancien et contemporain // *The Historian in Tropical Africa/* ed. by J. Vansina, R. Mauny, L. Thomas. L., 1964. P. 219–220.

²³ См.: *Linden /., Linden J.* Church and Revolution in Rwanda. Manchester: Manchester University Press, 1977; *Gahama J.* Op. cit. P. 275–288.

²⁴ См.: *Ben Hammouda H.* Op. cit. P. 57; *Reyntjens F.* Pouvoir et droit au Rwanda. Tervuren, 1985.

²⁵ См.: *Gatwa T.* The Churches and Ethnic Ideology in the Rwandan Crises. 1900–1994. Ph. D. Thesis. University of Edinburgh, July 1998; *Linden /., Linden J.* Op. cit. P. 163–164; *Mbonimana G.* Christianisation indirecte et cristallisation des clivages ethniques au Rwanda (1925–1931) // *Enquetes et Documents d'Histoire Africaine.* 1978. Vol. 3. P. 138–144; *Newbury C.* The Cohesion... P. 115–116.

дела, предложили самому определить свою «расовую принадлежность»; 14% идентифицировали себя как тутси, 85% — как хуту и 1 % — как тва²⁶. В дальнейшем некоторые хуту пытались изменить свой «расовый» статус и перейти в категорию тутси, однако после 1933 г. в отличие от предшествующего периода это оказалось сделать достаточно сложно. Тот же самый процесс имел место и в Бурунди²⁷, где ситуация была похожей: правящую династию и основную часть элиты составляли тутси, большую часть остального населения — хуту. В итоге «расовая» и этническая структура Руанды, как и Бурунди, стала жестко структурированной реальностью. Фактически имел место искусственный этногенез, ибо именно такая регистрация в сочетании с установлением монополии тутси на управление и образование способствовала возникновению «этнического самосознания» у каждой из этих двух групп — одной привилегированной, другой дискриминируемой в социальном, политическом и культурном отношениях²⁸.

Последующий период колониальной истории стал свидетелем прогрессирующей «этнической самоидентификации» тутси и хуту: и те, и другие все больше воспринимали себя как особые группы, имеющие совершенно различное происхождение. Процесс этот, который по ряду причин шел в Руанде гораздо интенсивнее, чем в Бурунди, достиг кульминации во второй половине 1950-х годов, когда в значительной мере под влиянием внешних обстоятельств (нарастание волны деколонизации) на повестку дня встал вопрос о национальном самоопределении. Именно в этот момент этнический протест со стороны хуту обрел политическую и идеологическую форму²⁹: в первом случае в виде «этнических» политических партий хуту (Партия движения за эмансипацию бахуту, или Пармехуту, и Ассоциация за социальную

²⁶ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 37.

²⁷ См.: *Gahama J.* Op. cit. P. 101–117 (управление), 257–260 (образование).

²⁸ См.: *Ben Hammouda H.* Op. cit. P. 54.

поддержку масс), во втором — в виде особой историко-политической теории, которая, в сущности, отталкивалась от старой расистской теории «хамитского происхождения» тутси, но выворачивала ее наизнанку. Идеологи национального движения хуту трактовали модель последовательных волн исторических миграций «племен» не с точки зрения нарастания «цивилизационного сегмента», а с точки зрения деградации исторической справедливости: в такой перспективе тутси выступали не в благородной роли культуртрегеров, а в роли «безродных» завоевателей, незаконно узурпировавших власть у коренного населения (хуту). Тот факт, что хуту в численном отношении в несколько раз превосходили своих «угнетателей», объясняет, почему для них национальное освобождение мыслилось как ликвидация господства не только белых колонизаторов, но и их пособников (тутси), и почему это освобождение рассматривалось в непосредственной связи с демократизацией руандийского общества, понимавшейся в данной ситуации исключительно как обеспечение права на власть этнического большинства. Националистический и политический «проект хуту» был одновременно и консервативным (восстановление исторической справедливости, некоего исконного положения, нарушенного чужеземцами тутси), и революционным (ликвидация существующих политических и социально-экономических институтов и механизмов, обеспечивающих сохранение этой несправедливости, — монархии тутси, административной монополии тутси, системы патроната в земельной сфере)³⁰.

«Этнизации» социального по своей природе конфликта между тутси и хуту способствовало также и то, что идеологи и политики тутси приняли предложенные оппонентами правила игры. Они также создали свои «этнические» партии (Национальный руандийский союз, Руандийское демократическое объединение) и продолжали всячески поддерживать идеологическую основу своей власти — теорию расового превосходства, сочетая ее с идеей владычества по праву завоевания.

³⁰ См. особенно «Манифест бахуту», составленный в начале 1957 г. (ibid. P. 191–192.).

Политическая этнизация оказалась настолько глубокой, что в Руанде не могло возникнуть и не возникло влиятельного политического течения, способного выступить в качестве «общенациональной» объединительной силы, подобной партии УПРОНА в Бурунди. Не нашлось в Руанде и авторитетных фигур общенационального масштаба, таких как бурундийский принц Луи Рвагасоре, которые могли бы сыграть роль «примирителей» или хотя бы посредников между все более отдалявшимися друг от друга «этнотами». Фактически отсутствовали какие-либо преграды, способные предотвратить эскалацию «межэтнического» противостояния по мере движения Руанды к независимости.

Внутриполитические последствия «социальной революции» 1959 г.

В истории региона Великих озер ключевое значение имела «социальная революция» (или «революция *власть — хуту*») 1959 г. в Руанде³¹. Эта первая вспышка межэтнического насилия, переросшая в восстание хуту, прежде всего крестьян, против тутси, преимущественно администраторов (вождей и т.д.), и сопровождавшаяся первой резней руандийских тутси и первым их «исходом» из страны, привела к утрате последними политической монополии. Сначала бельгийцы, решившие поддержать дискриминируемое «этническое» большинство (которое в прошлом сами и конституировали) в надежде сохранить свое влияние и после предоставления Руанде независимости, передали половину административных постов от тутси к хуту³² и создали полицейский корпус, формально состоявший на 86% из хуту, а на самом деле на все 100%³³;

³¹ См.: *Newbury C.* The Cohesion... P. 194–198.

³² См.: *Ibid.* P. 197.

³³ Полковник Гийом Ложест, бывший командующий бельгийскими войсками в Руанде, говорил в своей книге «Миссия в Руанде»: «Я считаю необходимым быстро создать местный корпус, официально составленный на 14% из тутси и на 86% из хуту, но практически на 100% из хуту». См.: *Rukindikiza G.* Origine et Evolution de Гагтее бурундийской // <http://burundi.news.free.fr/archives/originearnee.html> (5 janvier 2004).

затем победа Пармехуту на местных (лето 1960 г.) и парламентских (сентябрь 1961 г.) выборах обеспечила полное преобладание хуту на коммунальном и общенациональном уровнях власти; референдум сентября 1961 г. покончил с последним политическим бастионом тутси — монархией; и наконец, нападение группы беженцев тутси из Бурунди на руандийский военный лагерь в Бугесере в декабре 1963 г. и последовавшая резня тутси привели к физическому уничтожению политических лидеров общины тутси и прекращению деятельности партий, представлявших ее интересы.

Главным внутривнутриполитическим последствием «социальной революции» 1959 г. стало формирование в Руанде этнократического государства — государства, выражающего и обеспечивающего доминирование одного этноса, в данном случае хуту. Особенность руандийской этнократии заключалась в том, что доминировавший этнос составлял подавляющую часть населения страны. Поддержание этнократического режима осуществлялось несколькими способами:

1) сохранение колониальной системы этнической регистрации; в 1970-х годах она дополнилась ограничением права руандийцев менять место своего проживания;

2) фактическое исключение тутси из политической жизни начиная с декабря 1963 г.; формально партии, выражавшие интересы тутси, были запрещены в 1964 г.;

3) юридическое ограничение участия тутси как в политической, так и во всех остальных сферах общественной жизни Руанды: в начале 1970-х годов была введена 9% этническая квота для тутси в школьном и университетском образовании, в государственном аппарате, во всех отраслях производства и даже в частном бизнесе; в армии тутси не могли стать офицерами, а солдатам-хуту запрещалось вступать в брак с женщинами-тутси;

4) периодическое проведение массовых репрессий («этнических чисток») против тутси (декабрь 1963 г., начало 1973 г.);

5) поддержание через пропагандистские механизмы атмосферы этнической конфронтации: в официальных и частных СМИ тутси изображались как люди совершенно чуждые Руанде, как ее главные враги (в одном из памфлетов партии Пармехуту в 1972 г.

говорилось: «Власть тутси — это причина всех бед, которые испытали хуту испокон веков»³⁴).

Результатом *политики исключения* и сопровождавших ее массовых убийств и волн эмиграции стало численное и процентное сокращение общины тутси в Руанде. Если в 1952 г. тутси составляли 17,5% населения страны, то в 1991 г. — только 8,4%³⁵.

Другим результатом этой политики явилось то, что система власти хуту, утвердившаяся прежде всего путем внедрения в руандийскую политическую жизнь демократических механизмов, довольно быстро эволюционировала в сторону однопартийного президентского авторитаризма. Особенно интенсивно концентрация власти началась после государственного переворота 1973 г., когда президент Грегуар Кайибанда был свергнут генералом Жювеналем Хабиариманой. Важно, что *политика исключения*, чьим первым объектом оказались тутси, постепенно распространялась и на другие линии различия, прежде всего на региональные. По мнению некоторых исследователей, «этнический» конфликт тутси и хуту, особенно в первый период правления Ж. Хабиариманы (до 1990 г.), был вытеснен на задний план региональными противоречиями. Еще при Г. Кайибанде (1962–1973 гг.) власть оказалась сосредоточенной в руках выходцев из Гитарамы (родного города президента), опиравшихся в основном на кланы хуту из Южной Руанды. При Ж. Хабиаримане источник рекрутирования политической элиты переместился на север Руанды, прежде всего в префектуру Гизеньи, родину нового диктатора³⁶. Опора на «своих» — в первую очередь в родственном, региональном или этническом отношении, а не в политическом или идеологическом — обусловила особо интенсивный характер проникновения в государственный аппарат клиентельных сетей. Так, в середине 1980-х годов люди из Гизеньи

³⁴ Цит. по: *Meredith M.* The State of Africa: A History of Fifty Years of Independence. L., 2005. P. 489.

³⁵ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 40.

³⁶ См.: *Reyntjens F.* L'Afrique des Grands Lacs en crise. Rwanda, Burundi: 1988–1994. Paris, 1994. P. 33–34.

занимали треть всех высших постов в государстве. В начале 1990-х годов почти половину руководителей государственных предприятий (всего 68) составляли выходцы из Гизеньи (19) и соседней префектуры Рухенгери (14)³⁷. Пока экономическое положение страны оставалось стабильным³⁸, благодаря высоким ценам на главный экспортный продукт Руанды — кофе — и постоянно возрастающей иностранной помощи³⁹, режим не испытывал трудностей при оплате клиентельных услуг и распределении ресурсов среди властных элит и даже (хотя и в гораздо более скромных размерах) среди населения: с 1976 г. по 1990 г. ВВП на душу населения возрос почти втрое. В условиях, когда правящая группа пользовалась (конечно, в разной степени) поддержкой основной массы хуту, маргинализованное этническое меньшинство — тутси — не представляло для нее значительной опасности. Ж. Хабиаримана даже обеспечил, в первую очередь для создания позитивного имиджа Руанды за рубежом, представительство (чисто фиктивное) тутси в высших органах власти: появился один министр-тутси, один посол-тутси, два тутси — депутата парламента, два тутси — члена центрального комитета правящей партии Национальное революционное движение за развитие (НРДР).

Региональные последствия «социальной революции» 1959 г.

«Социальная революция» 1959 г. имела значение не только для Руанды, но и оказала большое влияние на ситуацию во всем регионе Великих озер, прежде всего на положение в соседних странах — Уганде, Заире и особенно в Бурунди.

По своему этническому составу Бурунди очень напоминает Руанду, однако в ней до обретения национальной независимости в 1962 г. «традиционное деление тутси — хуту не было основой

³⁷ *Osabu-Kle D. T.* Compatible Cultural Democracy: The Key to Development in Africa: Peterborough (Ont.); Orchard Park (N.Y.), 2000. P. 230.

³⁸ См.: *Des Forges A.* Op.cit. P. 45.

³⁹ Если в 1973 г. она составляла 5% национального дохода, то в 1991 г. — уже 22%.

политической мобилизации»⁴⁰. Здесь клановые и региональные различия оставались гораздо более важными, чем «этнические», а монархия сохраняла авторитет не только среди тутси, но и среди хуту. Хотя в Бурунди бельгийцы также пытались акцентировать различия (в том числе мнимые расовые и этнические) между этими двумя группами⁴¹, они не делали на них свою основную ставку, предпочитая использовать преимущественно клановое соперничество и борьбу различных представителей правящей династии за престол. Хуту не были исключены из чиновной аристократии ганва, а в составе зависимого крестьянства присутствовали также и тутси, которые именовались «абахуту». Здесь, как и на определенном этапе исторического развития Руанды, обозначение «хуту» было отчасти связано с отношениями подчиненности (человек, получивший в держание участок земли или корову за исполнение определенных трудовых повинностей), однако этот критерий не являлся основным⁴². Согласно Полю Маниша, в Бурунди «феодал — не синоним тутси, а крепостной — не синоним хуту»⁴³. Иные стартовые условия, чем в Руанде, объясняют гораздо менее конфронтационный характер политической борьбы в Бурунди накануне независимости и особую роль умеренных политических сил, прежде всего J1. Рвагасоре и его партии УП РОНА. Однако в постколониальный период политическая жизнь Бурунди стала очень быстро эволюционировать в сторону руандийской модели. Почему?

«Социальная революция» 1959 г. в Руанде громко отозвалась в бурундийском обществе. С одной стороны, она усилила желание умеренной части бурундийской элиты не допустить повторения руандийских событий в их родной стране: именно поэтому Луи Рвагасоре взял курс на сотрудничество с элитой хуту и с ее лидерами

⁴⁰ См.: *Brachet J., Wolpe H.* Conflict-Sensitive Development Assistance: The Case of Burundi // *Social Development Papers: Conflict Prevention and Reconstruction*. Paper № 27. June 2005. Washington (DC). P. 5.

⁴¹ См.: *Ben Hammouda H.* Op. cit. P. 54.

⁴² См.: *Gahama J.* Op. cit. P. 102.

⁴³ См.: *Manisha P.* L'origine du conflit ethnique au Burundi // <http://burundi.news.free.fr/archives/origineduconflit.html> (9 janvier 2003). Cp.: *Hertefelt M. d'* Les clans du Rwanda... P. 49–62.

Полем Миререкано и Пьером Нгендандумве. Но, с другой стороны, она способствовала обострению отношений между общинами. Возникновение партии УПРОХУТУ (Союз поддержки хуту) и Христианско-демократической партии, представлявших соответственно хуту и тутси, свидетельствует о прогрессирующей политизации этничности, хотя, как справедливо замечает П. Маниша, победа УПРОНА на выборах в сентябре 1961 г. неопровержимо доказывает, что в тот момент «большинство бурундийцев <пока еще> не были трайбалистами, что доминировало национальное сознание и что бурундийцы были готовы жить вместе»⁴⁴.

События в Руанде ускорили процесс «этнической» идентификации прежде всего у фрустрированных групп общины хуту, все более осознававших свое униженное положение и возлагавших ответственность за него на тутси, которых они рассматривали в качестве «этноса-врага». Вместе с тем эти события способствовали и самоидентификации тутси, поскольку породили у них сильные опасения, что бурундийские хуту последуют руандийскому примеру⁴⁵. Смотри друг на друга с нарастающим подозрением, и тутси, и хуту все больше воспринимали друг друга как различные и даже противостоящие этнические общности. Наглядным доказательством реальности такого противостояния оказались руандийские беженцы-тутси, большая часть которых обосновалась в Бурунди⁴⁶. Беженцы стали важным «конфликтогенным» сегментом бурундийского общества, давшим сильный толчок «этнизации»: они интегрировались во все социальные и политические институты, в том числе и в армию, и значительно расширили политическую базу партий и группировок экстремистов-тутси (например, христианских демократов); в то же время совершавшиеся ими акты террора против местных хуту углубляли «этническое» разделение бурундийцев. Таким образом, если ключевым моментом руандийского «этногенеза» стала осуществленная бельгийцами «расовая» регистрация

⁴⁴ Manisha P. *Op. cit.*

⁴⁵ См.: Ben Hammouda H. *Op. cit.* P. 115.

⁴⁶ В результате «социальной революции» в Бурунди бежало около 160 тыс. руандийских тутси (Ben Hammouda H. *Op. cit.* P. 114).

населения, то в Бурунди катализатором его стала «социальная революция» в соседней Руанде.

Можно с полным основанием сказать, что межэтнический конфликт в Руанде мигрировал в Бурунди вместе с потоками беженцев и волнами негативной «этнической» информации. В таких условиях умеренные силы были обречены на поражение. Ключевым событием здесь оказалось организованное экстремистам и-тутси (лидерами Христианско-демократической партии) убийство премьер-министра Л. Рвагасоре. Поскольку среди политической элиты не оказалось фигуры, обладающей таким же общенациональным авторитетом и таким же талантом политического маневрирования, возник политический вакуум, обусловивший длительный период нестабильности, основными чертами которого были ожесточенная фракционная борьба в правящей партии, череда политических убийств и углубляющийся раскол как в обществе, так и в силовых структурах (в армии доминировали офицеры-тутси, а в жандармерии — офицеры-хуту). Развязка конфликта наступила в 1965–1966 гг. в цепи событий, ставших своеобразным историческим аналогом руандийской «социальной революции». Убийство премьер-министра Пьера Нгендандумве (хуту) руандийским беженцем-тутси в январе 1965 г. и отказ короля после победы кандидатов-хуту на парламентских выборах в мае 1965 г. назначить одного из них главой правительства спровоцировали виток политической напряженности (восстание хуту, неудачная попытка государственного переворота жандармских офицеров-хуту в октябре 1965 г., репрессии армии против хуту), завершившийся в ноябре 1966 г. переворотом, организованным армейскими офицерами-тутси во главе с полковником Мишелем Микомберо, которые упразднили монархию и установили военную диктатуру

Установление диктатуры М. Микомберо означало устранение от власти старого бурундийского правящего слоя — аристократии ганва, которая служила, по выражению Ж. Прюнье, «буфером между тутси и хуту»⁴⁷. Получившие преобладание новые, прежде маргинальные группы общины тутси приступили к созданию в Бурунди

⁴⁷ Prunier G. Burundi: A Manageable Crisis? L., 1994. P. 9

этнократического режима, подобного руандийскому, за тем лишь исключением, что в Бурунди власть находилась не в руках этнического большинства (хуту), а в руках меньшинства (тутси). В 1965–1972 гг. хуту были исключены практически из всех важных политических, социальных и экономических институтов Бурунди. Такой курс осуществлялся параллельно с установлением автократического однопартийного режима. Правящая партия (УПРОНА), пытавшаяся до переворота играть роль межэтнической силы, была превращена в придаток государственного аппарата и стала одной из опор этнократической системы; все остальные партии были запрещены. Апофеозом *политики исключения* явилась организованная режимом в апреле 1972 г. после рейда беженцев-хуту на бурундийскую территорию резня всех образованных хуту — учителей, священников, гражданских служащих, врачей, банковских работников, а также военных-хуту, получившая в истории название «селективного геноцида»; уцелевшие представители элиты и многие простые хуту бежали из страны⁴⁸. С этого момента армия оказалась полностью закрытой для хуту; они, за крайне редкими исключениями, потеряли возможность быть представленными в административных и судебных органах. Система общенациональных экзаменов при поступлении в начальную и среднюю школу и последующей профессиональной ориентации ограничивала доступ детей хуту к образованию. В 1985 г. хуту составляли менее 20% студентов Национального университета; им фактически был закрыт доступ на факультеты права и экономики, готовившие кадры для государственной администрации и частного сектора. Еще в 2001 г. среди 36 директоров государственных компаний было 32 тутси и лишь 4 хуту⁴⁹. Итогом этой политики, не в последнюю очередь связанным с ограниченными возможностями для хуту найти работу, стало также углубление имущественного разрыва между двумя «этносомами»⁵⁰.

⁴⁸ См.: *Lemarchand R.* Selective Genocide in Burundi. L., 1974.

⁴⁹ См.: *Rukindikiza G.* Criminalisation socio-économique du pouvoir au Burundi // <http://burundi.news.free.fr/archives/originearmee.html> (21 juin 2003).

⁵⁰ Подробнее см.: *Nkurunziza J., Ngaruko F.* Explaining Growth in Burundi: 1960–2000. Oxford, 2002.

Как и в Руанде, «этнические» чистки в Бурунди превратились в систематическую практику власти — они осуществлялись либо в отдельных районах (1969, 1973, 1976, 1987, 1988, 1991 гг.), либо в масштабах всей страны (1972, 1993 гг.), нередко в ответ на восстания хуту, как в 1991 г., или на иные политические акции, как убийство бывшего короля Нtare V в 1972 г. Результатом было не только физическое уничтожение значительного числа хуту, но и волны беженцев, затоплявшие соседние страны — Танзанию, Заир и, конечно, Руанду. Только в 1972 г. из Бурунди бежало около 300 тыс. человек⁵¹.

Как и в Руанде, *политика исключения* постепенно вышла за рамки своего исходного «этнического» объекта. Если первоначально она касалась только хуту, то после попытки (реальной или фальсифицированной) государственного переворота офицеров-тутси из провинции Мурамвья в 1971 г. «машина исключения, — по словам Гратьена Рукиндикизы, — распространилась на регионы, кланы, семьи и, наконец, добралась до индивидов»⁵². Особую значимость приобрели региональные различия. С 1972 г. ведущую роль в политической жизни стали играть тутси-хима с юга из провинции Бурури, родины президентов М. Микомберо и Ж.-Б. Багазы Ч. Они монополизировали важнейшие функции в армии — руководство генеральным штабом, военными операциями, элитными парашютным и танковым подразделениями, обучением личного состава⁵⁴; еще в 2001 г. они возглавляли две трети государственных предприятий⁵⁵. Похожая ситуация наблюдалась и в сфере образования: в 1985 г. выходцы только из коммуны Мугамба в провинции Бурури составляли 15% студентов Национального университета⁵⁶.

⁵¹ *Reyntjens F.* Burundi: Landet med kuppen utan slut. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 1996. S. 8.

⁵² *Rukindikiza G.* Le regionalisme au Burundi: Sujet tabou ou hypocrisie? // <http://burundi.news.free.fr/archives/originearnnee.html> (2 juin 2003).

⁵³ *Lemarchard R.* Patterns of State Collapse... P. 182.

⁵⁴ *Rukindikiza G.* Origine et evolution...

⁵⁵ См.: *Rukindikiza G.* Criminalisation...

⁵⁶ См.: *Brachet J., Wolpe H.* Op. cit. P.9.

Государственные институты постепенно разлагались, будучи опутанными системой клиентельных сетей, преимущественно регионального и кланового происхождения⁵⁷.

Таким образом, мы сталкиваемся с необычным историческим феноменом «зеркальных» государств, одинаковых по форме (авторитарная этнократия), но противоположных по содержанию: если в Руанде государство являлось механизмом подавления «этнического» меньшинства (тутси) «этническим» большинством (хуту), то в Бурунди — механизмом подавления «этнического» большинства (хуту) «этническим» меньшинством (тутси). Этот факт, значимый сам по себе, приобретает особую важность потому, что оба эти государства оказались двумя неотъемлемыми частями единой системы. Они находились во взаимном притяжении, как два полюса с противоположными знаками «+» и «—», подпитывая этнократический порядок друг у друга. Во-первых, уже само наличие этнократического режима в одном государстве оправдывало его существование в другом. Во-вторых, организуя систематические репрессии против подавляемого «этноса», они как бы обменивались его «излишками», которые позволяли расширять социальную базу этнократического режима в каждом из них. Беженцы исполняли функцию главного конфликтогенного элемента и в руандийском, и в бурундийском обществе, запуская маховик «этнического» насилия, которое консолидировало «этническую» солидарность и укрепляло этнократию. Вспышка «этнического» конфликта в одной стране приводила в действие механизмы конфликта в другой. «Социальная революция» 1959 г., установление этнократического режима и резня тутси в 1963 г. в Руанде инициировали в Бурунди цепь событий, которые привели к «этническому» взрыву 1965–1966 гг. и установлению в ней своей этнократии. Организованный этой бурундийской этнократией «селективный геноцид» 1972 г. в свою очередь спровоцировал новую волну репрессий против хуту в соседней Руанде. Тот же самый механизм, как мы увидим, был задействован и в 1993–1994 гг. И каждое из этих событий сопровождалось массовым исходом представителей преследуемого

⁵⁷ См.: *Rothchild D., Groth A.J.* Pathological Dimensions of Domestic and International Ethnicity // *Political Science Quarterly*. 1995. Vol. 110. № 1. P. 74.

«этноса», что расширяло потенциальную возможность последующего конфликта. Системе двух государств — «сообщающихся сосудов», как показывает история и Руанды, и Бурунди, была свойственна тенденция к эскалации насилия. Эта эскалация шла, как правило, не континуально, в постепенно убыстряющемся темпе, а скорее в виде скачков, всплесков, все более и более разрушительных.

Однако не менее важно и то, что это «переливающееся насилие» не могло удержаться в пределах двух указанных стран. Порождаемая этнополитическим взаимодействием между Руандой и Бурунди горячая конфликтотенная масса стремилась вырваться за их границы, прежде всего в соседние Заир, Уганду и Танзанию. Каналом ее распространения, как и в случае с двумя основными членами диады, являлись массовые миграционные потоки беженцев⁵⁸. Речь идет именно об «экспорте насилия», поскольку группы беженцев, оказавшись в чуждом⁵⁹ окружении, сохраняли и даже усиливали свою этническую идентичность, тем более что правящие круги принимающих государств, за исключением Танзании, препятствовали их интеграции в местные экономические и политические структуры. Это превращало общины беженцев и в Уганде, и в Заире в потенциальный источник нестабильности как в рамках данного отдельного государства, так и во всем регионе Великих озер. Не имея поддержки местных властей, в отличие от Бурунди и Руанды, которая позволяла бы им периодически «разряжаться» во вспышках насилия против «враждебной» («виновной») этнической группы, общины беженцев в Уганде и Заире в случае давления со стороны принимающего государства имели только две возможности: либо активно сопротивляться (вооруженным путем) этому давлению, что неизбежно усиливало политическую напряженность внутри этого государства, либо интенсифицировать усилия по организации своего «силового возвращения»

⁵⁸ Так, число беженцев-тутси в Уганде, Бурунди, Заире и Танзании составило к 1990 г., по разным оценкам, от 500 до 600 тыс. человек. См.: *Guichaoua A. Vers Deux Generations de Refugies Rwandais? // Les Crises Politiques au Burundi et au Rwanda / ed. de A. Guichaoua. Lille, 1995. P. 343.*

⁵⁹ В отличие от беженцев-хуту в Руанде и беженцев-тутси в Бурунди.

на родину, что способствовало разжиганию политической и межэтнической борьбы уже там. Словом, «конфликты, порождающие беженцев», сменялись «конфликтами, порожденными беженцами»⁶⁰.

Предыстория и непосредственные причины руандийского геноцида

а) «Угандийский толчок»

Описанный нами механизм таил в себе угрозу общерегионального конфликта, и именно он стал главной пружиной кризиса в зоне Великих озер. В такой перспективе любая страна, в этот механизм вовлеченная, могла дать исходный импульс той цепи событий, которые привели к руандийскому геноциду 1994 г. и к «Третьей мировой войне». История отвела эту роль Уганде.

Руандийские беженцы-тутси, начавшие прибывать в Уганду с конца 1959 г., селились преимущественно на юге страны, где они были благожелательно встречены этносом бахима, с которым имели давние исторические связи, и враждебно — этносом байру. Став новым элементом сложной угандийской этнической мозаики, они постепенно превратились и в фактор политической жизни Уганды. В начале 1980-х годов режим Милтона Оботе, опиравшийся

⁶⁰ **Lemarchard R.** Patterns of State Collapse... P. 178. По словам Рене Лемаршана, «важный аспект региональной эскалации состоит в присутствии в каждой стране большого количества беженцев, большинство которых ожесточены воспоминаниями о пережитом насилии на родине. Массы беженцев следует рассматривать как инструменты, посредством которых высвобождаются эмоции, происходит манипуляция этническими связями, мобилизуется коллективная энергия и обеспечивается внешняя поддержка. Ставка здесь — не только физическое выживание людей, но политическое выживание особых этнических обществ. Движения беженцев, независимо от того, являются ли они инструментами в руках экстремистов для извлечения помощи из гуманитарных организаций, сделок с местными властями или заключения союзов с родовыми группами или политическим ресурсом, используемым правительством принимающей страны, или игроками второго уровня для достижения собственных политических целей, — сильно политизированы».

на «северян» (этносы ланго и ачоли) и проводивший политику дискриминации южных и северо-западных регионов, попытался осуществить принудительную репатриацию руандийских тутси. Эта политика, потерпевшая полный провал (тутси, выдворенные в Руанду, массами возвращались обратно в Уганду⁶¹), превратила руандийских беженцев в союзников вооруженной оппозиции режиму Оботе. Значительное число тутси вступило в Армию национального сопротивления (АНС) Йовери Мусевени, опиравшуюся в основном на сельские районы юга и юго-запада, населенных преимущественно банту. К началу 1986 г., когда АНС захватила Кампалу и свергла режим «северян», тутси составляли уже четвертую часть ее бойцов, а один из них — генерал Фред Рвигьема — занимал пост заместителя командующего. После победы АНС община беженцев-тутси стала на время одним из столпов режима Й. Мусевени; в первые годы его правления бойцы-тутси активно участвовали в подавлении антиправительственных мятежей на севере (ачоли) и востоке (тесо). В июле 1986 г. Й. Мусевени предоставил всем руандийским беженцам, прожившим в стране более 10 лет, угандийское гражданство⁶².

Однако руандийские беженцы, превратившись во влиятельную политическую силу Уганды, не отказались от надежды вернуться на родину, а, наоборот, консолидировали свои усилия в этом направлении⁶³, тем более что многие из них были теперь хорошо вооружены и приобрели военный опыт. В 1987 г. в Кампале они создали с этой целью военно-политическую организацию — Руандийский патриотический фронт (РИФ). Ее активизации способствовали два обстоятельства. Во-первых, постепенное дистанцирование Й. Мусевени под давлением местных политических сил от лидеров тутси (отставка Ф. Рвигьемы в 1988 г.). И во-вторых, прогрессирувавшее ослабление позиций этнократического режима в Руанде.

⁶¹ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 48.

⁶² См.: *Meredith M.* Op. cit. P. 491–492.

⁶³ Факт, доказывающий, что не только политика прежних угандийских режимов препятствовала интеграции тутси в местное общество.

Причиной этого ослабления оказался экономический кризис, вызванный падением мировых цен на основные продукты африканского экспорта (полезные ископаемые и сельскохозяйственные культуры), который затронул большинство стран Черной Африки в 1980-х годах. В Руанду кризис пришел в конце 1980-х годов с обвалом мировых цен на кофе, обеспечивавшего 75% валютных поступлений страны⁶⁴. Ситуация осложнилась природными бедствиями (засуха) и растущим демографическим давлением, тем более что плотность населения в Руанде оставалась самой высокой в Африке. В 1989 г. ВВП сократился на 5,5%, а доходы крестьян упали вдвое⁶⁵. В то же время этнократический режим все более и более проявлял тенденцию к концентрации власти в руках президента и его непосредственного окружения, формировавшегося по семейно-региональному принципу («малый дом» супруги президента Агаты Канзига⁶⁶), и его политическая база постепенно сжималась, как шагреновая кожа. Сокращение государственных доходов уже не позволяло режиму компенсировать материальные потери населения и смягчить обострившийся земельный голод⁶⁷, а также, что не менее важно, в прежних масштабах оплачивать клиентельные сети, на которые он опирался⁶⁸. Результатом стали рост социального недовольства и ослабление патронатно-клиентельных связей. Активизация оппозиционных группировок внутри общины хуту, особенно «южан», все громче требовавших введения

⁶⁴ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 46.

⁶⁵ См.: *Meredith M.* Op. cit. P. 492.

⁶⁶ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 44.

⁶⁷ См.: *Gasana J. K.* La guerre, la paix et la democratie au Rwanda // Les crises politiques... P. 214–215.

⁶⁸ Как пишет Р. Лемаршан, «демографический рост фокусирует внимание на дефиците земли как главном элементе этнической борьбы (особенно в Руанде, но также и в Восточном Заире) и на неспособности государства проводить политику эффективного и справедливого перераспределения земли, причиной чего отчасти было то, что земля неизбежно стала главным ресурсом в арсенале государства при выстраивании лояльных клиентел привилегированных социальных групп» (*Lemarchand R.* Patterns of State Collapse... P. 182).

многопартийности, совпала с давлением западных стран, которые после завершения «холодной войны» перестали нуждаться в авторитарных режимах Черной Африки как в своих политических и военных союзниках и которые теперь все чаще требовали проведения демократических реформ в качестве условия предоставления финансовой и материально-технической помощи (например, речь Ф. Миттерана в Ла Боле в 1990 г.).

В конце сентября 1990 г. 4 тыс. тутси, дезертировав из угандийской армии и захватив оружие на местных военных складах, осуществили вторжение в Руанду. Это вторжение, потенциально опасное для слабевшего этнократического режима, однако, быстро потерпело неудачу. В ситуацию вмешались внешние игроки — Бельгия, продолжавшая выступать как исторический покровитель Руанды, Заир, не желавший победы сил, связанных с враждебным ему угандийским режимом, и Франция, решившая усилить свое влияние в этой пограничной зоне франкофонного мира⁶⁹. Их прямое военное вмешательство позволило правительственным войскам оттеснить отряды РПФ в пограничные районы и тем самым на время локализовать их рейды.

Сентябрьское вторжение РПФ спровоцировало очередной виток «межэтнической» напряженности внутри Руанды. Режим Ж. Хабиариманы вновь прибег к репрессиям против местных тутси, в которых видел естественных пособников мятежников. Кристаллизации образа тутси как истинных врагов хуту способствовали не только пропагандистские усилия правящей элиты — они падали на благоприятную социально-психологическую почву, канализируя глубокое социально-экономическое недовольство рядовых хуту против мнимых «виновников» их бедствий. Следовательно, в нарастании конфликта «этносов» свою роль сыграли и потребность правящего режима в политическом выживании, и потребность основной массы населения в физическом выживании.

В этих условиях давление западных кредиторов Руанды и оппозиционных политиков-хуту, имеющее целью добиться демократи

⁶⁹ О политике Франции по отношению к режиму Ж. Хабиариманы см.: *Des Forges A. Op. cit. P. 116–122.*

зации, только усугубляло ситуацию, обостряя у этнократической системы инстинкт самосохранения и усиливая позиции наиболее экстремистских групп в общине хуту. Правда, резкое ухудшение финансового положения вынудило Ж. Хабиариману пойти на формальный компромисс с внутренней оппозицией и РПФ: в августе 1993 г. в Аруше (Танзания) он подписал с ними политическое соглашение о разделе власти и переходе к многопартийности. Но одновременно активизировались силы, призывавшие к «окончательному решению» этнической проблемы⁷⁰. Формировались организационные и идеологические структуры, дающие возможность реализовать это «окончательное решение», — экстремистская партия «Коалиция за защиту республики» со своим вооруженным крылом импузамугамби, милиция интерахамве при правящей НРДР, тайное общество амасусу в армии, новые СМИ, нацеленные на разжигание этнической ненависти, особенно печально знаменитое «Радио Тысячи Холмов»⁷¹. Все нити сходились к двум руководящим центрам — «малому дому» супруги президента и армейскому командованию (полковник Теонет Багосора⁷²). Страну захлестнула волна пока еще локальных погромов и убийств, направленных против тутси⁷³.

Демонизация тутси в общественном сознании хуту сочеталась с демонизацией их «сообщников» (*ibyitso*), в роли которых выступали умеренные политики-хуту, прежде всего противники правящей элиты. Именно в этот период генетическая связь между авторитаризмом и этнократией проявилась наиболее отчетливо. По сути дела, «этнический критерий» утратил монополию при определении понятия «враг», давая место другим критериям — политическому и отчасти социально-экономическому. В образе врага соединялись и «этнический» враг всей общины хуту — тутси, и политический

⁷⁰ По мнению Ж. Прюнье, идея такого решения возникла среди экстремистского крыла политической элиты в 1992 г., а соглашение в Аруше только увеличило число его сторонников и их влияние (*Prunier G. Rwanda's Struggle...*).

⁷¹ «Страна Тысячи Холмов» — традиционное прозвище Руанды.

враг правящей элиты — оппозиция, и социальный враг фрустрированных групп — имущие. Расширение образа врага, наличие в нем разных, порой противоположных характеристик, безусловно, способствовали дерационализации насилия и выходу его из-под контроля и за рамки «социально приемлемой» модели. Однако до определенного момента потенциальная возможность этнического взрыва сдерживалась рядом социально-политических «предохранителей» и прежде всего самой природой этнократии: полная ликвидация подавляемого этноса, этноса-врага, наличие которого позволяет постоянно поддерживать самоидентификацию господствующего этноса, была чревата разрушением этнократического порядка, ибо уничтожалась сама основа (и политическая, и идеологическая) его существования. Но эти «предохранители» оказались неэффективными в условиях системы государств — «сообщающихся сосудов» Руанды и Бурунди.

б) «Бурундийский толчок»

Политическое развитие Бурунди, в сущности, параллельное руандийскому, также претерпело значительные изменения на рубеже 1980-х — 1990-х годов⁷⁴. Экономический кризис серьезно сузил политическую базу этнократического режима, чья слабость усугублялась тем обстоятельством, что он был инструментом (реальным или мнимым) власти не этнического большинства, как в Руанде, а этнического меньшинства⁷⁵. Сентябрьский переворот 1987 г. привел к свержению президента Ж.-Б. Багазы (1976–1987 гг.) и установлению военной диктатуры майора Пьера Буйои. Обострившаяся в условиях кризиса этническая напряженность нашла выход в августе 1988 г. во вспышках массовых столкновений между тутси и хуту преимущественно на севере страны, которые были сурово подавлены бурундийской армией⁷⁶. Погибло около 20 тыс. человек; около 60 тыс. хуту бежали за пределы Бурунди, в том числе

⁷⁴ См.: *Reyntjens F.* Burundi... S. 8–31.

⁷⁵ См.: *Ben Hammouda H.* Op. cit. P. 140–166.

⁷⁶ См.: *Chretien J.-P., Guichaoua A., Le Jeune G.* La crise d'aout 1988 au Burundi. P., 1989.

и в Руанду⁷⁷. Ситуация повторилась в 1991 г., когда в северо-западных префектурах произошли мятежи хуту, вновь жестоко подавленные военными⁷⁸. Экономическая и политическая уязвимость режима П. Буйои вынудила его в 1991 г. пойти на отказ от этнократической системы. На свободных многопартийных выборах в июне 1993 г. впервые в истории Бурунди президентом был избран умеренный политик-хуту Мельхиор Ндадайе, а его партия (ФРОДЕБУ⁷⁹) получила абсолютное большинство мест в парламенте. Однако процесс демократизации был прерван в октябре 1993 г.: убийство М. Ндадайе группой офицеров-тутси спровоцировало массовые нападения хуту на тутси и ответные репрессии против хуту со стороны бурундийской армии. Итогом стала гибель 150–200 тыс. человек и эмиграция около 700 тыс.; 400 тыс. хуту бежали в Южную Руанду⁸⁰.

Бурундийская трагедия 1993 г. оказалась для Руанды тем ключевым событием, которое сделало сползание руандийского общества к геноциду неизбежным. Можно с полным основанием утверждать, что с конца 1993 г. вся деятельность государственного аппарата сконцентрировалась на подготовке «окончательного решения». Размежевание внутри политического лагеря хуту становится таким четким, как никогда раньше: какие-либо промежуточные оттенки исчезают, конфликт между «патриотами» и «пособниками врага» (любая оппозиция) максимально кристаллизуется⁸¹. Политические и военные структуры, как легальные, так и нелегальные, интенсифицируют усилия, чтобы организовать «народ Руанды» на проведение этнической чистки на всех уровнях, а «патриотические» СМИ стремятся сузить горизонт ожидания общества на одном близящемся «акте освобождения», который, физически уничтожив главный корень всех его бедствий, откроет ему новую историческую перспективу⁸².

⁷⁷ См.: *Reyntjens F.* Burundi... P. 8.

⁷⁸ См.: *Ben Hammouda H.* Op. cit. P. 167.

⁷⁹ Фронт за демократию в Бурунди.

⁸⁰ *Reyntjens F.* Burundi... S. 17.

⁸¹ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 111–116.

⁸² Подробнее см.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 65–86.

Таким образом, бурундийский кризис 1993 г. завел механизм обратного отсчета для «запуска» геноцида в Руанде.

Логика этнократического государства неизбежно ведет его к «окончательному решению» этнического вопроса и одновременно препятствует этому решению. Выход из такого субстанционального противоречия обычно заключается в «селективном геноциде», позволяющем сохранять относительное равновесие внутри этнократической системы. Механизм этнополитической взаимозависимости группы государств зоны Великих озер через каналы миграции беженцев разрушил это равновесие, и поэтому именно его можно назвать фундаментальной причиной руандийского геноцида.

В ситуации конца 1993 — начала 1994 г. последним препятствием на этом «пути в никуда» могло стать только внешнее вмешательство. И речь идет здесь не о той роли, которую могли бы сыграть, но так и не сыграли, миротворцы ООН, введенные в Руанду по соглашению в Аруше: нет никаких оснований полагать, что, если бы отчаянные призывы генерала Р. Даллэра, командующего миротворческим контингентом, пробили бы стену нежелания великих держав вмешиваться в руандийские дела⁸³, это остановило бы сползание к геноциду. Те авторы, которые акцентируют вину ООН, не учитывают политического и психологического состояния руандийского общества накануне геноцида — «окончательное решение» стало теперь основным смыслом его существования. Речь идет о внешнеполитических гарантиях этнократического режима со стороны того или иного государства-покровителя, о гарантиях, которые могли бы нейтрализовать те угрозы, с которыми он столкнулся, — и исходящую от РПФ, который активизировал в 1992–1993 гг. свою деятельность на севере Руанды, и исходящую от внутренней умеренной оппозиции: если бы правящая элита избавилась от страха утратить власть, то был бы устранен один из главных источников этнической напряженности. Но в эпоху, последовавшую за окончанием Холодной войны, ни одна великая держава, в том числе Франция, наиболее тесно связанная с режимом

⁸³ См.: **Dallaire R.** Shake Hands with the Devil: The Failure of Humanity in Rwanda. Toronto, 2003.

Ж. Хабиариманы, не была готова осуществить вмешательство в достаточных с точки зрения местной политической элиты масштабах. Можно с большой долей вероятности предположить, что «Турецкая операция»⁸⁴, если бы она была проведена французами не в июне, на завершающем этапе геноцида, а, например, в первые месяцы 1993 г., могла бы сдержать развитие кризиса. Однако новая структура международных отношений, установившаяся в «эпоху надежд», стала фактором, обусловившим превращение последнего десятилетия XX в. в период самых многочисленных, ожесточенных и кровавых гражданских войн в истории Черной Африки⁸⁵.

Таким образом, возможность и неизбежность геноцида обусловило сочетание нескольких факторов — особенности социально-политического развития самой Руанды, система этнополитического взаимодействия государств региона Великих озер и распад относительно жесткой биполярной организации мирового политического пространства. В таком контексте для его «запуска» оставалось лишь найти повод. И таким поводом стал теракт 6 апреля 1994 г., в результате которого погиб президент Ж. Хабиаримана⁸⁶.

⁸⁴ «Турецкая операция» (Operation turquoise) — военная операция, проведенная Францией под эгидой ООН в западных районах Руанды с 22 июня по 21 августа 1994 г. Объявленной ее целью было предотвращение гуманитарной катастрофы в стране, однако, по мнению многих наблюдателей, официальный Париж, создав «зону безопасности» на юго-западе Руанды, пытался таким образом остановить наступление РПФ и спасти этнократический режим хуту. Операция не смогла помешать массовому исходу хуту и успехам РПФ, и в конце августа французские войска были эвакуированы из страны.

⁸⁵ Эта связь хорошо видна, в частности, на примере истории Либерии и Заира. См.: *Hentz J. J. State Collapse and Regional Contagion in Sub-Sahara Africa: Lessons for Zimbabwe // Scientia Militaria. 2004. Vol. 32. № 1. P. 145–149.*

⁸⁶ До сих пор не известно, кто сбил самолет президента при подлете к Кигали. В этом были заинтересованы как РПФ, так и экстремисты-хуту. Последние данные скорее указывают на виновность РПФ. Однако следует также отметить угрозы и «предсказания» гибели Хабиариманы со стороны экстремистски настроенных СМИ (газета «Кунгура», «Радио Тысячи Холмов»), также быстроту и организованность «ответа» на теракт армии и полувоенных формирований. См.: *Meredith M. Op. cit. P. 506–507.*

Особенности руандийского геноцида

События геноцида апреля-июня 1994 г., этого беспрецедентного саморазрушения руандийской нации, освещены и проанализированы в работах многих зарубежных исследователей⁸⁷. Обширная научная и публицистическая литература дает исчерпывающую картину масштабной гуманитарной катастрофы на берегах Великих озер, унесшей около 800 тыс. жизней. Поэтому мы ограничим нашу задачу выявлением тех принципиально важных характеристик геноцида, которые обусловили его долгосрочное влияние на последующее развитие как самой Руанды, так и всего региона в целом.

Тотальность субъекта геноцида

Руандийский геноцид был геноцидом, организованным этнократическим государством. Его каркасом, своеобразной кровеносной системой стали административные, силовые и партийно-политические структуры, аффилированные с ними полувоенные формирования, а также органы пропаганды. Государство, прежде всего в лице своей армии и полиции, выступило в роли непосредственного участника геноцида. Но роль эта не была единственной. Важнейшей функцией руандийского государства стало вовлечение в геноцид всей общины хуту — подавляющей массы населения страны («народа»)⁸⁸. Поэтому события 1994 г. нельзя рассматривать только как «государственный геноцид», подобно Холокосту, — их можно с полным правом назвать и «народным геноцидом».

⁸⁷ См., прежде всего: *Bzaeckman C.* Rwanda: Histoire d'un genocide. P., 1994; *Des Forges A.* Op. cit. P. 180ff; *Gourevitch Ph.* Op. cit; *Keane F.* Season of Blood: A Rwanda Journey. N.Y., 1995; *Maloba W.* When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism and the Genocide in Rwanda. Oxford, 2001; *Melvern L.* A People Betrayed: The Role of the West in Rwanda's Genocide. L, 2000; *Idem.* Conspiracy to Murder: The Rwandan Genocide. L., 2004; *Prunier G.* The Rwanda Crisis... P. 213–214; The Path of a Genocide: the Rwanda Crisis from Uganda to Zaire / ed. by H. Adelman, A. Suhrke. New Brunswick, 1999.

⁸⁸ Согласно данным переписи 1991 г., хуту составляли 91%, а тутси — лишь 8,2% населения Руанды. См.: Case Study: Genocide in Rwanda, 1994 // http://www.gendercide.org/case_rwanda.html.

Свидетельства очевидцев показывают, что на всех уровнях — общенациональном, провинциальном, общинном — административная иерархия организовывала граждан на массовые убийства заранее намеченных жертв⁸⁹. В этой ситуации у каждого рядового гражданина-хуту оставалось гораздо более узкое поле выбора, чем, например, у жителя нацистской Германии в конце 1930-х годов: оно исключало «пассивное соучастие» и сводилось к жесткой альтернативе — прямое участие или открытый отказ, означавший смерть. Такое сужение, навязанное руандийским государством, превратило практически всю общину хуту («народ») в орудие геноцида: режим, стремясь распространить коллективную ответственность за ликвидацию «этноса-врага» на население в целом, пытался тем самым реконституировать этническую идентичность хуту через своеобразное «крещение вражеской кровью»: таким образом выковывалось новое моноэтническое руандийское общество, в особой степени консолидированное, ибо творцом его оказывался теперь каждый хуту.

Административное и идеологическое воздействие государства на граждан, безусловно, сделало возможным предельное расширение субъекта геноцида, однако это расширение не могло состояться, если бы «воздействие» не превратилось во «взаимодействие» между государством и обществом. Действия государственной

⁸⁹ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 234–237. Свидетельство крестьянина-хуту из Кибунго: «Указание сверху было передано местным главам, советникам. Эти советники имели списки тутси, которых следовало убить. Они просто организовали своих подчиненных... Предводители <правящей> партии и милиции собрали всех мужчин деревни. Нам сказали, что у нас есть задача. Нам дали список людей, которых следовало убить. Если нам встречался кто-то из этого списка, мы должны были убить его... Мы должны были являться лично. Мы убили несколько человек, но совместно... Я знал некоторых из них. Они были соседями... Я убивал, потому что был вынужден. Либо я должен был делать это, либо убили бы меня самого. Многих убили за то, что они отказались убивать... <Мой зять> не заслуживал смерти. Он был старым человеком... Мы убили его в его доме. Его вытащили из спальни и убили в гостиной. Эммануэль ударил его первым. Он был предводителем милиции... Что касается меня, я стоял и смотрел. Я ничего не мог сделать» (цит. по: *Meredith M.* Op. cit. P. 516–517).

машины лишь открыли каналы для выхода негативной энергии фрустрированных групп внутри «этнического» большинства и способствовали их политической мобилизации⁹⁰. Организационные и идеологические усилия правящей элиты сомкнулись с социально-психологическими предубеждениями, стереотипами и ожиданиями широких масс населения⁹¹.

Тотальность объекта геноцида

Предшествующий геноциду политический раскол в общине хуту в сочетании с резким сужением возможности политического и физического выбора у каждого гражданина обусловил максимальное расширение понятия «враг» за счет его *политизации*: объектом геноцида стал не только «враждебный этнос» — тутси, но также его политические «пособники» (умеренные политики-хуту) и даже те хуту, которые отказались принимать участие в массовых убийствах. Результатом явилось уничтожение около 50 тыс. хуту⁹².

В то же время в ходе геноцида *этнический* критерий «врага» приобрел абсолютный характер, выйдя за рамки *гендерных* ограничений, освященных традицией, которая гарантировала женщинам определенный «иммунитет» в ходе политических конфликтов. Если первоначально жертвой геноцида стала преимущественно мужская часть общины тутси (в том числе старики и несовершеннолетние)⁹³, то во второй половине мая и июне он распространился и на его женский сегмент⁹⁴. Если в первые полтора месяца наряду с физическим уничтожением мужчин происходило в основном

⁹⁰ См.: Chretien J. P., Dupaquier J.-F., Kabanda M., Ngarambe J. *Rwanda: Les Medias du Genocide. P., 1995.*

⁹¹ *Des Forges A.* Op. cit. P. 260–262.

⁹² См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 263ff.

⁹³ См.: Gender & Catastrophe / ed. by R. Lentin. L., 1997. P. 12; *El-Bushra J.* Transformed Conflict: Some Thoughts on a Gendered Understanding of Conflict Processes // States of Conflict: Gender, Violence and Resistance / ed. by S. Jacobs et al. L., 2000. P. 73.

⁹⁴ См.: *Des Forges A.* Op. cit. P. 295–297.

«психологическое уничтожение»⁹⁵ женщин (вынужденное присутствие и даже участие в убийствах мужчин, изнасилования⁹⁶, сексуальное рабство), то в середине мая, очевидно на общенациональном уровне, было принято решение о «геноциде без исключения». Маховик геноцида, в какой-то момент заведенный, таким образом, неизбежно раскручивался все больше и больше, разрушая все прежде установленные и подкрепленные еще доколониальными поведенческими моделями рамки социальной и политической культуры⁹⁷.

Именно эта тотальность и субъекта, и объекта руандийского геноцида объясняет, почему его логическим следствием стал крах руандийского этнократического государства. Можно сказать, что в период тех страшных «ста дней» государство «изменило самому себе»: оно отказалось от выполнения всех тех функций, которые и делали его государством (поддержание внутреннего порядка, внешняя защита, экономический контроль, социальное обеспечение, образование); его единственной функцией теперь стала организация геноцида, уничтожение определенной части населения, подавление которой и составляло сущность этнократического режима. Сосредоточившись на выполнении этой единственной задачи и задействовав для этого все свои административные ресурсы, руандийское государство истощило свою политическую энергию и психологически обескровило руандийское общество, поскольку организованный им геноцид привел к полной деградации политического и социального бытия. Именно здесь таится скрытая причина стремительного падения этнократического режима. Он оказался совершенно бессильным перед наступлением РПФ, развернувшимся практически сразу после начала геноцида; к концу мая

⁹⁵ Об этом см.: Human Rights Watch, *Shattered Lives: Sexual Violence During the Rwandan Genocide and its Aftermath* // <http://hrw.org/reports/1996/Rwanda.htm>.

⁹⁶ По словам Криса Макгрила, «изнасилование было столь же brutальным орудием геноцида, как и мачете» (*McGreal Ch. A Pearl in Rwanda's Genocide Horror// The Guardian*. 2001. December 5).

⁹⁷ См.: Des Forges A. *Op. cit.* P. 215.

отряды повстанцев-тутси контролировали уже больше половины страны и вели бои на подступах к Кигали. Этнократический режим не смогло спасти даже прямое вмешательство Франции («Турецкая операция, начавшаяся 22 июня): 4 июля войска РПФ овладели столицей, а 18 июля — последним оплотом режима, городом Гизеньи на северо-западе страны.

Крах государства как структуры сопровождался и крахом государства как идеи. В результате геноцида «этническое» сознание полностью восторжествовало над этатистским. Столкнувшись с угрозой утраты власти, политическая элита хуту приняла и осуществила уникальное решение: в июле 1994 г. был организован массовый исход этноса хуту из Руанды, в результате которого страну покинуло несколько миллионов человек. Целью исхода было отделить «народ» от «территории», тем самым лишив государство одного из фундаментальных его признаков. Чтобы не допустить превращения руандийского государства в инструмент политического господства тутси, этнократический режим хуту был готов пойти даже на его временную ликвидацию, на нарушение континуитета политических институтов. «Даже если они (тутси. — *И.К.*), — заявлял один из лидеров хуту, — добьются военной победы, они не получат власти. У нас есть народ. У них — только пули»⁹⁸.

Последствия руандийского геноцида

Можно с полным основанием утверждать, что геноцид 1994 г. оказал огромное воздействие на историю как Руанды, так и стран зоны Великих озер. Масштаб этого воздействия был предопределен системой этнополитического взаимодействия государств этого региона, сложившейся еще в 1960-х годах.

Через традиционные механизмы взаимодействия (потoki беженцев, циркуляция информации) конфликт тутси и хуту вышел за пределы Руанды (и Бурунди): он распространился на Заир, расколов прежде единую местную общину баньярванда (тутси + хуту)⁹⁹, спровоцировал Первую конголезскую гражданскую войну

⁹⁸ Цит. по: *Meredith M.* Op. cit. P. 522.

⁹⁹ Подробно см.: *Lemarchand R.* Patterns of State Collapse... P. 178–181.

и дестабилизировал ситуацию во всем регионе Великих озер, послужив прелюдией «Третьей мировой войны». Руандийский геноцид стал катализатором местных социальных конфликтов, также принимавших традиционную этническую форму, которые вышли на поверхность в условиях кризиса «клептократического режима» маршала Мобуту. В таком контексте распространение руандийской модели этнического противостояния неизбежно принимало характер эпидемии и во многих регионах выражалось в форме символического принятия на себя участниками войны «руандийских этнических ролей». Так, в рамках Итурийского конфликта 1999–2007 гг. (локальный конфликт внутри Второй конголезской гражданской войны) столкнулись местные этнические большинство (ленду, около 700 тыс.) и меньшинство (хема, около 150 тыс.), которые имели общие язык и культуру и практиковали смешанные браки: они различались преимущественно своими занятиями (земледелие у ленду, скотоводство у хема). По свидетельству одного из представителей организации «Хьюман райтс уотч», эти этносы, не имеющие отношения к руандийским «этносам», «теперь (в 2001 г. — **И.К.**) отождествляют себя с категориями «хуту» и «тутси»... Ленду ныне считают себя родственниками хуту, тогда как хема отождествляют себя с тутси. Обе группы долгое время боролись за контроль над землей, но такие формы идентификации и их связь с геноцидом угрожают трансформировать эту борьбу в нечто гораздо более разрушительное»¹⁰⁰.

В то же время руандийский геноцид разрушил систему государств — «сообщающихся сосудов» Руанды и Бурунди и в конечном итоге подорвал сложившуюся в регионе модель этнополитического взаимодействия. Его непосредственным результатом явилось восстановление в Руанде этнократического государства: военная диктатура РПФ стала инструментом господства тутси над хуту¹⁰¹. Таким образом, геноцид первоначально не прервал

¹⁰⁰ Human Rights Watch. Background to the Hema-Lendu Conflict in Uganda-controlled Congo. January 2001 // <http://www.hrw.org/backgrounder/africa/hemabckg.htm>.

¹⁰¹ Особенно после массового возвращения в Руанду беженцев-хуту, начавшегося в ноябре 1996 г.

этнократическую цепь: одна этнократия породила другую. Однако установление в Руанде режима власти меньшинства-тутси превратило ее в этнократического «близнеца» Бурунди. Прекращение процесса «обмена беженцами» ликвидировало ту сущностную связь, которая обеспечивала взаимообусловленность политического развития Руанды и Бурунди — ту взаимообусловленность, которая порождала и укрепляла социально-экономическую, идеологическую и социально-психологическую базу для сохранения в них этнократических режимов. Прежде притягивавшиеся друг к другу, как противоположные полюса, эти государства, став однозначными полюсами, в своем дальнейшем историческом движении пошли каждое своим особым автономным путем. После двух гражданских войн (1996–1997 и 1998–2003 гг.) из этой ловушки регионального этнополитического взаимодействия удалось выбраться и Заиру (ДРК).

Разрушение системы «переливающегося насилия» явилось главной причиной того, что четыре страны, бывшие на протяжении четырех десятилетий ее пленниками (Бурунди, Руанда, Заир, Уганда), встали в начале XXI в. (Уганда еще в 1990-х годах¹⁰²) на путь национального примирения и — в той или иной степени — демократизации. Даже в Руанде, которой история отвела роль эпицентра кризиса 1990-х годов, режим П. Кагаме, сохраняя в целом свой авторитарный характер, предпринял ряд мер по частичной политической либерализации и избавлению страны от наследия этнического противостояния (массовое возвращение беженцев с 1996 г., допуск политической оппозиции к участию в выборах 2003 г., конституционная поправка 2004 г. о запрете политической мобилизации по этническому принципу, отмена смертной казни в 2007 г.). Режим Й. Мусевени в Уганде, сохраняющий полуавторитарный характер, в июле 2005 г. снял, наконец, ограничения на деятельность политических партий. В ДРК, несмотря на трудности начавшегося в 2003 г. переходного периода и сохранение локальных очагов конфликта (в Северном и Южном Киву, в Итури, в Северной Катанге), удалось реализовать компромиссную политическую модель,

основанную на частичной децентрализации и разделе полномочий между президентом и премьер-министром, ответственным перед нижней палатой (конституция 2006 г.)¹⁰³. Выборы 2006 г. привели к созданию многопартийного парламента, в котором партия президента Жозефа Кабилы (Народное движение за реконструкцию и демократию) не имеет абсолютного большинства, и многопартийного правительства, возглавленного ветераном заирской политики Антуаном Гизенгой, лидером Единой лумумбистской партии. При всей хрупкости нынешней конголезской демократии (трудности интеграции партизанских соединений в армию, конфликт между властями и главной оппозиционной силой — Движением за освобождение Конго Ж.-П. Бембы Гомбо — в марте—апреле 2007 г.) эти изменения стали знаковыми для истории независимого Заира, в которой гражданские войны чередовались с военными диктатурами. Но наиболее впечатляющие успехи продемонстрировала Республика Бурунди, которая впервые после 1966 г. отказалась от этнократической системы: в 2003 г. бывший военный диктатор П. Буйоя, вновь захвативший власть в 1996 г., передал власть Домисьену Ндайизейе, лидеру партии ФРОДЕБУ, представляющей умеренное крыло общины хуту. Политический компромисс между двумя «этносомами» был закреплен переходной конституцией 2004 г., установившей принцип 60% хуту — 40% тутси для их представительства в правительстве (ст. 129), государственном секторе (ст. 143) и в парламенте (ст. 164)¹⁰⁴; в правительстве имеют право участвовать все партии, набравшие на выборах более 5%. В результате президентских выборов 2005 г. главой государства стал бывший лидер главной группировки мятежников-хуту Пьер Нкурунзиза. Таким образом, руандийский геноцид, оказавшийся логическим результатом и высшей точкой развития этнократической системы, обусловил в итоге ее постепенное размывание в Руанде и полную ликвидацию в Бурунди.

¹⁰³ См.: Constitution de la Republique Democratique du Congo. Kinshasa, 2006. P. 3–4, 19–52.

¹⁰⁴ Loi № 1/018 du 20 octobre 2004 portant promulgation de la Constitution interimaire post-transition de la Republique du Burundi // burundi.news.free.fr/actualites/constitutionbu.html.

Геноцид в Руанде и инициированная им цепь событий в зоне Великих озер в конце XX — начале XXI в. показывают, насколько извилистыми и порой непредсказуемыми путями идет история. Они еще раз свидетельствуют, как часто неоднозначна роль переломных исторических событий. Геноцид 1994 г. и «Третья мировая война», унесшие миллионы жизней и принесшие неисчислимые человеческие страдания, а в глобальном масштабе продемонстрировавшие мрачную изнанку эпохи глобализации, в то же время сломали порочный и утвердившийся механизм переливающегося этнополитического насилия в этом регионе. В такой перспективе 1990-е годы по отношению к Черной Африке можно воспринимать не только как «потерянное десятилетие», но и в определенной степени как период разрушения рожденных еще при колониализме и поддерживавшихся в эпоху биполярного противостояния политических структур и механизмов — как государственных, так и межгосударственных — и в этом смысле как продолжение далеко не завершенного процесса деколонизации. Гражданские войны конца XX — начала XXI в., нанесящие огромный ущерб континенту в экономическом и гуманитарном измерении, в то же время способствовали максимально быстрой «расчистке» африканского политического и социально-экономического поля от прежних элит и укоренившихся моделей отношений.

© Кривушин И.В., 2009

Л.В. Иванова
Сомалийская диаспора в Великобритании

Белые британцы впервые в истории Великобритании, согласно переписи населения 2003 г., оказались меньшинством в двух районах Лондона: Восточном (Ньюэм) и Северном (Брент). В первом они составляют 40%, во втором — 45% жителей¹. С 1991 г. количество иммигрантов в Великобритании увеличилось на 400 тыс. человек. По статистике ООН, каждый четвертый беженец, просящий пристанища в Европе, оседает в Великобритании. Каждые четыре минуты в Великобританию прибывает беженец². 9 из 10 беженцев, которым было приказано покинуть Великобританию, остаются жить нелегально. Один из пяти лондонцев является представителем расового меньшинства³. Комментируя этот факт, Р. Бертхуд, профессор Института социальных и экономических исследований в Университете Эссекса, отметил, что впервые в истории Великобритании большинство чернокожих и азиатов на вопрос «Откуда Вы?» ответят «Отсюда»⁴. По итогам переписи населения, проведенной в мае 2003 г. в Великобритании, газета «Эффрикэн Таймс» заявляет на первой странице о том, что «африканцы составляют одну из самых здоровых, материально обеспеченных и образованных групп населения в Великобритании»⁵.

¹ См.: *Syson N.* Whites Become an Ethnic Minority // The Sun. 14.02.2003. P 29.

² См.: *Wooding D.* Immigration Madness // The Sun. 22.04.2003. P. 2.

³ В большинстве случаев — индийцы и чернокожие из стран Карибского бассейна.

⁴ *Frean A.* Black Africans in Britain Lead Way in Education // The Times. 08.05.2003 P. 12.

Сомалийская диаспора, рассеявшаяся по разным странам мира, за последние 20 лет увеличилась более чем в 10 раз. По данным ООН, численность только сомалийских беженцев возросла с 2 млн в 1975 г. до 22 млн в 2001 г. Подобное увеличение связано с политической и экономической нестабильностью внутри Сомали, серией неудачных попыток сформировать правительство и смягчить клановые противоречия. Помимо беженцев и вынужденных переселенцев из Сомали, существует и другая категория сомалийцев, которые, будучи кочевниками по своей природе, имеют склонность к перемене мест. Эта категория всеми правдами и неправдами, «теряя паспорта», меняя имена, фамилии, стремится выехать из страны и на начальном этапе воспользоваться привилегиями статуса беженцев и лиц, просящих убежища. Таким образом, сомалийская диаспора по своей численности к настоящему моменту едва ли не превышает численность населения, оставшегося на территории Сомали⁶.

В Великобритании мы можем проследить складывание и функционирование относительно молодой, находящейся на начальном этапе формирования сомалийской диаспоры.

Для исследователей сразу же возникает проблема: с одной стороны, сомалийцы не вполне подходят под определение «чернокожего меньшинства» (Black Minority), более того — сами они дистанцируют себя от «африканцев»⁷; с другой стороны, сомалийцы

⁶ Подобных точных расчетов не производилось, однако следует учитывать высокую смертность в Сомали и относительно невысокую смертность в странах расселения сомалийской диаспоры.

⁷ Рассуждения об «африканскости» сомалийцев неизбежно приведет нас к проблеме сомалийцев-банту, проживающих в Кении и приграничных районах с Сомали. Сомалийцы-банту традиционно занимают невысокое положение в сомалийском обществе (до недавнего времени они использовались в качестве рабов). С начала 1990-х годов большая часть сомалийцев-банту получила пристанище в лагерях беженцев в Кении, Танзании и других африканских странах, спасаясь от нападений сомалийцев. УВК ООН по делам беженцев помогает им получить статус беженцев в европейских странах, США, Канаде. Это, в свою очередь, становится поводом для обмана иммиграционных служб, к которому прибегают сомалийцы, желающие иммигрировать, идентифицируя себя как «сомали-банту» или членов кланов, традиционно подвергающихся дискриминации в сомалийском обществе (мидган, тумал и др.).

считают себя частью «мусульманского сообщества» (Muslim communities), но в то же время различия между ними и арабоязычными народами довольно сильны. При статистических опросах с сомалийцами возникает та же проблема (ситуация впервые возникла в процессе переписи 1991 г.) — отсутствие в анкетах графы для идентификации сомалийцев; тогда было решено ввести графы «чернокожие африканцы» и «другие чернокожие»⁸.

Появление сомалийской диаспоры в Великобритании

Первые сомалийцы начали прибывать в Великобританию с XIX в. Это были уроженцы Сомалиленда, протектората Великобритании. Они работали матросами на торговых кораблях, селились в портовых городах, в Ливерпуле, Кардиффе. Сомалийцы редко вступали в контакт с местным населением. Их основная цель была заработать деньги для содержания собственных семей на родине. Сомалийские матросы не стремились осесть в Британии, не учили английский язык, не устанавливали связи с местными сообществами, не организовывали собственных объединений⁹.

В начале XX в. уже можно было увидеть несколько сомалийских ресторанов и ночных клубов в портовых городах Великобритании, однако они были закрыты вскоре после прекращения деятельности британского торгового судоходства в 1950-х годах. В связи с этим начали проводиться сокращения портовых рабочих, и сомалийцам было трудно адаптироваться к другим видам деятельности.

Во второй половине XX в. сомалийцы начинают переселяться из портовых городов в промышленные — Бирмингем, Лондон, Шеффилд, Манчестер. С этого времени к осевшим сомалийцам

⁸ См.: Needs Assessment of Somali Young People Living in Tower Hamlets. 2001–2002. Completed by the Centre for Social and Evaluation Research, London Metropolitan University for the Somali Education and Cultural Project. L., 2002.

⁹ Сохранились записи о сомалийцах, которых вербовали в солдаты для участия в Первой мировой войне: *Khan S., Jones A.* Somalis in Camden: Challenges Faced by an Emerging Community // <http://www.cwgc.org>.

начинают переезжать жены с детьми. Возможно, именно на этом этапе начинает складываться сомалийская диаспора. В 1981 г. в Лондоне на конференции, организованной выходцами из Сомалиленда, проживающими в Великобритании, было образовано Национальное движение Сомали (Somali National Movement, SNM)¹⁰.

Конец 1980-х годов знаменуется большим потоком беженцев из Сомали, ищущими убежища в Великобритании от ужасов гражданской войны на родине. В основном это были представители клана исаак из северного Сомали, спасающиеся от диктаторского режима Сиада Барре. С 1989 г. в Великобритании было получено 54 тыс. прошений об убежище от сомалийских граждан¹¹. В начале 1990-х годов из-за усиления в Сомали вооруженных конфликтов в Великобританию начали приезжать беженцы из южных районов страны, бывшего итальянского протектората. Между 1992 и 2002 гг. гражданами Великобритании стали около 43 тыс. сомалийцев. Считается, что большая часть (90–95%) сомалийцев, в настоящее время находящихся в Великобритании, приехали в начале 1990-х годов¹².

Рубеж XXI в. характеризуется прибытием в Великобританию сомалийцев, уже получивших статус беженцев в других европейских странах, таких, как Нидерланды, Швеция, Норвегия и Дания.

Табл. 1 дает представление о сомалийской диаспоре в целом на 2000 г., однако последующие годы внесли значительные коррективы в статистические данные¹³. Так, например, в Великобритании в 2001 г., согласно переписи, насчитывалось 43 691 сомалийцев, в то время как реальная численность выходцев из Сомали оценивалась

¹⁰ Это же движение сформировало первое правительство Сомалиленда и объявило о независимости своего государства в 1991 г.

¹¹ См.: **Rutter J.** Refugee Communities in the UK: Somali Children's Educational Progress and Life Experiences. L., 2004.

¹² См.: **Sporton D., Valentine G.** Identities on the Move: the Integration Experiences of Somali Refugee and Asylum Seeker Young People. 2007 // identities. group.shef.ac.uk.

¹³ Многие из этих цифр являются предположительными и требуют проверки. Приведенные статистические данные указаны в статье по Сомали в электронной энциклопедии «Википедия»: www.wikipedia.com.

между 95 и 250 тыс. человек. В 2005 г. в Нидерландах насчитывалось около 22 тыс. сомалийцев, в Норвегии — около 20 тыс. (в 2007 г.), в Дании в 2006 г. — около 17 тыс., в Швеции в 2004 г. — около 15 тыс. сомалийцев. В США между 1992 и 2005 гг. было зарегистрировано около 65 тыс. сомалийских беженцев (эти данные не включают сомалийских детей, родившихся в США).

Таблица 1

Численность сомалийцев в диаспоре по странам.

Данные на 2000 г.¹⁴ (тыс. человек)

Страна	Численность	Страна	Численность
Канада	30	Дания	14
США	25	Швеция	12
Нидерланды	25	Германия	8,4
ОАЭ	25	Швейцария	5,4
Саудовская Аравия	20	Финляндия	5,3
Великобритания	20	Норвегия	4
Италия	20	Австралия	2

В Великобритании сомалийцы селятся в Шеффилде, Лондоне, Ливерпуле, Кардиффе, Бирмингеме, Манчестере и Лейстере¹⁵. В Шеффилде сомалийцы живут с 1930-х годов, и сейчас там насчитывается

¹⁴ См.: *Perouse de Montclos M.-A.* A Refugee Diaspora: When the Somali Goes West // *New African Diasporas* / ed. by Khalid Koser. L., 2002.

¹⁵ Проводилось несколько исследований сомалийских общин в отдельных городах и районах. См.: *Ahmed E.A.* Educational and Training Needs of the Somali Community in South Glamorgan. Cardiff, Welsh Joint Education Committee. N.d.; *Ahmed I.I.* Feeling Exclusion? A Survey of the Somali Community in Lewisham. L., 1998; *El-Sohl C. F.* Somalis in London's East End: a Community Striving for Recognition // *New Community*. 1991. No. 17; *Griffiths D.* Somali Refugees in Tower Hamlets: Clanship and New Identities // *New Community*. 1997. No. 23; *Holman C., Holman N.* First Steps in a New Country: Baseline Indicators for the Somali Community in the London Borough of Hackney. April 2003 // <http://www.researchasylum.org.uk/?lid=75>; *Shire S.A.* Community Participation in Decision Making — A guide for the Somali Community in Tower Hamlets. L., 1999; *Nielsen K. B.* Next Stop Britain: The Influence of Transnational Networks on the Secondary Movement of Danish Somalis // *Sussex Migration Working Paper*. Brighton, University of Sussex. 2004. No. 22; *Young M.* Acculturation, Identity and Well-being: the Adjustment of Somalian Refugees // *Sante Ment Que.* 1996. Vol. 21. No. 1.

от 3 до 12 тыс. человек. С 2001 г. 10 тыс. сомалийцев, граждан Европейского Союза, приехали из Нидерландов в Лейстер. Основными причинами их переезда было недовольство культурной политикой правительства этой страны по отношению к иммигрантам¹⁶. Нидерландская культурная политика, по их мнению, направлена более на ассимиляцию, нежели интеграцию, что негативно влияет на национальное самосознание иммигрантов и возможности его проявления. Сомалийцы отмечают высокий рост политического экстремизма в Нидерландах, сильную дискриминацию мусульманского населения и свободу гомосексуальных связей и союзов¹⁷.

¹⁶ Memorandum. Leicester City Council, представленный отборочный комитет Парламента. 2004 // <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200405/cmselect/cmhaff/165ii/165we22.htm>.

¹⁷ В ноябре 2007 г. интернет-пользователи узнали о проблемах сомалийцев гомосексуальной ориентации после появления публикации на сайте UKBlackOut (Somali Online Gay Community Causing Worldwide Outrage) 27 ноября 2007 г. Статья была перепечатана на самом популярном среди сомалийцев сайте www.hiiraan.com, что вызвало бурю протеста посетителей этого сайта. Комментарии на эту статью последовали незамедлительно: «сомалийцев-гомосексуалов надо вылавливать на улицах и забивать камнями», «это западная болезнь», «увидю на улице — зарежу и скормлю собакам». На интернет-форуме под этой публикацией сомалийцы из Северного Сомали указывали на происхождение гомосексуалов из южных районов страны. Эта проблема взволновала сомалийских интернет-пользователей более, чем клановые разногласия. Эндрю Принс, создатель сайта гомосексуалов-сомалийцев и автор вышеупомянутой статьи, рассказывает о многочисленных попытках уничтожить сайт и угрозах, адресованных ему лично. Однако как представитель сексуального меньшинства Лондона он готов помогать сомалийскому сексуальному меньшинству. Он считает, что ажиотаж, который подняли противники однополых связей вокруг сайта, лишь придал ему популярность. По мнению посетителей сайта, «сомалийцы, которые смогли вырваться из страны, охваченной войной и избежать смерти, попадают в другие сети — гомосексуализм». Посетители уверены, что запуск подобного веб-сайта был сделан не по инициативе сомалийцев, их просто сделали его героями, чтобы привлечь внимание к теме гомосексуализма и показать его распространение по всему миру. Однако для некоторых сомалийцев появился еще один возможный пункт дискриминации, если они хотят иммигрировать на Запад, — гонения со стороны соотечественников в связи с их сексуальной ориентацией.

Они также выражают недовольство системой образования. Тем не менее европейское гражданство в Нидерландах сомалийцам оказывается получить легче, чем в Великобритании, отчасти благодаря все тем же отмечаемым ими недостаткам, которые становятся преимуществами при получении гражданства Нидерландов. Исследования, проведенные среди сомалийских беженцев в европейских странах, свидетельствуют об их предпочтении жить в Великобритании, нежели в континентальных европейских странах. В Великобритании, проживая в «этнических» районах¹⁸, сомалийцы чувствуют себя «как в Сомали» и могут сохранять это ощущение, минимально (особенно женщины-домохозяйки) вступая в контакт с местными населением. В других странах политика ассимиляции, проводимая государством, препятствует этнической обособленности иммигрантов. Так, сомалийцы, проживающие в Нидерландах, идентифицируют себя в первую очередь как граждан Нидерландов, а потом уже как граждан Сомали, затем называют клан и религиозную принадлежность.

Культурная адаптация

Великобритания, по данным энциклопедии «Википедия», занимает второе место по численности сомалийских иммигрантов после Канады. Численность сомалийской общины в Великобритании больше, чем численность бангладешцев, пакистанцев или китайцев. Тем не менее на улицах Лондона мы можем увидеть значительное количество индийских и азиатских ресторанов и магазинов, в то время как сомалийские рестораны и магазины встречаются только в «этнических» районах, где проживает сомалийская община. Один из таких районов — Уэмбли на северо-востоке Лондона¹⁹.

¹⁸ Сомалийцы обычно проживают рядом с индийцами, пакистанцами, бангладешцами, реже — с иммигрантами из арабских стран.

¹⁹ В 2003 г. в Лондоне вышла книга «Мультикультурный Лондон», которая дает краткое описание и контактную информацию об иностранных организациях (ресторанах, магазинах, центрах и т.п.), зарегистрированных в Лондоне. В Уэмбли в редакции сомалийской газеты «Джамхурия» («Республика»), издающейся на английском и сомалийском языках, мне дали путеводитель по сомалийским организациям, центрам, магазинам, различным сервисным службам, которыми занимаются сомалийцы в Лондоне и его пригородах. Объем путеводителя — 70 страниц (представлено около 200 компаний).

Начало реконструкции стадиона Уэмбли и прилегающих к нему районов для многих сомалийских бизнесменов — владельцев магазинов, ресторанов, телекоммуникационных компаний, компаний по продаже авиабилетов, переводу денег, стало катастрофой. Наряду с Саутхоллом и восточным Лондоном, район Уэмбли на протяжении полувека был центром, где проживали и работали сомалийцы. Сюда они прибывали прямо из аэропортов, здесь проходили начальную адаптацию, оставаясь в окружении своих соотечественников, здесь зарабатывали деньги, открывая частные компании. Так, ведущий местного радио сомалиец А. Осман, автор статьи о сомалийской диаспоре в Великобритании, считает, что сомалийцы помогли Великобритании, «способствуя развитию старых кварталов, расцвету городов благодаря открытию ресторанов, кафе, сомалийских культурных центров»²⁰.

Присутствие сомалийцев в некоторых районах Лондона становится заметным по вывескам компаний (на языке сомали), занимающихся переводом денежных средств. Средства, посылаемые сомалийцами из разных точек мира в Сомали через «свои» компании, доходят обычно быстрее, чем через популярную среди иммигрантов систему перевода денег «Вестерн Юнион». «Хавала» (hawala) — организация, осуществляющая перевод денег, ее филиалы можно увидеть во всех районах Великобритании, где проживают сомалийцы. Переслать деньги своим родственникам они могут даже в лагеря беженцев в Африке, достаточно назвать полное имя и клан (подклан), что равнозначно названиям улиц и номерам домов в мегаполисе.

В Великобритании функционируют несколько десятков сомалийских организаций различного уровня. Наиболее известная организация в Лондоне — «Оксфорд Хаус», расположенный в районе Бетнал Грин, где 44% жителей являются представителями различных этнических групп. Эта организация проводит выставки

²⁰ **Osman A. O.** (Eng. Yarisow). UK Valuable Contributions Made By Somali Diaspora in the UK. July 22, 2008.

художников диаспор (не только сомалийской), выпускает и распространяет брошюры в помощь беженцам из Сомали, адаптирующимся в Великобритании, проводит вечера отдыха для сомалийских семей. В этом же районе открыты другие организации, например, помощи сомалийским женщинам и детям, клубы, кафе. Среди посетителей сомалийских ресторанов и кафе редко можно увидеть несомалийцев. В 1962 г. в Великобритании было создано Англо-Сомалийское общество дружбы, уставные цели которого — укреплять взаимопонимание между сомалийцами и британцами, развивать культурные и общественные отношения. Электронный сайт этой организации не обновляется и не содержит ссылок на какие-либо мероприятия, проводимые сомалийской диаспорой Великобритании. Общество не представляет интересов какой-либо определенной группы сомалийского общества и, по-видимому, не принимает действенного участия в процессе культурной адаптации сомалийцев к местному сообществу.

Сомалийские центры в Великобритании активно сотрудничают с организациями в Сомали. Из Великобритании вещает спутниковый сомалийский телевизионный канал «Юниверсал ТВ». В то время как в самом Сомали закрываются радиостанции, сомалийцы, находясь в диаспоре, основывают новые радиостанции. «Далад рейдио» было открыто сомалийским сообществом Великобритании для иммигрантов из Сомали и действует в рамках программы прав человека, свободы вещания и свободы слова²¹. Работники радиостанции — добровольцы и работают на безвозмездной основе, они освещают местные, национальные новости, предоставляют эфир сомалийским организациям и центрам. Вообще сила слова для сомалийцев чрезвычайно значима. Принимая во внимание младописьменность сомалийского языка и невысокую грамотность сомалийцев, не удивителен тот факт, что книги или постеры, разосланные по почте, скорее всего не привлекут внимания сомалийцев, в то время как несколько часов

²¹ См.: *Yusuf D.* UK refugee radio for Somalis launched. December 9, 2007 // http://www.mediahelpingmedia.org/component/option,com_comproffler/task,userProfile/user,434/Itemid,199/.

вещания БиБиСи в день соберут слушателей у радиоточки, будь то каат-хаус²², кафе или обычный дом. В Великобритании издается несколько сомалийских газет, часть которых вывозится в Сомали, часть предназначена для членов диаспоры. Но и газеты, как оказывается на практике, для сомалийцев предпочтительнее обсуждать и читать вслух, нежели обдумывать в одиночестве. Вообще для сомалийцев типично проживание группами, основанными на клановом родстве. Система взаимовыручки достаточно сильна, однако тоже имеет свои пределы. Финансовые ожидания оставшихся в Сомали порой значительно превосходят доходы иммигрировавших родственников. Это нередко ведет к психологическому кризису и нетипичной реакции среди сомалийцев. Количество сомалийских иммигрантов, пытавшихся удачно или неудачно покончить жизнь самоубийством, в Великобритании за последние 10 лет значительно выросло²³. Они сводят счеты с жизнью, бросаясь под поезда метро или вешаясь в публичных местах. Причем эти люди обычно не имеют жалоб на состояние здоровья (лечебные заведения Великобритании отказываются считать стресс такого рода болезнью и, соответственно, лечить²⁴). Самоубийство само по себе является необычным явлением для культуры народов Африканского Рога, тем более что для мусульман, которыми являются сомалийцы, это запрещено религией. Автор исследования на эту тему Фадумо Омар провела несколько интервью с сомалийцами. Большинство из опрошенных считают, что самоубийство — это болезнь, которой можно заразиться лишь в западных странах.

Основная проблема беженцев и иммигрантов, по мнению персонала организаций, осуществляющих психологическую помощь

²² Место, где сомалийцы собираются для обсуждения проблем и при этом жуют листья каата (qaat) — растения, привезенного из Сомали и Эфиопии. Листья ката запрещены для ввоза в ряд европейских стран, но разрешены для ввоза в Великобританию.

²³ См.: *Fadumo Omar M.* Depression and Suicide among Male Somali Immigrants // Journal of the Anglo-Somali Society. Spring 2003. No. 33. P. 39–41.

²⁴ Со статьей на эту тему можно ознакомиться на сайте www.guardian.co.uk: NHS Psychologists Refuse to Treat 'Traumatised' Asylum Seekers.

иммигрантам, помимо культурного шока и экстремальных обстоятельств их прибытия в Великобританию, заключается в неумении сочетать свои амбиции и способности²⁵. Это касается в основном молодых людей, которые не сразу осознают, что понятие об образованности существенно отличается в разных странах. Некоторые культурные особенности мешают проведению полноценного интервью для приема на работу: будущие работницы избегают прямых взглядов, говорят тихо, неуверенно, не умеют рассказать о своих способностях. Принимающим обществом часто недооценивается шок, который переживают иммигранты, приезжающие из районов боевых действий. Но и не только оттуда. Неожиданный наплыв информации, стремительный темп западной жизни — все это значительно сказывается на психике иммигрантов, как зрелых людей, так и молодежи. Так, матери боятся за своих детей из-за повышенного внимания СМИ к педофилии, которая имеет место в британском обществе. Они опасаются за психическое состояние детей из-за массовых истерий, которые периодически разжигают СМИ.

Популярностью среди сомалийцев в диаспоре пользуются специальности, связанные с программированием, лечебным делом и вождением автотранспорта. Большинство сомалийцев (особенно на начальном этапе их адаптации) устраиваются работать в организации, имеющие дело с потребителями-сомалийцами. Современный образ Сомали как страны, нежелательной для туризма, чьи жители промышляют пиратством и похищением иностранцев, не способствует высокому авторитету сомалийской диаспоры в мире.

²⁵ В 1997 г. в Западном Лондоне была основана организация помощи беженцам и инвалидам «Раад», ее возглавляет сомалийка — выпускница Московского медицинского института Ф. Адам, в то же время одна из учредителей университета Харгейсы (столичного университета Сомалиленда, функционирующего на средства сомалийской диаспоры). Основное направление деятельности «Раад», как и многих других организаций помощи беженцам в Великобритании, — помочь беженцам улучшить свои профессиональные навыки и найти достойное место работы. Организация обеспечивает своих подопечных информацией о спросе на рынке труда, предлагает им пройти курсы по переквалификации, компьютерные курсы, курсы вождения автотранспорта.

В частности, с этим сталкиваются члены сомалийской диаспоры при поступлении на работу в местные (британские) организации. В Великобритании, как и в других европейских странах, проводятся программы по воспитанию толерантности в обществе. С одной стороны, они способствуют расширению знаний о «чужаках», с другой — предупреждают о возможных трудностях в общении с ними, в частности при приеме их на работу. Так, в докладе, обращенном к правительству Великобритании, выработанном на конференции чернокожих рабочих (апрель 2003 г.), даются рекомендации, где и как проявлять расовую, этническую и религиозную толерантность:

«— должны назначаться чернокожие менеджеры и ответственные сотрудники, которые непосредственно контролируют чернокожих рабочих;

— должны предоставляться отчеты с указанием сроков, условий и оплаты труда;

— сотрудники не должны стесняться выражать свои культурные особенности и стремиться раствориться среди персонала;

— наниматели должны учитывать культурные особенности своих сотрудников, предоставлять им выходные во время религиозных праздников, учитывать их культурные особенности при выборе униформы, особенности питания»²⁶.

Другими словами, при полном соблюдении вышеуказанных предписаний процесс обслуживания разнообразных интересов служащих потребует куда больше времени и усилий, чем сам процесс производства. А какой тогда должна быть униформа, чтобы угодить всем? Ее тогда просто быть не должно, все заменит безграничное «культурное разнообразие»²⁷. Согласно новым постановлениям в отношении работодателей, принятым Европейским Сообществом в 2003 г., работодатели теперь должны доказывать, что они не дискриминируют своих работников по расовым признакам, сами же

²⁶ The Long Road to Equality: www.tuc.org.uk/equality/tuc-6536-ro.cfm.

²⁷ См.: **Dillsworth L.** Burden Changes in Racism Cases // *New Nation*. 16.06.2003. P. 2.

работники вовсе не обязаны доказывать, что подвергались дискриминации²⁸.

Лондонские власти, реализуя принципы мультикультурализма, в 2003 г. начали вербовать для работы в полиции представителей различных этнических групп, проживающих в столице. Их работа в полиции, по мнению властей, должна повысить эффективность работы полиции и повысить доверие представителей этнических групп²⁹.

Районные библиотеки (доступные любому человеку, постоянно или временно проживающему в данном районе) принимают активное участие в пропаганде и организации межкультурных мероприятий, членства в различных этнических ассоциациях и т.п. Здесь можно найти огромное количество романов, написанных чернокожими авторами, литературы сексуальных меньшинств, в том числе и чернокожих. Обязательна видеоколлекция, в которой обычно более трети фильмов — индийские, причем некоторые без перевода на английский язык. Детский отдел библиотеки (чаще напоминающий детскую игровую комнату) полон этнической литературы, сюда регулярно приходят послушать сказки ученики районных школ (любых конфессий), к ним могут присоединиться и случайно оказавшиеся посетители библиотеки³⁰.

Религиозная адаптация

Для сомалийцев культурная адаптация неразрывно связана с религиозной адаптацией. Сомалийцы исповедуют ислам суннитского

²⁸ Dillsworth L. *Op. cit.* P. 2.

²⁹ Предполагается платить полицейским по 350 фунтов стерлингов за каждого представителя этнического меньшинства, которого им удастся привлечь к работе в полиции. См.: **Ludlow M.** Police Offered 350-pounds-a-head Bounty for Ethnic Recruits // The Sunday Times. 18.05.2003. P. 20.

³⁰ Во время проходившего в октябре 2003 г. «Месячника черной истории» в Лондоне я посетила одну из библиотек, где две сомалийки проводили вечер сомалийской сказки для детей на английском языке. Представление было организовано в духе домашней театральной постановки, женщины демонстрировали сомалийскую одежду, предметы быта, фотографии. Их увлеченность вызвала восторг у детей и их родителей, которые задавали ведущим много вопросов о сомалийской культуре.

толка, и их переход в другое вероисповедание — явление крайне редкое, христианские проповеди на языке сомали встретить можно редко, и то не по инициативе самих сомалийцев.

В прессе и масс-медиа, где говорится о проблемах мусульман в Великобритании, редко делается различие между белыми и черными мусульманами. В Лондоне насчитывается самое большое число обращенных мусульман (около 100 тыс. белых британцев и 35 тыс. чернокожих иммигрантов с Карибских островов), более 2300 ресторанов халяль-еды.

Помощь в адаптации иммигрантам-мусульманам в большинстве случаев сужается до деятельности отдельных этнических центров. В последнее время в Великобритании возникла необходимость поиска соответствия британской юридической системы и традиционной системы мусульманского законодательства в связи с ростом совершения преступлений внутри мусульманской общины, ростом разводов и споров о наследстве. Для сомалийцев невозможность урегулирования этой ситуации усугубляется и тем, что немаловажную роль в решении проблем индивида традиционно играет клановый совет. В некоторых городах Великобритании, например Лейтоне и Бирмингеме, где велика численность мусульманского населения, существуют исламские советы, разрешающие разногласия согласно нормам шариата. Они не вступают в разногласие с системой правосудия в Великобритании, однако конфликтующие стороны не всегда учитывают, что решение суда шариата недействительно для британского правосудия, и если спор урегулирован внутри общины, то стороны должны предстать перед светским судом. То же относится и к решениям исламских судов о разводах и наследстве, которые не имеют официально юридической силы в Великобритании.

Гендерные проблемы сомалийской диаспоры

Адаптация сомалийской диаспоры происходит не столько к типично английской культуре, сколько к смеси различных культур и их производных. Как следствие «группового» образа жизни склонность к смешанным бракам среди сомалийцев невысока, всегда можно найти «подходящего» брачного партнера в ближайшем

окружении. Сомалийцы редко заключают браки с мусульманами других национальностей. Женщины и девушки более склонны сохранять традиционный уклад жизни, чем сомалийские мужчины. Девушек, выезжающих из Сомали, передают под контроль родственников, дают им много инструкций в отличие от уезжающих молодых людей, контроль поведения которых значительно слабее. За рубежом большинство сомалиек продолжают носить хиджаб, пытаясь частично оградить себя от контактов с местным немусульманским сообществом³¹. Некоторые сомалийцы-информанты видят символ укрепления позиций ислама в Великобритании в носящих хиджаб сомалийках на улицах этой страны. В то же самое время ношение хиджаба сомалийскими школьницами в обычных (немусульманских) школах становится причиной конфликтов и дискуссий о свободе выражения религиозной принадлежности как на уровне учеников, так и учителей. Для некоторых сомалиек ношение хиджаба становится менее обязательным по мере их адаптации к новой стране и условиям проживания.

Многие сомалийки приезжают в Великобританию, не только не зная английский язык, но и не умея писать на своем собственном языке. Они не могут прочесть письма, присылаемые из школы, не могут помочь детям с выполнением домашних заданий. Сомалийские дома обычно перенаселены, и школьники не имеют возможности сосредоточиться на выполнении домашних заданий. Начального образования, полученного в Сомали, оказывается недостаточно, чтобы влиться в учебный процесс в чужой стране. Исследований о том, как можно повысить эффективность обучения детей иммигрантов, много — в основном это исследования районного масштаба. Их рекомендации обычно сводятся к тому, что необходимо активно вовлекать родителей в процесс обучения их детей либо привлекать для работы в британские школы, где обучаются сомалийские дети, преподавателей-сомалийцев и менторов³².

Положение сомалийской женщины в диаспоре за последние несколько лет существенно изменилось. Исследователи этой проблемы

³¹ См.: *McGown R.B.* Muslims in the Diaspora: The Somali Communities of London and Toronto. Toronto, 1999.

³² См., напр.: *Kahin M.H.* Educating Somali Children in Britain, L., 1997.

приходят к выводу о кризисе маскулинности в сомалийской диаспоре, где женщины все чаще выступают «главами семей»³³. В диаспоре между мужем и женой возникают разногласия, невозможные в условиях традиционной большой, расширенной семьи: кому вести домашнее хозяйство и как воспитывать детей. Опросы, проведенные автором статей о положении женщин в Сомали и в диаспоре Харун Хассан среди сомалийцев, свидетельствуют, что в разводах виновны главным образом женщины, которые, по мнению мужчин, отказываются от роли «хранительницы очага» и стремятся к экономической независимости³⁴. Мужчины, по мнению женщин, не в состоянии материально обеспечить семью, проводят слишком много времени, жуя каат в компании друзей, слишком много смотрят телевизор и т.п. Появились матери-одиночки, причем не ожидающие возвращения мужа с заработков, вдовы убитых во время беспорядков в Сомали и разведенные по шариату. Эти женщины могут рассчитывать на ощутимую клановую и родственную поддержку. Если матери-одиночки имеют в Великобритании легальный статус, то они и их дети могут принять участие в многочисленных целевых программах, проводимых разнообразными благотворительными организациями. Службы помощи женщинам-иммигранткам проводят исследования и оказывают различные виды поддержки. Незнание сомалийками английского языка, их стеснительность и традиционная закрытость некоторых тем для обсуждения значительно затрудняют работу исследователей. В отношении исследований на медицинские темы сомалийские женщины намного более открыты, чем их соотечественники-мужчины³⁵.

³³ См.: *Sporton D., Gill V.* Op. cit.

³⁴ *Hassan H.* Not Housekeepers any More: Somali Women of the Diaspora. 7.11.2002// http://www.opendemocracy.net/people-africa_democracy/article_692.jsp.

³⁵ См., напр.: *Whittaker S.* An Exploration of Psychological Well-being with Young Somali Refugee and Asylum-seeker Women *11 Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2005. Vol. 10. No. 2; *Silveira E., Ebrahim S.* Mental Health and Health Status of Elderly Bengalis and Somalis in London // *Age Ageing*. 1995. Vol. 24. No. 6; *Silveira E., Allebeck P.* Migration, Ageing and Mental Health: An Ethnographic Study on Perceptions of Life Satisfaction, Anxiety and Depression in Older Somali Men in East London // *International Journal of Social Welfare*. 2001. Vol. 10. No. 4.

Что же касается общих вопросов об адаптации иммигрантов из Сомали, то для начинающего заниматься этой проблемой исследователя договориться об интервью с женщиной-сомалийкой практически невозможно, ее координаты может сообщить только интервьюируемый сомалиец-мужчина. В Великобритании сомалийки могут обратиться в службы защиты от домашнего насилия, как и их дети.

Женское «обрезание», как и обрезание мальчиков без их согласия, запрещено в Великобритании. Ведутся дебаты о кораническом или языческом происхождении этого обряда. Кампании, проводимые в Сомали против обрезания женщин, часто наталкиваются на сопротивление со стороны пожилых сомалийцев. Семьи, приверженные традиционному укладу жизни, проводят этот обряд до отъезда своих дочерей из Сомали либо намеренно отправляют их «на каникулы» в Сомали для его совершения.

Положение сомалийской женщины в традиционном обществе, судьба мусульманской женщины, прошедшей обряд обрезания, стали главными темами сомалийской писательницы и в то же время члена парламента Нидерландов Аян Али Хирси³⁶. Как ее книги «Неверная» и «Девственница в клетке», так и короткометражный фильм «Покорность» (Submission), снятый по ее сценарию, стали известны далеко за пределами Нидерландов. Истории А. Хирси критики считают биографическими, ее взгляды оцениваются противоположно. Некоторые читатели, а это скорее всего европейцы, считают ее борцом за права женщин в мусульманском мире,

³⁶ Сомалийка, рожденная и воспитанная в мусульманской среде в Сомали и в Саудовской Аравии, Аян Али Хирси отказалась выходить замуж за «удобного» ее семье дальнего родственника и в 1992 г. в качестве беженки иммигрировала в Нидерланды. Там она работала переводчицей в больнице, получила диплом колледжа и стала членом парламента Нидерландов. В 2004 г. она совместно с режиссером Тео ван Гогом выпустила фильм «Покорность» о положении женщины в исламе. После угроз в адрес создателей этого фильма в ноябре 2004 г. ван Гог был убит исламским экстремистом, гражданином Нидерландов марокканского происхождения. Самой Аян угрожали причастные к убийству ван Гога люди, на что Хирси заявила, что ею уже написано продолжение фильма «Покорность», которое ждет своего режиссера.

открывающим глаза на истинное положение женщин в исламе, причем через призму личного опыта, ее считают реформатором, голосом восставших мусульманских женщин. Другие считают ее писательскую и общественную деятельность попыткой занять нишу борца за права мусульманских женщин и таким образом закрепиться в Нидерландах. Остальные, это скорее всего мусульмане, считают ее не вполне адекватной, абсолютно неправильно трактующей нормы мусульманского общества, а ее личный опыт и трактовки исламского образа жизни далеко не типичными и не объективными.

В книге «Девственница в клетке: освобождение женщины и ислам» Али Хирси рассуждает о правах человека в исламе, о корнях фанатизма, политике западных стран в отношении исламских стран и мусульманских общин в диаспоре. Послы четырех мусульманских стран обратились с письмом-жалобой в партию, к которой принадлежала Аян Хирси, с просьбой отозвать ее из парламента Нидерландов: по их мнению (а это письмо поддержали в 21 мусульманской стране), своей писательской деятельностью и некоторыми высказываниями она оскорбляет религиозные чувства мусульман. Али Хирси, выступая от имени мусульманских женщин, вырвавшихся на свободный и демократичный Запад, защищает свободу слова и указывает на абсурдность навязывания норм ислама на Западе. По ее словам, «получается, что мусульмане, даже находясь на Западе, могут критиковать Запад, но Запад не может критиковать ислам».

Интернет как способ репрезентации сомалийской диаспоры

Появление Интернета и вовлечение членов диаспор в эту систему изменило многое. Интернет выступает как способ самовыражения диаспоры и, с отдельными оговорками, может выступать в качестве источника информации. В настоящее время анализ интернет-деятельности диаспоры представляется обязательным для выявления современного положения диаспоры, новых веяний в ее развитии и т.п. В зарубежных исследованиях тема виртуальных диаспор очень популярна, она также становится основной

темой конференций; особую актуальность деятельность виртуальных диаспор приобрела после трагических событий 2001 г., в которых Интернет как средство коммуникации между террористами играл немалую роль³⁷.

Члены сомалийской диаспоры в целом отличаются высокой активностью в использовании Интернета, при этом не стоит забывать, что письменность на языке сомали была введена всего 35 лет назад, и за сомалийцами закрепились определения «нации поэтов» и «людей устной традиции». Вплоть до настоящего времени немногие сомалийцы придерживаются единых правил правописания на своем родном языке, немногие умеют читать, хотя желание воспользоваться Интернетом подогревает желание научиться. Несмотря на этот факт, Сомали является одной из африканских стран-лидеров по использованию Интернета и отличается самыми дешевыми расценками на услуги мобильной связи, что вполне подтверждает предпочтение сомалийцев к вербальному общению.

Табл. 2 отчетливо демонстрирует увеличение пользователей Интернета в Сомали за последние 7 лет.

В эпоху глобализации Интернет способствует усилению связей национальных сообществ, повышает националистический настрой среди членов диаспоры. В большей степени это относится к сообществам, значительная доля которых вовлечена в процесс трудовой миграции (курдская диаспора, индийцы), членам рассеянных диаспор, потерявшим свою территорию (палестинцы, африканеры), сообществам, изгнанным по политическим причинам (тамилцы), лицам, бежавшим от гражданских войн, жертвам этнических конфликтов (сомалийцы, руандийцы и др.). Для эритрейской диаспоры, учитывая строгий государственный контроль инакомыслия, Интернет и анонимность представляются одним

³⁷ См., напр.: **Brinekerhoff J. M.** Digital Diasporas and Conflict Prevention: the Case ofSomalinet.com // Review of International Studies. 2006. Vol. 32. P. 25–47. Автор указывает на опасность распространения насилия, терроризма среди членов диаспор из «несостоявшихся» (failed) государств. В качестве примера она анализирует содержание сомалийского вебсайта.

из немногих способов самовыражения³⁸. То же самое характерно и для гаитянской диаспоры³⁹. Многие эритрейцы находились за пределами родины, когда она получила независимость, тем не менее они стали полноправными эритрейскими гражданами (эритрейское гражданство определяется по стране рождения либо по гражданству одного из родителей), более того, превратились (либо остались) в убежденных националистов и приняли активное участие в политической жизни страны. Дехай, эритрейский сайт, предоставляет возможность обсуждать табу и отслеживает западные СМИ⁴⁰.

Таблица 2

Использование Интернета в африканских странах (выбраны страны Африканского континента, имеющие наибольший прирост пользователей Интернета за 2000–2007 гг.)⁴¹

Страна	Население в 2007 г. (ожидаемое) (человек)	Пользователи Интернета, декабрь 2000 г. (человек)	Пользователи Интернета, декабрь 2007 г. (человек)	Рост пользователей (тыс. %)
Сомали	12 448 179	200	90 000	44,9
Демократическая Республика Конго	60 226 717	500	140 600	28,0
Конго	3 774 537	500	50 000	9,9
Марокко	30 534 870	100 000	4 600 000	4,5
Чад	8 915 381	1000	40 000	3,9
Алжир	33 506 567	50 000	1 920 000	3,74
Бенин	7 714 766	15 000	425 000	2,73

³⁸ См.: *Bernal V.* Diaspora, Cyberspace and Political Imagination: the Eritrean Diaspora Online // Global networks. 2006. Vol. 6. No. 2. P. 161–179.

³⁹ См.: *Parham A.* Diaspora, Community and Communication: Internet Use in Transnational Haiti // Global Networks. 2004. Vol. 4. No. 2. P. 208.

⁴⁰ Эритрейцами отслеживалось использование устаревших карт западными СМИ, где не обозначены государственные границы Эритреи. Сомалийцами, наоборот, — использование карт колониального прошлого для обозначения Сомалиленда, Сомали (Somalia) и т.д., этнических карт, карт, возрождающих идею Великого Сомали и соответствующие территориальные претензии.

⁴¹ www.internetworldstats.com

Исследования мировоззрения диаспоры, проведенные на базе анализа виртуальной деятельности ее членов, имеют как сторонников, так и противников. «Невидимость» и анонимность респондентов, с одной стороны, лишают исследование научной обоснованности и доказуемости, с другой — анонимность респондента позволяет ему смело высказываться по тем вопросам, по которым он ничего бы не сказал в личной беседе. Например, сторонники независимости Сомалиленда используют возможность выступать в оппозиции центральному правительству Сомали, та же ситуация — с попытками отделения Пунтленда. Смелость высказываний может проявляться не только в политике, но и в религии, в рассуждениях о стержне сомалийского общества — клановых взаимоотношениях (чаще о противоречиях). Члены диаспоры пытаются определить, выразить, найти собственную национальную идентичность, общаясь с соотечественниками через национальные веб-сайты:

«Некоторое время назад я попытался определить собственную идентичность, исключая определение племени. Большую часть взрослой жизни я прожил в диаспоре и приобрел новые идентичности, неведомые мне, пока я рос в Сомали. Я чернокожий, я африканец в Северной Америке, я канадец, я сомалиец из Сомалиленда. Я признаю все эти определения и использую их в свою пользу. Я научился жить с ними. Клановая принадлежность? Я бы не мог жить с ней. Многие мои знакомые хотят жить без нее, хотя некоторые создают свои веб-сайты — свои маленькие виртуальные клановые миры, глобальные города в киберпространстве...

Мы, члены диаспоры, живем далеко от наших соплеменников, людей, преданных клановому образу жизни. На родине любое слово может стать нашим врагом и подвергнуть опасности клановой вражды наших родственников. Сомалиец в диаспоре чувствует себя в относительной безопасности далеко от родины, хотя члены диаспоры, экономически помогая своей родине, также финансируют ее войны и конфликты».

Веб-сайты, созданные представителями диаспор, в первую очередь способствуют сохранению культуры страны происхождения диаспоры. Ранее, когда для передачи новостей использовались более медленные способы связи, отношения с родиной могли в конечном счете прерваться, однако Интернет позволяет членам диаспоры, находясь за рубежом, не только жить полноценной жизнью и быть в курсе дел на родине, но более того — принимать в этих делах активное участие, как это делают представители сомалийской, эритрейской, эфиопской и многих других диаспор. Благодаря Интернету они могут поддерживать регулярную связь с родственниками, обмениваться свежей информацией, общаться в сети с использованием видеокамер.

К началу 2001 г. было запущено уже около 100 сомалийских веб-сайтов⁴², через 5 лет их число увеличилось до 300. За последние 7 лет число пользователей Интернета в Сомали увеличилось почти в 450 раз. Несомненно, что диаспора приняла в этом основное участие как источник финансирования и организации.

Вовлечение членов диаспоры в систему Интернет глобально изменило традиционное представление о диаспоре в целом. Не будем вдаваться в обсуждение прав веб-сайтов на тиражирование, однако многие давно забытые мелодии, книги, интереснейшие статьи, помещенные на сайты отдельными членами диаспоры (даже не вполне осознающими своего вклада и ценности предлагаемого материала), получили новую жизнь благодаря глобальной системе Интернет. Оговорюсь, что некоторые веб-сайты ограничивают доступ к своим архивам и требуют регистрации своих посетителей, но тем не менее государственные границы для обладания ценным материалом для исследователя⁴³ или для тоскующего по родному городу сомалийца теряют всякое значение.

⁴² *Aynte A.* Somali Websites: A Competitive Alternative Media and a Force to Reckon With // www.hiiraan.com.

⁴³ Так, С. Хорст организовала обсуждение своего исследования на нескольких сомалийских сайтах и тщательно проанализировала этот процесс в одной из своих статей: *Horst C.* In Virtual Dialogue with the Somali Community: the Value of Electronic Media for Research amongst Refugee Diasporas// <https://pi.library.yorku.ca/ojs/index.php/refuge/index>.

Повышение активности интернет-пользователей среди различных диаспор, с одной стороны, способствует снижению адаптивной склонности к культурной среде принимающей страны и ограничению общения своим национальным кругом, с другой — обеспечивает надежную психологическую поддержку для активного вовлечения в жизнь принимающей стороны. Если прадеды и деды молодых иммигрантов жили в своей культуре, не осознавая ее, а их родители, мигрировав, пытались жить по-современному, изживая пережитки прошлого, то они сами стремятся возродить культуру своих прадедов, осознавая свою культурную принадлежность⁴⁴, и Интернет во многом способствовал и продолжает способствовать этому.

Наряду с усилиями отдельных членов диаспоры, существует ряд коммерческих веб-сайтов для представителей различных диаспор, позволяющих выяснять собственное генеалогическое дерево за довольно сжатые сроки, в особенности это относится к потомкам тех, кто мигрировал несколько поколений назад. Сайты некоторых диаспор ведут учет своих членов и предоставляют им необходимую информацию из архивов церквей, кладбищ, военных подразделений и общественных организаций⁴⁵.

Сомалийцы создают большое количество веб-сайтов, персональных страниц, которые не всегда обновляются. Сомалийская служба Би-би-си остается самым популярным СМИ для сомалийцев как в Сомали, так и в сомалийской диаспоре. Практически каждый сомалийский веб-сайт предоставляет возможность пользоваться аудио- и видеоресурсами (ссылки на радиостанции, видеонОВОСТИ, записи программ — процесс так называемой медиа-конвергенции), учитывая особенности сомалийского мировосприятия через слово или образ. Каждый сайт неизменно изобилует большим количеством флэш-элементов (вспыхивающих и подвижных

⁴⁴ См.: *Eriksen Th.H.* Nationalism and Internet//Nation and Nationalism. 2007. Vol. 13. P. 1–17.

⁴⁵ *Karim H.K.* Virtual Diasporas and Global Problem Solving Project Papers Diasporas and Their Communication Networks: Exploring the Broader Context of Transnational Narrowcasting (DRAFT) [//http://www.nautilus.org/gps/virtual-diasporas/paper/Karim.html](http://www.nautilus.org/gps/virtual-diasporas/paper/Karim.html).

изображений), фотографий, разноцветных орнаментов. Некоторые сайты ведут учет своих постоянных пользователей, а также гостей, однако число незарегистрированных пользователей при этом не может быть учтено.

Роль сомалийской диаспоры

Сомалийская диаспора играет основную роль в восстановлении своей страны (хотя нельзя не упомянуть также о финансировании диаспорой вооружения для клановых группировок). Сомалиленд является примером стабильно развивающегося государственного образования, восстанавливаемого на средства диаспоры. Его независимость официально не признана ни на местном, ни на международном уровне, несмотря на наличие собственной валюты и эффективно управляющего областью правительства в отличие от южных районов Сомали, где президент может контролировать территорию только в пределах квартала. С 2003 г. члены сомалийской диаспоры из Великобритании регулярно принимают участие в конференциях, сборах средств для восстановления школ, университетов, больниц. Они стали членами нового правительства Сомали и Сомалиленда. Так, Ахмед Мохаммед Силаньо, председатель «Кулмие», одной из партий Сомалиленда, является гражданином Великобритании, а Файзал Али Уарабе, председатель Партии справедливости и процветания (ЮСИД), является членом сомалийской диаспоры Финляндии. 30 сомалийских парламентариев проживают в диаспоре, в связи с чем парламент Сомали испытывает трудности обеспечения кворума из-за отсутствия членов на заседаниях парламента⁴⁶. Члены диаспоры поддерживают своих родственников в Сомали (те, в свою очередь, основывают компании у себя на родине, получают доступ к образованию и т.п.), а также финансируют открытие новых учреждений.

Процесс адаптации — процесс обоюдный, в нем принимают участие обе стороны, как иммигранты, так и принимающая сторона.

⁴⁶ http://www.life-peace.org/sajt/filer/pdf/Horn_of_Africa_Bulletin/HoA06-708.pdf.

Адаптация сомалийской диаспоры в Великобритании является примером начальной адаптации чернокожих мусульман-иммигрантов, вынужденных покинуть свою страну.

Успех интеграции сомалийской диаспоры, приобретение знаний, профессиональных навыков сомалийцами-иммигрантами является залогом стабилизации и процветания их родины — сомалийского государства, едва ли не единственной надеждой на возрождение этой страны. Это дело не одного поколения, тем более что многие исследователи считают современное молодое поколение сомалийцев, научившихся только держать в руках оружие и захватывать проходящие мимо берегов Сомали корабли, потерянным. Нестабильность экономической и политической ситуации в Сомали неизбежно влияет на положение сомалийской диаспоры, на отношение к ней местного населения и оказывает большое влияние на миграционную политику принимающих стран по отношению к сомалийским беженцам.

© Иванова Л. В., 2009

С.Ю. Никуличев

Европейский и Африканский Союзы: тенденции, помощь, политика

По проблеме «Север — Юг» написано немало. Точнее говоря, есть целый комплекс проблем, связанный с этими понятиями. Отношения между экс-колониями и экс-метрополиями, все расширяющаяся пропасть в социально-экономическом, техническом положении, дисбаланс ресурсов и плотности населения, наконец, внешняя политика — вот основные вопросы, которыми задаются исследователи. В отношениях Европы и Африки, пожалуй, как ни в каких других, остры и показательны приведенные выше проблемы. Общеизвестно, что Африка исторически связана с Европой, как ни с каким другим континентом. Европа колонизовала Африку, потом в 1960-х годах абсолютное большинство стран черного континента получили независимость, но Европа так и осталась первым и важнейшим стратегическим партнером для них во второй половине XX в., продолжая вести политику пост- (или нео-) колониального присутствия. Со временем появились и в самой Африке организации, способные — и предназначенные для того, чтобы — централизованно вести диалог с внешними партнерами — конкурентами. В том, что касается экономики, рупором интересов африканских стран стала созданная в 1975 г. Организация стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АКТ); в политическом смысле эту функцию до 2000 г. выполняла Организация Африканского Единства (далее ОАЕ).

Африканский Союз (далее АС) на протяжении всего своего — пока что недолгого (с 2002 г.) — существования рассматривается и в самой Африке, и в остальном мире как правопреемник ОАЕ. Имея очень схожие (кто-то даже скажет — одинаковые) задачи, АС претендует на то, что учел ошибки, перенял необходимый опыт

и готов от лица всей Африки выступать на международной арене, как то делает ЕС от лица Европы.

Отношениям бывших метрополий с ОАЕ посвящено немало аналитической литературы¹ — гораздо больше, чем диалогу Европейский Союз — Африканский Союз. Целью нынешней работы и будет попытка определить, что же изменилось после того, как «эстафетная палочка» в политическом диалоге перешла к Африканскому Союзу. Прошло всего несколько лет с момента его создания — не так много, на первый взгляд, но в условиях стремительно меняющегося современного мира это значительный срок, и некоторые выводы сделать уже можно.

Выводы эти самые разные: от официально-победоносных и осторожно оптимистичных до исполненных скепсиса. «Европа также сильно изменилась за последние три года, — подвел промежуточный итог председатель Европейской Комиссии по развитию Анатассиос Теодоракис в своем обращении к главам миссий из ЮАР в 2005 г. — В ЕС вошли 10 новых стран-участниц, были избраны новый Парламент и президент Комиссии... По мере того как Европа вновь обретает единство, мы учимся вести диалог с единой Африкой. Нам следует вкладывать больше конкретного содержания в нашу политику поддержки Африки, лучше согласовывать свои действия — в том числе финансовые обязательства — в отношении движения panaфриканизма. Мы будем только поощрять Африку в ее стремлении идти по пути интеграции — это процесс абсолютно необходимый для всего континента»². Это, разумеется, только один аспект евро-африканской политики, выявить остальные, собственно, и входит в задачу настоящей работы, но в целом рекомендации европейских политиков ясны: Европа, многое выигравшая в ходе интеграционных процессов, предлагает Африке идти тем же путем. Ограничиваются ли этим интересы Европы, можно будет сказать, проанализировав другие мнения.

¹ Подробнее см.: The OAU after Twenty Years / ed. by Y. El-Ayouty, I.W. Zartman. N.Y., USA, 1984.; *Agby S.O.* The Organization of African Unity and African Diplomacy, 1963–1979. Ibadan, 1986.

² http://europa.eu.int/comm/development/body/eu_africa/docs/address_040705.pdf.

Вполне очевидно, что общий настрой официальных источников стран ЕС — главного стратегического партнера Африки — в целом менее критичен по отношению к новому Африканскому Союзу, чем в неофициальных, в которых, конечно же, разгораются довольно жаркие дискуссии. За пределами же Евросоюза тон высказываний может меняться: «Один высокопоставленный чиновник из числа специалистов, — сообщает Информационное Бюро Госдепартамента США, — высказался по поводу программы АС в том духе, что мировое сообщество спонсоров должно быть *много более реалистичным* в отношении того, какие цели Африка ставит в своем развитии. “Миллиарды долларов самыми разными путями инвестировались в Африку. И до сих пор, по его мнению, Африка — тот континент, который и к 2015 г. скорее всего не достигнет той планки, что была установлена в Миллениум, несмотря на все усилия инвесторов”. Это, как было сказано, означает, что развитый мир пока что не знает, как решать проблемы африканского континента»³.

В статье издаваемого в Европе Вестника АКТ—ЕС (АСР—EU Courier), посвященной созданию АС, последний был охарактеризован — возможно, в соответствии с европейскими приоритетами — как:

- 1) смоделированный по примеру ЕС,
- 2) более либеральный, чем ОАЕ, вследствие того, что, согласно одному из пунктов устава, 5 из 10 членов Африканской Комиссии (административно-координационного органа АС) должны быть женщины,
- 3) все еще не решивший задачу ликвидации внешнего долга, который на тот момент составлял 40 млрд долл. США⁴.

Признавая факт перехода отношений с африканскими странами на принципиально новую ступень, европейские политики, казалось, сосредоточили в большей степени свое внимание не на

³ Bureau of International Information Programs, U.S. Department of State. U.S. «Optimistic» on Africa's Development Potential, 09 June 2004 // <http://usinfo.state.gov/usinfo/products/washfile.html>.

⁴ **Carbone M.** From OAU to AU: Turning the Page in the History of Africa // The Courier ACP — EU. September — October 2002. № 194. P. 31.

новых институтах АС, а на старых проблемах, доставшихся ему в наследство: «Огромные препятствия, которые встают на пути Африканского Союза, свидетельствуют о том, что перемены к лучшему не произойдут в одночасье. Самый спорный момент нового образования в том, что АС имеет право вмешиваться во внутренние дела стран-участниц⁵. Теперь дело стоит за тем, чтобы этими полномочиями смогли здраво распорядиться, в противном случае столкновение интересов африканских лидеров просто парализует функционирование системы»⁶.

В любом случае вышеозначенные точки зрения выражают либо надежду, либо опасения — одним словом, прогнозы на будущее. А как, в таком случае, реагировал ЕС на уже принятые коллективные решения новой Африки? Для того чтобы ответить на этот вопрос, определим рамки диалога ЕС — АС. После саммита ЕС — ОАЕ (Каир, апрель 2000 г.) были определены четыре важнейшие составляющие того политического процесса, который теперь принято называть Каирским, — политики глобальной поддержки, оказываемой ЕС развивающимся странам Черного континента. Итак, это:

- Мир и безопасность, поддержка политической стабильности на Африканском континенте.
- Принципы управления, развитие демократических институтов и контроль за соблюдением прав человека.
- Региональная интеграция и развитие торговых отношений, как в самой Африке, так и Африки с Европой.
- Вопросы общего развития (экология, гуманитарные проблемы, внешний долг, интеграция в мировое сообщество).

Начавшись как очередная сессия переговоров по проблеме долга развивающихся стран, двухдневный Каирский раунд в итоге охватил куда более широкий круг вопросов. Показательно, что Конституционный Акт АС, подписанный спустя всего 3 месяца, кое-где близко к тексту, а кое-где слово в слово, но более развернуто, повторяет вышеозначенные пункты как свои основные

⁵ То есть то, чем организаторы Африканского Союза не без основания гордились.
— *С. Н.*

цели⁷. Следует еще раз отметить: Каирский процесс стартовал раньше, чем Африканский Союз (более чем на год). Он был — и по хронологии, и по своей сути — одним из камней фундамента будущей организации, а не актом, которым бы АС, скажем, заявил о себе на международной арене. Такие декларации, как финальный акт Каирского саммита, не стоит считать выражением реальных интересов сторон: это лишь общий план действий, выражение намерений. Но представляется, что создателям Африканского Союза было немаловажно, чтобы ЕС эти намерения — пусть в общей форме — продекларировал. «Я считаю очень важным, чтобы новые африканские лидеры начали более открытый диалог со своими европейскими друзьями, а те — в свою очередь — без патернализма, как равные, должны открыто заявлять, с чем они не согласны...», — высказал свою позицию Ахмеду Оуд-Абдулла, один из председателей межгосударственной Мировой Коалиции в поддержку Африки. «Нужно увеличивать продуктивность диалога, ориентируясь на то, как европейцы разговаривают с Центральной Европой, Азией и Латинской Америкой, а не просто думать: “Ладно, они (африканцы. — **С.Н.**) были нами колонизированы, было рабство, поэтому мы должны быть мягкими”. Наоборот, нужно говорить откровенно — как с другом»⁸.

Стоит обратить внимание на два момента, непосредственно связанные с политикой Европы на Каирском саммите. Во-первых, известно, что сама встреча была инициирована ЕС в лице Антонио Гутерреса, премьер-министра Португалии и председателя Европейского Союза, и основной целью саммита изначально было разрешение проблемы внешнего долга Африки. Лишь непосредственно перед саммитом стало ясно, что диалог выйдет за рамки указанной проблематики и будет посвящен самым глобальным вопросам. Сейчас нет возможности достоверно выяснить, кто был инициатором расширения тематических рамок, но — как следует из всего хода переговоров — представители ЕС

⁷ The Constitutive Act of African Union, Article 3 // http://www.africa-union.org/root/au/AboutAu/Constitutive_Act_en.htm.

⁸ Agenda for Africa-Europe Summit in Dispute // CNN. com. World. Africa. April 2, 2000. Web posted at: 3 : 18 p.m. EDT (1918 GMT).

скорее с готовностью, чем нежеланием, стали затрагивать иные, помимо экономики, темы.

Во-вторых, Каирский план действий являл собой программу, охватывающую фактически все сферы компетенции государства как такового. Разумеется, отношения Европы с Африкой — со времен независимости последней — не ограничивались какой-то одной сферой, будь то экономика, культура или политика, а если учесть, насколько сильны в отношениях «бывшая метрополия — бывшая колония» патернализм и стремление контролировать почти все стороны жизни, то сама постановка вопроса о том, что эти отношения могут чем-то одним ограничиваться, теряет смысл. Однако на это можно посмотреть и с другой стороны, приведя следующие доводы:

1. Как ни оценивать историю отношений Европы и Африки с 1960 г., следует признать, что основной акцент в них делался на экономику: только начиная с 1980-х годов в конвенции, заключавшиеся ЕЭС (позже ЕС) и Африкой (с 1975 г. — Организацией стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов), стал включаться элемент, скажем, социальной и культурной сферы (и тем не менее основой всех конвенций была экономика, а точнее, торговля). И совсем были лишены эти отношения — формально, разумеется — политического элемента. В любом случае наиболее логичен вывод, что программно до Каирского плана действий Европейское Сообщество / Европейский Союз не претендовало на всеохватывающее влияние на Африку.

2. Что касается политики бывших метрополий, то их прямое влияние на страны Черного континента, разумеется, было значительно во всех сферах, однако в любом случае оно слабело, а не росло, следовательно, мы не можем расценивать Каирский план действий как сумму усилий или итог индивидуальных действий каждой из экс-колониальных держав. И даже если в отдельных ситуациях бывшие метрополии долгое время сохраняли свои позиции (в качестве такого примера можно привести практически неослабевавшее до 2004 г. влияние Франции в Кот д'Ивуаре), это явно не было ни заслугой Европейского Сообщества, ни вообще фактором, хоть сколько-нибудь связанным с общеевропейскими делами.

3. Наконец, суммируя вышесказанное: Каирский план от начала до конца явился плодом коллективных усилий и новой вехой в истории отношений, которые с большой долей осторожности можно назвать «постколониальными». В противовес процессам деколонизации, идущим «по нисходящей» и связанным с политикой отдельных европейских стран, Каир был новым словом в процессах коллективных и набирающих силу

Это, представляется, и есть истоки той политики, которую ЕС вел начиная с 2001 г. в отношении Африканского Союза. Однако следует задаться вопросом, правомочно ли говорить о том, что у ЕС была раз и навсегда определенная линия поведения в отношении объединившихся стран Африки? Действительно ли однажды принятый курс не претерпевал изменений? Для того чтобы проанализировать эту проблему, необходимо обратиться к основным политическим актам АС за истекшую пятилетку. Основное внимание, как представляется, должно быть уделено именно политическому аспекту деятельности АС: нет нужды говорить, что в реализации таких гуманитарных программ, как анти-СПИД, сохранение экологии и естественной среды, между ЕС и АС не было кардинальных противоречий. Здесь они партнеры: одна организация оказывает материальную и техническую поддержку, другая реализует эти ресурсы «на переднем фронте». Что же касается экономики, то практически все судьбоносные решения принимались в рамках диалога ЕС — АКТ.

Дарфурский конфликт: опыт урегулирования

За истекший период среди нескольких немаловажных политических акций АС выделяются его действия во время Дарфурского конфликта в Судане⁹. В столкновении арабского и неарабского

⁹ Конфликт в Дарфуре — военное противостояние между арабскими и неарабскими племенами на востоке Судана, перешедшее из разряда тлеющего конфликта в разряд активной вооруженной борьбы в феврале 2003 г. Основная причина: политика дискриминации неарабского населения, проводимая в течение нескольких лет правительством Судана. Театром военных действий по сей день является наименее развитый регион Судана — Дарфур (территория вдали от долины Нила на границе с Чадом).

населения страны АС — большую часть которого составляют страны южнее Сахары — встали на сторону угнетаемого неарабского населения и приняли резолюцию, на основе которой в начале 2004 г. в Судан были введены миротворческие войска. К тому моменту разгоревшийся конфликт классифицировался не просто как внутренние расово-этнические проблемы, а как межгосударственный конфликт с участием двух полноправных членов АС — Судана и Чада¹⁰. Здесь следует еще раз сказать, что, согласно принятой конституции, АС имеет право вмешиваться в дела стран-участниц: этот пункт и был юридическим основанием для ввода миротворческих войск в Судан. Первый отряд миротворцев, выделенный под Суданскую миссию министерством обороны Руанды, был — как показал дальнейший ход событий — смехотворно мал: лишь 150 человек. С тех пор контингент только пополнялся. В настоящее время он составляет около 7 тыс. миротворцев, выделенных странами АС и действующих под эгидой ООН.

Два фактора заслуживают отдельного упоминания, так как их влияние не замедлило сказаться на отношении объединенной Европы к происходящему вокруг Дафурского конфликта:

1. На первом этапе (с августа 2004 г. по январь 2005 г.) ввод миротворцев не только не погасил конфликт, но, наоборот, разжег его еще больше. Отчасти так произошло из-за плохой подготовки миссии в военных сферах стран АС, отчасти из-за недостаточного количества материальных средств, отчасти из-за несогласованных действий подразделений разных стран (в том числе Нигерии, Руанды, Гамбии, ЮАР и Кении).

2. Правительство Судана, активно сопротивляясь присутствию контингента ООН, признавало правомочность действий миротворцев АС и заявляло о своем желании решать проблемы при посредничестве структур Африканского Союза. Тому было несколько,

¹⁰ Из-за активных боевых столкновений правительственных войск с повстанческой Армией Освобождения Судана тысячи беженцев потянулись из огневых районов к границе с Чадом. Гражданская война переросла в межгосударственную весной 2004 г., когда в перестрелке с военизированными проправительственными милицескими отрядами на Судано-Чадской границе погибли 10 чадских пограничников.

как представляется, причин: во-первых, Судану, вполне очевидно, комфортнее проводить свою политику при слабом и незначительном по численности корпусе АС, чем иметь дело с лучше подготовленными и обеспеченными войсками под эгидой ООН. Во-вторых, тем самым правительство Судана подчеркивало свою лояльность принципам и авторитету АС и решительно отдавало предпочтение миротворцам Африканского Союза перед ооновскими. «И речи быть не может о том, чтобы в Судане действовали смешанные силы АС и ООН, — заявил президент Судана Омар аль-Башир. — Подразделения в Дарфуре должны быть частью АС и находиться под командованием АС... Еще ни разу не случилось, чтобы силы ООН сыграли положительную роль в Африке. Мы не можем допустить, чтобы Судан был первой страной, подвергшейся реколонизации»¹¹.

В подобной реакции ощущается, разумеется, не столько преданность идеалам Новой Африки, сколько страх перед вмешательством ООН и «сильных мира сего», тем более что на повестке дня стоял и стоит вопрос о вхождении Судана в состав Организации стран — экспортеров нефти. Однако вместе с тем возрос и авторитет АС как организации, претендующей на право, а главное, способность выступать в ходе подобных конфликтов в качестве посредника. Показателен следующий эпизод: когда в середине 2006 г. Судан выдвинул своего кандидата на пост председателя АС, в сложившейся обстановке этот ход породил массу недовольства среди других членов союза, а Судан в конечном итоге был вынужден отказаться от своих притязаний на президентство. Во всей ситуации нетрудно увидеть дополнительную мотивацию правительства Омара аль-Башира сохранить процесс урегулирования конфликта на региональном уровне, не допуская присутствия нежелательных сил извне.

Если позицию официального Хартума можно расценить как определенный плюс для АС, то практическая реализация миротворческой программы поставила под вопрос силовой потенциал Новой Африки. Корпус, составлявший к 2005 г. менее 7 тыс. человек,

¹¹ **Bloomberg S. T.** Sudan Rejects UN Command of Darfur Peacekeeping Force // Sudan Tribune. 2006. November 26.

не справлялся с ситуацией на территории, по площади сравнимой с Францией, что вызвало немало нареканий со стороны мирового сообщества, особенно со стороны Соединенных Штатов Америки, где Конгресс признал репрессии в отношении черного населения Судана геноцидом (Резолюция № 467 от 22 июля 2004 г.) и наиболее активно настаивал на вводе международного контингента в Дарфур. К этим призывам присоединился Европейский Союз, который, впрочем, не исключал и возможности материальной поддержки корпуса АС и придания ему статуса представителя ООН.

Окончательно неспособность сил АС справиться с ситуацией в регионе стала очевидна, когда в октябре 2005 г. оппозиционные силы в Судане захватили несколько заложников из числа миротворческого контингента. С этого момента Африканский Союз стал осознавать, что между абстрактным желанием продолжать миссию и реальными возможностями спонсировать ее растет пропасть и что настало время обращаться за помощью к более значительным силам. Это не замедлило сказаться на отношениях Новой Африки с ЕС на фоне Дарфурского конфликта. В датированной маем 2006 г. статье для «Интернешнл Хералд Трибюн» «Поддерживая стабильность в Дарфуре» Хавьер Солана попытался подвести промежуточные итоги и определить, как должны распределяться роли международных организаций в урегулировании конфликта. «Евросоюз работает по всем направлениям, — пишет он, — чтобы помочь найти выход из сложившейся ситуации... Но также мы уверены, что африканские страны должны занять лидирующие позиции. Многого в одиночку европейцы не добьются. Что мы можем и продолжаем делать — это поддерживать усилия африканцев в сфере политики, финансов, логистики и т.п. С самого начала ЕС способствовал усилиям Африканского Союза в поисках решения: предоставил ему 212 млн евро на организацию миссии, тренировал, экипировал и перевозил африканских солдат, командировал в зону конфликта европейских военных экспертов и полевых специалистов. Вряд ли без ЕС африканский корпус смог предложить населению Дарфура хоть малую гарантию стабильности»¹².

¹² Solana X. *Stabilizing Darfur* // International Herald Tribune. 2006. 19. May.

Итак, в международных структурах ЕС, с одной стороны, зреет понимание того, что африканские силы не справляются с задачей и требуется вмешательство мирового сообщества. С другой стороны, прочитывается опасение, что и голубые каски тоже не смогут держать ситуацию под контролем, а потому лучше оставаться на второй линии: оказывая поддержку, но не вмешиваясь непосредственно, на что, собственно, Солана косвенно указывал. Кроме того, чашу весов в пользу второго варианта склонял Каирский план, нарушением или, более точно, игнорированием которого было бы участие Евросоюза в миротворческой миссии ООН в обход АС. Цифры подтверждают заявление Соланы: из 160 наблюдателей, направленных в зону конфликта в 2004 г., лишь девять были присланы Евросоюзом¹³, остальные — африканцы. И следует отметить, что эти пропорции в настоящее время немногим отличаются от соотношения двухлетней давности.

Одна статья Соланы, разумеется, не то доказательство, которым можно было бы удовлетвориться, поэтому обратимся к другим источникам, которые могли бы подтвердить или опровергнуть предположение. На Совете по вопросам внешних контактов ЕС, состоявшемся в мае 2005 г., министр обороны Люксембурга — страны, председательствовавшей в тот год в Евросоюзе, — Люк Фриден сделал следующее официальное заявление: «Мои коллеги по министерству обороны ЕС сошлись во мнении, что мы должны дать утвердительный ответ на просьбу Африканского Союза поддержать их инициативу в Дарфуре. Министры обороны многих стран Евросоюза выступили с предложением снабдить корпус АС оборудованием и кадрами. Это позволит нам, при посредничестве г-на Соланы, Высшего представителя по Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) ЕС, продемонстрировать, что оборонная политика Евросоюза существует не только на бумаге, но и на деле... Нам очевидно, что именно АС должен быть лидирующей силой в предстоящих операциях... Мы также не должны быть вовлечены в соперничество с НАТО: у ЕС своя оборонная политика с очень конкретными задачами и особенностями, однако

¹³ EU Joins Sudan Sanctions Chorus // CBS News. 26 July 2004 (<http://www.cbsnews.com/stories/2004/07/29/world/main632794.shtml>).

там, где мы сочтем, что другие международные структуры могут внести свой вклад, что необходима координация усилий, мы будем согласовывать свои действия с НАТО»¹⁴. Если подвести некоторые итоги, то общий тон заявлений европейских дипломатов свидетельствует о том, что Евросоюз в любом случае скорее предпочел бы помогать АС или действовать при посредничестве глобальных сил, чем брать на себя ответственность за урегулирование конфликта. Как эта позиция влияла на отношения с АС, в целом понятно:

1. Если давать общую оценку действиям Новой Африки в урегулировании Суданской проблемы, то она будет скорее негативной: новое межгосударственное образование было подвергнуто критике¹⁵ за неспособность (впрочем, неспособность по объективным причинам) адекватно ответить на вызов, исходящий изнутри самой Африки.

2. Упомянутый провал привел к усилению европейских позиций в регионе: ЕС не стал выходить на первые роли в попытке разрешить конфликт, но в то же время поставил африканскую миротворческую программу в зависимость от материально-технической помощи, создав тем самым дополнительный инструмент влияния на континенте — еще один в дополнение к Каирскому плану.

Пока выход из ситуации вокруг Дарфура не найден, нет смысла давать окончательные оценки: роль и вес Африканского Союза могут меняться в зависимости от того, в какое русло пойдет конфликт. Не углубляясь в спекуляции, скажем, что дипломаты Евросоюза не обязательно кривят душой, говоря о значимости стремления африканских стран, объединенных общими принципами,

¹⁴ **Frieden L.** The European Union is Ready to Support the African Union's Mission in Sudan... // Press Release for EU General Affairs and External Relations. 2005. May 23.

¹⁵ Одна из показательных критических статей была опубликована в газете «Вашингтон пост»: **Lynch C.** African Union Force Low on Money, Supplies and Morale. 13 May 2007. Washington, USA (<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/05/12/AR2007051201567.html?hpid=moreheadlines>).

решать проблемы на Черном континенте. Однако можно констатировать, что на сегодняшний день Новой Африке приходится прилагать все усилия, чтобы отвечать на вызовы современного мира.

Государства-изгой: опыт вмешательства и санкций

За время существования АС Дарфурский конфликт, разумеется, был не единственной проблемой, с которой ему пришлось столкнуться. Есть целый комплекс политических противоречий, который в рамках данной статьи, для удобства, можно обозначить как вопросы членства в Союзе. Ни для кого — даже для тех, кто не знакомы с текущими событиями в Африке — не является секретом, что политический строй во многих странах Африки а) нестабилен и б) носит черты авторитаризма и диктатуры. Логическим следствием из двух этих «общих мест» будет то, что в странах Африки нередко происходят военные перевороты, революции и т.п. Вместе с тем параграф 30 Конституционного акта Африканского Союза гласит: «Правительство, пришедшее к власти в результате неконституционных действий, не будет допущено до участия в общих действиях Союза». Вкупе с упоминавшимся выше параграфом 4, где обозначено право Союза вмешиваться во внутренние дела стран-участниц, если речь идет о военных преступлениях, геноциде или преступлениях против человечности, это условие является инструментом, вполне подходящим для контроля за часто неспокойной внутриполитической жизнью отдельных стран. Обратившись к политической повестке дня, можно, таким образом, еще раз проанализировать действия АС в случаях внутренних конфликтов в африканских государствах, а также посмотреть, какой была реакция мирового сообщества, в том числе Европейского Союза. Важным представляется, чтобы рассматриваемые кризисные моменты считались уже в какой-то степени разрешенными — это позволяет делать выводы на основании целостного комплекса материалов.

Показательным примером военного переворота стали события, последовавшие за уходом из жизни в феврале 2005 г. президента

Того Этьена Гнасингбе Эйадемы, правившего страной на протяжении 38 лет и пришедшего к власти в ходе переворота 1967 г. Согласно конституции Того и. о. президента до предстоящих выборов должен был стать спикер парламента, однако верхушка исполнительной власти, лидером которой был признан сын покойного президента Фор Гнасингбе Эйадема, организовала переворот. В итоге под давлением международных организаций, в том числе Африканского и Европейского Союзов, выборы все же были проведены, однако смены власти не произошло, и Фор Гнасингбе, отпраздновав победу в мае 2005 г., просто придал своему кабинету статус легитимности. В настоящий момент в Того создано переходное правительство: на пост премьер-министра назначен Эдем Коджо, лидер оппозиции, не согласной с результатами выборов.

Каким же образом реагировали АС и ЕС на события в Того? Здесь необходимо отметить несколько нюансов, которые помогут лучше понять их политику. Во-первых, Европейский Союз начиная с 1993 г. сократил до минимума объем материальной помощи — в связи с авторитарной внутренней политикой Этьена Эйадемы: поддержанием культа личности, нарушениями на выборах¹⁶ и ущемлением прав человека. Следует отметить, что одним из таких нарушений являлась внесенная незадолго до смерти поправка в конституцию, снижавшая возрастной ценз для кандидата на президентских выборах до 35 лет, т.е. до возраста Эйадемы-младшего. Того не вышло из АКТ и продолжало пользоваться торговыми привилегиями, предоставленными ЕС для остальных стран-участниц, однако за материальной помощью Эйадеме-старшему пришлось обращаться в другие «спонсорские» фонды — МВФ и Всемирный Банк. Интересен тот факт, что в 2000–2001 гг. именно президент Того председательствовал в ОАЕ. За этот период кардинальных поворотов в политике ОАЕ не произошло, но как раз тогда разрабатывались проекты будущего Африканского Союза.

Итак, АС, реагируя на антиконституционные действия весной 2005 г. в Того, определил случившееся как военный переворот.

¹⁶ Этьен Эйадема избирался на пост Президента трижды: в 1972, 1979 и 1986 г.

«Надо называть своими именами те события, которые там имеют место, — заявил Умар Конаре, глава Африканской Комиссии и бывший президент Мали. — Это захват власти военными, это *coup d'état*»¹⁷. Нет свидетельств того, что Африканский Союз пытался поставить вопрос о сообразности дальнейшего членства Того, однако эмбарго, введенное организацией ECOWAS (Экономическое сообщество западноафриканских государств, далее ЭСЗАГ), было одобрено остальными членами АС, а отношения нелегитимного правительства Эйадемы-младшего с ближайшими соседями были настолько серьезно испорчены, что вопрос о членстве действительно мог быть поставлен на повестку дня¹⁸.

Продержавшись в международной изоляции менее 3 недель, Фор Эйадема сложил с себя полномочия президента до выборов мая 2005 г., на которых, как было выше сказано, одержал победу. Его уступка Африканскому Союзу в виде добровольного ухода была благосклонно воспринята дипломатами Новой Африки, и уже к марту санкции были сняты, а выборы признаны законными¹⁹. Сказав все это, можно проследить, каким образом строились отношения Евросоюза с АС при разрешении этого конфликта. В дни кризиса в феврале 2005 г. Хавьер Солана сделал четкое заявление, дав понять официальную позицию объединенной Европы: «Африканский Союз серьезно обеспокоен (кризисом)... У нас не может быть иной позиции, кроме как максимально тесного сотрудничества с ним... Я буду держать связь с г-ном Конаре в эти часы, эти дни. Мы все надеемся на благоприятный исход»²⁰. Итак, до майских выборов 2005 г. ЕС принимал точку зрения Умара Конаре,

¹⁷ <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/africa/4241001.stm>.

¹⁸ Эмбарго включало в себя запрет на торговлю, в том числе оружием, что было особо оговорено, а также отзыв дипломатов всех стран АС (по материалам агентства CNN <http://www.cnn.com/2005/WORLD/africa/02/26/togo/>).

¹⁹ Африканский Союз и по сей день, когда в Того функционирует переходное правительство, составленное из членов правящей партии и оппозиции, внимательно следит за тем, чтобы политический процесс оставался в рамках конституции.

²⁰ <http://www.eubusiness.com/ExternalRelations/050207125618.7qa76n6e>.

требуя, чтобы процессы передачи власти шли в русле законности. Однако, как показали дальнейшие события, в отличие от АС Евросоюз был изначально настроен более негативно в отношении политических процессов в Того. «Во время подготовки к выборам диалог между Того и ЕС окончательно зашел в тупик, — комментировали выборы аналитики информационного агентства AFROL. — Это стало ясно, когда тоголезские власти не допустили в качестве наблюдателя “Исследовательскую миссию ЕС”. В итоге международная делегация не прибыла, а ЕС сделал заявление в том духе, что выборы в любом случае не будут свободными и честными. Между тем наблюдатели от ЭСЗАГ и АС — ранее признавшие справедливым итог сомнительных выборов в Зимбабве — были допущены»²¹. Позиция Того в некотором роде схожа с той, которую занял Судан в аналогичной ситуации: это готовность вести диалог с Африканским Союзом и резкое неприятие прямого вмешательства Европы во внутренние дела страны. Не последняя по значимости причина этого, как представляется, — это не общее чувство солидарности с АС, а расчет на то, что куда более толерантное отношение надгосударственных структур Новой Африки к внутренней политике стран-участниц и еще не очень крепкие связи в самих органах управления будут на руку действующим правительствам. Интересно, что нигде нет свидетельств о недовольстве линией, взятой АС в отношениях со своими членами, которое Евросоюз в теории мог высказывать.

Другой военный переворот, имевший серьезные последствия для членства страны в АС, произошел в Мавритании в августе 2005 г. Возглавленный полковником Эли Мохаммедом Валем путч привел к падению авторитарного режима президента Маауйя Тайя, правившего страной на протяжении 21 года. На следующий же день Совет АС осудил вооруженный захват власти и вынес решение о приостановке членства Мавритании в Союзе до восстановления конституционного порядка. Второй мерой, принятой Советом, была организация специальной миссии министров АС в столицу Мавритании Нуакшот. Перед делегацией была поставлена задача

²¹ <http://www.afrol.com/articles/10424>.

разъяснить военному правительству позицию АС и склонить его к восстановлению конституционного строя. В ответ кабинет полковника Валь дал обещание провести выборы в течение 2 лет, а в подтверждение своих слов спустя почти год после переворота организовал референдум, на котором абсолютным большинством голосов была принята новая конституция, ограничившая президентский срок правления 5 годами (август 2006 г.).

Политика президента Тайя вызывала определенную степень недовольства в исламском мире и поддержку Запада: Мавритания являлась одним из трех государств Лиги Арабских Государств (далее ЛАГ), которое признавало государство Израиль, присоединилась в 2002 г. к призывам Соединенных Штатов развернуть войну против терроризма, подвергая резкой критике соседний Алжир за недостаточно активную борьбу с лагерями Аль-Каиды на юго-западе страны — как раз на границе с Мавританией. Таким образом, после свержения режима Маауя Тайя Запад рисковал потерять союзника, АС — стабильного партнера, территориально граничащего с Марокко, единственным, напомним, африканским государством, не являющимся членом АС. Но в то же время политика Тайя вызывала нарекания со стороны неправительственных правозащитных организаций, утверждавших, что его кабинет использует лозунги войны против терроризма в гео- и внутривнутриполитических целях для того, чтобы расправляться с оппозицией внутри страны и распространять влияние на соседние государства. Новый кабинет не стремился полностью перекраивать политический курс страны — это неудивительно, если принять во внимание, что полковник Валь на протяжении более чем 10 лет был соратником Тайя и политиком, формировавшим политическую линию развития Мавритании вместе с несколькими другими членами его кабинета. В частности, новое правительство не отказалось от антитеррористического курса, не изменило как принципу признания Израиля, так и участию в ЛАГ.

Та политика, которую после переворота ведет ЕС в отношении Мавритании, дает понять, насколько важным является для Европы не упустить из орбиты своего влияния это государство. В ноябре 2005 г. Евросоюз принял приглашение нового правительства Мавритании послать своих наблюдателей в местные законодательные

и муниципальные органы. «Эти выборы — еще один важный шаг в переходных процессах в Мавритании, — заявила глава еврокомиссии по внешним отношениям и соседской политике Бенита Феррера-Вальднер. — Они свидетельствуют о намерении действующего правительства двигаться к восстановлению демократических институтов после успешного референдума в июне этого (2006 г. — *С.Н.*) года. Миссия, которую ЕС направляет в Мавританию, свидетельствует о нормализации наших отношений, которым предшествовал интенсивный переговорный процесс»²². Помимо организации наблюдательской миссии было принято решение выделить 9 млн долл. США на проведение президентских выборов в марте 2007 г.

Слова главы еврокомиссии об интенсивном переговорном процессе имеют под собой абсолютно реальное основание: еще до августовского референдума по конституции подписи обеих сторон стояли на целой серии экономических соглашений. В июле 2006 г. был заключен договор о сотрудничестве в сфере рыболовства, по которому Мавритания допускала рыболовецкие суда 13 стран Евросоюза в свои территориальные воды, а ЕС финансировал развитие рыболовецкой инфраструктуры Мавритании (под эту программу был выделен фонд в размере 654 млн евро). Договор был подвергнут критике природоохранными и антимонопольными организациями за то, что его условия вкупе с производственными мощностями рыболовецких судов ЕС буквально «иссушают» территориальные воды Мавритании, пагубно сказываясь не только на экологии, но и на рыбной промышленности самой Мавритании, которая не в силах конкурировать с конвейерным способом рыбной ловли. Однако до свержения Тайя рыболовецким судам Евросоюза было негласно разрешено без каких-либо договоренностей добывать морепродукты, а новое правительство начало вести диалог с Европой, отказавшись от принесения в жертву стратегическому партнерству практических интересов государства. Какова же была (или сохраняется) роль Африканского Союза в этих отношениях? Никаких свидетельств того, что ЕС строил свои

отношения с Мавританией при посредничестве АС, тем более что его Ассамблея поместила Мавританию до восстановления конституционного строя в определенную изоляцию, обнаружить не удалось. В коммюнике Совета АС по поддержанию мира и безопасности Евросоюз упоминается как сторона, заинтересованная в скорейшем восстановлении демократического строя в Мавритании и отмечающая усилия кабинета Валя и АС в этом направлении, но ни о каких посреднических функциях речи в документе не идет²³. Единственная проблема, косвенно связанная с новым государством-изгоем, по которой два Союза консультировались между собой, — это проблема нелегальных североафриканских иммигрантов в Европу: их поток старались сдерживать по обе стороны Средиземного моря. Однако никаких признаков, что АС пытался быть посредником в экономических, да и политических переговорах, источники не дают, хотя нужно принимать во внимание, что времени с момента подписания договора прошло немного и часть информации может быть сейчас вне общего доступа. Здесь же следует сказать, что гипотетическое посредничество АС могло бы осложнить для Евросоюза весь процесс, так как последний при подписании контракта явно не собирался брать в качестве ориентира соглашения, достигнутые в Каире. Более или менее значительные расхождения договора о рыбной ловле в территориальных водах Мавритании с Каирским протоколом заметны в параграфах *Окружающая среда* (VI, 4, ПО-118) и *Интеграция Африки в мировую экономику* (III)²⁴. Формально ЕС мог не соблюдать этих соглашений, так как вел переговоры с государством, де-юре исключенным из АС, но вместе с тем итоговый вариант договора — как показала практика — поставил Мавританию в более выигрышную позицию по сравнению с той, в которой она находилась до прихода к власти полковника Валя.

Когда к марту 2007 г. процесс перехода Мавритании к демократической форме правления завершился первыми с 1960 г. свободными

²³ Brief on the Developments in the Transition Process in the Islamic Republic of Mauritania. 57th Meeting. 21 June 2006. Addis Ababa, Ethiopia. PSC/PR/2 (LVII).

²⁴ Africa-Europe Summit under the Aegis of the OAU and the EU. Cairo. 3–4 April 2000. 107/4/00 REV 4.

выборами президента страны, страна вернула себе статус полноправного члена АС. Евросоюз в отношении Мавритании также снизил до минимума элемент недоверия и настороженности. Решающим фактором, смягчившим и без того не слишком жесткую позицию ЕС, стала организованная совместно с АС миссия независимых наблюдателей на мартовских выборах 2007 г.

Таким образом, если сравнить политику ЕС в отношении двух изгоев АС — Того и Мавритании, контраст будет очевиден, хотя в целом политические процессы после переворотов шли, по сути, в одном направлении. В первом случае это отказ — до определенного момента — от любых контактов и изоляция, во втором же — стремление сохранить или наладить заново контакты, готовность к диалогу и сотрудничеству. Было бы преувеличением делать выводы о том, что ЕС берет на себя роль «злого полицейского» там, где Африканский Союз выступает «добрым», и наоборот: для этого нет ни достаточного материала, ни логических оснований. Скорее на основе приведенных выше фактов можно сказать, что Евросоюз — если это отвечает его интересам — будет стремиться сохранить отношения даже с теми странами, которые были подвергнуты остракизму со стороны своих соседей, и, наоборот, не будет менять свой курс в отношении неугодных режимов, даже если региональные партнеры этих стран терпимо относятся к внутривнутриполитическим процессам, там протекающим. Каким образом это соотносится с постоянно звучащими со стороны Евросоюза заявлениями о намерении консультироваться по всем вопросам со своими партнерами из АС? Если еще раз внимательно проанализировать этот спектр проблем, то станет очевидно, что ЕС действительно признает авторитет Новой Африки, ведь в обоих случаях ЕС имел возможность выработать особую линию поведения именно потому, что речь шла о государствах-изгоях из АС. Пример Судана и Чада показывает, что объединенная Европа в случае конфликта двух членов Африканского Союза скорее предпочтет выступать косвенным посредником, чем непосредственно арбитром: отношения с организацией в целом могут быть важнее, чем сиюминутные выгоды, равно как и выгоды в перспективе, извлекаемые из решения сугубо региональных проблем.

Новая стратегия в отношении Африки (2005 г.)

Накопившийся за три года опыт отношений ЕС со странами, входящими в АС, а также проблема Дарфура стали причиной следующего после Каирского протокола программного шага в отношениях двух Союзов. В октябре 2005 г. была озвучена и издана программа «Новой стратегии ЕС в отношении Африки». Программа не стала менять глобальные цели, обозначенные в Каирском плане, однако помимо общих слов и постановки проблем (также повторявшей почти слово в слово статьи принятого в столице Египта документа) в формулировке стратегии отводилось место, во-первых, более конкретным обещаниям и, во-вторых, предложениям по формату ведения политического диалога.

В числе обещаний и планов на пятилетку (с 2005 по 2010 гг.) Европейская Комиссия, ответственная за подготовку, обозначила следующие пункты²⁵:

1) в сфере финансов планировалось, что не менее половины средств из общеевропейских фондов помощи будут направляться в Африку. Эта мера должна обеспечить увеличение объемов безвозмездного финансирования с 17 млрд евро (2003 г.) до 25 млрд евро к 2010 г.²⁶;

2) в сфере поддержки бюджетов развивающихся стран было заявлено особое внимание к перспективным проектам, призванным уменьшить зависимость африканских стран от прямых инвестиций;

3) в сфере координации средств выдвигалось предложение совместной разработки инвестиционных программ всеми странами-донорами из числа ЕС, где совместные проекты превалировали бы над двусторонними;

²⁵ Цит. по: http://europa-eu-un.org/articles/en/article_5122_en.htm.

²⁶ Источником материальных и финансовых средств, как и 40 лет назад, оставался Европейский фонд развития (European Development Fund). Стоит сказать, что значительная часть денег из этого фонда направлялась в Африку еще по одному каналу — по соглашениям, достигнутых в рамках диалога ЕС — АКТ. Впрочем, к 2000 г. объемы помощи по этому направлению стали уступать объемам средств, заложенным в программы, которые Евросоюз вырабатывал совместно с АС.

4) также был озвучен призыв координировать безвозмездную гуманитарную помощь с такими факторами, как торговля, рыбный промысел, миграция и сельское хозяйство;

5) глобальная цель Новой стратегии состояла в том, чтобы помочь странам Африки выполнить задачи Миллениума (Millennium Development Goals), достигнув определенного уровня жизни и закрепившись на позициях твердого и планомерного развития.

При внимательном рассмотрении этих пунктов становится очевидно, насколько более прагматична «Новая стратегия» по сравнению с Каирским планом. По приведенным статьям можно судить о той позиции, которую занял ЕС:

- Из готовности финансировать перспективные проекты следует, во-первых, что в европейских кругах накопилась усталость от «черных дыр» проектов неперспективных, в которых пропадают деньги инвесторов, и, во-вторых, что африканским странам придется доказывать перспективность направлений, которые они планируют развивать (пункт 2).

- Европейская Комиссия больше внимания, чем раньше, уделила возможному несправедливому распределению средств, когда под один и тот же проект государство-реципиент по разным программам может получать помощь в двойном объеме, тогда как другие страны вынуждены из-за нехватки фондов оставаться «на сухом пайке» (пункт 3).

- Помощь — практически любая — ставится в некоторую зависимость от того, насколько государство-реципиент справляется с внутренней ситуацией, т.е. контролирует миграцию, выполняет планы аграрного производства, активно участвует в торговле и сотрудничает с внешними партнерами в сфере рыболовных промыслов (пункт 4).

- В виде компенсации этих устражающих условий ЕС обещает увеличение объемов фондов (пункт 1).

Звучащий в официальных документах и речах уже не первое десятилетие лозунг «Единая Европа — Единая Африка — общие цели» обрел несколько новое звучание, потому что именно АС заявляется европейцами (повторно после Каира) как важнейший стратегический партнер на континенте — воплощение «единой Африки». Соответственно и вышеозначенная программа в качестве

своего «глобального» реципиента подразумевает АС. Для реализации Новой стратегии ЕС предложил свою схему: регулярные встречи министерских «троек» с каждой стороны, подкрепляемые постоянной совместной работой Европейской и Африканской Комиссий. Под эту задачу чиновниками Европейской Комиссии был создан штаб-квартира отделения в Аддис-Абебе, где, собственно, Африканская Комиссия располагается.

Особняком в списке приоритетов Новой стратегии стоит поддержка мира и стабильности на континенте. Программе было дано название «Путь к миру в Африке» (African Peace Facility). Идея этой программы принадлежит также Африканскому Союзу, который по результатам саммита 2003 г. в Мапуту обратился к ЕС²⁷ с просьбой учредить отдельный поток финансирования миротворческих проектов. «Путь к миру» был призван возместить недостаток средств на содержание миротворческих корпусов АС и распределялся по таким направлениям, как логистика, жалование и довольство для персонала, расширение технической базы, — иными словами, на решение всех задач, не связанных напрямую с закупками вооружений и военными акциями. Ресурсом для реализации программы (а общая сумма составила 250 млн долл. США) служил тот же Европейский фонд развития. Вполне логично, что подавляющая часть средств шла на содержание Африканской Миссии в Судане — самого масштабного и важного миротворческого проекта за историю Новой Африки, и финансирование велось почти с самого начала вмешательства АС в Дарфурский конфликт, с апреля 2004 г.

Таким образом, «Новая стратегия» еще раз подтвердила спустя пять лет после Каира, что Евросоюз в качестве своего основного политического партнера и реципиента помощи видит Африканский Союз. Довольно четко прослеживается намерение Европейского Союза распределить потоки помощи более рационально, следуя путем не столько жесткой экономии, сколько централизации направляемых средств. Африканский Союз, таким образом,

²⁷ Показательный момент состоит в том, что адресатом воззвания стал именно Евросоюз, а не ООН, не мировое сообщество, не какой-либо иной внешний партнер АС.

брал на себя в этой схеме роль организации, в некотором отношении распределяющей средства и принимающей ответственность за реализацию инвестируемых программ.

На чем же помимо сказанного основывается нынешняя готовность Европы признать авторитет Африканского Союза на континенте? Есть ли на то соображения практического характера и каковы корни такого отношения? Кроются ли они в недавнем прошлом или ростки начали созревать еще во время существования ОАЕ? Для того чтобы прояснить ситуацию, обратимся к истории внешних отношений ОАЕ. Если не вдаваться в частности и сформулировать по пунктам то, что о них достоверно известно, то картина предстанет такая:

1. Организация Африканского Единства была создана как структура, нацеленная на укрепление связей между странами Черного континента и уничтожение остатков колониализма и расизма на континенте, т.е. позиционирующая себя в качестве оппонента бывших метрополий и неоколониальных держав.

2. Будучи проводником идей неприсоединения в Африке, ОАЕ — в силу своего антиколониализма — видела в Западе противника в том, что касалось насущных, ежедневных проблем африканских стран, но в то же время не спешила присоединяться к социалистическому блоку в силу расхождения по многим идеологическим параметрам.

3. Напряженность отношений между Европой и ОАЕ начала спадать приблизительно с 1980-х годов: когда процессы передачи власти в Африке окончательно сформировали ОАЕ в качестве консервативно ориентированного «Клуба диктаторов», а страны объединенной Европы, которая вступила в эпоху «евросклероза» и забвения идей общего политико-экономического пространства, почувствовали необходимость вернуться к старым контактам и прямым связям с бывшими колониями. В то же самое время страны ОАЕ окончательно вошли в экономическую орбиту западной экономики в качестве членов Организации АКТ (см. выше). Так, начало функционирования системы экспорта минералов SYSMIN, определенной Второй конвенцией ЕЭС — АКТ в Ломе (1980 г.) и позволившей африканским странам сохранить

конкурентоспособность в условиях падения цен на продукты минералодобывающей промышленности, закрепило зависимость Африки от экономики ЕЭС. Следует признать, что, несмотря на все заверения ЕЭС о том, что торговые соглашения с АКТ свободны от какого-либо политического подтекста и намерения давить на молодые суверенные государства, революционный, антикапиталистический или, точнее, конфликтный пафос деятельности ОАЕ постепенно уступал место более компромиссным заявлениям в духе готовности к долговременному сотрудничеству и признания того, что судьба Африки в ближайшей перспективе будет связана именно с Европой. Дополнительным свидетельством этого поворота стала окончившаяся провалом попытка полковника Каддафи, приход к власти которого в Ливии (в 1969 г.) почти что совпал с созданием ОАЕ, стать в 1982 г. новым председателем последней.

Широко известно, впрочем, что именно Каддафи был одним из идейных вдохновителей создания Африканского Союза и политиком, для которого активное участие арабского мира в поощрении Африки к дальнейшей интеграции, а следовательно, и укрепление влияния на черный континент, было одним из главных пунктов внешнеполитической программы. Однако созданный АС не только не качнулся в сторону Ближнего Востока, но и продемонстрировал готовность — как в случае с Суданом — встать в оппозицию к арабской политике в регионе и осудить агрессора. Этот инцидент по сей день является серьезным препятствием к сближению Африки южнее Сахары с Арабским миром. Разумеется, их отношения не ограничиваются одной лишь проблемой Дарфура: существует еще много факторов как «против», так и «за» сближение, но сейчас, с точки зрения историка, объемы и значимость фактического материала пока не позволяют делать выводы. Но с определенной долей уверенности можно утверждать, что Каирский план оказывает большее влияние на АС, чем инициативы Арабской Лиги, в силу традиции и экономической зависимости Африки от бывших метрополий.

К тому же годы, прошедшие с момента создания Африканского Союза, показывают, что последний развивается не совсем по предложенному Каддафи сценарию. Ливийский лидер видел в проекте

АС следующий шаг на пути к интеграции стран Черного континента — после довольно свободной структуры Организации Африканского Единства более централизованный Союз, со своими органами всех ветвей власти, с более серьезными обязательствами членов по отношению к центру, с большими полномочиями центральных органов в процессах принятия решений. АС должен был, по его мнению, не столько укрепить status quo, сколько стать тем, чем ЕЭС стало по отношению к Европейской организации угля и стали. Если судить по общей направленности заявлений Каддафи, в его «идеальной модели» Африки пути интеграции идут гораздо дальше, чем в европейском варианте: «У нас нет перспектив, пока не будет сильной единой переговорной позиции, а ее не будет, пока у Африки не будет общего министра иностранных дел и общего министра торговли... также и единой системы обороны. Все это связано: экономика, внешняя торговля, внешняя политика и оборона. Когда создавался Африканский Союз, я предложил учредить Африканский Конгресс, который, по сути, явился бы наследником Африканского Национального Конгресса — так назывались организации, под флагом которых многие африканские страны добились независимости... Конгресс был бы наделен правом вводить законы, дабы тем самым власть была передана в руки Африканской Нации, Африканского Народа, граждан Африки. Увы, был учрежден законосовещательный Африканский Парламент без толики власти. Я надеюсь, что однажды он станет Африканским Конгрессом. Почему нам следует бояться власти Конгресса?»²⁸. Как показывают и пункты Каирского плана, и реальный четырехлетний опыт АС, последний направлен на поддержание status quo куда больше, чем на унификацию Африки по Каддафи. Это видно и в отношении к государствам-изгоям из АС, которых организация готова принять обратно, если программы революционных правительств не будут более агрессивны, чем программы их свергнутых

²⁸ The Brother, Leader of the Revolution Presents to African Intellectuals His Strategic Vision of an African Cultural Revolution to Preserve the African Identity, its Historical Roots and Age-old Cultural Heritage // Muammar al-Gaddafi's speech to Senegalese people on 01/02/2005 // http://www.algathafi.org/en/meeting4_en.htm.

предшественников. Иными словами, в случае если какое-либо государство из участников АС начнет вести политику объединения Африки по модели, предложенной ливийским лидером, то его скорее объявят агрессором, чем согласятся вступить в объединенную таким способом Африку.

Чтобы дополнить картину отношений с Европой, попробуем сравнить структурные особенности двух Союзов — хотя бы в общих чертах. Выше уже шла речь о членстве в Африканском Союзе, однако, например, интересно проследить эволюцию инкорпорирования новых членов. Так, статья IV Хартии ОАЕ гласила, что принимает в свои ряды все независимые и суверенные государства Африки. Аналогичный пункт в акте о создании АС указывает, что членство в Союзе определяется простым большинством голосов на общем собрании. Оба способа принятия новых участников явно контрастируют с процессом принятия в Евросоюз: нет смысла останавливаться на том, что выгоды, связанные с вхождением в последний, куда более значимые. Можно соглашаться и не соглашаться с определением АС как «Клуба диктаторов», однако следует признать, что Африканский Союз в настоящее время функционирует — действительно — как межправительственное сообщество, направленное на поддержание мирного существования на континенте. Если в Евросоюзе на протяжении последних лет национальные аппараты все больше уступают власть общеевропейским, с одной стороны, и неправительственным организациям — с другой, то Новая Африка, наоборот, стремится сконцентрировать процесс принятия решений в руках исполнительной власти стран-участниц и координировать их действия на этом уровне.

Вследствие этого на внешнеполитическом фронте АС, окончательно перейдя к более консервативной тактике, становится для Евросоюза организацией, с которой — беря во внимание экономическую зависимость стран АС — куда легче вести диалог, чем с революционно настроенной Организацией Африканского Единства. Большая концентрация на внутренних проблемах по сравнению с ОАЕ, занимавшей четкую антиколониальную позицию во времена биполярного мира и более ориентированной на внешнюю политику, также позволяют говорить о том, что Африканский Союз

становится для ЕС партнером, а не оппонентом, при том условии, что ЕС, разумеется, спонсирует программы развития Новой Африки.

Сегодня трудно спрогнозировать, по какому пути пойдет диалог ЕС — АС. Время должно показать, какое место он займет среди подобных двусторонних отношений и сможет ли стать новой ступенью по сравнению с диалогом ЕЭС (ЕС) — ОАЕ. Отчасти, как представляется и как показывают факты, это уже произошло, но витальность программы можно будет понять в долгосрочной перспективе. Сейчас намечены особенности и постепенно выявляется характер отношений, будут ли последующие перемены эволюционными или революционными — неизвестно. Однако на настоящий момент можно с определенной долей уверенности утверждать: Новая Африка стремится к сотрудничеству как между своими членами, так и с внешними партнерами, и старается изменить с учетом реалий дня и модернизировать курс, взятый в 1960-х годах ОАЕ.

© Никуличев С.Ю., 2009

С.В. Мазов

***Воспитывать «людей с прогрессивными взглядами,
искренних друзей Советского Союза».***

***Государственная политика в отношении обучавшихся
в СССР африканцев, первая половина 1960-х годов***

В России сложилась африканская диаспора, мини-копия Черного континента, вобравшая его разнообразие, противоречия, проблемы. Полвека назад в Советском Союзе африканцы были в диовинку. А теперь многие из них успешно адаптируются к российской жизни, борются за «место под солнцем» и из-за цвета кожи чаще других «чужих» становятся объектами проявлений расизма.

Опубликованные материалы не дают возможности объективно разобраться в положении учившихся в СССР африканцев. Это была одна из горячих тем в идеологической конфронтации между участниками «холодной войны», которые освещали ее с предельно политизированных позиций. Советская пропаганда последовательно создавала образ студента-африканца, который пылливо овладевает знаниями, хорошо материально обеспечен, не знает, что такое расовая дискриминация, восхищен достижениями страны Советов и благодарен ей за заботу. С не меньшим упорством западные средства массовой информации изображали жизнь африканцев в СССР сплошным кошмаром: постоянные проявления расизма, плохие материальные и жилищные условия, «промывка мозгов» марксизмом-ленинизмом, преследования за нелояльность к советскому строю, слежка и провокации спецслужб.

Обнаруженные автором документы из отечественных архивов были секретными и не подвергались цензуре, подгонявшей факты и мнения под официальные идеологические установки и политическую конъюнктуру. Они позволяют в какой-то мере воссоздать реальную и панорамную картину жизни африканцев в Советском

Союзе, их взаимоотношения с властными инстанциями и советскими гражданами.

Советское руководство рассматривало крушение колониальной системы и становление освободившихся государств в качестве субъектов международных отношений сквозь призму «холодной войны». Бывшие колонии превратились из прочного тыла Запада в его уязвимое место, куда можно было ворваться на антиколониальной волне, добившись поддержки миллионов пробудившихся к новой жизни людей.

1960 год вошел в историю под названием «Год Африки», потому что тогда провозгласили независимость 17 африканских стран. 20 января 1960 г. ЦК КПСС принял секретное постановление «О расширении культурных и общественных связей с негритянскими народами Африки и усилении влияния Советского Союза на эти народы». Одним из главных инструментов усиления советского влияния должна была стать образованная африканская молодежь. В первом пункте постановления признавалось «целесообразным увеличить прием учащихся студентов и аспирантов из негритянских стран Африки для обучения в высших учебных и средних специальных заведениях Советского Союза». ЦК обязал исполнительную власть довести число стипендий для студентов из Африки до 300 и распространить на них материальное обеспечение, предусмотренное для студентов из колониальных и зависимых стран¹.

Количественные задания были выполнены и перевыполнены быстро. Если в декабре 1959 г. в советских вузах училось 114 студентов и аспирантов из Африки южнее Сахары², то в мае 1961 г. их насчитывалось 402. Среди 25 стран наиболее крупные контингенты обеспечили Гана (108) и Гвинея (69), численность граждан Камеруна, Мали, Нигерии, Сомали, Сьерра-Леоне и Того была не менее 20³.

¹ Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. Том II / под ред. А. Б. Давидсона, С. В. Мазова. М., 1999. С. 165–166.

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 639. Л. 59.

³ Там же. Ф. 5. Оп. 35. Д. 180. Лл. 76, 77. Министр высшего и среднего специального образования СССР В. Елютин — ЦК КПСС. Справка о контингенте приема учащихся-иностранцев, 22 мая 1961 г.

Эту статистику нельзя считать полной, поскольку она не учитывала африканцев, обучавшихся в закрытых учреждениях — Ленинской школе, военных училищах.

Большинство африканцев учились в Университете дружбы народов, главной советской кузнице кадров интеллигенции для развивающихся стран. УДН был учрежден по личной инициативе Н.С. Хрущева решением Президиума ЦК КПСС 5 февраля 1960 г.⁴ В опубликованном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об организации Университета дружбы народов» основной целью университета называлась «подготовка национальных кадров стран Азии, Африки и Латинской Америки»⁵. Существовали и тайные планы, более конкретные и масштабные. Первый ректор УДН С. В. Румянцев и министр высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютин в записках Н.С. Хрущеву и Совмину СССР подчеркивали, что они руководствуются задачей «формирования специалистов, способных по уровню знаний и по своему общекультурному кругозору превзойти выпускников высших учебных заведений передовых капиталистических стран». Университет задумывался как образцовое по мировым стандартам высшее учебное заведение, «отлично организованное, располагающее опытными кадрами, достаточно оснащенное материально, <...> высоко авторитетное в научном, учебно-методическом и общественно-политическом отношениях»⁶. Столь блестящие характеристики предполагали статус ведущего мирового центра по подготовке национальных кадров для развивающихся стран.

Власти СССР последовательно осуществляли комплекс мер, которые были продиктованы стремлением выиграть у Запада борьбу за умы африканской молодежи.

Делалось все возможное, чтобы в советские вузы попадали только благонадежные по советским меркам африканцы. По указанию вышестоящих инстанций администрация УДН организовала

⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 769. Л. 92. Д. 783. Л. 12.

⁵ Там же. Д. 783. Л. 13.

отбор кандидатов таким образом, чтобы они находились под контролем советской стороны. Согласовав свои действия с МИД СССР, ректор УДН «обратился к советским послам в странах Азии, Африки и Латинской Америки с разъяснением о порядке приема в Университет и с просьбой оказывать возможное содействие Университету в вопросе отбора наиболее подходящих кандидатов для зачисления в Университет». Он предложил послам «не обращаясь к официальным властям страны их пребывания, рекомендовать наиболее подходящие кандидатуры из числа лиц, подавших заявление в Университет, соблюдая при этом все меры предосторожности, действуя через друзей или соответствующих доверенных лиц»⁷.

Естественно, что действия в обход национальных правительств вызвали у них «неудовольствие». Прозвучали заявления, что лицам, желающим выехать без ведома государственных органов на учебу в СССР, паспорта выдаваться не будут⁸. Гана и Гвинея обратились в посольства СССР с соответствующими официальными запросами, Сомали направило в посольство памятную записку. В ней обращалось внимание на «случаи прямого предоставления стипендий со стороны дипломатических представительств, аккредитованных при Сомалийской Республике, сомалийским организациям и гражданам, причем <...> в большинстве случаев абсолютно не принимается во внимание политика школьного образования Сомалийской Республики». Правительство Сомали уведомяло посольство о своем решении «концентрировать все стипендии, предоставляемые заграничными представительствами, в Министерстве народного образования Сомалийской Республики» и предлагало «с настоящего момента и впредь воздержаться от предоставления стипендий непосредственно организациям и гражданам Сомалийской Республики»⁹.

⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 856. Л. 39.

⁸ Там же.

⁹ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 5. Д. 14. Л. 109, 110. Памятная записка Министерства иностранных дел Сомалийской Республики посольству СССР, 16 августа 1961 г. Перев. с итал.

Полуконспиративные методы отбора абитуриентов имели серьезные и многоплановые негативные последствия. Их изложил в записке ЦК председатель КГБ А. Н. Шелепин. Во-первых, некоторые правительства развивающихся стран «начали проявлять известное недоверие к истинным целям создания Университета» из-за «ложного впечатления», что его открытие «преследует чисто политические цели и что он по своему характеру является повторением Коммунистического университета трудящихся Востока». Помимо ритуальной ссылки на «влияние реакционной пропаганды», Шелепин объяснял «подобную настороженность» и промахами советской стороны. Официальные запросы об УДН «длительное время остаются без ответа», а тем временем «огромное количество лиц, желающих учиться в СССР, устанавливают контакт с советскими представителями за границей и непосредственно с Университетом, в обход национальных правительственных учреждений, занимающихся вопросами образования». Резидентуры КГБ за границей сообщали, что «послы СССР в некоторых странах стремятся самоустраниться от всякого участия в наборе студентов или пустить это важное дело по нелегальным каналам. Имеются сигналы о том, что полное игнорирование правительственных учреждений дружественных нам государств в проведении этой работы болезненно воспринимается ими и может привести к обострению отношений. Вместе с тем такое положение отрицательно скажется и на качестве набираемых контингентов, а также на их последующем трудоустройстве»¹⁰.

Во-вторых, набор студентов без участия официальных структур создавал дополнительные трудности ведомству Шелепина: «Разведывательные службы капиталистических стран получают дополнительную возможность для засылки в СССР через третьи страны своей агентуры и кадровых разведчиков, пользуясь тем, что проверка их на местах окажется затруднительной. Впоследствии эта категория может осесть в СССР или в других социалистических странах под предлогом бойкотирования их своими правительствами. Уже сейчас посольства СССР в Риме и Каире осаждаются

¹⁰ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 856. Л. 45–46. Председатель Комитета Госбезопасности А. Шелепин — ЦК КПСС, 13 июня 1960 г.

группами эмигрантов из африканских стран, добывающимися посылки их на учебу в СССР, мотивируя это отсутствием средств к существованию. Провести предварительную проверку этих лиц не представляется возможным. Кроме того, полное отсутствие официальных контактов в деле набора студентов не только затруднит нелегальный отбор кандидатов там, где в этом имеется необходимость, но в значительной мере сузит возможности проверки отбираемых лиц». Сотрудничество с правительственными учреждениями, напротив, открывало «широкие возможности для изучения принимаемых в Университет», разработки интересных КГБ «иностранцев из числа интеллигенции» и легализовало «выезды в государства и районы, обычно трудно доступные для деятельности советской разведки»¹¹.

2 августа 1960 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление, в котором признал, что «для успешного набора студентов и организации учебно-воспитательной работы в Университете дружбы народов» необходимо информировать правительства развивающихся стран о целях создания Университета и сотрудничать с ними при отборе абитуриентов¹². Секретариат утвердил указания на этот счет послам в ряде стран, в частности в Гане. Из них явствовало, что УДН не преследует политических целей и не является государственным учреждением: «Университет дружбы народов создан с целью помочь странам Азии, Африки и Латинской Америки в деле подготовки кадров — специалистов в различных областях народного хозяйства, науки и культуры». Организаторами УДН назывались «советские общественные организации» — Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Они образовали Совет университета, которому и принадлежит «право зачисления в Университет, равно как и установления количества вакантных мест, выделяемых для каждой страны». Совет

¹¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 856. Л. 46–47.

¹² Там же. Л. 28. Постановление Секретариата ЦК КПСС «Вопрос Университета дружбы народов». Протокол заседаний Секретариата ЦК КПСС № 159. П. 5-с. 30 июля 1960 г.

выражал надежду, что «правительство и официальные учреждения Ганы окажут необходимое содействие лицам, направляющимся в Советский Союз для поступления в Университет дружбы народов»¹³.

Реально Совет был таким же проводником государственной политики СССР, как и номинальные учредители университета. «При отборе кандидатов в Университет дружбы народов, — сообщал в ЦК КПСС ректор Румянцев в октябре 1960 г., — Приемная комиссия и Совет университета в первую очередь руководствовались наличием у поступающих рекомендаций как от советских представительств и общественных организаций, так и от прогрессивных общественных организаций в странах приема». Это не гарантировало прием только «желательных» студентов. Рекомендации оказались у 89 из 190 кандидатов-африканцев, что объяснялось «прежде всего отсутствием компартий в странах Черной Африки и малочисленностью советских представителей в этих странах». Кроме того, к кандидатурам «отдельных местных организаций» приходилось «относиться сдержанно, ввиду недостаточной информации о них». И как результат «в отдельных случаях рекомендации были выданы непроверенным, случайным и даже прямо подозрительным лицам»¹⁴.

Так что порой приходилось действовать «через друзей и доверенных лиц». И в обход официальных структур. МИД рекомендовал УДН передать все официальные стипендии для сомалийцев сомалийскому министерству просвещения, продолжив практику приема по рекомендации оппозиционной Лиги Великого Сомали (ЛВС), «но отправку этих студентов организовать через третьи страны»¹⁵. Механизм нелегального набора студентов для учебы в СССР становится ясным из беседы, состоявшейся 13 августа 1962 г., между временным поверенным в делах СССР в Сомали

¹³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 856. Л. 35, 36. Приложение № 4 к П. 5-с, протокол № 159. Указания советскому послу в Гане.

¹⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 35. Д. 149. Л. 197, 198.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 5. Д. 14. Л. 86. Заведующий 1-м Африканским отделом А. Шведов — ректору УДН С. В. Румянцеву, 20 марта 1962 г.

С.С. Зыковым и Юсуфом Самантаром, секретарем по вопросам национального руководства Сомалийского Демократического Союза (СДС)¹⁶. Сообщив, что СДС выделено 155 стипендий, дипломат «высказал мнение, что с учетом существующей в Сомали обстановки транспортировку студентов стоило бы осуществлять через третьи страны, где они могли бы обратиться в советские посольства за визами и средствами для проезда до Москвы». Самантар согласился и в «целях дополнительной конспирации» предложил «сделать так, чтобы до отлета из Могадишо только старшие групп знали бы, что предстоит учеба именно в СССР, а остальные были бы информированы об этом только в дороге»¹⁷.

Сферой особого внимания советских властных инстанций стала «правильная организация здорового быта граждан из слаборазвитых стран»¹⁸. Государство обеспечило им бесплатное образование, медицинское обслуживание, они получали повышенные стипендии, пособия на лечение, теплую одежду и приобретение научной литературы¹⁹. Африканцам, «принимаемым на обучение в советские вузы общественными организациями Советского Союза», полагалась специальная привилегия. Совет Министров СССР постановил, что с 1 сентября 1961 г. оплата их проезда «в оба направления» производится за счет советской стороны²⁰.

¹⁶ СДС был образован в 1962 г. левым крылом ЛВС и Объединенной партией Сомали.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 4. Д. 4. Л. 31, 32.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 902. Л. 35. Приказ министра высшего и среднего специального образования СССР № 86 «О воспитательной работе среди студентов и аспирантов, прибывших в СССР из слаборазвитых в экономическом отношении капиталистических стран», 30 июня 1960 г.

¹⁹ Там же. Л. 51. Министр высшего и среднего специального образования СССР В. Елютин, зам. министра высшего и среднего специального образования РСФСР Н. Краснов — ЦК КПСС. Справка о воспитательной работе среди иностранных студентов и аспирантов в вузах СССР, 28 сентября 1960 г.

²⁰ Там же. Д. 1002. Л. 129. Постановление Совета министров СССР № 458–488 «Об оплате проезда гражданам из стран Африки, принимаемым на обучение в советские вузы общественными организациями Советского Союза» от 26 мая 1961 г.

На особом положении находились студенты УДН. Министерству торговли были даны указания «обеспечить экипирование студентов Университета дружбы народов по его заявкам через магазины и ателье» и «организовать в учебных зданиях и студенческих общежитиях столовые и буфеты для обслуживания студентов и работников Университета разнообразным и в необходимых случаях национальным питанием». Ежемесячно выделялось 10 тыс. руб. «для организации спецбуфета». Предусматривалось создание медпункта «с кабинетами: терапевтическим, хирургическим, стоматологическим, физиотерапевтическим» и профилактория на 75 мест. Позаботились о безопасности студентов и сотрудников УДН, установив ему «военизированную охрану первой категории»²¹.

Министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин и заместитель министра высшего и среднего специального образования РСФСР Н. Краснов докладывали в ЦК КПСС, что в результате «исключительной заботы» государства об иностранных студентах и аспирантах им «созданы все условия, чтобы без забот о заработке успешно овладеть знаниями»²². Однако факты, приведенные этими высокопоставленными чиновниками и другими должностными лицами, свидетельствовали, что бытовые условия иностранных студентов вряд ли можно было считать хорошими даже по советским меркам.

Остро стояла жилищная проблема, и решать ее приходилось за счет советских студентов. В августе 1961 г. Государственный комитет Совета министров СССР по культурным связям с зарубежными странами, Госкомитет по профтехобразованию, Министерство высшего и среднего специального образования, Министерство здравоохранения и Академия наук «внесли в ЦК КПСС предложение о расширении в СССР подготовки кадров для экономически слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки»²³.

²¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 806. Л. 32, 33.

²² Там же. Д. 902. Л. 51.

²³ Там же. Оп. 18. Д. 59. Л. 61. Г. Жуков, С. Курашов, М. Прокофьев, М. Лаврентьев — ЦК КПСС, 4 августа 1961 г.

Представители этих организаций констатировали: «Большинство студенческих общежитий в Москве и других городах Советского Союза построены в 30-х годах, во многих из них отсутствуют элементарные бытовые условия. Несмотря на увеличение обучающихся в вузах студентов, строительство общежитий в течение последних лет не производилось. В этих условиях иностранных студентов размещают в многоместных комнатах без достаточных условий для занятий. Имеются частые случаи выселения советских студентов и размещения их по частным квартирам, чтобы на их месте разместить иностранцев»²⁴.

Просторными и уютными общежития все равно не становились. Общежития строились для неприхотливого советского студента, «без учета размещения в них иностранных учащихся», и последние едва ли могли чувствовать себя там комфортно. Елютин и Краснов признавали, что «условия жизни в общежитиях не всегда отвечают запросам иностранцев». Жили в стесненных условиях (3–4 человека в комнате), душевых не хватало, если они работали, ванных комнат не было вовсе. Африканцы страдали от холода, поскольку нормы на отопление, «вполне достаточные для советских студентов», оказывались «крайне заниженными» для студентов, «прибывших из тропических стран». Они получали пособие в размере до 3 тыс. руб. на приобретение теплой одежды. Но в условиях дефицита «проходили недели после приезда в СССР, а студенты не могли купить в магазинах теплые пальто, теплую обувь и другие товары». Выход предлагался чисто советский: «Необходимо поручить Министерству торговли РСФСР выделить в ГУМе специальные фонды теплой одежды и обуви для экипировки иностранных студентов»²⁵.

Многих студентов из Африки, например нигерийцев, раздражали «перенаселенность общежитий, отсутствие возможностей

²⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59. Л. 65.

²⁵ Там же. Оп. 16. Д. 902. Л. 52, 53. Справка о воспитательной работе среди иностранных студентов и аспирантов в вузах СССР, 28 сентября 1960 г.

уединиться, однообразное питание, неудовлетворительное сантехническое оборудование»²⁶.

Еще в более неприглядных условиях жили 55 гвинейских курсантов Центральных курсов по подготовке и усовершенствованию авиационных кадров Министерства обороны СССР в Киргизии. Побывавший там с инспекционной проверкой работник ЦК КПСС Б. Попов зафиксировал «существенные недостатки» в организации быта, питания, торгового и медицинского обслуживания слушателей курсов: «Курсанты размещены по 6–7 человек в комнате, помещения обставлены плохо, мебели недостаточно. Большинство жилых зданий с печным отоплением, как правило, без водопровода и канализации. Ощущается недостаток питьевой воды». В продаже «было мало разнообразных кондитерских изделий, дефицитных и высококачественных товаров», а «хорошей почтовой бумаги, конвертов» и вовсе не нашлось. Негде было починить одежду и обувь. Санитарные части располагались в «примитивных помещениях», где из-за тесноты «нельзя развернуть положенное число коек». В одном гарнизоне это была бывшая конюшня, в другом уборная²⁷.

Советский командный и вольнонаемный состав курсов жил не лучше. 300 офицеров нуждались в квартирах. Рядовые и сержанты сверхсрочной службы размещались «в казармах с двухъярусными койками, в чрезмерно стесненных условиях». «Вид наших солдат» Попов назвал «крайне неприглядным»: «Хлопчатобумажное форменное обмундирование сильно изношено, к тому же на многих солдатах оно не по размерам. Шляпы грязные и потеряли свою форму. Фуражек и парадного обмундирования не хватает. Все это создает впечатление бедности и неряшливости, на что также обращают внимание иностранцы»²⁸.

²⁶ *Matusevich M.* No Easy Row For a Russian Hoe: Ideology and Pragmatism in Nigerian-Soviet Relations, 1960–1991. Trenton (NJ); Asmara, 2003. P. 84.

²⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 937. Л. 95, 96. Инструктор Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Б. Попов — ЦК КПСС. О положении на Центральных курсах по подготовке и усовершенствованию авиационных кадров Министерства обороны СССР, 31 декабря 1960 г.

²⁸ Там же.

Неудивительно, что у иностранцев складывалось «превратное и искаженное представление о нашей советской действительности». Об этом они сообщали и в письмах домой: «Страна спутников, а такая беднота», «Здесь нет даже хорошей бумаги, чтобы написать вам письмо», «Все, что говорили нам о Советском Союзе, это неправда, здесь много бедности». «В руках наших врагов и политиканов, — бил тревогу Попов, — подобные письма могут быть средством пропаганды против нас, против социалистического лагеря»²⁹.

Реакция ЦК была оперативной. В январе 1961 г. Секретариат принял постановление о срочных мерах для исправления положения на курсах³⁰. В марте в ЦК поступил доклад, где сообщалось, что «в целях улучшения условий учебы, жизни и быта иностранных военнослужащих и постоянного состава курсов Министерства обороны на капитальное строительство и ремонт культурно-бытовых и аэродромных объектов в 1961 г. выделено 2,25 млн руб. Строительство этих объектов отнесено к первоочередным». На курсы было «дополнительно направлено необходимое количество мебели и предметов уюта для оборудования культурно-бытовых и учебных помещений». Улучшилось «снабжение гарнизонов промышленными и продовольственными товарами, медицинское обслуживание иностранцев и постоянного состава курсов»³¹.

Можно было наладить сносный быт в отдельно взятом гарнизоне или общежитии, но невозможно было исправить все то,

²⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 937. Л. 96–97.

³⁰ Там же. Л. 90. Постановление Секретариата ЦК КПСС «Записка Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам и Отдела административных органов ЦК КПСС “О положении на Центральных курсах по подготовке и усовершенствованию авиационных кадров Министерства обороны СССР”». Протокол заседания Секретариата ЦК КПСС № 171. П. 9-с. 10 января 1961 г.

³¹ Там же. Л. 117. Зав. Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам В. Титов, зав. Отделом административных органов ЦК КПСС Н. Миронов — ЦК КПСС, 17 марта 1961 г.

что мешало африканцам «увидеть преимущества социалистического строя и социалистической системы хозяйства»³². Те из них, кто побывали на Западе, тяготились советской действительностью. «В Москве, — делился своими впечатлениями нигерийский студент, — нет легковых автомобилей, кафе, хорошей одежды и еды, нечего купить или поискать в магазинах, нет никаких ярких событий, оживляющих гнетущую серость московской жизни»³³.

Бытовые неудобства советское руководство не считало серьезной помехой для усвоения студентами из развивающихся стран коммунистической идеологии, «формированию национальных кадров прогрессивного направления»³⁴. Иностранные студенты, полагал В. П. Елютин, должны испытывать «уважение к порядкам, установленным в нашей стране, предоставившей им гостеприимство, а нередко и бесплатный дом и хлеб»³⁵. Но не хлебом единым... Во главу угла воспитательной работы с ними ставилась задача «подготовить из иностранной молодежи не только высококвалифицированных специалистов на уровне современной науки, техники и культуры, но и верных друзей Советского Союза, активных пропагандистов социалистических идей среди своих соотечественников»³⁶. Спустя четыре месяца ЦК КПСС обязал «партийные, комсомольские, профсоюзные организации и руководителей вузов повседневно заниматься вопросами обучения, воспитания и быта иностранных студентов, аспирантов и стажеров с тем, чтобы они вышли из советских высших учебных заведений не только высококвалифицированными специалистами,

³² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 937. Л. 91. В. Чураев, Н. Миронов — ЦК КПСС, 31 декабря 1960 г.

³³ *Matusevich M.* Op. cit. P. 84.

³⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59. Л. 61. Г. Жуков, С. Курашов, М. Прокофьев, М. Лаврентьев — ЦК КПСС, 8 августа 1961 г.

³⁵ Там же. Оп. 16. Д. 902. Л. 36. Приказ министра высшего и среднего специального образования СССР № 86. «О воспитательной работе...», 30 июня 1960 г.

³⁶ Там же, Л. 34.

но и людьми с прогрессивными взглядами, искренними друзьями Советского Союза»³⁷.

Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР нацеливали вузы на создание системы учебно-воспитательной работы, которая ставила иностранных студентов под плотный и постоянный контроль идеологических наставников. Пребывание иностранных студентов «в нашей социалистической стране» следовало «наиболее полно использовать для пропаганды и привития им социалистического мировоззрения. Им необходимо обстоятельно и тактично разъяснить, что современная эпоха — эпоха разрушения и неминуемой гибели капиталистической системы, эпоха рождения и расцвета социалистического типа международных экономических и политических отношений, которые, например, сложились у нас со странами народной демократии и со многими странами Азии и Африки»³⁸.

Идеологическая работа должна была стать неотъемлемой частью всего учебного процесса. Роль подготовительных факультетов не ограничивалась обучением русскому языку, им следовало «решать воспитательные задачи и глубже изучать настроения и думы каждого студента, чтобы вуз, принимающий данного студента на дальнейшее обучение, имел о нем исчерпывающую характеристику». Для выполнения столь разнообразных функций необходимо было «привлекать на кафедры русского языка квалифицированных и политически зрелых преподавателей, способных правильно направить мысли молодежи, нуждающейся не только в разъяснении научных вопросов, но и явлений повседневной советской действительности»³⁹.

³⁷ Постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы среди студентов, аспирантов и стажеров стран Азии, Африки, Латинской Америки и некоторых стран Запада, обучающихся в высших учебных заведениях СССР», 3 ноября 1960 г. // Россия и Африка. Т. II. С. 326.

³⁸ РГНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 902. Л. 41. Справка о воспитательной работе среди иностранных студентов и аспирантов в вузах СССР, 28 сентября 1960 г.

³⁹ Там же. Л. 44, 45.

От подготовительных факультетов воспитательная эстафета переходила к кафедрам общественных наук. Их обязали пропагандировать «в доходчивой и доступной форме, силами преподавательского состава» достижения «Советского Союза в области внутренней и внешней политики, борьбу СССР за сохранение мира и безопасности народов», знакомить иностранных студентов «с историей КПСС и историей нашей страны, с основами марксизма-ленинизма, философии, политической экономии и другими вопросами»⁴⁰.

Внеучебная работа с иностранцами возлагалась на партийные и комсомольские организации. Она ограничивалась «мероприятиями преимущественно культурно-просветительного характера» — экскурсиями, вечерами отдыха, походами в театр, поездками по стране. Поэтому «отдельные студенты по своей инициативе, без влияния и контроля со стороны наших партийных органов начали создавать на своей основе политические организации со своими уставами и программами». В их числе называлась «Лига африканских студентов»⁴¹. Партийные организации должны были «оказывать влияние на содержание политической работы со студентами» через их организации и землячества⁴².

Преподавание социально-экономических курсов не было обязательным для студентов из капиталистических и развивающихся стран, и они выпадали «из сложившейся в советских вузах системы идеологического воспитания». Для исправления «этого недостатка» предлагалось «вне учебного времени проводить для студентов лекции, доклады, научные семинары по актуальным проблемам истории нашего государства, по внешней и внутренней политике коммунистической партии и правительства, по вопросам

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 902. Л. 38. Приказ министра высшего и среднего специального образования СССР № 86 «О воспитательной работе...» от 30 июня 1960 г.

⁴¹ Речь идет о Союзе студентов Черной Африки в СССР.

⁴² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 902. Л. 46. Справка о воспитательной работе среди иностранных студентов и аспирантов в вузах СССР, 28 сентября 1960 г.

советской культуры и т.д.». В помощь преподавателям следовало привлекать «умелых молодых людей, которые основной своей обязанностью считали бы проведение всесторонней воспитательной работы среди иностранных студентов. В частности, они должны проводить внеучебную культурно-просветительную и политическую работу, иначе говоря, стать их политическими руководителями и наставниками. Работу таких воспитателей следует организовать при студенческих клубах или других подобных учреждениях вузов»⁴³.

Даже в своей комнате в общежитии студент из-за границы не должен был оставаться без внимания идеологических опекунов: «В общежития с иностранными студентами подселать для совместного проживания в одной комнате (с согласия иностранных граждан) или в смежные комнаты наиболее политически грамотных, морально устойчивых и принципиальных советских студентов и аспирантов, однако, учитывая возрастные особенности и тех и других»⁴⁴.

Описанная модель воспитательной работы была довольно быстро реализована на практике. Заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР М. Прокофьев докладывал в ЦК КПСС в декабре 1961 г.: «Решая большую и сложную задачу идеологического воспитания студентов из капиталистических и слаборазвитых стран, наши вузы накопили известный опыт такой работы»⁴⁵.

«Наиболее основательно и продуманно» она была поставлена в УДН. Там была выстроена система тотального охвата всех студентов «изучением социально-экономических дисциплин», хотя формально оно оставалось делом добровольным. Идеологическая

⁴³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 902. Л. 47, 48.

⁴⁴ Там же. Л. 37. Приказ министра высшего и среднего специального образования СССР № 86 «О воспитательной работе ...» от 30 июня 1960 г.

⁴⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 35. Д. 180. Л. 196. Заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР М. Прокофьев — ЦК КПСС. Справка об обучении иностранных студентов в вузах СССР и состоянии воспитательной работы с ними, 15 декабря 1961 г.

работа начиналась на подготовительном факультете с изучением русского языка, «когда студентов знакомили также с основными политическими понятиями и общественной и культурной жизнью страны». Затем студенты изучали «факультативный цикл идеологических дисциплин» — «Историко-экономический обзор» (на подготовительном факультете), «Политическую экономию» (на I и II курсах), «Исторический и диалектический материализм» (на III и IV курсах). «Историко-экономический обзор» представлял собой «первый в Советском Союзе систематический курс марксистско-ленинской социологии, прочитанный для иностранных студентов на пяти языках — английском, французском, испанском, арабском, японском. В лекциях этого курса в доступной популярной форме разъясняется, как одна социально-экономическая формация закономерно сменяется другой. При этом всесторонне показываются различные аспекты и процессы, происходящие внутри той или иной формации — экономические, социальные, политические и идеологические. Конкретно-исторические события привлекаются в качестве иллюстративного материала к теоретическим положениям». Явления, которые не укладывались в эту стройную линейную формационную схему, трактовались как «пережитки, сохранившиеся или даже господствующие в тех или иных странах Азии, Африки и Латинской Америки»⁴⁶.

Видимо, далеко не все студенты горели желанием постигать доктрину, которая объявляла реалии их стран «пережитками». Прокофьев отмечал, что «наибольший интерес и восприимчивость к основам политических знаний проявляют студенты тех стран, которые занимают более прогрессивные позиции, например, Мали и Гвинеи», а также студенты из государств, где «имеются реакционные правительства» (бывший французский Камерун). Да и им гранит марксистской науки давался нелегко. Трудным для усвоения оказался постулат об «ограниченности демократии в эксплуататорском обществе», материалистическая трактовка происхождения религии, «такие категории, как производительные

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 902. Л. 197–198.

силы, производственные отношения, способ производства, базис, надстройка, общественно-экономическая формация»⁴⁷.

По сравнению с образцовым УДН в других учебных заведениях воспитательная работа была организована хуже. Учебный процесс слабо использовался «в целях воспитания иностранцев»: «При изложении материалов о выдающихся успехах советской науки и техники не всегда подчеркивается, что достигнуты они прежде всего благодаря победившей в нашей стране социалистической системе хозяйства, марксистско-ленинской идеологии, великим преимуществам социализма перед капиталистическим строем». Плохо проявляли себя на воспитательном поприще иные преподаватели, особенно русского языка: «Для работы с иностранцами иногда подбираются недостаточно подготовленные в идеологическом отношении преподаватели, которые учат русскому языку оторвано от жизни советского народа и его борьбы за построение коммунистического общества, за мир и дружбу между народами». Работа с зарубежными учащимися часто ограничивалась «лишь стенами вуза» и не велась в общежитиях. Это «важное дело целиком было отдано на откуп комендантам» общежитий, а те не обладали «необходимой политической зрелостью»⁴⁸.

Африканцы, проходившие производственно-техническое обучение в СССР, нередко и вовсе оставались без идеологической опеки. «Пребывание иностранных специалистов в СССР, — констатировали сотрудники ЦК КПСС, — не используется парторганизациями для правильного раскрытия им советской действительности и преодоления искаженных представлений о Советском Союзе, с которыми значительная часть иностранных специалистов прибывает в СССР, для широкого приобщения их к богатствам советской культуры и искусства. <...> В результате в ряде случаев зарубежные специалисты и рабочие, находясь в СССР, не получают правильного представления о жизни в Советском

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 902. Л. 202,

⁴⁸ Там же. Л. 228, 229.

Союзе»⁴⁹. Гвинеяцы, обучавшиеся на ленинградских предприятиях, «жаловались на то, что им не дают возможности более глубоко знакомиться с жизнью советского народа, деятельностью советских общественных организаций» через «посещение предприятий, колхозов и совхозов, участие в коллективах художественной самодеятельности». Для них не организовывались лекции и беседы, их не обеспечивали необходимой литературой⁵⁰.

Гораздо больше, чем отсутствие лекций или литературы, темнокожих студентов огорчало нежелание советских молодых людей общаться с ними. «К сожалению, — отмечали Елютин и Краснов, — у нашей молодежи нередко проявляются боязнь и, более, — пренебрежение к иностранцам. Наша молодежь часто чуждается их, опасается “разговоров” относительно дружеского внимания, оказываемого, например, арабу или африканцу. Нельзя ограничиваться только тем, чтобы иностранцам внимание оказывалось в порядке комсомольского поручения, надо решительно искоренять имеющий место отрыв советской молодежи от иностранцев. Иногда вокруг иностранцев создается своеобразный “вакуум”, который заполняют лица сомнительного поведения, что создает у иностранцев ложное впечатление о советской молодежи»⁵¹. Осторожность и подозрительность в отношении иностранцев были частью советского воспитания, и здесь власти пожинали плоды собственной недалековидной политики.

Еще более негативные последствия имели специфические формы общения африканских студентов с их советскими сверстниками. Нередким явлением стали конфликты на расовой почве.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 577. Л. 11–12. Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС В. Корионов, Зав. Отделом кадров дипломатических и внешнеэкономических органов ЦК КПСС А. Панюшкин — ЦК КПСС. Записка о недостатках политической работы с иностранными рабочими и специалистами, 28 января 1964 г.

⁵⁰ Там же. Л. 12.

⁵¹ Там же. Оп. 16. Д. 902. Л. 49. Справка о воспитательной работе среди иностранных студентов и аспирантов в вузах СССР, 28 сентября 1960 г.

Для огромного большинства советских людей африканец, как и иностранец вообще, не был реальным лицом, отношение к которому складывается в результате непосредственного контакта. Образ иностранца формировался литературой и пропагандой. В советской литературе 1920–1950-х годов «иностранец-чужой» — это всегда белый и часто толстый (в книгах для детей) мужчина. Обычно он житель Западной Европы или Америки, всегда классовый враг-угнетатель, наделенный лишь такими человеческими качествами, которые позволяют считать его «буржеем». Образа плохого черного в советской литературе этого периода, когда до изобретения политкорректности было еще очень далеко, вы не найдете. Темный цвет кожи — это гарантия положительности. Черный иностранец — это «иностранец-свой», социально близкий и наделенный всяческими достоинствами. А если он находится в Советском Союзе, то уже свой в доску, платящий советским людям за любовь и сочувствие той же монетой. Хотя сочувствие было патерналистским, но все же искренним⁵². Прибавьте к этому образ африканца, который тиражировали советские СМИ — простодушного, добродетельного и бескорыстного борца против колониализма и империализма, — и вы получите представление о том, чего ждал от учившихся в Советском Союзе африканцев обычный советский человек.

Многие африканцы эти ожидания не оправдывали. Впрочем, любому африканцу не была гарантирована бесконфликтная жизнь среди незнакомой цивилизации и людей с другим цветом кожи. Нормальные по привычной ему шкале ценностей и этическим нормам поступки здесь могли быть не только не поняты, но и вызвать раздражение или гнев.

Да и советская действительность нередко расходилась с представлениями африканцев о нашей стране, которые формировались у них на родине. Проучившийся четыре месяца на кооперативных курсах в Москве сомалиец Хусейн Ид Хасан так описывал

⁵² Подробнее см.: *Мамедова Дж.* Чужие ходят здесь. Толстяки, шпионы и иностранцы в детских советских книжках // Книжное обозрение «Ex libris Независимой Газеты». 19.08.1999. С. 3.

советских людей и взаимоотношения между ними на митинге в Могадишо, где собралось 10 тыс. человек: «Относительно характера живущих в СССР людей могу сказать, что трудно описать их благородство, уважение к личности и моральным нормам. В этой обширной и редко населенной стране нет ни воровства, ни убийств, люди там не эксплуатируют и не оскорбляют друг друга, там нет ненависти и даже не вызванных необходимостью споров. <...> Что касается расовой дискриминации, то это отвратительное явление в СССР знают только по истории колонизаторских стран»⁵³.

Первое массовое появление африканцев в СССР произошло во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве летом 1957 г. Тогда они были диковинными гостями с далекого и загадочного континента и пользовались всеобщим вниманием и расположением⁵⁴. Влившись в повседневную будничную жизнь, африканцы испытывали на себе не только положительные эмоции окружающих.

17 марта 1960 г. исполком организации «Союз студентов из Черной Африки в СССР» направил на имя тогдашнего советского лидера Н.С. Хрущева письмо, где, в частности, говорилось: «Нам кажется, что для энергичного предотвращения явлений, которые нам бы не хотелось называть “расовой дискриминацией”, правительству этой страны следует принять меры по недопущению повторения инцидентов, которые угрожают будущему наших отношений. <...> Подобно многим африканским студентам в других частях земного шара, мы приехали в эту страну учиться, а не как беженцы. Поэтому мы вправе ожидать к себе нормального человеческого отношения, на которое может рассчитывать каждый гражданин этой страны»⁵⁵.

⁵³ АВП РФ. Ф. 581. Оп. 6. П. 5. Д. 10. Л. 9. Временный поверенный в делах СССР в Сомалийской Республике С. Зыков — Центросоюз. A return from the USSR describes about what he saw there, 25 декабря 1961 г.

⁵⁴ *Давидсон А.Б., Иванова Л.В.* Московская Африка. М., 2003. С. 7–13.

⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 149. Л. 44.

Пафос письма не соответствовал приведенным в нем фактам о «расовой дискриминации». Речь шла о бытовых инцидентах, наиболее серьезным из которых было «избиение русскими студентами в здании МГУ студента из Сомали только за то, что он танцевал с русской девушкой»⁵⁶. Несколько высокопоставленных комиссий, занимавшихся проверкой письма, установили, что имело место не избиение сомалийского студента, а драка между ним и советским студентом, которую спровоцировал сомалиец, прилюдно плюнув в лицо девушке на вечере в МГУ за то, что она отказалась с ним танцевать⁵⁷.

Случались и более серьезные эксцессы. В октябре 1960 г. начальник Политуправления Туркестанского военного округа генерал-майор Н.С. Демин сообщил о «недостойном поведении и хулиганских выходках» по отношению к курсантам из Гвинеи, которые обучались на Центральных курсах по подготовке и усовершенствованию авиационных кадров Министерства обороны в г. Фрунзе, Киргизия. Там на гвинейцев, появлявшихся в общественных местах с местными девушками, совершались немотивированные нападения, один курсант был ранен ножом. Нападавший был задержан и привлечен к уголовной ответственности, но если обходилось без крови (обычно девушкам «советовали» с «черными» больше не встречаться, а у гвинейцев отбирали деньги), то милиция не вмешивалась. Демин считал, что «отдельные работники городской милиции проявляют бестактность к гвинейским слушателям, ущемляют чувство их национального достоинства». Сами гвинейцы жаловались, что «им стало невозможно появляться в парке им. Панфилова, так как там их называют “черными”, “неграми” и т.д. Девушки отказываются с ними танцевать под предлогом того, что им запрещается общаться с иностранцами». Один из курсантов заявил советским военным служащим: «Мы прибыли в Советский Союз с радужными надеждами. Вы понимаете, что мы являемся как бы рупором всей Черной Африки. Но что мы сможем рассказать там хорошего, если сталкиваемся с такими

⁵⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 149. Л. 44.

⁵⁷ *Мазов С. В.* Африканские студенты в Москве в Год Африки // Восток. 1999. № 3. С. 91–93.

вещами здесь... Такого отношения к себе, как во Фрунзе, мы не встречали»⁵⁸.

Бытовой расизм, особенно на почве взаимоотношения полов, эксцессы из-за взаимного непонимания — это универсальные издержки начала контактного взаимодействия цивилизаций. Насколько болезненно проходила адаптация африканцев к чужбине, во многом зависело от государственной политики «принимающей стороны». Советские властные инстанции не всегда оказывались на высоте. Вскрыть истинные причины конфликтов мешал постулат о том, что расизма в стране пролетарского интернационализма нет и быть не может «по определению». Значит, виноваты враждебные внешние силы и классово чуждые элементы среди иностранных студентов.

По версии председателя КГБ А. Н. Шелепина, руководитель исполкома Союза студентов Черной Африки в СССР студент из Гвинеи Кхила Дийс только подписал письмо Хрущеву, а его истинными авторами являлись «студенты-негры, <...> подозреваемые в причастности к иностранным разведорганам. Все они враждебно относятся к Советскому Союзу, неоднократно подстрекали других студентов из африканских стран к провокационным действиям»⁵⁹.

Секретарь МГК КПСС В. И. Устинов и министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин тоже считали письмо провокацией: «Случай, имевший место в МГУ 12 марта с. г., определенные лица пытались использовать для дискредитации национальной политики Советского Союза и мер по привлечению на учебу в СССР студентов из африканских стран, о чем свидетельствует факт передачи копии письма одному из коррес

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 937. Л. 102, 103, 104. Начальник Политуправления Туркестанского военного округа генерал-майор Н.С. Демин — Первому секретарю ЦК Коммунистической партии Киргизии Раззакову И.Р. Письмо о некоторых неправильных действиях отдельных работников органов милиции, дружинников и граждан гор. Фрунзе по отношению к гвинейским военнослужащим, которые обучаются на Централных курсах по подготовке иностранных специалистов, 17 сентября 1960 г.

⁵⁹ Там же. Ф. 5. Оп. 35. Д. 149. Л. 54. Председатель Комитета Госбезопасности А. Шелепин — ЦК КПСС, 14 апреля 1960 г.

пондентов американского телеграфного агентства (передача этого документа за границу была задержана цензурой)»⁶⁰.

Администрация МГУ полагала, что среди африканских студентов есть лица с неподобающим для студентов советских вузов социальным положением и моральным обликом. Начальник иностранного отдела университета Б. С. Никифоров писал в Министерство иностранных дел: «На наш взгляд, подбор некоторых студентов на учебу в Московский университет из стран Африки неудачен. Некоторые из этих студентов, выходцы из феодальной и купеческой знати своей страны, приезжали в Советский Союз не непосредственно из своих стран, а из стран Западной Европы и Америки, где они учились в различных учебных заведениях, и в значительной степени развращены буржуазными нравами». Никифорова насторожили такие сведения о некоторых студентах из Африки, как «постоянный контакт с английским и американским посольствами», служба в военно-морском флоте Канады и т.п.⁶¹

По мнению заместителя Елютина М. Прокофьева, к обучающимся в СССР иностранцам следовало подходить дифференцированно, с учетом их «социально-политической принадлежности, жизненного опыта и культуры». Пока же, полагал он, «нередко проявляется несколько наивный подход к студентам, приезжающим из стран Африки и Азии. В советских вузах их всех зачастую рассматривают как представителей угнетенных или угнетавшихся в прошлом народов. При этом упускается из виду, что среди студентов из указанных стран имеется немалое количество, если не большинство, выходцев из буржуазии и феодальной знати, людей, зараженных буржуазной идеологией»⁶².

⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 149. Л. 51. Секретарь МГК КПСС В. Устинов, министр высшего и среднего специального образования СССР В. Елютин — ЦК КПСС. Справка по письму «Исполнительного комитета Союза студентов Черной Африки в СССР» на имя Председателя Совета Министров СССР тов. Хрущева Н. С., 4 апреля 1960 г.

⁶¹ АВП РФ. Ф. 581. Оп. 4. П. 1. Д. 6. Л. 10–11.

⁶² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 180. Л. 226–227. Заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР М. Прокофьев — ЦК КПСС. Справка об обучении иностранных студентов в вузах СССР, 15 декабря 1961 г.

Принятые властями меры тоже были весьма показательны. Участники драки в МГУ, советский и сомалийский студенты, отделались выговорами, а были исключены из советских вузов (формально за неуспеваемость) те три студента (угандиец, нигериец и тоголезец), которых Шелепин назвал в своей записке в ЦК в числе «враждебно настроенных к Советскому Союзу» истинных авторов письма Хрущеву⁶³.

Типичный портрет «нежелательного» для советских властей и отчисленного африканского студента нарисовал ректор УДН Румянцев в записке послу СССР в Сомали. Студент из этой страны Абдулкадир Юсуф Исмаил не только «имел очень низкую теоретическую подготовку» и был «одним из самых слабых» сомалийских студентов. Плохая успеваемость «усугублялась недостойным поведением, нежеланием заниматься и враждебным отношением к Советскому Союзу». Абдулкадир, писал Румянцев, «пытался проводить среди сомалийских студентов разлагающую работу, стремясь склонить их к отъезду из СССР, являлся проводником враждебного влияния на студентов Университета. <...> Известно, что Абдулкадир ранее обучался в одной из итальянских частных школ и имеет, очевидно, там определенные связи»⁶⁴. Портрет дополнил другой учившийся в СССР сомалиец, бывший на хорошем счету у советского посольства в Могадишо. Абдулкадир, по его словам, «вел себя недостойным образом, всем был недоволен, все время проводил сравнение между СССР и Италией, расхваливал итальянский образ жизни»⁶⁵. «В целях предупреждения проникновения подобных элементов в Университет» Румянцев просил советского посла в Италии «оказать

⁶³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 902. Л. 43–44. Председатель Комитета Госбезопасности А. Шелепин — ЦК КПСС, 14 апреля 1960 г.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 5. Д. 14. Л. 103. Ректор УДН С. Румянцев — Послу СССР в Сомалийской Республике тов. Фомину Г. И., 19 апреля 1962 г.

⁶⁵ Там же. П. 4. Д. 6. Л. 57. Стажер посольства СССР в Сомалийской Республике Н. Парикова — МИД СССР. Запись беседы с сомалийским студентом Кооперативного института в Москве Саидом Дирие Дауре, 28 августа 1962 г.

помощь в более тщательном подборе кандидатов для учебы в УДН»⁶⁶.

Власти СССР экстраполировали на африканских студентов свой подход к национализму. Антиколониальный национализм, объективно ослаблявший позиции Запада, удостоивался похвального названия «национально-освободительного движения». Если же освободившиеся страны не вставали на путь «прогрессивного развития», т.е. оставались в орбите влияния Запада, то их национализм становился «реакционным», «буржуазным». Правящая верхушка опасалась, что рост национализма в Азии и Африке может создать угрозу целостности СССР, стать вдохновляющим примером для «антисоветских националистических организаций и групп», коих на территории Советского Союза в 1960–1962 гг. было выявлено 69⁶⁷. Проводниками националистических идей в среду советской молодежи считались и нелояльные к советскому строю африканские студенты: «Нельзя не отметить наличие националистических влияний на некоторую часть нашей молодежи со стороны студентов из слаборазвитых стран Азии и Африки, у которых националистические тенденции сильно развиты, а политически неподготовленные лица из советской молодежи, не всегда понимая прогрессивную роль национализма лишь на определенном этапе освободительного движения, не способны осмыслить его антинародную сущность»⁶⁸.

Совершенно секретные записки в ЦК — это, конечно, не тот жанр, где соблюдаются пропагандистские клише, но все равно контраст с массовым образом африканцев разителен. Перечисленные

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 5. Д. 14. Л. 104. Ректор УДН С. Румянцев — Послу СССР в Сомалийской Республике тов. Фомину Г.И., 19 апреля 1962 г.

⁶⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 93. Заместитель Председателя Комитета Госбезопасности Н. Захаров — ЦК КПСС. Справки по националистическим проявлениям, 16 апреля 1963 г.

⁶⁸ Там же. Л. 111. Заместитель Председателя Комитета Госбезопасности Н. Захаров — ЦК КПСС. Справка о некоторых причинах антиобщественных проявлений и уголовных преступлений среди молодежи, 18 апреля 1963 г.

выше должностные лица, практики и реалисты, отнесли часть африканцев к иностранцам-«чужим», которые в советских книгах как раз и были богатеями или шпионами, т.е. оценивали их с позиций классового подхода, что было нормальным для советского менталитета и политической культуры. Если раньше черный цвет кожи был признаком «своего», то теперь африканцев уравнили с белой и другими расами, тоже делили их в зависимости от материального положения и политических взглядов на социально близких и чуждых.

Но была сфера, где всех африканцев, бедных и богатых, «реакционно» и «прогрессивно» настроенных, власти не признавали равными советским гражданам. Интимные отношения с африканцами считались табу, аморальным поступком, на который способны только развратные женщины. Секретарь ЦК Компартии Киргизии И.Р. Раззаков счел необходимым проинформировать ЦК КПСС, что «некоторые слушатели летной школы из числа иностранцев в общении с советской молодежью ведут себя развязно и недостойно, оказывают вредное влияние на отсталую ее часть, вследствие чего имеют место случаи, когда молодые девушки становятся на путь разврата и ведут паразитический образ жизни»⁶⁹. В постановлении ЦК Компартии Киргизии иностранным военнослужащим приписывалась уже организация «притонов разврата пьянства», «попытки изнасиловать несовершеннолетних девушек»⁷⁰. «Милиционеры, дружинники, комсомольские активисты» могли задержать девушек «на глазах у жителей города» Фрунзе только за беседу с гвинейцами⁷¹. Сотрудник аппарата ЦК КПСС Б. Попов, проверявший сигналы о неблагополучном положении на курсах, тоже не избежал

⁶⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 937. Л. 108. Секретарь ЦК КП Киргизии И. Раззаков — ЦК КПСС, 29 октября 1960 г.

⁷⁰ Там же. Л. 128–129. Постановление ЦК Коммунистической партии Киргизии «О мерах по дальнейшему укреплению дружественных отношений между населением и иностранными военнослужащими». Протокол № 5. П. 19–6, 10 ноября 1961 г.

⁷¹ Там же. Л. 107. Секретарь ЦК КП Киргизии И. Раззаков — ЦК КПСС, 29 октября 1960 г.

амурной темы: «Обращает на себя внимание, что часть иностранцев из Ирака, ОАР и даже Гвинеи в общении с молодежью ведет себя развязно и недостойно. <...> Круг людей и особенно женщин, с которыми имеют связи иностранцы, довольно значительный и разнообразный. Там имеются работницы промышленных предприятий, учреждений, студентки институтов и техникумов и даже школьницы, сотрудницы предприятия Министерства среднего машиностроения»⁷².

Власть пыталась убедить общество во вредности интимных связей с иностранцами и смешанных браков. Какие это имело последствия, видно на примере одной из публикаций в «Комсомольской правде». Это была подлинная, как утверждал автор, история московской студентки Ларисы, красавицы с золотистыми волосами. Поддавшись «ресторанно-капиталистическому влиянию», она бросила друга Алешу, комсорга группы и юношу по советским меркам правильного во всех отношениях, и вышла замуж за некоего Махмута. Очаровал Ларису этот обходительный восточный красавец с «жестким и алчным взглядом» и увез в свою неназванную страну, в которой легко угадывался Египет. Там у нее сразу начались проблемы. Устроиться работать по специальности ей как советской гражданке не удавалось. Скрепя сердце она согласилась «принять чужое подданство», и расплата последовала незамедлительно. Подлый Махмут тут же продал ее богатому старику. Пробуждение в новом доме было страшным: «К утру Лариса поседела. Еще накануне приходили врачи, растирали ее тело, и теперь она могла двигаться. Но что-то плохо стала соображать. У нее все путалось в голове. Остальные жены видели, как она страдает. Им было жаль Ларису, и они ее утешали. Хозяин действительно будет любить ее больше всех. Не зря же заплатил за нее такие бешеные деньги. И хорошо, что он еще не старый, ему нет даже шестидесяти. И о своей судьбе ей не надо заботиться, потому что в стране только она одна белокурая и синеглазая. У всех остальных женщин черные волосы и черные глаза. Если даже она

⁷² РГАН. Ф. 4. Оп. 16. Д. 937. Л. 97. Инструктор Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Б. Попов — ЦК КПСС. О положении на Центральных курсах... 31 декабря 1960 г.

и надоест хозяину, то не скоро, не раньше, чем через два-три года. И он продаст ее не крестьянину, как их самих, когда придет время, а тоже знатному человеку, потому что на такую беленькую всегда найдется охотник. А то, что поседали волосы, убиваться не стоит, их сегодня же покрасят, и они опять будут золотистыми... <...>

А ведь такая хорошая жизнь могла быть у Ларисы»⁷³.

У советских людей статья вызвала неприязнь к арабам и африканцам, а те расценили ее как проявление негласной государственной политики расовой дискриминации. Не прошло и месяца, как тревогу забило руководство УДН: «Выступление “Комсомольской правды” 27 октября со статьей “Раскаяние опоздало” вызвало серьезное возмущение среди студентов-иностранцев, обучающихся в Москве, в том числе в Университете дружбы народов. Вместе с тем эта статья явилась толчком к увеличению нежелательных инцидентов по отношению к иностранным студентам со стороны отдельных советских граждан». На собраниях студентов из арабских стран звучали утверждения, что взгляды автора публикации «выражают политику, направленную на дискриминацию иностранных студентов, в первую очередь арабов и африканцев», приводилось много фактов «ухудшения отношения к арабам со стороны советских граждан (недоверие, оскорбления, побои) под влиянием статьи». Усилиями «арабских студентов-коммунистов» решения собраний «удалось свести к выбору делегаций, которые должны были заявить устный протест редакции “Комсомольской правды”». Итогом переговоров делегаций с членами редколлегии газеты стало «заявление редакции, что факты, приведенные в статье, не относятся к арабским странам»⁷⁴.

Это не только «не удовлетворило арабских студентов, но и вызвало новую волну протеста со стороны африканских студентов». Ведь получалось, что если статья «не относилась» к арабским странам, то коварный обольститель Махмут, подло обманувший

⁷³ Сахнин А. Раскаяние опоздало// Комсомольская правда. 27.10.1962.

⁷⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 202. Л. 221. Ректор УДН С. Румянцев, секретарь парткома УДН А. Голубев — ЦК КПСС, 20 ноября 1962 г.

Ларису, — африканец. На встрече с заместителем главного редактора «Комсомольской правды» Б.Д. Панкиным африканцы потребовали «поместить в газете разъяснение о том, что статья не имела в виду страны Африки». Отказ привел к «новому серьезному возбуждению», и ректору УДН пришлось провести собрание африканских студентов. Они заявили, что «опубликование статьи и позиция редакции усложняет взаимоотношения между африканцами и советским народом», привели «конкретные факты ухудшения отношения москвичей к африканцам после выступлений “Комсомольской правды”»⁷⁵.

В ноябре 1962 г. таких фактов накопилось столько, что последствиями злополучной публикации занялся ЦК КПСС. В документе, подписанном заместителями заведующих четырех отделов ЦК, сообщалось, что после выхода статьи «Раскаяние запоздало» участились случаи «грубого, оскорбительного» отношения к иностранным студентам «со стороны отдельных советских граждан». Нападениям в основном подвергались темнокожие студенты: «6 ноября с.г. у Киевского вокзала группа молодежи учинила драку со студентами Панамы. По утверждению панамских студентов, они подвергались побоям в 123 отделении милиции, куда панамцы были доставлены работниками милиции. 7 ноября с.г. в магазине “Гастроном” на шоссе Энтузиастов неизвестным гражданином без всякого повода был нанесен удар в лицо стоявшему в очереди конголезскому студенту Жану Пьеру Моянго. В ночь с 6 на 7 ноября в общежитии 1 Московского медицинского института был избит иракский студент Фараж. В июне этого года около общежития Московского автодорожного института неизвестные молодые люди избили студента этого института из Мали Бокума Мухума (сына министра иностранных дел Мали). В октябре с.г. в парке “Сокольники” были избиты два студента Московского автодорожного института Камара и Дисело, прибывшие на учебу из Сьерра-Леоне. Подобные факты имели место в г.г. Киеве, Харькове, Ленинграде. Известны случаи, когда иностранных студентов называют “дармоедами”, “обезьянами”,

⁷⁵ РГАН. Ф. 5. Оп. 33. Д. 202. Л. 222.

“черномазыми”, бездельниками и т.п. Большинство этих фактов не находит должного осуждения со стороны советской общественности и остается не расследованными органами милиции»⁷⁶.

Больше всего высокопоставленных чиновников беспокоило то, что противники СССР в «холодной войне» использовали эти эксцессы в пропагандистских целях: «Реакционные элементы среди иностранцев, некоторые посольства капиталистических стран пытаются использовать указанные факты для создания антисоветских настроений у неустойчивых зарубежных учащихся, склонить их к выезду из СССР, организовать недружественные акты против Советского Союза»⁷⁷. Помимо стандартных мер по «улучшению воспитательной работы» в документе предлагались конкретные контрпропагандистские мероприятия: «Газете “Вечерняя Москва” осветить на своих страницах один из случаев привлечения к ответственности хулиганствующих элементов за избиение студента-иностранца; <...> Агентству печати “Новости” подготовить и издать в двухмесячный срок на иностранных языках брошюру “Мы учимся в СССР”, содержащую статьи студентов-иностранцев, обучающихся в Советском Союзе, и распространить ее в зарубежных странах. В брошюре показать большую помощь Советского Союза в подготовке высококвалифицированных специалистов, особенно из слаборазвитых стран; на конкретном и ярком примере осветить успехи иностранных студентов, обучающихся в советских учебных заведениях, в овладении ими современными научными и техническими знаниями, в их культурном росте, в формировании у них прогрессивного мировоззрения»⁷⁸.

Существовал более быстрый, дешевый и, наверно, эффективный способ противодействия «созданию антисоветских настроений»

⁷⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 194. Л. 99–100. Зам. зав. Отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС В. Кириллин, зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС В. Терешкин, зам. зав. Отдела ЦК КПСС Ю. Андропов, зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам В. Снастин — ЦК КПСС, 16 ноября 1962 г.

⁷⁷ Там же. Л. 100.

среди иностранных студентов. Его предложили ЦК руководители УДН: «Дать указание об опубликовании в прессе хотя бы очень краткого разъяснения ошибочности» статьи «Раскаяние опоздало»⁷⁹. Отдел агитации и пропаганды решил не поступаться принципами и счел публикацию опровержения «нецелесообразным»⁸⁰.

Африканские студенты в СССР были объектом пристального внимания спецслужб, советских и зарубежных, становились вольными или невольными участниками пропагандистской составляющей «холодной войны».

16 июля 1961 г. английская газета «Санди Телеграф» опубликовала рассказ нигерийца Энтони Окочи о его учебе в УДН в октябре 1960 — январе 1961 г. под сенсационным заголовком «В Москве из меня готовили организатора восстания в Африке». Окоча приехал в Москву из Лондона. Он утверждал, что ходатайствовал о приеме в УДН его и его жены второй секретарь посольства СССР в Великобритании. Протекция советского дипломата нигерийской паре объяснялась тем, что жена Окочи Обиамака Азикиве была сестрой влиятельного нигерийского политика Ннамди Азикиве⁸¹.

Первые впечатления после приезда Окочи и его жены в Москву были благоприятными. Они получили стипендию и пособие на теплую одежду, тогда как в Лондоне им самим приходилось зарабатывать на жизнь и учебу. Как мужу с женой им предоставили не роскошную, но вполне удобную отдельную комнату, других же студентов «разместили по пять человек в комнате, причем один из пяти обязательно был русский»⁸².

⁷⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 202. Л. 222. Ректор УДН С. Румянцев, секретарь парткома УДН А. Голубев — ЦК КПСС, 20 ноября 1962 г.

⁸⁰ Там же. Л. 223. Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам А. Егоров, зав. Сектором Отдела Т. Куприков — ЦК КПСС, 28 ноября 1962 г.

⁸¹ Там же. Ф. 5. Оп. 35. Д. 180. Л. 158–161.

Неожиданности начались на занятиях. Значительную часть учебного времени занимало политическое просвещение. Свое впечатление от первой лекции Окоча описал, видимо, вполне искренне: «Толстый пожилой профессор поздравил нас на ломаном английском языке с приездом в самую счастливую и прогрессивную страну на земле. Затем он принялся поносить Британское Содружество Наций и все его принципы и доказывать, что западная демократия себя изжила. Дальше последовало изложение марксистско-ленинской философии и яростные нападки на христианство. Он заявил, что наш долг перед Африкой — научиться, как организовать народный фронт и вышвырнуть грабителей-империалистов в океан». Окоче лекция «очень не понравилась, особенно нападки на христианство»⁸³.

Однако даже такой примитивный уровень политического просвещения якобы возымел успех. Через восемь недель Окоча и его жена «были готовы объявить решительную войну западной демократии. Мы наизусть выучили основные положения марксизма-ленинизма. Мы научились ненавидеть то, что ненавидят русские, и любить то, что они любят»⁸⁴. Преподаватели УДН могли бы гордиться такой оценкой их труда, если бы она была достоверной.

Дальнейший рассказ Окочи не давал никаких оснований говорить о его марксистских взглядах или симпатиях к Советскому Союзу и напоминал низкопробный детектив «на грани полной чепухи»⁸⁵, обильно одобренный фантазиями автора. Он утверждал, что однажды ему удалось побывать на занятиях по «самообороне», где собралось около двухсот студентов из различных стран Африки, Центральной Америки и Азии. Это была настоящая диверсионно-разведывательная школа, где из студентов готовили террористов. «Серьезные люди в военной форме» учили их «стрелять по цели из пистолетов, винтовки и автомата», «взрывать динамитом мост, поезд, дом и другие объекты», показывали, «как кидать гранату в толпу, как быстро убить человека кинжалом, как провести

⁸³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 180. Л. 162.

⁸⁴ Там же. Л. 164.

ночной налет». Террористом Окоча не стал. У университетских властей на него были другие виды. Ему сказали: «Вы с женой будете организаторами»⁸⁶.

«Организаторов» тоже ждало много интересного, особенно специальный курс «колдовства». Вел его русский профессор, специалист по Африке, великолепно говоривший на языке суахили. «Он, — повествует Окоча, — начал урок словами: “Как вы знаете, население в некоторых слабо развитых районах Африки весьма суеверно, и его можно использовать для политических целей, только играя на суевериях. Отсюда вытекает необходимость взять на вооружение систему, близкую к той, которая способствовала распространению восстания Мау Мау в Кении. Один колдун, действующий среди племен, находящихся на низком уровне развития, может достичь большего, чем дюжина политпросветителей. Он может заставить массы делать все, что ему нужно. А если этот колдун будет коммунистом?”

Профессор продемонстрировал нам свое искусство. Он положил на стол череп, откуда стали раздаваться приказания, подобные следующим: “Ты слышишь голос своего предка. Я приказываю тебе убить сегодня ночью английского губернатора и принести мне его голову и кисти рук. Если ты этого не сделаешь, я наложу на тебя и твою семью заклятие”.

“Я божий дух. Я приказываю тебе сжечь дом англичанина и изнасиловать его жену и дочь. Если ты этого не сделаешь, и ты, и твоя семья погибнете через семь дней”.

“Я Шанго, дух омута. Я затащу тебя под воду, если ты не вступишь в коммунистическую партию и не будешь делать все, что прикажет руководитель”.

Профессор показал нам радиомикрофоны, откуда исходили эти голоса. Он научил нас, как изображать приближающегося духа, как напускать облако дыма, в котором является дух, как извлекать из коробки жуткие звуки, как сделать, чтобы в темную комнату вошел скелет, как пугать привидениями врагов и притворяться, что в тебя вселился дух»⁸⁷.

Методы повстанцев Мау Мау, вооруженного антиколониального восстания в Кении 1950-х годов⁸⁸, прекрасно знали преуспевшие в его подавлении британские спецслужбы, которые, очевидно, и подсказали Окоче сюжет о магическом политпросвещении. Непонятно, откуда в 1960 г. в СССР мог взяться русский профессор, который в совершенстве владел языком суахили. О тогдашнем уровне преподавания и знания этого языка в нашей стране дает представление записка, с которой 26 октября 1960 г. обратился в ЦК КПСС первый директор недавно созданного Института Африки АН СССР И. И. Потехин. Он просил разрешения зачислить в Институт кенийца Джеймса Очвату для помощи в работе над словарем языка суахили. «Нельзя же считать нормальным, — писал Потехин, — что до сих пор преподавание африканских языков ведется русскими преподавателями, которые никогда не слышали, как народ говорит на этом языке. В результате, учащиеся знают грамматику и словарный фонд, но не умеют говорить, не владеют активной речью»⁸⁹.

Рассказ Окочи о его дальнейшей судьбе тоже носил зримые следы работы с ним британских специалистов соответствующего профиля. Он поведал, что в январе 1961 г. администрация УДН будто бы направила его с женой в Лондон, где он должен был выявлять среди африканцев подходящие кандидатуры для приема в университет. Окоча добросовестно делал это, выполнял другие поручения сотрудников посольства СССР и «советских агентов». Потом он получил приказ ехать в Нигерию для реорганизации двух законспирированных коммунистических движений. 30 мая 1961 г. он пришел в советское посольство за последними инструкциями. Там его познакомили с двумя членами подпольного коммунистического движения Нигерии, которые собирались ехать в Москву. Они поведали Окоче, что «при помощи Советского Союза Нигерия очень скоро станет коммунистическим государством». У них был соответствующий план «в виде напечатанного на машинке

⁸⁸ См.: *Пегушев А. М.* Повстанцы Мау Мау. История антиколониального вооруженного восстания 1952–1956 гг. в Кении. М., 1978.

⁸⁹ РГАНИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 558. Л. 103

буклета». Он предусматривал «убийства, терроризм, поджоги, запугивание и все другие возможные средства создания общественной смуты». После прихода к власти «подпольных коммунистических движений» их лидеры собирались «объявить чрезвычайное положение по всей стране», распустить парламент, «уничтожить вождей и эмиров», «упразднить Конституцию», физически устранить некоторых нигерийских политиков. «В случае необходимости» планировалось «призвать на помощь русские войска»⁹⁰. Коварные замыслы потрясли Окочу, и он «вдруг понял, что за все золото России не согласится ввергнуть свою страну в кровавую пучину». Он спешно покинул посольство и решил, что порвет «всякие связи с коммунизмом» и не будет «иметь ничего общего с русскими, которые были посвящены в такие ужасные дела»⁹¹.

Советские власти утверждали, что выступление Окочи было организовано британской разведкой. С.М. Румянцев обратился к редактору «Санди Телеграф» с просьбой опубликовать письмо, которое 20 февраля 1961 г. Окоча передал на его имя в советское посольство в Лондоне. Из письма следовало, что Окоча по своей инициативе уехал из Москвы в Лондон, где сотрудники британской полиции и министерства иностранных дел добивались от него антисоветских заявлений, предлагая взамен решить его материальные и жилищные проблемы. Окоча писал, что сделать это он отказался и давно бы вернулся в Москву, но нигерийское представительство в Лондоне не выдало ему паспорта. Румянцев выразил серьезные сомнения в подлинности интервью Окочи и заверил редактора, что УДН «не преследует никакой другой цели, кроме бескорыстной помощи народам Азии, Африки и Латинской Америки, и не помышляет об устройстве заговоров и восстаний»⁹². В документах ЦК КПСС письмо Окочи фигурирует как подлинное.

ЦК поручило МИДу и КГБ принять меры для публикации письма Румянцева редактору «Санди Телеграф» и фотокопии

⁹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 180. Л. 172.

⁹¹ Там же. Л. 174–175.

⁹² Там же. Л. 135–138.

письма Оочи Румянцеву в зарубежной прессе. Были проведены и другие контрпропагандистские мероприятия. «С опубликованным в газете рассказом Оочи, — сообщил секретарю ЦК КПСС Н.А. Мухитдинову Председатель Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совмине СССР Г. А. Жуков 14 октября 1961 г., — были ознакомлены все студенты Университета дружбы народов, которые резко осудили это клеветническое выступление Оочи. После этого многие студенты африканских стран написали в газеты своих стран статьи об их учебе в Университете дружбы народов и сейчас получают от молодежи стран Африки благоприятные отзывы на эти статьи. <...> В настоящее время Университет дружбы народов готовит об Университете брошюру справочного характера, объемом примерно в 1,5 печатных листа. В ближайшее время брошюра будет издана большим тиражом на английском, французском и испанском языках, частично в Москве, частично представительствами агентства печати “Новости” за границей и распространена в странах Азии, Африки и Латинской Америки»⁹³.

Похоже, что история с Оочей была состряпана британскими спецслужбами для дискредитации политики СССР в Африке. И получила адекватный ответ. Но бывали ситуации, когда занять однозначную позицию советским властям было трудно.

Прибывшие в СССР через третьи страны сомалийские студенты, набранные оппозиционным СДС, открыто занимались в Москве политической деятельностью, направленной на свержение правящего режима. Центральное землячество сомалийцев провело в Москве 25–27 февраля 1961 г. съезд сомалийских студентов в СССР. 32 делегата приняли резолюции с резким осуждением внутренней и внешней политики Сомали как «насквозь реакционной», «предательской в отношении национальных интересов сомалийского народа и пагубной для его будущего». Съезд потребовал роспуска «недееспособного и безответственного» парламента, отставки правительства и президента, проведения досрочных всеобщих выборов, «свободных от коррупции». Делегаты выступили против сотрудничества Сомали с «Общим

рынком», высказались за «всемерное укрепление существующей дружбы между сомалийцами и социалистическими странами во главе с Советским Союзом», призвали к «немедленному освобождению всех колониальных народов», ликвидации «всех форм империализма и колониализма», выразили «уважение борцам за свободу», «поддержку кубинской революции», резко осудили «агрессию Соединенных Штатов против Кубы», «практику расовой дискриминации в Южной Африке и Соединенных Штатах»⁹⁴.

Руководство землячества обратилось в УДН «с просьбой размножить решение съезда». Ему было отказано «со ссылкой на то, что это может отрицательно повлиять на официальные отношения двух стран»⁹⁵. Сам факт проведения съезда вызвал напряженность в советско-сомалийских отношениях. Министр информации Сомали Али Мохамед Хираве уведомил советского посла в Могадишо, что «конференция землячества сомалийских студентов <...> осудила в принятой резолюции порядки, существующие в Сомали как антидемократические, осудила действия президента Республики, парламента и правительства». Посол выразил сомнение в достоверности этой информации и пообещал «выяснить более подробно содержание решений конференции»⁹⁶.

Ему это не удалось. КГБ информировало ЦК КПСС «о фактах антиправительственных действий со стороны сомалийских студентов, обучающихся в СССР». Публичное признание этого было чревато крупным дипломатическим скандалом. Пришлось бы принимать меры против оппозиционеров, а это грозило потерей лица в глазах африканских левых националистов, не вязалось с декларируемой линией на поддержку «мирового революционного процесса». Решили, что «целесообразно поручить совпослу

⁹⁴ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 5. Д. 14. Л. 125–130. Ректор УДН С. Румянцев — Заместителю министра иностранных дел тов. Малику Я.А. Somali Students Organization. Re: Congress, 13 сентября 1962 г.

⁹⁵ Там же. Л. 123. Ректор УДН С. Румянцев — Заместителю министра иностранных дел тов. Малику Я. А., 13 сентября 1962 г.

⁹⁶ Там же. П. 4. Д. 3. Л. 131, 132

при случае сообщить Хираве, что в Москве ничего не известно об упомянутом им собрании землячества сомалийских студентов»⁹⁷.

В сомалийском посольстве в Москве и в самом Сомали о студенческих акциях было хорошо известно. Тем более что их участники действовали открыто, порой вызываясь. Посол Сомали в СССР Ахмед Мохаммед Адан сообщил заместителю заведующего I Африканским отделом МИДа И.С. Спицкому, что студенты, посланные в СССР СДС, «проводят в Москве время от времени собрания и принимают резолюции, которые прямо направлены против сомалийского правительства». Этим они не ограничиваются и «посылают в Могадишо в адрес правительства телеграммы, в которых <...> называют президента Османа “развратником”, а премьер-министра Шермарка — “вором и взяточником”». Посол неоднократно приглашал в посольство лидеров этой группы и «проводил с ними длительные беседы по вопросу их поведения, предупреждал, что их могут ждать неприятности по возвращении в Сомали». Но действия это не возымело, студенты говорили, что они «являются марксистами и ничего не боятся». Адан сказал, что ему, видимо, придется «посетить МИД СССР и настаивать на том, чтобы группа сомалийских студентов, которые занимаются деятельностью, направленной против правительства Сомалийской Республики, лично против президента и премьер-министра, была выслана из Советского Союза, поскольку такая деятельность может причинить серьезный ущерб дружественным отношениям между Сомали и СССР»⁹⁸.

Спицкий в духе полученных директив заявил, что «впервые слышит» о том, что посол рассказал ему «о части сомалийских студентов». Затем, чтобы не унижать собеседника совсем уж

⁹⁷ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 5. Д. 14. Л. 117. Министр иностранных дел СССР А. Громыко, Председатель комитета госбезопасности при Совете министров СССР В. Семичастный — ЦК КПСС, 9 июня 1962 г.

⁹⁸ Там же. П. 4. Д. 2. Л. 9, 11. Заместитель заведующего I-м Африканским отделом МИД СССР И. Спицкий — МИД СССР. Запись беседы с послом Сомалийской Республики в Москве Аданом, 10 августа 1962 г.

несерьезными аргументами, Спичкий заявил, что «ни одно советское учреждение, ни один советский гражданин не имеют никакого отношения к действиям сомалийских студентов, направленным против Республики Сомали или ее правительства». Посол ответил, что «не имеет никаких претензий к советским властям или к советским гражданам». Однако «вся беда в том, что деятельность иностранных студентов в СССР, подобная той, которой занимается часть сомалийских студентов, используется пропагандой западных держав, которые ищут любой повод для того, чтобы внушить правительству Сомали, как и правительствам других африканских стран, что в Москве иностранных студентов настраивают против их собственных правительств». Адан сослался на описанный выше случай с нигерийским студентом Окочей, который заявил в Лондоне, что «иностранцы студенты обучаются в Москве методам подрывной работы против своих правительств, и их учат даже конкретно, как убивать президентов и глав правительств»⁹⁹.

Вопрос о сомалийских студентах поднимался и на более высоком уровне. Премьер-министр Сомали Абдирашид Шермарк заявил временному поверенному в делах СССР в Сомали С.С. Зыкову, что «имеются некоторые факты, которые, если их не устранить, могут самым серьезным образом сказаться на дальнейшем развитии дружественных советско-сомалийских отношений». Шермарк пояснил, что имеет в виду выделение стипендий оппозиционному СДС в обход министерства просвещения Сомали. «В настоящее время, — продолжал он, — Самантар разъезжает по Сомали, в частности по северным районам, и размахивает пачкой стипендий и авиабилетов, привлекая таким образом людей в СДС». Сомалийские власти считают, что Самантар, который виновен в «нелегальной переброске людей за границу», «служит иностранным интересам». Они договорились с ОАР, что та будет задерживать в Каире «всех лиц, которые направляются из Сомали в социалистические страны “по путевкам Самантара” и без ведома сомалийского правительства».

⁹⁹ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 4. Д. 2. Л. 10, 12–13.

«Более печальным обстоятельством» премьер-министр назвал попытки «уполномоченных СДС» в Москве «на базе коммунистической доктрины сколотить из сомалийских студентов в СССР оппозиционную политическую группировку, враждебную правительству Сомалийской Республики». Побывавшие недавно в Москве сомалийские парламентарии сообщили ему, что на совещании сомалийских студентов, организованном СДС, было выдвинуто требование «о предании смертной казни президента Османа, премьер-министра Шермарка и других сомалийских государственных деятелей за национальную измену». Фактически «имеет место преступная деятельность против Сомалийской Республики на территории дружественного государства, а советские власти не принимают мер для ее пресечения». Шермарк сказал, что «он будет вынужден, по-видимому, отозвать всех сомалийских студентов из СССР, в том числе направленных и по государственной линии». Зыкову ничего не оставалось, как «подчеркнуть, что премьер-министр стал жертвой очевидной дезинформации, подготовленной теми лицами или силами, которые стараются ухудшить советско-сомалийские отношения в ущерб жизненным сомалийским интересам и в угоду империалистам»¹⁰⁰.

Похоже, угроза Шермарка возымела действие. С конца 1962 г. в оказавшихся доступными для автора документах нет свидетельств о нелегальной переброске в СССР рекрутированных СДС сомалийцев или о каких-то антиправительственных акциях со стороны сомалийских студентов на его территории.

В первой половине 1960-х годов был только один случай отзыва африканских студентов из СССР. Там училось много граждан Гвинеи, страны, которую Кремль хотел превратить в своего стратегического союзника, «витрину» советской политики в Африке¹⁰¹.

¹⁰⁰ АВП РФ. Ф. 0581. Оп. 6. П. 4. Д. 4. Л. 85–89. Временный поверенный в делах СССР в Сомали С. Зыков — МИД СССР. Запись беседы с премьер-министром Сомалийской Республики Шермарком, 29 сентября 1962 г.

¹⁰¹ См.: **Мазов С. В.** Политика СССР в Западной Африке. 1956–1964. Известные страницы истории холодной войны. М., 2008. С. 58–91, 93–103, 149–173.

Ничто не омрачало советско-гвинейские отношения, пока в декабре 1961 г. Гвинею неожиданно не покинул советский посол Д.С. Солод. Гвинейские власти обвинили его в «подрывной деятельности» и контактах с «заговорщиками» — преподавателями и учащимися лицеев, антиправительственные выступления которых были жестоко подавлены полицией.

Министерство иностранных дел Конакри потребовало скорейшей отправки всех учившихся в СССР гвинейцев на родину, где их ждала проверка на причастность к «заговору». Оказавшиеся доступными для автора документы позволяют лишь в общих чертах и фрагментарно восстановить ход событий, которые последовали за этим решением. Опасаясь расправы, 43 студента отказались покинуть СССР. Гвинейские официальные лица посчитали, что это случилось «при пособничестве советского правительства» и потребовали скорейшего выезда всех студентов в Гвинею¹⁰².

В начале января 1962 г. в Гвинею прибыл первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян для урегулирования ситуации, сложившейся после высылки Солода. Микоян заявил гвинейскому президенту Секу Туре, что «советская сторона оказывала и будет оказывать всемерное содействие отправке гвинейских студентов в Конакри, но выполнение полицейских функций» она «взять на себя не может»¹⁰³.

Гвинея продолжала настойчиво требовать отправки всех студентов. Этот вопрос неоднократно обсуждался на заседании политбюро единственной и правящей в Гвинее партии — Демократической партии Гвинеи (ДПГ). Было подготовлено жесткое заявление¹⁰⁴. Из Москвы отозвали гвинейского посла. Тема студентов-невозвращенцев поднималась едва ли не в каждой беседе между советскими и гвинейскими официальными лицами. Так, министр обороны

¹⁰² АВП РФ. Ф. 0575. Оп. 5. П. 9. Д. 5. Л. 8. Советник Посольства СССР в Гвинейской Республике И. Марчук — МИД СССР. Запись беседы с министром иностранных дел Луи Лансана Беавоги, 29 января 1962 г.

¹⁰³ Там же. Л. 9.

¹⁰⁴ Там же. Л. 16–17. Советник посольства СССР в Гвинейской Республике И. Марчук — МИД СССР. Запись беседы с послом Гвинеи в СССР Каба Сори, 3 февраля 1962 г.

Фодеба Кейта заявил советнику посольства СССР И.И. Марчуку, что, отказываясь убедить студентов выехать в Гвинею, советская сторона «не отдает себе отчета в том, к каким серьезным последствиям это приведет советско-гвинейские отношения и как это может повлиять на позиции Советского Союза в Африке»¹⁰⁵.

Советское руководство не хотело новых неприятных сюрпризов в Гвинее и решило употребить власть в отношении непокорных гвинейских студентов. На специальных встречах с ними представители министерства высшего и среднего специального образования и МИДа зачитывали «соответствующее заявление»¹⁰⁶. Выяснить его содержание автору не удалось, но после этих встреч студенты согласились вернуться в Гвинею и послали в политбюро ДПГ телеграмму, где они «признали свою ошибку и заявили о верности ДПГ»¹⁰⁷. Все студенты выехали на родину, успешно прошли проверку на лояльность правящему режиму и вскоре вернулись для продолжения учебы в СССР.

Политические перемены в африканских странах порой круто меняли судьбы их граждан, обучавшихся в СССР. В августе-сентябре 1961 г. по просьбе заместителя премьер-министра Конго Антуана Гизенги в военно-учебные заведения Министерства обороны СССР было принято 38 конголезских военнослужащих. На момент их выпуска в феврале 1962 г. Гизенга, преемник убитого первого премьер-министра страны Патриса Лумумбы, был отстранен от власти и арестован. Советское посольство в ОАР сообщило Министерству обороны, что на родине прибывшие из СССР конголезские военнослужащие будут арестованы как сторонники Гизенги. Было принято

¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 0575. Оп. 5. П. 9. Д. 5. Л. 13. Советник посольства СССР в Гвинейской Республике И. Марчук — МИД СССР. Запись беседы с министром национальной обороны и безопасности Кейта Фодеба, 31 января 1962 г.

¹⁰⁶ Там же. Л. 15. Советник Посольства СССР в Гвинейской Республике И. Марчук — МИД СССР. Запись беседы с министром иностранных дел Луи Лансана Беавоги, 1 февраля 1962 г.

¹⁰⁷ Там же. Л. 17. Советник посольства СССР в Гвинейской Республике И. Марчук — МИД СССР. Запись беседы с послом Гвинеи в СССР Каба Сори, 3 февраля 1962 г.

решение о «временной отсрочке» выпуска 30 конголезских курсантов Ташкентского высшего общевойскового командного училища, о чем им было сообщено. Все они оказались патриотами своей страны: «выставили ультимативное требование отправить их в Конго не позднее 17.2.62 г., угрожая в случае невыполнения этого требования использовать все средства “протеста” вплоть до самоубийств»¹⁰⁸. Удерживать новоиспеченных офицеров в СССР не стали и отправили в Конго, где все они были арестованы, но вскоре «освобождены, разжалованы в рядовые и направлены для прохождения службы в воинских частях, дислоцированных в провинциях»¹⁰⁹.

Разработанные в первой половине 1960-х годов принципы советской политики в отношении студентов из африканских стран, по сути, оставались неизменными вплоть до распада СССР. Новые постановления высоких инстанций об улучшении работы с иностранными студентами принципиально ничего не меняли. Жизнь между тем шла по своей колее. Далеко не все студенты из Африки за годы обучения в СССР становились «людьми с прогрессивными взглядами» и «искренними друзьями Советского Союза». Одни покидали его с добрыми чувствами, бывало, что и с российскими женами, другие — антикоммунистами, с убеждением, что в первой социалистической стране существует расизм.

Без учета положительного и отрицательного опыта советского опыта в отношении африканских студентов невозможно разработать разумную и взвешенную миграционную политику, которая отвечала бы национальным интересам России и не ущемляла права оказавшихся на ее территории иностранцев. Особенно с темным цветом кожи. Станут ли они благодарными друзьями нашей страны, а те, кто захотят остаться, — ее полноправными и лояльными гражданами?

© Мазов С.В., 2009

¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 4. П. 8. Д. 19. Л. 91. Министр обороны СССР маршал Р. Малиновский — ЦК КПСС, 15 февраля 1962 г.

¹⁰⁹ Там же. Л. 115. Министр обороны СССР маршал А. Гречко, министр иностранных дел СССР А. Громыко — ЦК КПСС, 19 июня 1962 г.

А. С. Балезин

Встреча культур в Тропической Африке в колониальную эпоху (к постановке проблемы)

В последние годы по разным причинам все больше исследователей обращаются к теме взаимодействия цивилизаций. В африканистике цивилизационный подход к истории Черного континента также распространяется все шире, и колониализм в таком контексте рассматривается как взаимодействие цивилизаций — соответственно западной и местной, африканской¹. Правда, не существует единого мнения, можно ли говорить о единой «тропическо-африканской» цивилизации или только о ее локальных вариантах².

Современные культурологи широко изучают «межкультурную коммуникацию». По специальности «межкультурная коммуникация» в ряде вузов обучаются студенты, для которых пишутся соответствующие учебники³. Правда, африканский материал остается в основном вне поля их зрения. Специалисты же, изучающие социокультурное взаимодействие Африки и Запада, чаще употребляют понятие «взаимодействие культур»⁴. Мне же представляется

¹ См., напр.: *Никитин М.Д.* Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов, 2005.

² См., напр.: Африка: культурное наследие и современность. М., 1985; *Бондаренко Д. М.* Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке. М., 1997.

³ См., напр.: *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации. М., 2003.

⁴ См., напр.: Африка: общества, культуры, языки. Взаимодействие культур в процессе социально-экономической и политической трансформации местных обществ. История и современность. М., 1998; *Львова Э. С.* Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М., 1996.

более удачным также достаточно широко употребляемый культурологами и историками термин «встреча культур» — ведь взаимодействие при контакте культур происходит вовсе не обязательно.

Мне не хотелось бы здесь углубляться в рассуждения вокруг определения понятия «культура». Как известно, определений таких существует не одна сотня. Полагаю, что для историка может быть в качестве рабочего принято определение А.Я. Гуревича, писавшего: «Культура для меня — историка — представляет интерес <...> как способ человеческого существования в обществе, который обеспечивает его функционирование»⁵.

Не могу не согласиться со С.В. Оболенской, утверждающей: «Встреча культур — один из самых увлекательных процессов в жизни людей и в мировой истории»⁶.

В этой статье речь пойдет о встрече западных и африканских культур в эпоху колониализма, хронологически весьма условно ограничиваемую 1884–1960 гг. Еще в 1960 г., когда колониализм в Африке был реальностью, к этой проблеме привлек внимание известный американский ученый Мелвил Херсковиц. На Московском XXV конгрессе востоковедов он сделал доклад на тему «Роль культурных моделей в процессе аккультурации в Африке», опубликованный впоследствии в журнале «Презанс Африкен»⁷.

В своем докладе, текст которого попал мне на глаза совсем недавно, М. Херсковиц говорил именно об аккультурации в Африке. Аккультурация, согласно современным понятиям, это «процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора)»⁸. Но, как показывают источники, заимствование элементов чужой

⁵ *Гуревич А.Я.* «Путь прямой, как Невский проспект», или исповедь историка // *Одиссей. Человек в истории.* 1992. М., 1994. С. 31.

⁶ *Оболенская С. В.* Германия глазами русских военных путешественников 1813 г. // *Одиссей. Человек в истории.* 1993. М., 1994. С. 82.

⁷ *Herskovits M.J.* The Role of Culture Pattern in the African Acculturative Experience // *Presence Africaine.* 1961. Vols. 6–7. No. 34–35. P. 7–16.

⁸ *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А. П.* Указ. соч. С. 253.

культуры происходило с обеих сторон, именно поэтому речь идет здесь о встрече культур.

Тем не менее М. Херсковиц высказал тогда немало ценных соображений. В частности, нельзя не согласиться с его мыслью о том, что эпоха колониализма была исторически коротка, и встреча европейской и африканской культур проходила значительно быстрее, чем это было, например, при встрече Африки с культурой исламского мира⁹.

Данная статья написана на основе большого количества материалов, обнаруженных мною в архивах Франции, Германии, Намибии и Танзании. Занимаясь проблемой встречи культур в Африке в эпоху колониализма несколько лет, я все более убеждаюсь в ее обширности и многослойности. Встала проблема вычленения отдельных аспектов ее изучения. Одним из них, как мне представляется, являются каналы встречи культур.

Каналы встречи культур

Под этим понятием я подразумеваю самые первые точки соприкосновения европейских и африканских культур, возникавшие до начала складывания колониального общества и способствовавшие ему.

Первым каналом встречи европейских и африканских культур в Тропической и Южной Африке естественно являлись *миссионерская школа и станция*.

С самых первых шагов европейцев в Черной Африке духовные лица составляли значительную их часть. И эти духовные лица с самого начала пытались обратить в веру Христову африканцев. Так, уже в самом первом опорном пункте португальцев в Западной Африке — крепости Эльмина, заложенной еще в 1481 г. на Золотом Берегу (ныне Гана), были сразу же построены две церкви, для европейцев и для африканцев.

Новый расцвет миссионерская деятельность получила к середине XIX в. В Африке развернули работу французские Лионское миссионерское общество, ордена Белых Отцов и Белых Сестер, Орден Святого Духа, английское Церковное миссионерское общество,

⁹ *Herskovits M.J.* Op. cit. P. 10–11.

немецкие Берлинское, Лейпцигское, Рейнское миссионерские общества, бельгийские Орден Непорочного Сердца Марии и Общество Иисуса (иезуиты) и многие другие.

В те годы миссионеры проникали все дальше вглубь Черного континента, часто в совершенно неизвестные европейцам места. Как правило, миссионерские станции основывались в поселениях, которые были для местных народов торговыми или политическими центрами.

В каждой миссии строились церковь и школа. Миссионеры старались привлечь как можно больше африканцев к церковной службе. Для этого им приходилось проделывать гигантский труд: они выучивали как можно скорее языки африканских народов, среди которых жили, и проповедовали на этих языках. Так, рейнский миссионер Ф. Кольбе писал еще в 1849 г., вскоре после своего прибытия в Юго-Западную Африку:

«Мы, несомненно, многого достигнем, если сумеем достучаться до сердец людей, ведь язык — это такая удивительная нить, что влияет действенное и открывает сердца лучше, чем все иные свидетельства дружбы и подарки. Гереро горды тем, что мы учим их язык и называют это “возвращением к их языку”»¹⁰.

Большую роль в обращении африканцев в христианство призваны были играть начальные школы при миссиях. Ведь для приобщения к церковным книгам надо было овладеть умением читать и писать как таковым. Миссионерские школы Долгое время оставались основой начального образования в колониях, государственные школы составили им реальную альтернативу, как правило, лишь спустя несколько десятилетий после колонизации — к 1920-м — 1930-м годам.

Миссионерская школа становилась местом, где маленькие африканцы впервые вплотную сталкивались с заморской культурой. В миссионерских школах африканские дети обучались не только и не столько Закону Божию — им давались те же знания, что их сверстникам в начальных школах Европы, правда, в меньшем объеме. Но зато их усиленно обучали различным ремеслам — столярному, плотницкому,

¹⁰ Намибийский национальный архив (далее — NNA). Quellen zur Geschichte Siidwestafrikas. 28-A. S. 10.

швейному, печатному и пр. Вот как, например, выглядел один день первоклассников в немецкой миссионерской школе Берлинского общества Ботшабело в Южной Африке в начале 1880-х годов¹¹:

с 7.00 до 8.00 —	Библейская история
с 8.00 до 9.00 —	Ветхий Завет
с 9.00 до 10.00 —	свободное время
с 10.00 до 11.00 —	догматика
с 11.00 до 12.00 —	катехизис
с 12.00 до 13.00 —	ручной труд
с 13.00 до 14.00 —	свободное время
с 14.00 до 15.00 —	арифметика
с 15.00 до 16.00 —	немецкий язык
с 16.00 до 17.00 —	пение
с 17.00 до 18.30 —	ручной труд.

А вот расписание занятий в другой миссионерской школе — Рейнскогообщества в Виндхуке, Юго-Западная Африка, в 1890 г.¹²:

Понедельник

Религия
Диктант
Арифметика письменная
Немецкий язык
Чтение и грамматика

Четверг

География
Диктант
Чтение немецкое
Сочинение и стихи
Арифметика письменная

Вторник

Арифметика устная
Французский письменный
Религия История
Чистописание
Среда
Арифметика устная
Немецкий исторический
диктант
Чистописание
Арифметика устная

Пятница

Французский или английский язык
Природоведение
Арифметика письменная
Арифметика письменная
Чтение

Суббота

Арифметика устная
Французский письменный
Чтение
Чистописание
Диктант
Чтение

¹¹ ABM. Abt. III, Fach IV. No. 6. Bd. 2. Bl. 287 (Архив Берлинского миссионерского общества).

¹² ВА. РКА 1949. В1. 19 (Федеральный архив ФРГ).

Как видно из перечня предметов, собственно религия занимала не доминирующее, во втором случае вообще небольшое место в процессе обучения в миссионерских школах. Основное же место занимали практические знания и навыки — чтение и письмо на родном и европейских языках, арифметика, овладение ремеслами. Именно эти знания и навыки, а не христианские догматы, по всей видимости, в первую очередь делали миссионерские школы привлекательными для маленьких африканцев и их родителей. Крещение не было обязательным условием для посещения миссионерских школ. Так, в миссионерских школах Северогерманского общества в Того и на Золотом Берегу в 1898 г. из общего количества 799 человек крещеных было 376, т.е. 38,4%¹³.

Для выпускников миссионерских школ была характерна в целом новая поведенческая модель. И дело тут не только в следовании христианским обрядам, ведь, как уже указывалось, далеко не все ученики миссионерских школ принимали крещение. Характерен в этом смысле пример из анкеты Берлинского миссионерского общества, распространенной в 1911 г. среди учителей школ этой миссии. Учитель из Дар-эс-Саламской школы писал так:

«Вопрос: Как используют ученики полученные знания в своей дальнейшей жизни и как они отличаются в поведении от тех туземцев, что не посещали школы?

Ответ: Ныне взрослые васукума, посещавшие школу, сильно отличаются от своих соплеменников. Они лучше и опрятней выглядят, и также можно отметить улучшение образа жизни вообще у части из них»¹⁴.

Общеизвестен факт, что именно миссионеры стали родоначальниками письменной традиции на многих африканских языках, сделав первые переводы основ Священного Писания. Это касается не только языков, бывших к тому времени бесписьменными: миссионеры перевели на латинскую графику крупнейшие

письменные языки Тропической Африки — суахили и хауса (соответственно с арабского алфавита и созданной на его основе письменности аджами)¹⁵.

Однако менее известно, что миссионеры разработали и первые буквари, и другие учебники для начальной школы. Например, в школах Рейнского общества в Германской Юго-Западной Африке первоначально использовался обычный букварь для немецких школ, а к 1900 г. был создан специальный букварь, соответствовавший местным условиям. Миссионер К. Вандрес в своем отзыве особенно подчеркнул, что «букварь будет отвечать одному нашему издавна высказываемому пожеланию — иметь пособие с более легкими выражениями, соответствующими разуму наших туземцев»¹⁶.

Таким образом, миссионеры заложили основы обучения африканцев на родных языках европейским знаниям.

Что касается их учеников-африканцев, то далеко не все и не всегда посещали миссионерские школы охотно. Например, в архиве Берлинской миссии сохранился документ, рассказывающий о маленькой драме, разыгравшейся в деревушке в Германской Восточной Африке в начале XX в. Учитель Йохана из деревни Китонга пишет на языке суахили миссионеру Кламроту в Дар-эс-Салам:

«...Однажды в два часа дня один ребенок захотел зарезаться ножом. Причина тому — учеба, а имя этого ребенка — Мымагала. Итак, я ударил в барабан, и все дети пришли учиться, а он не пришел. Я пошел за ним, схватил его за руку и сказал: “Пойдем учиться”, а он ответил: “Не хочу”. Я опять схватил его за руку, а он вырвался и убежал в дом и там хотел зарезаться ножом...»¹⁷

И все же общая тенденция была обратной — посещаемость миссионерских школ росла, о чем свидетельствует обширная

миссионерская статистика. Следует иметь при этом в виду, что и после окончания колониального раздела Африки и ее передела в результате Первой мировой войны миссионеры действовали не только в «своих» колониях, но и во владениях других европейских держав. Например, после перехода Германской Восточной Африки в руки Великобритании немецкие миссионеры не только не прекратили, но и расширили там свою деятельность. Так, в 1929 г. только одна станция Лупембе с филиалами имела в подчинении 22 миссионерских школы, в которых училось 577 детей, а преподавало 43 учителя, причем все учителя были африканцами¹⁸.

Но европейские практические знания и навыки африканцы получали от миссионеров не только в школах. Основание миссионерской станции означало в то же время строительство дома для миссионера и обзаведение хозяйством.

Вокруг миссионерского дома и складывалась христианская община. «Внутренняя» община — это собственно миссионерская семья и многочисленные домашние слуги: горничные, кухарки, садовники, пастухи. Миссионеры охотно брали африканских девочек и мальчиков в свои семьи в качестве домашних слуг. Либо это были сироты, либо, наоборот, дети, отданные богатыми африканцами на воспитание миссионерам. Девочки, выросшие в домах миссионеров, учились вести хозяйство по-европейски. Потом их выдавали замуж за молодых людей-христиан, которые, пройдя соответствующий курс обучения, начинали трудиться как учителя и проповедники. Такие супружеские пары становились соратниками миссионеров в их деятельности, помогали основывать новые миссионерские станции и проч.

«Внешняя» община — это жители африканских деревень, возникавших при миссиях. Иногда такая внешняя община была довольно многочисленной. Например, в Экваториальной Африке миссионеры перехватывали у работорговцев с помощью военных отрядов большие партии невольников и селили их компактными деревнями вокруг миссий. В Багамойо, в современной Танзании, при католической миссии так была создана первая деревня из освобожденных рабов. В 1879 г. эта Деревня свободы, как ее называли,

¹⁸ ABM. Abt. III. Fach IX. Nr. 1 Bd. 2 O. B1.

насчитывала более 60 домов, имела своего выборного главу, своих искусных ремесленников¹⁹.

Немецкий рейнский миссионер Гуго Хан, много лет проработавший в Юго-Западной Африке (Намибии), писал, что миссионеры «имеют двойную задачу: во-первых, обратить в свою веру язычников, для чего следует изыскивать любые средства, могущие помочь им постигнуть христианское учение, а во-вторых, дать новообращенным возможность жить по-христиански, т.е. привить им христианские обычаи»²⁰. Он же отмечал, что до 9/10 времени миссионера уходит на деятельность, не связанную с религией²¹.

Что же это была за деятельность? Вот несколько выдержек из дневников рейнских миссионеров в Юго-Западной Африке (ныне Намибия) за 1849 г., всего через 7 лет после начала их деятельности в этой стране.

Ф. Кольбе, станция Ной-Бармен:

«В этом году наш огород снабдил наш стол салатом, морковью, редькой, свеклой, а также дынями и особенно арбузами, картофель растет вновь, и скоро можно будет снимать урожай. Табак растет здесь очень хорошо, в нашем саду есть также апельсиновые деревья, финиковые пальмы и хлопок»²².

Гуго Хан о станции в Окахандье:

«Красивый луг был свеж и зелен. В пруду длиной в несколько сот шагов, заполненном чистой водой, резвилось много диких уток. Берега были укреплены некоей разновидностью камыша»²³.

¹⁹ **Henschel J.** Missionaries of Bagamoyo. N. d., n.p., p. 11.

²⁰ NNA. Quellen zur Geschichte Siidwestafrikas. 30-A. S. 31–32.

²¹ Ibid.

²² NNA. Quellen zur Geschichte Siidwestafrikas. 28-A. S. 10.

²³ **Mossolow N.** Otjikango oder Gross Barmen. Ortsgeschichte der ersten Rheinischen Herero-Missionsstation in Siidwestafrika. 1844–1904. Windhoek, 1966. S. 17.

Многое из перечисленного и не перечисленного здесь миссионеры делали своими руками. Ведь хотя бы для начала африканцам необходимо было показать, как делается та или иная операция по строительству дома, разведению абсолютно незнакомых в Африке сельскохозяйственных культур и проч. Вот как об этом писал один из рейнских миссионеров в Юго-Западной Африке, Якоб Ирле:

«Я должен был учить людей, как маленьких детей, сеять для них пшеницу и придерживать плуг, пока они не научились делать прямую борозду. Если люди были предоставлены сами себе, то поле, только что обработанное плугом, выглядело так, будто его расковыряли свиньи»²⁴.

Но главным образом миссионеры использовали труд своей паствы — дома на миссионерских станциях, поля и огороды при них были результатом многодневной работы многих и многих сотен пар рук африканцев. Африканцы работали также в различных ремесленных мастерских при миссиях. В католической миссии в Дар-эс-Саламе, например, к началу XX в. была своя столярная мастерская, прачечная и даже типография²⁵.

Таким образом, африканцы научились у миссионеров множеству чисто практических знаний и навыков, которые меняли привычную жизнь, делали ее удобнее и разнообразнее. Вот как образно написал об этом в 1914 г. миссионер Йоханнес Ольпп, много лет проработавший в Юго-Западной Африке среди гереро:

«Язычники, которые до 1863 г. ходили голышом, научились носить одежду, покупали себе плуги, телеги, лопаты, ведра, всяческую другую домашнюю утварь, научились зарабатывать извозом для белых и на медных рудниках. Они научились делать из глины кирпичи, строить из них европейские дома

²⁴ Irle J. Die Herero. Ein Beitrag zu Landes-, Volks- und Missionskunde. Gütersloh, 1906. S. 286.

²⁵ ABM. Abt. IV. Fach. II J. Nr. 1. Bd. 2. Bl. 22.

и жить в них, они купили себе столы, стулья, ящики, двери, окна и построили в 1867 г. собственными руками и на собственные средства церковь и здание школы в Очимбингве»²⁶.

Именно возможность получения практических навыков, а не изучение христианских догматов привлекала в первую очередь африканцев в миссии. Один из ярких примеров из миссионерских дневников:

«Вскорости после того, как мы обосновались здесь, появилось несколько семей дамара. За ними последовали другие, так что теперь стоят уже двадцать их домов. Позже пришел и Кахичене, один из главных вождей овагереро, очень богатый скотом, и разбил здесь свои палатки, так что в людях недостатка мы не испытываем. К сожалению, однако, он не горит желанием услышать Слово Божье. Из огромного количества язычников, живущих вокруг нас, на богослужение приходят не более восьми десятков человек, а из многочисленных детей, бегающих в округе, школу посещают лишь 20–30. Наши участвующие в богослужении почти исключительно БЕДНЫЕ люди»²⁷.

Факт, что именно бедные люди прежде всего притягивались миссиями, можно объяснить тем, что миссионеры давали им возможность заработать или хотя бы подкормиться.

Таким образом, миссионерские станции были не только и не столько распространителями христианского вероучения, сколько центрами, где африканцы учились жить оседло, строить дома и вести сельское хозяйство по-европейски. При этом они должны были отказаться от целого ряда традиционных привычек и установлений, как это подчеркивается, например, в отчете миссии Берлинского общества в Дар-эс-Саламе за 1909 г.:

²⁶ *Olpp J.* Die Kulturbedeutung der evangelischen Rheinischen Mission für Siidwest. Rheinische Mission; Siidwestafrika, 1914. S. 7.

²⁷ NNA. Quellen zur Geschichte Siidwestafrikas. 28-A. S. 11–12.

*«К нашей радости, даже некоторые из живущих в Нгамбо васукума переехали в наше вновь построенное там селение, хотя они должны были вести себя в рамках принятого у нас порядка: обязательное посещение школы для детей, запреты на попойки, танцульки, языческие фокусы-покусы, работу по воскресеньям и проч.»*²⁸

О том, как менялось поведение африканцев при миссиях, рейнский миссионер в Юго-Западной Африке К.Г. Бюттнер в 1885 г. писал так:

*«Широко распространилось умение читать и писать, знание арифметики и голландского языка, и даже немецкий язык не является более совсем уж неизвестным для готтентотов и гереро. У туземцев проснулась потребность в одежде, утвари, инструментах и другой продукции европейской промышленности от серных спичек до гармоник и, что совсем не мало, на каждой станции есть люди, надежность и принадлежность к христианству которых дает достаточно верную гарантию тому, что доброе имя христиан останется таковым перед всем миром»*²⁹.

Таким образом, члены христианской общины, формировавшейся вокруг миссий, резко выбивались из привычного жизненного уклада и круга представлений народов Африки. Они носили европейскую одежду, ели вилкой и ножом, перед едой не забывали вымыть руки. Но главное, руки эти умели делать много полезных вещей, да к тому же и писать буквы! Для многих народов Африки, у которых прежде не было письменности, это было настоящее чудо.

Так, катикиро (главный министр) Буганды Аполло Кагтва стал первым человеком, написавшим книгу, причем не одну, на родном

²⁸ ABM. AB. III. Fach X. No. 1. Bd. 1. O. Bl.

²⁹ *Büttner C. G.* Kolonialpolitik und Christentum. Betracht mit Hinblick auf die deutschen Untemehmungen in Sudwestafrika. Heidelberg, 1885. S. 256.

языке — луганда. Еще на рубеже XIX–XX вв. он пользовался часами, велосипедом и жил в двухэтажном доме, построенном на европейский манер. А самое главное, он активно пользовался печатным станком для распространения брошюр о различных практических проблемах — о пользе разведения хлопка, вакцинации скота и проч.³⁰ А помощник доктора на миссионерской станции в Камеруне А. Ндумбе не ограничился постройкой современного дома: к моменту своей смерти в 1903 г. он скопил в Германии солидную по тем временам сумму — 965 марок³¹.

Новообращенные христиане уже не вписывались в традиционную африканскую социальную структуру. Это значит, что они больше не подчинялись собственным старейшинам, в ряде случаев роль таких старейшин для них стали играть миссионеры, которые руководили всей их повседневной жизнью.

Одним из важнейших результатов деятельности миссионерских школ было появление учителей-африканцев. Это означало быстрое развитие образования вширь, да еще и через «своих», более понятных детям людей. В миссионерских архивах хранятся в том числе и жизнеописания таких учителей. Вот выдержки из автобиографии одного из них, южноафриканца Х. Грифа, написанной им собственноручно по-английски в 1950 г.

«Я родился 6 декабря 1897 г. в Адамс Хоуп в Свободном Государстве. Я был крещен 2 января 1898 г. преподобным Р. Брюном. Я ясно помню, как мои родители ходили по воскресеньям в церковь в Кейп Косте. <...> В январе 1910 г. я пошел в школу, куда меня зачислил преподобный Э. Мюллер, ее директор. В том же году я закончил подготовительное отделение и в 1911 г. перешел в первый класс. Я успешно сдавал экзамены каждый год и в 1919 г. окончил учительский курс. В 1920 г. я начал карьеру учителя. Я был в детстве болезненным мальчиком, и пройти пешком ежедневно расстояние около шести

³⁰ См.: **Балезин А. С.** Просветительские тенденции у А. Каггвы и Д. Касагамы в Уганде в начале XX в. // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1982. С. 141 — 161.

³¹ BA. RKA 5276. N1. 4.

*мил ь от дома до школы для меня было серьезным испытанием. Я был единственным во всей школе из живших вдалеке, кто сумел ее закончить»*³².

Подобных примеров можно привести множество. В судьбе Х. Грифа характерна настойчивость в учебе и в работе — на момент написания письма его педагогический стаж составлял 30 лет и, несмотря на множество болезней, он продолжал преподавать.

Африканские учителя-миссионеры, ставшие живым олицетворением встречи культур, преподавали своим ученикам, конечно же, не только духовные, но и светские знания, а также практические навыки. Чисто педагогическая нагрузка у них была очень велика: например, в Того в миссионерских школах Северогерманского общества она составляла еще в 1870-х годах до 22 часов в неделю, не считая подготовки учебных пособий и демонстрационных материалов³³.

Они начинали свою деятельность, как правило, очень молодыми и «с чистого листа». Энох Мадондо из Южной Африки стал учителем в 19 лет. Вот как он вспоминает об этом в своей автобиографии, написанной на английском языке:

«...Начинать было очень трудно. Мне пришлось много потрудиться, собирая детей для школы. Я работал и молился, и наш Отец небесный услышал мои молитвы. В 1921 г. (на третий год работы. — **А. Б.**) у нас в школе уже было более тридцати детей. У нас не было здания для школы, и я много потрудился, чтобы построить деревянный дом, крытый травой, мне помогали несколько мужчин, а также женщины и дети. <...> Моя жизнь была нелегка, часто я сталкивался с трудностями, тяжело страдал духовно и телесно и почти терял надежду на поправку, но Господь помог мне выжить»³⁴.

³² ABM. Abt. I. Fach V. No. 81. Bd. 1. O. Bl.

³³ Ustorf W. Op. cit. S. 135.

³⁴ ABM. Abt. I. Fach VI. No. 81. Bd. 2. O. Bl.

Следует подчеркнуть, что африканцы, воспринимая от миссионеров самые различные знания и навыки, не теряли ничего из того, чему учило их традиционное общество. В результате в головах их происходил своеобразный *синтез* старого и нового.

Один из ярчайших примеров тому — так называемые *афрохристианские церкви*, вероучения которых сочетают в себе элементы христианства с африканскими религиозными и морально-этическими представлениями. В частности, считается, что Иисус Христос был чернокожим, и нередко в африканских церквях можно увидеть прекрасное изображение чернокожей Богородицы с чернокожим же младенцем на руках. Афрохристианские церкви достаточно исследованы уже и в отечественной науке³⁵, и эта проблема выходит за рамки данной статьи. Здесь, как уже отмечалось, речь идет именно о внерелигиозной деятельности миссионеров, как правило, остающейся за пределами внимания исследователей³⁶.

Встреча культур — процесс двусторонний, «улица с двусторонним движением». В Африке в конце XIX — начале XX вв. происходила встреча стадийно и типологически разных культур, что не могло не усложнить этот процесс. Литературовед И.Д. Никифорова называет этот период «пиком взаимного непонимания европейцев и африканцев»³⁷. Однако думается, что именно миссионеры немало способствовали преодолению этого взаимного непонимания.

Конечно, в данном случае участники процесса встречи культур не только обладали совершенно разным опытом, но и разным умением его передавать. Миссионеры были учителями по определению, они сами четко формулировали, чему смогли научить африканцев, — в этой статье приведены лишь немногие из имеющихся тому примеров.

³⁵ См., напр.: *Шаревская Б.И.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.

³⁶ См., напр.: *Кара-Мурза А.А.* На стыке культур: христианское миссионерство и становление новой элиты в Экваториальной Африке // Африка: взаимодействие культур. М., 1989. С. 172–185.

³⁷ *Никифорова И.Д.* Этапы взаимодействия культур Африки и Запада в XX столетии // Африка: общества, культуры, языки. М., 1998. С. 221.

Африканцы же передавали свои знания в традиционном обществе по принципу «делай, как я». Установить, что же восприняли миссионеры от африканцев, значительно труднее, но все же возможно говорить о некоторых бесспорных фактах.

Во-первых, миссионеры научились африканским языкам. Для них это была «производственная необходимость», но, изучая языки, миссионеры одновременно постигали некоторые особенности мышления африканцев.

Во-вторых, они получили знания по истории и этнографии африканских народов. Многие из миссионеров-практиков стали авторами классических работ в этой области.

Упомянувшийся уже рейнский миссионер Ольпп четко выделил эти два факта: «Именно миссионеры в основном изучили языки и жизненные воззрения туземцев, их хорошие и дурные обычаи и нравы»³⁸. Правда, он забыл упомянуть, что изучили миссионеры все это с помощью тех самых «туземцев». Однако другие миссионеры писали об этом прямо. Например — берлинский миссионер Б. Вегель, работавший в Южной Африке:

*«Именно Цунгу (Хелек Цунгу, местный африканский пастор. — А. Б.) я обязан тем, что в первые трудные годы моей работы здесь в Христианенбурге, когда я не знал ни языка туземцев, ни их обычаев и нравов, но должен был вести работу... все так или иначе у меня получилось и работа пошла»*³⁹.

Кроме того, миссионеры учились у африканцев искусству **выживать в тропиках**. Например, немецкий миссионер в ЮЗА д-р К. Г. Бюттнер писал, что при выборе места для будущего дома они использовали не европейские, а местные критерии, а также зачастую местные стройматериалы⁴⁰.

³⁸ Olpp J. Op. cit. S. 9.

³⁹ ABM. Abt. I. FachV. No. 81. Bd. 2. O. Bl.

⁴⁰ Büttner C. G. Über das Erbauen von Häusern für Europäer im Inneren Afrikas // Deutsche Kolonialzeitung. 1887.1. Heft. S. 18ff.

Еще одним каналом встречи европейских и африканских культур, образовавшимся чуть позднее, была *система колониального управления*.

В колониях на Африканском континенте существовало два уровня государственного управления — «белая» и «туземная» администрации. Существовал некий уровень «стыка» той и другой — в английских колониях это был, например, *дистрикт*, где заканчивалась иерархия европейских и начиналась иерархия африканских чиновников. Это, конечно, не значит, что на высших этажах управления совсем не было африканцев, но там они занимали незначительные должности клерков и вспомогательных сотрудников.

Самое главное — на местном уровне администрация колоний повсеместно оставалась африканской. И дело не только и не столько в том, что у стран-метрополий не было возможности посадить белого чиновника в каждую африканскую деревню или хотя бы околоток. Нет, главным и существенным был тот факт, что управление на местах осуществлялось в понятных формах и на понятном языке своими сородичами.

Вот данные о соотношении европейцев и африканцев в колониальной администрации Французской Западной Африки на 1955 г.⁴¹.

Таблица

Уровень компетенции кадров	Европейцы	Африканцы	% африканцев
Исполнители на местах	6	30 234	99
Управленцы низшего звена	2196	1281	37
Управленцы среднего звена	1298	5026	79
Всего в низшем и среднем звене	3494	6307	64
Ответственные кадры:			
врачи и аптекари	3643	196	5
акушерки-африканки	—	808	100
ИТОГО	7143	37 545	84

Множество копий в связи с «туземной» и «белой» администрацией в Африке было сломано вокруг проблемы так называемого

косвенного управления. Косвенное управление — некий колониальный миф, поднятый на щит такими известными британскими деятелями, как, например, лорд Лугард⁴². В отечественной африканистике этот миф медленно, но верно развенчивался, причем от критики позитивного смысла косвенного управления постепенно переходили к отрицанию самой уникальности этой системы. Так, Ю.Н. Зотова в своей работе по Нигерии, считавшейся классическим примером косвенного управления в Африке, показала, что эта система в чистом виде там практически не наблюдалась, имелось множество промежуточных и переходных форм⁴³. Автор этих строк не только продемонстрировал то же самое на примере другой классической области британского косвенного управления — Уганды, но и попытался показать, что в обеих этих системах больше сходства, чем различий⁴⁴.

Главным элементом и той и другой системы «туземной» администрации являлись вожди. Колониальный вождь — *ниф* по-английски, *шеф* по-французски, *хойнтлинг* по-немецки, *режедор* по-португальски — и был главным порождением системы колониального управления.

Следует подчеркнуть, что в доколониальные времена у африканских народов существовала целая гамма традиционных носителей власти — от деревенского старейшины до наследственного монарха, но *вождями* можно с полным правом называть лишь глав *вождеств*, вполне конкретной стадии политогенеза. Европейцы же заменили всю эту гамму универсальной и нивелированной фигурой колониального вождя⁴⁵.

Первыми колониальными вождями стали деревенские старейшины, ведь африканская община в колониальном обществе

⁴² См.: *Lugard F.* The Dual Mandate in British Tropical Africa. 2 ed. L., 1965.

⁴³ *Зотова Ю.Н.* Традиционные политические институты Нигерии. Первая половина XX века. М., 1979.

⁴⁴ *Балезин А. С.* Африканские правители и вожди в Уганде. М., 1986. С. 106–115.

⁴⁵ См.: *Он же.* Традиционные власти и колониальные вожди в Восточной Африке (К вопросу о терминологии и типологии) // Советская этнография. 1987. №3. С. 35–44.

сохранилась, сохранилась и ее верхушка⁴⁶. Над ними колониальные власти поставили целую иерархию администраторов из африканцев, либо используя местные институты власти, либо создавая их заново.

Колониальный вождь олицетворял в себе черты и функции как традиционного носителя власти, так и служащего колониальной администрации. В обязанности колониальных вождей входили прежде всего сбор налогов, поддержание порядка и организация общественных работ, а также осуществление судопроизводства на местах.

Будучи одним из первых *каналов* встречи культур, все годы колониализма колониальная администрация являлась одной из важнейших *областей* этого процесса.

Важнейшие области встречи культур

Колониальная администрация

С годами система колониальной администрации усложнялась. Вот, например, как выглядела рутинная деятельность местного вождя в Бусоге, части протектората Уганда, в марте 1951 г.:

«1 марта 1951 г. Вождя муру ка А, посланного в... тяжело ранил в голову Б за то, что А был обнаружен совершающим прелюбодеяние с женой отца Б. А послан под стражей в больницу, а Б послан под стражей в административный центр саза.

В выполнил свое обещание от 23 февраля 1951 г. и заплатил 178 шилл. 46 ц.; поэтому я разрешил ему забрать велосипед и стулья и предупредил, чтобы он платил регулярно каждый месяц, иначе я опять наложу арест на его собственность.

Г прибыл, чтобы принять пост вождя мурука от Д, а Д переведен в...

Е — представитель кьябазинги (верховного «туземного правителя Бусоги». — А. Б.) в суде дистрикта Бусога по делу №... за 1950 г. — прибыл передать... два возделанных участка земли, принадлежавших Ж, которые Ж выиграл по вышеуказанному делу.

⁴⁶ См., напр.: Община в Африке: проблемы типологии. М. 1978.

2 марта 1951 г. Корреспонденция и сбор налогов. <...>

5 марта 1951 г. Инспектировал дорогу №... В офисе — корреспонденция и сбор налогов. 3, сын *И*, арестован за кражу шерстяного одеяла и 5 ярдов ситца, принадлежащих *К*. <...> Послал своего помощника в... для оказания помощи тамошней полиции в аресте сбежавшего узника, сына *Л*.

6 марта 1951 г. Совет гомболола обсуждал выбор новых мест для бурения скважин (колодцев, которые должны копаться силами местных властей), но отложил решение до 9 марта, потому что из... не прибыло ни одного члена совета.

Корреспонденция и сбор налогов.

7 марта 1951 г. Находился в административном центре саза для участия в собрании администрации саза. Проверил наличность, собранную клерками...»⁴⁷

Из этого небольшого отрывка из дневника хорошо видно, что вожди превратились со временем в европеизированных чиновников, не утратив в то же время местного колорита.

Изначально колониальные вожди нижних «этажей» не получали никакого жалования, используя в качестве источников своих доходов традиционные личностные отношения. Постепенно и этих вождей включали в категорию оплачиваемых служащих колониальной администрации, состав которой все усложнялся.

Колониальные вожди в ряде случаев сохраняли традиционные личностные отношения с рядовыми общинниками, используя их по-прежнему для личного обогащения. В архивах сохранилось множество свидетельств злоупотреблений колониальных вождей. Вот пример из истории Бельгийского Конго. Оно было поделено на «шеферии»; во главе каждой из них стоял вождь. Шеферии не обязательно совпадали с границами расселения народов страны, а их начальники — вожди — также не обязательно происходили из семей доколониальной аристократии. В среднем под властью одного вождя шеферии в 1930-х годах находилось до 4 тыс. жителей, но были и более мелкие. Вот что пишет некий Жак Себа об одном

⁴⁷ Блезин А. С. Африканские правители... С. 250.

из таких вождей в письме от 2 октября 1935 г. на имя генерал-губернатора ФЗА:

«Местный вождь Мампосси украл семь животных и двести франков у Мабыяла Биине, а трое его полицейских тоже украли цесарку у сестры Муфуки-Жоие. Он также дает разрешение брать в жены женицин, у которых уже есть мужья. В подтверждение — двое полицейских вождя взяли двух женицин из деревни Кимфику. <...> Кроме этого, Манкуанга, вождь деревни из подчинения Мампосси, и один полицейский Мампосси по имени Нгонси украли 4 курицы у Мабыяла-Биине. <...> Манкуанга украл 30 франков у Мандаки-Домбо, которого, как он сам говорил, вождь посадил в тюрьму на месяц»⁴⁸.

Жак Себа, однако, одним письмом не ограничился, а послал новое письмо с жалобой, на этот раз — «мэру Французской Экваториальной Африки» в г. Браззавиль. Письмо было написано вслед за первым, 11 октября 1935 г.

Жак Себа снова жалуется на вождя Мампосси:

«Во-первых, он похитил 200 франков и семь животных. <...> Во-вторых, его полицейские умыкнули цесарку сестры Нестора Муфуки-Жоие... В-третьих, он сокрыл жалобу на вождя Лубаки Гуэри, который убил человека, потому что получил тайно взятку в 300 франков... У Мампосси также есть привычка — если женицина приходит на суд с мужем, он принимает решения против этой женичины, чтобы женицина согласилась с ним спать»⁴⁹.

Из жалоб видно, что вожди использовали свое служебное положение для злоупотреблений как традиционных (кража), так и новых — взятка деньгами, например.

⁴⁸ Архив заморских территорий Франции, далее С.А.О.М. (Afrique Equatoriale Francaise. Gouvernement Gene rale de l'Afrique Equatoriale Fran chaise. 5 D. D. 8.).

⁴⁹ Ibid.

Колониальная администрация, в частности, стала школой не только для африканцев, но и для европейцев. Все они, так или иначе, эмпирически изучали жизнь, быт, обычаи и нравы африканцев, с которыми им приходилось иметь дело ежедневно. Кроме того, колониальные власти осуществляли целый ряд мероприятий по обучению чиновников-европейцев, в которое входило и изучение соответствующих африканских языков.

Так, немецкие колониальные чиновники, которых отправляли на работу в Германскую Восточную Африку (нынешняя Танзания), должны были пройти полугодовой курс обучения в Семинаре восточных языков при Берлинском университете, либо в Гамбургском Колониальном институте. Из архивных документов явствует, что за 1908–1913 гг. такую подготовку прошли⁵⁰:

1908/09 гг.	29 человек
1909 г.	21
1909/10 гг.	18
1910/11 гг.	23
1911/12 гг.	18
1912/13 гг.	24
Итого:	133 человека

Даже если не все эти 133 человека прошли обучение до конца (в документах есть на это указания), то все равно число для одной колонии за 6 лет значительное.

К подготовке кадров относились серьезно, привлекая лучшие силы. В частности, в Берлине чиновников экзаменовал известный ученый профессор Фельтен. Вот как он отзывался о них:

«Назначенные на полицейскую службу в Восточной Африке пять полицейских вахмистров... которым с 10 марта преподавался язык суахили, посещали занятия регулярно и обнаружили большое прилежание»⁵¹.

⁵⁰ TNA. G1/23. B1, 46, 60, 69, 72, 99.

⁵¹ Ibid. B1. 94.

А в Национальной школе Франции и заморских территорий будущих колониальных чиновников для Африки готовили в 1940-х годах целых два года. В курс обучения, помимо африканских языков, входили такие дисциплины, как география, этнография, обычное право, мусульманское право, история народов Африки и Мадагаскара, а также законодательств, административные органы и туземная политика в африканских колониях Франции⁵².

Обучение колониальных чиновников африканским языкам проходило и в самих колониях. Так, губернатор ГВА Рехенберг 6 января 1911 г. издал распоряжение об изучении суахили чиновниками и солдатами. В нем, в частности, указывалось:

«Курс обучения будет проходить еженедельно по вторникам и четвергам с половины пятого до половины шестого вечера в помещении школы для европейцев. Его могут пройти одновременно примерно 15 человек. <...> Я разрешу чиновникам, проходящим курс, в соответствующие дни уходить со службы уже в четыре в четвертью часа. Я также готов по желанию чиновников прилагать свидетельства об успешном окончании курса к их личным делам и учитывать при возможных повышениях по службе»⁵³.

Впоследствии для полицейских были организованы ежедневные занятия суахили в течение месяца⁵⁴.

Таким образом, колониальная администрация, став одним из первых каналов встречи культур, весь колониальный период оставалась важной областью этого процесса.

Судебная система

Еще одной важной сферой встречи культур в колониальном обществе была *судебная система*. Она примыкала к системе колониального

⁵² C.A.O.M. FM. 1/Affaires politiques. 2538. D. 6.

⁵³ TNA. GI/23. Bl. 66.

управления и также состояла из двух частей — африканской и европейской. Но дело не только в том, что сосуществовали две судебные системы, существовал некий дуализм в области права.

В традиционных африканских обществах в основном существовало обычное право, т.е. совокупность норм, не устанавливаемых органами государственной власти, а вырабатываемых в течение длительного времени в данном социуме и закрепляемых в нем тем или иным способом. Исключение составляли исламизированные государства, например, средневековые империи Средней дельты реки Нигер (Гана, Мали, Сонгаи) или Занзибарский султанат, где господствовало шариатское право. Однако и там оно функционировало, как правило, на верхушечном уровне, рядовые же общинники продолжали веками жить в основном по нормам обычного права⁵⁵.

В колониальную эпоху это положение изменилось. Каждая колониальная держава старалась навязать своим владениям собственную правовую модель. Так, во Французской Западной Африке и Французской Экваториальной Африке, а также на Мадагаскаре было введено французское право, в Бельгийском Конго — бельгийское, в Анголе и Мозамбике — португальское, в английских же колониях — английское обычное право.

Однако в реальности дело обстояло значительно сложнее. Так, во французских колониях было введено романо-германское право и французский гражданский кодекс, но, несмотря на принцип равенства граждан, провозглашенный Великой французской революцией, субъектами их стало незначительное меньшинство населения французских колоний — жители четырех портовых городов-коммун Сенегала, считавшиеся гражданами Французской республики. Большинство же жителей колоний считались субъектом «туземного права и обычая». В Бельгийском Конго также признавалось «туземное» право.

В британских колониях было введено общее право страны-метрополии и ее законы. Однако и там внутренняя жизнь африканской

⁵⁵ См., напр.: *Куббель Л.Е.* «Страна Золота» — века, культуры, государства. 2-е изд. М., 1990.

общины оставалась в сфере действия местного обычного права. В португальских колониях права и обязанности «туземцев» регулировались специальным законодательством — индиженатом, также включавшим в себя нормы обычного права.

Отечественный специалист по африканскому обычному праву И.Е. Синицына писала:

«В результате во всех африканских колониях сложилась сходная картина: в делах, где сторонами были африканцы, кроме законов и местных актов общего и “естественного” права третий источник права представляли некоторые отрасли обычного права...

Таким образом, в колониях сложилась дуалистическая правовая система. Она включала право, введенное метрополиями, и “туземный обычай”.

Первое охватывало по преимуществу административное право, торговое и т.д., тяготеющие к “современному” сектору колониального общества. Уголовное право состояло из законов метрополии; в британских колониях... применялся также индийский уголовный кодекс.

Традиционные области — землевладение и землепользование (за исключением немногих районов), семейное право (прежде всего, вопросы брака, развода и усыновления), наследование, право опеки, прижизненный раздел собственности, некоторые гражданские правонарушения, обязательства (традиционные договоры дарения, мены, найма движимости, выполнения работ и т.д.) — остались в сфере действия обычного права»⁵⁶.

Как правило, на местах функции судей осуществляли все те же колониальные вожди. Из цитировавшегося выше дневника вождя гомболола в Бусоге (британский протекторат Уганда) видно, что судебные тяжбы занимали в его деятельности заметное место:

⁵⁶ *Синицына И.Е.* Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978. С. 20.

«2 марта 1951 г. <...> В суде вынес решения по одному уголовному и четырем гражданским делам.

3 марта 1951 г. Провел в суде... по гражданскому делу №... за 1950 г.

5 марта 1951 г. <...> 3, сын И, арестован за кражу шерстяного одеяла и 5 ярдов ситца, принадлежащих **К.** Назначен суд на 6 марта.

6 марта 1951 г. Решил одно гражданское и одно уголовное дело.

8 марта 1951 г. М из... подал жалобу на свою жену за то, что она обожгла его дочь в его отсутствие, пока он находился в... Рекомендовал ему пустить дело по соответствующим каналам, т.е. через старейшин хутора и деревни. <...>»⁵⁷.

Отправление судебных функций давало африканцам широкие возможности для произвола. Упоминавшийся уже Жак Себа из Бельгийского Конго жаловался в своих письмах и на африканских судей:

«Как Вы знаете, существует двое судей — Муйяби Жоко и Буки Банга, которые тоже мерзавцы, потому что они всегда очень жестоко судили все дела...»

Однако в процессе встречи культур в области права в жизни реальных индивидов разграничить сферы действия «западного» и «туземного» права становилось все труднее, оба типа правовых систем вступали в неизбежное взаимодействие и взаимно переплетались.

Африканцы в ряде случаев обращались за помощью к европейским властям и с теми делами, которые должны были оставаться в области традиционной юрисдикции. Так, в 1950 г. женщина из народа овамбо, живущего на севере современной Намибии, пожаловалась колониальным властям, что ее сын, работающий в г. Людериц на юге страны, не помогает ей материально⁵⁹.

⁵⁷ **Балезин А. С.** Африканские правители... С. 250.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Samibia National Archives. NAO-93. File 42/2/87. Complaints by Local Natives against Natives in the Police Zone.

Система светского образования

Еще одной областью встречи культур в колониальной Африке стало светское образование, которое дополнило, но не отменило миссионерские школы к концу первой трети XX в.

Основывались и учебные заведения, дававшие среднее и даже начатки высшего образования. Таковым стал, например, Университетский колледж Макерере в Кампале (Уганда), созданный в 1924 г. Об усилиях колониальных властей по налаживанию светского образования свидетельствует отчет директора департамента просвещения Французской Экваториальной Африки от 23 августа 1938 г.:

«Генерал-губернаторство Французской Экваториальной Африки
Дирекция просвещения

Осуществление просветительской деятельности в первом семестре 1938 г.

<...>

Выводы

Школьная деятельность в ФЭА в первом семестре 1938 г. характеризуется многочисленными и важными свершениями.

Персонал работников просвещения увеличился на 10 учителей, 5 помощниц, 1 мастера производственного обучения, 30 инструкторов и на определенное количество преподавателей средней школы.

Европейское образование доведено до завершения. Средняя школа, открытия которой с нетерпением ждали европейские семьи, создана в Браззавиле.

Высшая начальная школа для туземцев впервые функционировала нормально (4 перевода в следующий класс и отделение учеников-инструкторов).

Прежние помощники учителей, неспособные должным образом исполнять свои обязанности, заменены компетентными.

Открыто около двадцати новых классов (деревенские, городские и региональные школы)

Большое число неприспособленных или разрушенных школ перестроено, построены новые школьные здания. Выполненные, ведущиеся или поставленные на тендер работы составляют кредит на общую сумму около 2 700 000 франков. Другие задачи изучаются и будут объявлены в тендер в ближайшее время.

К тому же можно отметить следующие инициативы:

- а) организация обмена корреспонденцией между школами ФЭА и школами метрополии;
- б) выезд на каникулы в лагерь в Делизи детей европейцев из Пуэнт-Нуара;
- в) экскурсия 10 детей из Высшей начальной школы для туземцев на подводную лодку “Сюркуф” на рейде Пуэнт-Нуара;
- г) поездка в метрополию двух учеников Высшей начальной школы для туземцев;
- д) стажировка в административных органах Браззавиля учеников из отделения администрации Высшей начальной школы, а также стажировка в больницах и поликлиниках учеников медицинского отделения названной школы;
- е) для начальных школ для туземцев внутренних областей: школьные дни культуры, праздник детства и школьные праздники, деятельность школьной медицинской инспекции, контроль над деревенскими школами, учителями из школьного сектора, курсы усовершенствования по четвергам и во время каникул для инструкторов и т.д.

Постановления от 2 января 1937 г. об организации просвещения в ФЭА вступили в силу. Органы просвещения, достаточно информированные, не имея ни доктрины, ни статута, ни программы и не располагая ничем, кроме весьма немногочисленного европейского персонала и некомпетентного туземного персонала, в конце концов оформились, оказались способными выполнить вполне удовлетворительно доверенную им такую важную и деликатную задачу.

Результаты оказались весьма обнадеживающими. Система просвещения стала конкретной, практической, заботливой и не забывающей о туземных детях. Государственные школы

приобрели у населения небывалый престиж. Покинув Высшую начальную школу, учителя, служащие администрации, учащиеся медицинской школы внесут вклад в формирование “туземной элиты”, которая практически отсутствует в ФЭА и отсутствие которой являлось для развития этой колонии тяжелым препятствием. С другой стороны, профессиональная школа в Браззавиле, реорганизованная, снабженная обширными мастерскими и достаточным оборудованием, сформирует квалифицированных рабочих, начальников мастерских и прорабов, которых ФЭА в настоящее время вынуждена рекрутировать в соседних колониях.

Система просвещения, развитие которой будет способствовать процветанию страны и ее граждан, вступила в новую эру. Генерал-губернатор в ходе своих поездок подтвердил свое желание предоставить ей то место, которое она должна занимать и которое она никогда не занимала. Сотрудничество местных администраций ей отныне обеспечено. Можно быть уверенным в том, что она не обманет надежд, возложенных на нее руководителем колонии.

Директор департамента просвещения
Давн»⁶⁰.

Однако уровень образования, обеспечиваемый колониальными властями, был невысок. Вот что говорил об этом представитель СССР в ООН Г. Н. Зарубин на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1949 г.:

«<...> Известно, что управляющие власти обязаны обеспечить прогресс в области образования. Опять-таки обратимся к фактам, имеющимся в информации, представленной на наше рассмотрение. Из этих данных видно, что основная масса коренного населения самоуправляющихся территорий является неграмотной. В Британском Сомали грамотные составляют всего 1% коренного населения. В Уганде, по официальным данным за 1948 г., значится 30% грамотного населения.

⁶⁰ История Африки в документах. Т. 2. С. 132–137.

При этом следует отметить, что эти цифры требуют безусловной проверки, так как грамотность коренного населения Уганды еще в 1946 г. составляла всего лишь 5%. На Золотом Береге грамотные составляют 20%, в Сьерра-Леоне — 28,9%, в то время как в 1946 г. там считалось 30%. Следовательно, здесь мы имеем обратный процесс, т.е. снижение процента грамотности населения Сьерра-Леоне. В Ньясаленде, по данным 1948 г., значилось 20% грамотных, а в 1947 г. — 6,35% и т.д. При этом следует заметить, что грамотными, как правило, считаются люди, которые пробыли в школе один-два года, что, конечно, является неправильным, и нельзя считать таких людей грамотными. По очень многим территориям совершенно отсутствуют данные относительно количества грамотных»⁶¹.

Надо заметить, что вина в слабом охвате образованием африканцев лежала не только на колониальных властях. В ряде случаев африканцы сами проявляли нежелание отправлять своих детей в европейские школы. Особенно это было характерно для областей, где еще в доколониальные времена были распространены ислам и соответственно мусульманская система коранических школ. Причем рост числа европейских школ в колониях сопровождался и ростом коранических школ. Вот, например, данные о коранических школах во французском Сенегале⁶²:

Год	Число коранических школ	Число учеников
1909	1316	10717
1912	1385	11 451

Интересно, что французские власти пытались вмешиваться в работу исламских образовательных учреждений. Так, например, в начале второго десятилетия XX в. была проведена реформа медресе в г. Сен-Луи, где было расширено изучение французского языка и «французских наук», что «оказало свое морализаторское

⁶¹ История Африки в документах. Т. 2. С. 44–46.

⁶² C.A.O.M. FM. SG. A.O.F. X. D. 6.

влияние на туземцев». В результате медресе выпускает «ученых людей со знанием арабского языка, а не исламских богословов»⁶³. В качестве особого достижения в отчете колониального чиновника отмечается введение в медресе изучения африканских языков, «как это сделали англичане в соседних колониях»⁶⁴.

А вот наблюдение крупного нигерийского политического деятеля Ахмаду Белло о разнице в отношении к европейским школам на мусульманском севере и немусульманском юге английской Нигерии в 1920-х годах:

«На всю провинцию был один чиновник, отвечающий за образование, мы видели его нечасто и издалека, да и то только потому, что его офис находился на территории школьного компаунда. Ему приходилось объезжать все шесть эмиратов, входивших в провинцию, и доказывать людям пользу образования. Это было труднее, чем вы можете подумать. Были распространены консервативные настроения и предубеждения против современного образования и преподавания новых предметов. Многие не хотели лишаться помощи своих детей как раз тогда, когда их уже можно было привлекать к сельскохозяйственным работам. Это даже больше касалось девочек.

Это явление до сих пор существует, и с ним приходится бороться. На Юге ситуация обратная: хотя обучение в школах там платное, желающих учиться гораздо больше, чем мест. На Севере обучение всегда было бесплатное. Формально небольшая плата должна была взиматься, но на практике ее никто не вносил под любыми мыслимыми предлогами. Когда шансов избежать платного обучения все же не было, ученик становился “стипендиатом” “туземной” администрации. Несмотря на столь великодушное отношение, до последнего времени существовали трудности с набором детей в школы»⁶⁵.

⁶³ C.A.O.M. FM. SG. Senegal X. D. 29.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ История Африки в документах. Т. 2. С. 79–80.

В подходах английских и французских властей к образованию в африканских колониях была заметная разница. Во французских колониях уже начальное образование велось на французском языке и по французским программам, несколько упрощенным. В британских же владениях для африканцев разрабатывались специальные программы, и начальное образование велось на местных языках. В результате интеллигенция в английских и во французских колониях несколько разнилась. Об этом в свое время писала Г. И. Потехина⁶⁶. Но в любом случае главным итогом встречи культур в системе светского образования было формирование африканской интеллигенции современного типа.

Медицинское обслуживание

Еще одной областью встречи культур стала медицина.

В колониях европейцы развивали систему здравоохранения в первую очередь для европейцев же, однако практические нужды заставляли их создавать первичное звено медицины и для африканцев. Прежде всего это касалось вакцинации и деторождения. Для широкого охвата населения колоний требовались кадры из африканцев, следовательно, была организована и система обучения младшего медицинского персонала. Причем акушерству обучались женщины-африканки. Так, в ФЗА в 1918–1957 гг. в медицинских и педагогических училищах прошли обучение 1286 африканок⁶⁷. Из этого числа львиную долю составляли именно акушерки; по другим источникам, в 1955 г. в ФЗА работало 808 акушерок-африканок⁶⁸.

Автор диссертации о женщинах-африканках, прошедших акушерские курсы в ФЗА, приводит экзаменационное сочинение молодой девушки, в котором она должна обосновать, почему решила учиться на акушерку. Вот что написала эта девушка в форме письма к матери, как и было задано:

⁶⁶ *Потехина Г. И.* Колониальные режимы и культура // Фольклор и литература народов Африки. М., 1970. С. 289–300.

⁶⁷ *Barthelemy P.* Femmes Africaines et diplomees: une elite auxilliaire a l'epoque coloniale. P., n.d. P. 750.

⁶⁸ C.A.O.M. FM. 3 ECOL 125. D. 6. P. 37.

«Если я сдам экзамен, о радость, я поеду в Дакар, о котором все говорят, и каждый день буду видеть это прекрасное зрелище — детей, спящих в своих колыбельках (не забудь, что я начала любить малышей еще с малолетства). <...> Милая мама, если бы ты знала, как привлекает меня эта профессия. Нет ничего благороднее, чем спасти жизнь человека.

Кроме того, акушерки зарабатывают много денег и хорошо живут. <...> Я смогу оплатить учебу моих младших братишек и сестреноч»⁶⁹.

Немаловажно отметить, что мотивацией к обучению акушерству для этой девочки, как и для многих других африканцев и африканок, послужил не только и не столько интерес к профессии, сколько возможность повысить уровень своей жизни и жизни своей семьи.

В медицинских учреждениях африканцы сталкивались с совершенно новыми для них методами лечения и ухода за больными. Это происходило даже в тех случаях, когда они участвовали в различных медицинских мероприятиях в качестве необученных помощников. Характерен в этом смысле пример с участием жителей Буганды в борьбе против сонной болезни.

Английский паразитолог Дэвид Брюс (1855–1931) в поисках возбудителей сонной болезни в начале XX в. отправился в Уганду, где провел блестящие исследования, доказавшие значение мухи цеце в распространении этой болезни. И помог ему в исследованиях и даже в ограничении распространения этой болезни в Буганде Аполо Каггва, катикиро (премьер-министр «туземного» правительства) и первый угандийский просветитель. Брюс, убедившись в том, что возбудителей сонной болезни переносит именно муха цеце, решил подтвердить свое открытие широким экспериментом.

«Он задумал втянуть в свою работу целую армию сотрудников и попросил аудиенции у Аполо Каггвы. Он сказал Аполо, что открыл микроба сонной болезни, убившей несколько сот

⁶⁹ *Barthelemy. P. Op. cit. P. 698–699.*

тысяч его подданных. “Но я знаю способ, как предотвратить окончательную гибель, грозящую твоей стране. У меня есть основания думать, что муха цеце — насекомое, которое у вас зовется киву, — переносит ядовитого микроба с больного человека на здорового”. <...>

— Что я должен сделать, полковник Брюс? — спросил Аполо.

— А вот что. Мне нужно окончательно убедиться в том, что я прав, — сказал Брюс, развертывая перед ним большую карту Уганды. — Если я действительно прав, то в той же местности, где есть сонная болезнь, должны оказаться также и мухи цеце. Там, где нет мух цеце, не должно быть и сонной болезни.

Брюс снабдил Аполо сетками, банками для удушения мух и большими пакетами; он дал указания, как нужно организовать все это дело и как убивать мух, не подвергаясь риску быть ужаленным.

— Потом мы нанесем на карту все полученные данные, и ты увидишь, насколько я был прав.

В тот же день черный премьер-министр позвал своего старшего секретаря Секибобо, и весь полученный от Брюса инвентарь вместе со строгими инструкциями перешел от Секибобо к младшим чиновникам, а от них по нисходящим инстанциям к целой армии лодочников. Все колеса этой совершенной феодальной системы пришли в действие.

И вот со всех концов страны стали поступать к Брюсу пакеты; они сыпались на него, как из рога изобилия... люди Аполо делали свою работу с точностью автоматов. В конце концов красные и черные точки на карте с ясностью доказали, что там, где водилась муха цеце, там была и сонная болезнь, а где цеце не было, там никогда не бывало ни одного случая сонной болезни!

<...> Аполо отдал приказ, и все черные жители приозерной области со своими женами, детьми и домашним скарбом, покинув жалкие тростниковые хижины на берегу озера, устремились в глубь страны, на новые поселения. <...> Движимые более инстинктом самосохранения, чем страхом перед

ожидающими их карами в случае неповиновения, жители приозерной полосы оставили обжитые места.

Переселившиеся в глубь страны приозерные племена перестали испытывать на себе ужасы сонной болезни»⁷⁰.

Интересно, что и в сфере медицины европейцы также использовали опыт африканцев. Так, некий доктор Мюллер сообщал в своем отчете губернатору немецкого Камеруна от 28 января 1912 г. из Яунде (столицы) об африканском растительном перевязочном материале, который оказывается лучше и значительно дешевле европейских бинтов. Доктор Мюллер, в частности, писал:

«После полугода применения я нахожу растительные повязки пригодными для замены европейских бинтов в поликлиниках для цветных. Способ изготовления таких повязок известен цветным и не представляет трудности»⁷¹.

На отчете немецкого врача имеется резолюция и.о. губернатора Камеруна:

«Указанный здесь опыт я прошу применять в работе поликлиник и больницы для цветных, чтобы как можно больше экономить европейский перевязочный материал»⁷².

Колониальная экономика

М. Херсковиц в упомянутой статье называет миссионерскую деятельность, просвещение, колониальную администрацию и медицину «институционализированными» сферами аккультурации⁷³. Кроме того, он пишет о существовании и «аккультурационных механизмов», возникших как побочные продукты вовлечения колоний в мировую экономику. Здесь он называет урбанизацию

⁷⁰ *Крюи П. де.* Охотники за микробами. М., 1987. С. 184–186.

⁷¹ ВА. RKA 5645. B1. 165.

⁷² Ibid. B1. 164.

⁷³ *Herskovits M.* Op. cit. P. 9.

как последствие индустриализации, а также введение системы наемного труда и новых отношений собственности⁷⁴. Полагаю, что все это можно объединить в понятие «колониальная экономика».

Введение новых отношений собственности, новых сельскохозяйственных культур и системы наемного труда давали самые различные экономические, социальные, правовые результаты встречи культур. Одним из них была, например, система *маило* в Буганде.

Главнейшей целью британских властей в протекторате Уганда было извлечение экономической прибыли. Причем извлекать прибыль предполагалось простейшими путями. Идеальным предполагался вариант, когда массы населения занимались бы сельскохозяйственным производством на землях, формально принадлежащих британской короне, и вступали бы в различные производственные отношения с ее представителями на местах — с «туземной администрацией» и закупочными фирмами. При этом было желательно, чтобы эти массы обеспечивали себя пропитанием сами и к тому же производили что-то на экспорт для закупочных фирм.

Этим «чем-то» стал в первую очередь хлопок. Кроме него на экспорт производились кофе, чай, табак, некоторые другие культуры, но в рамках британской империи в Африке (а затем и не только в Африке) протекторат Уганда занял место производителя хлопка. Первый хлопок был посажен здесь в 1904 г., а уже к 1907 г. был получен первый большой урожай — 2 тыс. кип. С 1921 по 1938 гг. площади под хлопком и его урожаи выросли примерно в 10 раз⁷⁵. В эти же годы доля хлопка в общем экспорте Уганды всегда превышала 70%⁷⁶. Причем выращивался хлопок в основном в африканском секторе хозяйства — Уганде вообще не суждено было стать поселенческой колонией, и в 1925 г., например, белых плантаторов

⁷⁴ *Herskovits M.* Op. cit. P. 9.

⁷⁵ *Tothill J.* Agriculture in Uganda. L., 1940. P. 190, 287.

⁷⁶ *Fischer W.* Die Entwicklungsbedingungen in Uganda. Miinchen, 1969. S. 81.

там было всего 150⁷⁷, а к 1945 г. в руках белых находилось не более 10% земель⁷⁸.

Деньги, вырученные земледельцами от продажи экспортных культур, шли на уплату налогов — сначала в Уганде был установлен налог на хижину и на огнестрельное оружие, позже замененный подушным налогом, ставка которого в разных районах протектората была различной. Что же касается производства продовольственных культур, то оно также возрастало, и земледельцы в основном снабжали себя продуктами питания сами.

Однако действительность Уганды отошла от идеальной модели, представлявшейся ее британским хозяевам. Вышеназванные особенности процесса создания протектората оказали свое влияние и в социально-экономической области. Христианизированная верхушка Буганды, ставшая коллективным соавтором «туземной администрации» протектората, сумела добиться еще и важных экономических уступок. Речь шла о беспрецедентном в Тропической Африке феномене — введении наследственной частной собственности на землю африканцев в условиях колониализма.

Частные земельные владения — от английского слова «mile» (миля) их стали называть в Уганде *маило* — появились прежде всего в Буганде. Первые пожалования земель вождям были сделаны еще в последние годы XIX в. Но по соглашению 1900 г. все обрабатываемые земли Буганды (46% ее земельного фонда) были объявлены «собственностью тысячи вождей и частных земельных собственников, которые этими землями уже обладают»⁷⁹. Однако фактическая раздача земель в собственность была отдана на откуп христианизированной верхушке «туземной администрации», и в результате к 1908 г., когда раздача земель в Буганде была в основном закончена, таких «вождей-землевладельцев» оказалось не 1000, а 3700.

⁷⁷ **Buell R.** The Native Problem in Uganda. Vol. 1. N.Y., 1928. P. 127.

⁷⁸ **Meek C.** Land Law and Custom in the Colonies. L., 1949. P. 143.

⁷⁹ The Uganda Agreement of 1900 // British and Foreign State Papers. L., 1903. Vol. 92. P. 915.

Для баганда понятие «земельной собственности» было совершенно другим, чем для британцев. Владеть землей у баганда означало прежде всего иметь право управлять живущими на ней людьми. С них собирали налоги, но не от имени конкретного владельца, а от имени кабаки, который считался собственником всего сущего. Кроме того, такое владение землей было ненаследственным (выше уже говорилось, что к началу колониальной эпохи именно служилая аристократия составляла верхний социальный слой Буганды). Такое положение вещей отражалось в ставшей классической поговорке баганда: «Омвами ттафуга ттака, афуга абанту» (господин не распоряжается землей, он распоряжается людьми).

В колониальном земельном законодательстве Буганды условные держания земель сохранились лишь частично: по 8 кв. миль (2071,9 га) получали на время нахождения в своей должности вожди саза, по 16 кв. миль — три регента при кабаке. Позже из доли вождей саза были выделены участки и для вождей гомболола. Такие условные держания стали называться «официальными майло»⁸⁰.

Но основная масса розданных земель имела другой статус — частные майло. Что это означало, определил земельный закон 1908 г. Он дал европейское понимание собственности на землю. Майло можно было продавать, покупать и передавать по наследству. А главное, обладание землей не ставилось ни в какую зависимость от вышестоящего вождя. «Собственник майло, — говорилось в законе, — не может быть принужден к выплате части продукта натурой или денежной плате вышестоящему вождю»⁸¹. Закон 1912 г. уточнял возможности передачи частных майло по наследству. Таким образом, в Буганду была введена идея самой настоящей наследственной частной собственности, практически неизвестная в раннем государстве в доколониальные времена. Причем произошел парадокс: система майло была введена по настоянию высших вождей, но вожди колониальной Буганды стали земельными

⁸⁰ Подробнее см.: *Балезин А. С.* Трансформация поземельных отношений в Уганде // Народы Азии и Африки. 1978. № 4. С. 135–145.

⁸¹ The Native Laws of Buganda. Kampala, 1957. P. 155–156.

собственниками не в традиционном, а в европейском понимании. Необходимо подчеркнуть, что если для первоначального получения майло была необходима определенная лояльность к верхушке «туземной администрации» (что не всегда означало лояльность британским чиновникам), то позже земли майло могли быть унаследованы или куплены, т.е. получены вне зависимости от близости к колониальным властям.

Буганда была не единственной частью Уганды, где возникли земли майло. Частные и официальные майло были пожалованы также в Торо и Анколе. Общий их объем составлял соответственно 376 кв. миль (97 380 га) в Торо и 334 кв. мили (86 503 га) в Анколе. По сравнению с 8 тыс. кв. миль земель майло в Буганде это не так много⁸². В Буньоро же поначалу вообще были пожалованы только официальные майло. Частные майло там получали, как правило, вожди-баганда. То же самое можно сказать и о других территориях протектората. С отзывом оттуда вождей-баганда в 1920–1930-х годах их бывшие земли переходили в фонд земель британской короны.

Однако число земель майло в протекторате продолжало возрастать. Причем если в результате продаж и наследования земли, приводивших к дроблению майло, росло число собственников, то доля земель майло в общем фонде могла возрастать другими путями. Как это происходило, показывает пример Буньоро — еще одной части британской Уганды. Там при уходе в отставку колониальный вождь отрезал от официального майло (в Буньоро такие земли назывались *бвесенгезе*) часть земли в свою личную собственность. Такие земли, получившие название *бибанджа*, имели такой же статус, как и частные майло в Буганде, неофициально, конечно.

Почему же система наследственного частного землевладения, неизвестная ранее в местных обществах, стала настолько притягательной в условиях колониальной экономики? В доколониальные времена существовал естественный предел развития сельскохозяйственного производства: его ограничителем выступал предел потребностей в пище и изделиях ремесла самих производителей и господствующих социальных групп, в пользу которых изымался

⁸² Подробнее см.: *Балезин А.С. Трансформация... С. 135–145.*

прибавочный продукт. Изымался он только в натуральной форме, денег в межозерных обществах не знали. Единственным способом накопления богатства был скот, источником приобретения которого являлись войны.

В колониальный период все изменилось. Войн вести было нельзя. Зато появились деньги — сначала рупии, а затем восточно-африканские шиллинги, на которые стало можно купить товары. Земля быстро приобретала товарную ценность, но главным образом не за счет производства продуктов питания, ведь даже в городе хозяйство оставалось полунатуральным, а за счет производства экспортных культур. И реализовывали эту ценность в первую очередь не те, кто обрабатывали землю (хорошо, если полученных за хлопок или кофе денег хватало на уплату налогов), а те, кто этой землей владели.

Каким же образом находила экономическое выражение собственность африканцев на земли маило? В законе 1908 г. ничего не было сказано о земельной ренте. Этим-то и воспользовались собственники. Ведь в первое десятилетие XX в. они получили в собственность обрабатываемые земли, т.е. земли с уже живущими на них издавна земледельцами. Традиционно эти земледельцы платили повинности в пользу верховного правителя в виде натуральных подношений и общественных работ, называвшихся соответственно в Буганде *энвуджо* и *лувало*. К традиционным повинностям относилась также служба в войске. С установлением протектората верховная власть «царя» была заменена верховной властью английского губернатора, в его пользу взимался денежный подушный налог и выполнялись общественные работы.

Традиционные повинности земледельцев на землях маило трансформировались в *бусулу* и *энвуджо*. Первый налог взимался просто за пользование землей собственника маило, а второй — за выращивание на ней экспортных культур. Постепенно оба платежа приняли денежную форму, их размер постоянно возрастал. Так, в Буганде в 1903 г. бусулу составлял 2 рупии, а в 1915 г. — уже 5 рупий, к 1918 г. размер бусулу достиг 10 шиллингов, а энвуджо — до 1/3 урожая⁸³. Интересно, что слово «бусулу», отражая реалии

⁸³ Meek C. Op. cit. P. 132, 134.

колониального общества, возникло в Буганде (исследователи считают, что это заимствованное языком луганда суахилийское слово «ушуру» — налог) и распространилось по всему протекторату в новом значении, отраженном в словарях языка луганда, — земельная рента. Отметим, основной ареал распространения этого явления — именно Буганда, где сконцентрировалось большинство земель маило протектората.

Поэтому именно в Буганде для стимулирования выращивания экспортных культур британские власти были вынуждены принять и провести через люкико закон, ограничивающий эксплуатацию земледельцев на землях маило. Этот закон, вступивший в силу 1 января 1928 г., получил название «Закон о бусулу и энвуджо». Он ограничил бусулу 10 шиллингами в год с каждого земледельца, а энвуджо — 4 шиллингами с каждого акра, занятого под хлопком или кофе. Закон также закрепил определенные права держателей земельных участков — право их передачи по наследству, а также запрет на сгон их с земли и изменение суммы платежей в случае смены владельцев участков маило. Одновременно держателям земель запрещалось сдавать их в аренду⁸⁴.

Таким образом, «Закон о бусулу и энвуджо» закрепил новые социальные связи, возникшие в африканском секторе сельского хозяйства Буганды на землях маило.

Была законодательно оформлена эксплуатация африканцев на базе крупной земельной собственности, правда, при одновременном ограничении этой эксплуатации. Здесь важно подчеркнуть, во-первых, нежелательность возникшей ситуации для британских властей: во многих официальных документах администрации протектората говорится о недопустимости «распространения идей фригольда и лендлордизма». Во-вторых, следует отметить, что бусулу и энвуджо возникли в новых условиях на основе традиционных повинностей. Колониальные вожди стали взимать налоги в пользу и от имени британских властей. Однако в «королевствах» вождями стали в большинстве случаев выходцы из традиционной аристократии — родовой или служилой. И именно из этого для земледельцев вытекала необходимость платить им налоги. Но землевладельцами

⁸⁴ The Native Laws... P. 167–168.

стал первоначально тот же круг колониальных вождей. И основой для уплаты им бусулу и энвуджо было не их право собственности на землю, а право распоряжаться людьми. Поэтому можно говорить о реализации традиционных личностных связей в новой форме — денежной ренты на основе другого новшества — частной земельной собственности. Закон же 1928 г. как бы заменял личностные связи вещными, прикрепив земледельца к земле, а не к ее собственнику, и связав платежи бусулу и энвуджо с собственностью на землю. (Заметим, что это совсем не означало, что с момента вступления в действие закона основные массы земледельцев понимали сущность бусулу и энвуджо именно так, как это трактовалось в документе.)

Хотя колониально-феодальный уклад был для британских властей нежелательным, в Буганде сельское хозяйство развивалось преимущественно в его рамках. Несмотря на дробление (акты купли-продажи и наследование) и рост числа собственников майло с 18 тыс. в 1936 г. до 50 с лишним тыс. человек в 1955 г., крупное землевладение было основным в Буганде и к концу колониального периода⁸⁵.

Понятно, что в разных сферах колониальной экономики африканцы заимствовали трудовые навыки, виды, орудия и предметы труда у европейцев. Изменялся и их повседневный быт. Но вот интересное явление: в источниках есть указания и на обратный процесс.

Так, в письме из Танганьики в Берлин от 14 октября 1933 г. говорится:

«Многие немецкие фермеры не берегут немецкий язык. Дети вырастают со своими черными слугами и почти исключительно учат суахили. Родители слишком мало значения придают тому, чтобы обучить своих детей немецкому языку. В результате дети, приходя в семилетнем возрасте в школу, не могут объясниться по-немецки»⁸⁶.

⁸⁵ The Native Laws... P. 136.

⁸⁶ BA. RKA. 993. B1. 170.

Влияние на европейцев жизни на ферме со множеством работников-африканцев могло быть и однозначно отрицательным. Так, в том же документе говорится: «Важным упущением является тот факт, что дети в Восточной Африке не могут делать сами малейшей практической работы, все делается слугами»⁸⁷.

Политическая борьба, политические партии.

Однако едва ли не более важной и уж, кажется, совсем нежеланной для колониальных властей была еще одна сфера встречи культур, в которой самую активную роль играла африканская интеллигенция.

С годами усложнялся состав африканской интеллигенции, рос уровень ее образования, выдвигались новые идеи. Именно интеллигенция стала бороться сначала за расширение прав африканцев в колониальном обществе. Р. Бьюэлл писал еще о первом поколении африканских интеллигентов в Нигерии в 1920-х годах:

«Вполне естественно, что африканцы, получившие английское образование и несколько разбогатевшие, стали требовать участия в управлении, хотя их уровень знаний зачастую был ниже, чем у людей, окончивших пять классов американской школы. Они считали, что если администрация предоставила судебные и финансовые права “невежественным вождям”, она обязана дать и “образованным” некоторые политические права. Помимо участия в работе муниципалитета Лагоса этот класс требовал предоставления мест в Законодательном совете»⁸⁸.

Со временем в среде африканской интеллигенции все более росла уверенность в том, что с колониализмом в Африке должно быть покончено. Именно представители интеллигенции основывали и возглавляли политические партии, ставившие перед собой цели достижения независимости, именно интеллигенция стала главной

Политическая деятельность, впоследствии партийная борьба и борьба за достижение независимости — вот еще несколько важнейших областей встречи культур в колониальном обществе.

Интересные соображения об антиколониальной борьбе как о результате встречи культур высказал в 1959 г. политический и церковный деятель из Зимбабве Н. Ситоле:

«Возьмите африканца, который учился в школе. Он может считать себя стопроцентным африканцем. Если брать только физические данные, то это может быть и правильно, но изучение его сознания даже на поверхностном уровне показывает, что его математическое мышление, юридические познания, теологические представления, занятие торговлей и работа в промышленности, экономические теории, которыми он руководствуется, темы его разговоров, его чаяния и надежды (перечень далеко не полный) — все это коренным образом отличает его от африканца, который жил до прихода европейцев. После их появления африканец стал смотреть на мир по-новому. Он замечал вещи, которых не видел до установления европейского господства. Он стал слышать по-новому. Он слышал то, чего не слышал до установления европейского господства. Он стал чувствовать по-новому. Он ощущал вещи, которых не ощущал раньше. Он видел не все, что видели его предки. Он слышал не все, что слышали его предки. Он не чувствовал все, что чувствовали его предки. В отличие от своих предков он не верил в миф о белом человеке по той простой причине, что он во многом был уже не тем африканцем, каким были его предки.

Чем такой африканец отличался от своих предков? Ответ прост: его предки имели смутное представление о стране, в которой жили. Они ничего не знали об остальной Африке и, конечно, ничего не знали о странах, находившихся вне Африки. Большую часть своего времени они занимались уходом за скотом, охотой, ловлей дичи в капканы. Они никогда не видели больших городов, где здания вздымаются в небеса. Они никогда не ездили на велосипедах, автомобилях, поездах, никогда не летали по воздуху. Они никогда не ходили в школу.

Поэтому они не шали грамоты. Они никогда не строили современных домов и школ.

Жизнь африканца и условиях европейского господства во многом отличалась от жизни его предков. Он знал не только страну, в которой жил, но и всю Африку, имел представление об остальном мире. Его предки жили среди девственной природы, где жужжали пчелы, пели птицы и разгуливали дикие животные. При европейцах стальные птицы заменили живых, главным видом транспорта вместо быков, ослов и лошадей стали автомобили, поезда и трактора. Если бы предки ожили и вернулись в этот мир, то, посмотрев на своих потомков, они бы ошибочно приняли их за богов.

Время породило нового африканца, который по сравнению с предками был более уверен в себе, более напорист, более предприимчив и больше рассчитывал на свои силы. Этого нового африканца нельзя было задвинуть в прежнее время подобно тому, как уже родившегося ребенка нельзя обратно поместить в материнскую утробу. После рождения ребенку приходилось в меру своих возможностей приспосабливаться к внешним условиям. Так же и африканец пытался, как мог, приспособиться к новым временам. Те, кто советовали ему относиться к белому человеку так же, как его предки, с таким же успехом могли посоветовать ему вернуться обратно в утробу матери. Большинство думающих белых людей приняли эти важные перемены и вели себя в соответствии с реальной ситуацией, не тратя время на пустые мечтания. Но основная масса белых обывателей воспринимала все это, как боги, которым перестали поклоняться. После решающих побед африканского национализма их рая не стало. <...>

Становление африканского национализма сопровождалось фундаментальным изменением психологии африканцев, итогом которых стало развенчание мифа о белом человеке. Без этого африканский национализм не мог возникнуть и победить. Политическое освобождение невозможно без внутренней психологической эмансипации»⁸⁹.

⁸⁹ История Африки в документах. Т. 2. С. 340–341.

Об особой роли африканской интеллигенции в годы борьбы за независимость и в более поздний период интересные соображения высказал В.С. Мирзеханов:

«Повышенная социальная роль интеллигенции была обусловлена переходностью и периферийностью обществ Тропической Африки, где она стала главным проводником общественно-политической модернизации, непосредственным воспреемником и интерпретатором процессов развития. Перед лицом общества, основанного на немыслимых противоречиях, африканская интеллигенция ощутила себя призванной перестроить жизнь по совершенно новым проектам, которые каждый создавал, сообразуясь единственно с собственным разумом»⁹⁰.

Африканцы в Европе

Важно отметить, что встреча африканской и европейской культур проходила отнюдь не только на африканском континенте. Немногочисленные африканцы в Европе, прежде всего в странах-метрополиях, так или иначе вносили вклад в этот процесс.

Например, в Германии в начале XX в. все возрастало количество африканцев — выходцев из колоний, и для них находились самые разные виды занятий. Так, выходец из Германской Восточной Африки Мторо бин Мвенье Бакари выступал, как теперь говорят, как «живой носитель языка» — преподавал язык суахили в Восточном семинаре при Берлинском университете. Вот какой отзыв дало о нем руководство Семинара:

«...Мторо бин Бакари был нанят в Семинар в качестве преподавателя языка суахили при посредничестве бывшего Министерства колоний весной 1900 г. и вступил в должность в апреле того же года. Он был превосходным преподавателем, с готовностью и усердием отвечавшим всем требованиям, предъявляемым к нему в этом отношении, его служебное и внеслужебное поведение за исключением последних месяцев его службы также было образцовым. Зимой 1904–1905 гг. он сообщил тогдашнему

⁹⁰ *Мирзеханов В. С.* Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. М., 2001. С. 227–228.

директору Семинара, что хочет жениться на немецкой женщине. Директор предостерег его от такого шага, с одной стороны, из-за трудностей, связанных с религиозными различиями — Мторо мусульманин, а его жена христианка, а с другой стороны, из-за препятствий, которые колониальная администрация Восточной Африки стала бы чинить такому браку в интересах авторитета белой расы. Тем временем и колониальная администрация узнала о намерениях Мторо и запретила ему этот брак под угрозой непродления его контракта в Семинаре. Мторо все же заключил брак, ушел из семинара и отправился в Восточную Африку, где ему было разрешено остаться, а его жене — нет. В этих обстоятельствах он вернулся в Германию вместе с женой и, насколько Семинару известно, нашел место в Колониальном институте в Гамбурге как преподаватель суахили»⁹¹.

Другой пример — камерунец Ханс Белл, который стал музыкантом, пройдя курс «обучения инструментальной музыке»⁹².

Бывали случаи, когда немцы выказывали специальную заинтересованность в найме африканцев на работу. Так, в 1906 г. некий владелец переплетной мастерской Леске из Дармштадта пишет в Колониальное ведомство, что «намеревается нанять к своим детям няньку из колоний» и «верноподданнейше просит дать справку об условиях и т.д.»⁹³. Интересно, однако, что желание нанять на работу африканцев в некоторых специфических секторах, да еще и на хороших условиях, не пропало и после потери Германией колоний. Так, например, владелец табачной фирмы из Герлица в 1926 г. делает запрос в Министерство колоний:

«Не можете ли Вы обеспечить мне мальчика-негра в возрасте примерно 14 лет? Мальчик использовался бы мной на легких работах, в частности на посылках. Он жил и питался бы в моем доме. Я могу также гарантировать хорошее обращение»⁹⁴.

⁹¹ RKA5422. B1.61.

⁹² BA. RKA 4457/6. B1. 12.

⁹³ Ibid. 7562. B1. 24.

Нередко в странах-метрополиях организовывали различные *африканские шоу*, эксплуатируя внешние данные и необычную для Европы музыку и пластику африканцев. Такие шоу могли создаваться и по прагматическим соображениям. Так, в 1937 г. было решено создать «немецкое африканское шоу», в котором были объединены оставшиеся без работы артисты-африканцы. Сделано это было, конечно, не из гуманистических соображений, а в пропагандистских целях — вновь и вновь муссировался вопрос о возвращении Германии колоний. Однако уже в 1939 г. в официальном послании МИДа Министерству просвещения и пропаганды Германии от 4 апреля отмечается, что «колониально-пропагандистское значение выступлений туземцев в таком шоу крайне мало», и шоу предлагается закрыть⁹⁵.

Особо следует сказать о *колониальных выставках*, например о крупных колониальных выставках в Париже в 1929 и 1931 г.⁹⁶ На них, в частности, выставлялись произведения африканского искусства — картины, гравюры, произведения скульптуры и архитектуры, в том числе реконструированные по архивным документам⁹⁷.

Однако самым, пожалуй, важным в этой области встречи культур было *образование*, как правило высшее, *африканцев за рубежом*. Особенно характерно это было для Франции, что связано с ее ассимиляторской культурной политикой.

Первые опыты обучения африканцев во Франции были неудачными. Показательно в этом смысле найденное мной во французском колониальном архиве письмо от западноафриканцев, обучавшихся во французском военном училище Сен-Сир, министру колоний от 15 мая 1848 г. Приведу его полностью.

«Гражданин Министр,

вот уже четыре года, как мы находимся во Франции, куда правительство привезло нас, дабы мы выучили язык. Мы его уже достаточно хорошо знаем и пишем вам настоящее письмо

⁹⁵ RKA 7562. B1. 128.

⁹⁶ См., напр.: *Deroo ELemaire S.* L'illusion coloniale. P., 2005. P. 102–105.

⁹⁷ C.A.O.M. F.M . Affaires Politiques. C2984. D. 5.

с намерением попросить вас позволить нам вернуться в нашу страну. Мы прибыли сюда втроем, и/эдин из нас недавно умер. Это очень большое горе. Здешний климат для нас неблагоприятен, поэтому мы спешим уехать в Верхнюю Гвинею, где находится наш родной город. <...> Г-н бывший Министр собирался заняться нашим отъездом, когда наступила Революция. Господин Министр, подумайте о нас. Когда сможем мы увидеть наших родных?

Если вы захотите узнать подробности о нас, вы можете обратиться к служащим вашего министерства.

Господин, в ожидании вашего решения,

Мы приветствуем вас и просим принять заверения в нашей преданности,

Ваши верные подданные и друзья Франции.

Александр Асsemьен и Леон Сей, сыновья Петера, короля Большого Бассама (Африка)»⁹⁸.

В XX в. африканцы чувствовали себя в Париже значительно лучше. Еще в 1930-е годы там возник кружок «Черный студент», из среды которого вышла теория негритюда. Создателями ее были сенегалец, будущий первый президент этой страны Леопольд Седар Сенгор и негр с Мартиники Эме Сезер. Главным рупором их стал созданный в 1947 г. в Париже журнал «Презанс Африкен», а главной идеей — *«Ассимилируйтесь ко мне»*. Сторонники негритюда провозглашали отказ от европейских культурных ценностей и обращение к ценностям африканского прошлого и настоящего, которые объявлялись более высокими. Неудивительно, что в Европе, в том числе и в СССР, эти идеи восторга не вызвали, негритюд часто называли «расизмом наоборот».

Со временем на негритюд стали смотреть более критично и в самой Африке. Вот что писала о негритюде ганская газета «Спарк» в 1963 г. в статье с характерным заголовком «Негритюд без ореола»:

⁹⁸ C.A.O.M. Fonds Ministeriels. Series Geographiques. Senegal X. D. 7.

«Негритюд перестал быть предметом лишь чисто философских споров, ибо в настоящее время существует немало африканцев, которые открыто, а иногда и тайно оправдывают этой теорией свою политическую деятельность.

Теория негритюда включает в себя следующие составные части.

1. Антирасистскую форму расизма.
2. Чувство коллективизма.
3. Особую концепцию сексуальных проблем.
4. Ритм.
5. Слияние с природой.
6. Обожествление предков.

Следует заметить с самого начала, что создатели теории негритюда и в особенности сам Сартр никогда не пытались облечь ее в какие-то стройные, законченные формы, дать определение ее сущности. Ни у кого из них вы не найдете точного определения, что же в конце концов такое негритюд. Однако это не мешает им сойтись во мнении, что весь тот комплекс идей, которые они пытались объединить единой теорией, специфичен только для негров или, лучше сказать, является “квинтэссенцией негра”.

Небезынтересно, пожалуй, вспомнить то время, к которому относится начало публикаций, связанных с этим вопросом. Они появились приблизительно в 1948 г. Особенно важно, по моему мнению, отметить ту странную убежденность, которая звучала в утверждениях, что все проблемы негров могут быть решены лишь исходя из теории негритюда. Я цитирую “Черный Орфей” Сартра: “Само положение, в котором оказался негр, свойственное ему ощущение одиночества, отчужденности, вызванное у него чуждым образом мышления, который воплощен в понятии ‘ассимиляция’, заставляет его в силу необходимости возродить в себе первозданную экзистенциалистскую цельность мироощущения”.

Негритюд, как и свобода, является для него одновременно и исходной точкой, и целью, к которой он стремится. <...> Таким образом, большое значение имеет стремление негров избегать цивилизации белого человека, чтобы снова обрести свою чисто негритянскую душу»⁹⁹.

⁹⁹ История Африки в документах. 1870–2000. Т.3. М., 2007. С 28–29.

Негритюд был лишь одним из возможных ответов на вопрос, волновавший и волнующий До сих пор африканскую интеллигенцию, — о поиске правильного соотношения западной и африканской культур. И ответы давались и даются самые разные — от полного неприятия западной культуры до ее абсолютизации.

Некоторые результаты встречи культур для Африки

Африканская интеллигенция

Одним из самых важных результатов встречи культур для Африки мне представляется *формирование африканской интеллигенции современного типа*. Важность этого феномена обусловлена тем обстоятельством, что африканская интеллигенция, будучи сама порождением встречи культур, пыталась и пытается стать неким *регулирующим этим процесса*. Ключевым вопросом для африканской интеллигенции был и остается вопрос о соотношении африканской и европейской культуры.

Одним из наиболее сбалансированных соображений по этому поводу касательно духовной культуры мне представляется следующее. Оно было высказано в статье «Африканская культура», опубликованной в сенегальской газете «Кларте» еще 2 марта 1945 г., никаким не теоретиком от культуры, а студентом-медиком:

«Африканская элита всегда со страстным интересом читает статьи о духовной жизни в ФЗА.

По этому вопросу существуют различные мнения, однако пламенная апология доктрин создает все же впечатление общего идеала, на основе справедливой реакции на всеобщую ассимиляцию. Каждый защищает свою позицию с великолепно аргументированной логикой.

Наша эволюция в направлении западной материальной цивилизации еще в зародыше, и на этом пути предстоит еще немало сделать. Но культурная эволюция налицо.

Африка имеет славное прошлое, и мы должны с гордостью передать его почитание будущим поколениям. Наши традиции с их стихийным выражением, даже наши предрассудки, исполненные наивности, намечают ее историю, в которой

волнующая реальность спорит с трогательным обаянием тайн и легенд. Романтические сказки наших бабушек, греющихся у доброго огня, легенды наших эпических сказаний, наших стариков красноречиво напоминают о подвигах прошлого.

Африканский народ, как и все народы, прошел через множество политических сложностей во все времена, и мы вынуждены согласиться, что он прошел также через серию социальных преобразований, параллельных в целом эволюции местных государств, ибо эта серия эволюций не подчиняется законам математики. История учит нас, что политические катаклизмы, миграции народов, меняющийся режим глубоко влияют на социальную эволюцию. Черная Африка не избежала этой закономерности и часто испытывала потрясения: ее медлительная цивилизация характеризуется реакцией, которая редко бывает плодотворной, чаще бесплодной, а также борьбой с разнообразными влияниями расовых и политических “пришельцев”.

Именно в этом, помимо трудностей, связанных с климатом, с размерами и конфигурацией Черного континента, можно искать причину нашей “отсталости” в гораздо большей степени, нежели в пресловутой расовой неполноценности.

Французская школа прекрасно осуществила синтез этих элементов и сумела создать федерацию, которая начинает понимать и централизовать свои интересы, что предполагает общность культуры и однородность устремлений. Но здесь заложена проблема. Какой культуры? Мысль господина Усмана Соссе мне более всего по душе.

Многочисленные примеры доказывают, что французская культура нам вполне доступна. Однако всеобщая ассимиляция этой культуры должна проводиться осторожно и постепенно; в самом деле, было бы нелепо расшатать наш традиционный образ жизни, который в своем примитивизме не лишен величия, тогда как в других странах делаются достойные похвалы усилия для восстановления традиций. Синтез французской и африканской культур напрашивается как рациональное смешение, в котором собственное лицо страны останется

таким, как прежде. Эта культура должна базироваться прежде всего на научном образовании. Науки составляют общечеловеческое наследие. Луи Пастер говорил: “У Науки нет Родины”. Франция естественным образом предназначена для выработки подобного образования.

С духовной точки зрения, африканец должен брать у той среды, из которой он вышел, то, что заслуживает сохранения на благо народной традиции, и черпать во французской цивилизации то, что созвучно его скромному существованию. Как отмечал уже господин Б. Диань в одном из номеров “Дакар жен”: “Было бы слишком смело мечтать о культурном возрождении ФЗА на основе исключительно африканских элементов, свободных от какого-либо заимствования”.

Критерием этой гибридной культуры является воспитание, получаемое в семье и в школе; ибо воспитание и образование должны обязательно идти параллельным курсом. Нам выпала роль первого плана. Эта роль требует определенных моральных качеств и определенной социальной подготовки: для нас это должно стать ядром наших устремлений»¹⁰⁰.

Рассуждения о духовной культуре дополнялись и рассуждениями о материальном прогрессе. Интересно рассуждение одного из музыкантов-африканцев, тоголезца Квасси Брюса, о культурноисторической роли Германии в судьбах Африки, высказанное в письме в МИД:

«...Мы никогда не приходили в Европу как завоеватели и никогда не пытались поставить Европу на колени или эксплуатировать ее. Это Европа пришла в Африку... Европа обстригла Африку Библией миссионера, конторской книгой торговца и сводом законов белого человека. Европа принесла на наш континент свои проблемы и лишила нас нашего внутреннего мира. Нас заставили перепрыгнуть через века культурного развития, ведь не белый человек приспособливался к нам, а мы к нему. От походного гамака мы сделали

¹⁰⁰ История Африки в документах. Т23. С 281–283.

скачок сразу к железной дороге и зашли здесь так далеко, что в Того задолго до начала войны при путешествии по железной дороге от покупки билета до сдачи его в конце путешествия путешественник не встречал ни одного белого человека»¹⁰¹.

Духовная культура

Африканский роман как форма литературного творчества — видимый результат этого процесса. Г. И. Потехина, отметив, что первый африканский роман на французском языке появился в 1926 г., хорошо показала, как в африканской художественной литературе на французском языке отразилась встреча культур¹⁰².

Важным аспектом встречи культур является и перевод на африканские языки произведений мировой литературы. Известна деятельность первого президента Танзании Дж.К. Ньерере, переведшего на суахили множество пьес Шекспира. Но на тот же суахили книги начали переводить значительно раньше. Только в 1928–1930 гг. в суахилийском переводе вышли «Маугли» Р. Киплинга, «Копи царя Соломона» Р. Хаггарда, «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона, сборник стихов английских поэтов¹⁰³.

Другим видимым результатом встречи культур в духовной сфере является современный африканский театр. Как отмечает южно-африканский писатель и критик Минеке Шиппер, традиционные африканские театральные формы были подвержены значительному европейскому влиянию. Тем более его не избежал «современный» африканский театр. Он указывает следующие «западные» черты такого театра:

- представления играют в основном на европейских языках;
- слово важнее, чем музыка, пение и танец;
- увеличена дистанция между актером и зрителем за счет высокой сцены и занавеса;

¹⁰¹ ВА. RKA 7562. В1. 94–95.

¹⁰² Потехина Г. И. Очерки современной литературы Западной Африки. М., 1968.

¹⁰³ ВА. RKA. 993. В1. 5–6.

- действие более короткое и сконцентрированное, чем в традиционном театре;
- возросла зависимость от общества, изменились темы;
- зрительская аудитория — в основном представители высших слоев, более узкий круг зрителей;
- пьесы публикуются европейскими издательствами.

Но, подчеркивает автор, несмотря на все эти черты, современный театр сохраняет преемственность со старыми театральными формами. Более того, некоторые современные драматурги и студенческие труппы стараются создавать театральные формы, еще более близкие к традиционным¹⁰⁴.

Подобные явления отмечают и исследователи африканского изобразительного искусства. Так, Ю.С. Скубко пишет о художниках ЮАР, творчество которых проходило в сложных условиях многорасового общества поселенческой колонии: «Новые художественные ценности появляются лишь на основе преемственности. Применительно к ЮАР базой для такой преемственности стало и “христианское искусство Европы”, пустившее здесь глубокие корни еще в XIX в. и... традиционное наскальное искусство и ремесла»¹⁰⁵.

Материальная культура

Материальная культура современной Африки как результат встречи культур — явление настолько многоплановое, что в рамках данной статьи возможно дать лишь некоторые примеры.

Один из самых наглядных примеров — так называемая традиционная одежда женщин народа гереро в Намибии, в которой большинство из них ходит до сих пор. Это длинное платье с широкой юбкой, викторианское по форме, но из легких тканей пестрой расцветки, которую так любят африканки. Платье дополнено головным убором из ткани — особого вида платком, образующим как бы два рога над головой женщины. Как отмечают специалисты, это трансформировавшийся традиционный женский головной убор, изготавливавшийся изначально из кожи. Такой наряд

¹⁰⁴ *Shipper M.* Theatre and Society in Africa. Braamfontein, 1982. P. 154–155.

¹⁰⁵ *Скубко Ю. С.* Очерк истории южноафриканской живописи. М., 2006. С. 107.

сложился у гереро еще в XIX в. под влиянием платьев жен миссионеров¹⁰⁶.

Другой давний и наглядный пример — архитектурные сооружения. Еще в позапрошлом веке немецкий миссионер в ЮЗА д-р К. Г. Бюттнер писал, что при выборе места для будущего дома они использовали не европейские, а местные критерии, а также зачастую местные стройматериалы¹⁰⁷. Так, в 1896 г. на колониальной выставке в Берлине демонстрировался так называемый *хартбистхаус* — результат строительного опыта немецких миссионеров в Юго-Западной Африке (Намибии). Это был дом, построенный в местном стиле, но приспособленный к нуждам европейцев и рекомендованный как образец для подражания. «Дойче Колониаль-цайтунг» писала об этом доме:

«Оный многократно применяется в Юго-Западной Африке там, где по каким-либо причинам отсутствуют средства к постройке каменного дома и где, с другой стороны, наличествует потребность иметь некое прочное жилище вместо не всегда приятной палатки. Там строится подобный хартбистхаус на каркасе из деревянных свай (чаще всего — верблюжьей колючки)... Такая постройка имеет из-за простоты ее возведения преимущество перед европейскими домами, возводимыми из строительного камня или кирпича»¹⁰⁸.

Специалисты отмечают, что миссионеры в Юго-Западной Африке (Намибии), даже возводя дома из привычного европейцам стройматериала, строили их не так, как в Германии, в частности, окружали со всех сторон верандами, в связи с чем выделяют особый архитектурный стиль¹⁰⁹.

¹⁰⁶ См., напр.: *Malan J.S.* Die Volker Namibias. Gottingen; Windhoek, 1998. S. 80.

¹⁰⁷ *Buttner C. G.* Über das Erbauen von Häusern für Europäer im Inneren Afrikas// Deutsche Kolonialzeitung. 1887. Heft 1. 18f.

¹⁰⁸ Цит. по: *Peters W.* Baukunst in Südfwestafrika. 1884–1914. Windhoek, 1981. S. 32.

Подобные явления и архи тектуре Африки происходят и в наши дни. Приведу примеры и і умиленного собственными глазами. Намибия, 1991 г. Ферма Наос под Виндхуком. Дома для работников фермы — европейская планировка, деление на комнаты, современный санузел, но кухня веранда открытая с очагом посередине. ЮАР, 1995 I. Северный Трансвааль, фирма ZZ2 — крупнейший в Южном полушарии производитель помидоров. Дома для рабочих-африканцев. Современная постройка из бетона, но по форме и планировке традиционная, круглая с конической крышей.

Сущностный результат встречи культур:
сохранение специфики Африкой и ее влияние на Европу

До сих пор в труднодоступных районах Черной Африки можно встретить целые этнические т руппы, мало затронутые европейской цивилизацией. Но вряд ли можно говорить о том, что осталась хоть одна из известных миру этнических групп, которую бы европейская цивилизация не затронула совсем.

Но что можно сказать о самых европеизированных африканцах? Стали ли они черными европейцами?

В. А. Бейлис замечает по этому поводу: «Модернизация не равнозначна вестернизации, и происходит не конвергенция, а лишь адаптация некоторых элементов культуры (в определенных случаях — традиционных элементов к западным формам, в других случаях — западных форм к традиционным)»¹¹⁰.

М. Херсковиц подчеркивает, что африканцы при встрече культур были очень селективны: ничего из того, что представляло ценность, не было ими утрачено. Среди таких традиционных ценностей он упоминает, в частности, формы родства и социальной поддержки¹¹¹.

О том же пишет и М.Д. Никитин: «Фрагментарное восприятие инородных культурных символов приводило к реструктурированию африканских обществ без потери их культурной самобытности

¹¹⁰ **Бейлис В.А.** Традиция в современных культурах Африки. М., 1986.

¹¹¹ *Herkovits M.J.* Op. cit. P. 15.

и ослабления цивилизационной специфики в целом. Наоборот, практика межкультурного взаимодействия в колониальных условиях отчетливо проявила обратную тенденцию — рост сознания своего культурного своеобразия и актуализации ценности культурного наследия»¹¹².

«Актуализация ценности культурного наследия» дает и неизбежно будет давать в перспективе всплески идей вроде «африканского ренессанса». Однако историческая правда состоит в том, что современная Африка — результат встречи африканских и европейских культур.

В процессе встречи культур в колониальном обществе африканцы, воспринимая новое, не отказывались целиком от традиционных элементов культуры. Поэтому правильнее говорить не об аккультурации, а о культурном синтезе.

Более того, в колониальную эпоху африканская культура оказала значительное влияние на культуру Запада. Как точно подмечает Ю.С. Скубко, «в Африке южнее Сахары колонизация, при всех ее негативных аспектах... породила необратимые процессы взаимодействия, в ходе которых культура и искусство Африки оказались включенными в систему мировой культуры, оказав глубокое ответное влияние на культуру и искусство той же Европы XX века»¹¹³.

© Балезин А.С., 2009

¹¹² *Никитин М.Д.* Указ. соч. С. 185.

¹¹³ *Скубко Ю. С.* Очерк истории южноафриканской живописи. М., 2006.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулкадир Юсуф Исмаил 355
Абиола 8
Адам Ф. 288
Адан А. М. 370
Азикиве Н. 51, 362
Азикиве О. 362
Александр Михайлович вел.кн. 28
аль-Башир О. 311
Альенде С. 62
Амин И. 32, 178
Ани М. (Ричардс Д.) 15, 32
Аоста А.д' 234
Арнольди К. 237
Асанте М. К. 6–13, 15, 33–34, 77
Аттила 23
Ахмед ибн-Ибрагим аль-Гази 221
Бабангида И. 36
БагазаЖ.-Б. 257, 265
Багосора Т. 264
Бадольо П. 234, 238
БандаХ. 51, 70
Бантинг Б. 115
Барака И. (Джонс Э. Л.) 8, 56–57, 70
Барре М.С. 281
Бах И. С. 8
Бейлис В. А. 431
Белл Х. 421
Белло А. 405
Бембо Гомбо Ж.-П. 276
Берит Э. 25
Бернстайн Л. 118
Бертхуд Р. 278
Бетховен Л. ван 8
Бин Ладен У. 23
Бисмарк О. фон 28
Блайден Э. 15–16, 69
Блёрк Б. фан 183
Блэк Д. 38
Боас Ф. 73
Боно Э. де 238
Босман Я. 186
Бота П. 132
Бош Д. 126
Браун Дж. 92
Браун Р. 70
БринкА. 180
Брюс Д. 407–408
Брюс К. 427
Будда 11
Буйоя П. 265–266, 276
Булатович А. К. 221
БусакА. 129
Быюэлл Р. 417
Бюлов Б. фон 23
Бюттнер К. Г. 386, 390, 430
Вад А. 35
Валь Э.М. 319
Вандрес К. 381
Вансина Я. 242
Вегель Б. 390
Веллс Х.Дж. 90
Вердиян И. 32
Виктор Эммануил III 229
Виктория I 30, 65
Вильгельм II 23–24
Вордсворт У. 8

- Вудсон К. Дж. 15, 90
Ганди М. 17, 23, 92
Гарви М. 15–16, 35, 48, 50, 57, 69, 72
Генрих IV 219
Геродот 92
Гёте И. 8
Гизенга А. 276, 373
Гильен Н. 8
Гитлер А. 21, 24
Гнасингбе Эйадема Ф. 316–317
Гнасингбе Эйадема Э. 316–317
Гобэна Дачи 220
Гог Т. ван 294
Голден Л. 83
Гордимер Н. 31
Гордон А. В. 17
Грациани Р. 229, 234–235, 238
Гриф Х. 387–388
Гумилев Н. 27–28
Гуревич А. Я. 376
Гуревич Ф. 240
Гутьеррес А. 307
Гэйс И. 46
Даар Аден А. О. 369, 371
Дабау С. 105
Давидсон А. Б. 104
Даллэр Р. 267
Дарвин Ч. 9
Декарт Р. 9
Демин Н.С. 352
Джахумпа Г. 51
Джеймс Дж. 94
Джеймс С.Л. Р. 66, 69
Джексон Дж. 21, 36, 56–57, 70
Джером Д. К. 29
Джонсон С. 29
Джонсон У. 66
Джонсон III. 181
Джордан П. 175, 179, 183, 185, 208
Диань Б. 427
Дидиза Т. 198
Дийс К. 353
Дикерсон Д. 74
Диоп Ш.А. 15
Дольны Х. 166
Дорси Л. 244
Дэвис А. 21, 70
Дюбуа У.Э. Б. 8, 15–17, 45, 49–50, 53, 62, 65–66, 69, 73, 90
Дюма А. (отец) 8
Дюма А. (сын) 8
Дюрант В. 90, 92
Елютин В. П. 332–333, 338–340, 343, 349, 353–354
Жуков Г. А. 367
Закариа Ф. 213
Зарубин Г.Н. 403
Збакки А. 234
Зотова Ю.Н. 392
ЗумаДж. 178, 184, 198–199, 204–205, 210–211
Зума Нк. (Дламини-Зума Нк.) 174, 199
Зыков С. С. 338, 370–371
Иисус Христос 11, 28, 76, 92, 129, 389
Ирле Я. 384
Йитс У. Б. 8
Йохана 381
Йохан ныс IV 219
Кабила Кабанге Ж. 276
Кабу А. 35
Кагаме П. 275
Кагтва А. 386–387, 407
Каддафи М. 19–20, 22–23, 33, 327–328
Кайибанда Г. 251
Камазу 203
Канджуфу Дж. 14
Канзига А. 262
Кант И. 96

- Караджале И. 31
Каренга К. 13
Каренга М. 13, 15, 77, 84
Карл XII 28
Кармайл С. 60, 70
Кастро Ф. 62
Квелане Й. 202
Кеббл Б. 166
Кейта Ф. 373
Кениата Дж. 51, 66, 70
Кигели IV (Рвабугири) 243–244
Кимбалл Ф. 91
Кинг М.Л. 17, 53, 56, 70
Киплинг Р. 27, 428
Ките Д. 8
Кламрот 381
Клерк В. А. де 108
Клерк В.Дж. де. 133
Клерк Ф.В. де 134
Коджо Э. 316
Колтрейн Дж. 8
Кольбе Ф. 378, 383
Комфела Б. 161
Конаре У. 317
Конти Россини К. 215
Кохановский А. 223
Краснов Н. 338–340, 349
Криль К. 185
Кронин Дж. 175
Кронье Г. 108–109
КрохА. 181
КсингванаЛ. 164
Кумало Ф. 198
Куцие Дж. 31, 167, 169, 180
Кэббэде Микаэль 221
Лейбниц Г. В. 9
Леймари Ф. 239
Лекота «Террор» П. (Лекота М.) 201
Лемаршан Р. 245, 260, 262
Леон Т. 174
Лерумо А. (Хармел М.) 119
ЛессонаА. 229–230
Лид Иясу 218–219
Лики Л.С.Б. 97
Лилль П. де 204
Линкольн А. 20
Лихачев С.А. 222
Ложьест Г. 249
Лоу Э. 111
Лугард Ф. 392
Лумумба П. 70, 373
Мадондо Э. 388
Мадубути У.Х. 74, 77, 82
Макозома С. 165
Маконен (Гриффит Дж.) 66
Макхоба М. 169, 175–179, 202, 339
Малан Д.Ф. 101, 110, 136, 138
Малан Р. 180–181, 183
Малькольм Х. (Литтл К.) 15, 54, 60, 70, 85
Мамдани М. 177
Мампосси 395
Мангку К. 169, 199
Мандела Н. 134, 141, 148–149, 153, 164, 169, 173–174, 180, 199–200
Маниша П. 253–254
Маркс К. 9, 79
Маркус Г. 219–220
Марчук И. И. 373
Матанзима К.Д. 200
Махарадж М. 204
Мбеки Т. 135, 143, 150, 153, 166–167, 170–171, 175, 177–178, 181, 184, 186–190, 193–194, 198–201, 203–206, 210–212
Мдладлана М. 192 Мейлам П. 115, 131–132 Мендель Г. И. 91
Менелик II 84, 218–220, 222–223, 235

- Микомберо М. 255, 257
Микоян А. И. 372
Миререкано П. 254
Мирзеханов В.С. 420
Миттеран Ф. 263
Мламбо-Нгука П. 194, 198
Мобуту Ж.-Д. 178, 239, 274
Модисе Дж. 123
Моисей 11
Мокаба П. 174–175
Мотланте К. 211
Моцарт В. А. 8
Моянго Ж.П. 360
Мторо бин Мвенье Бакари 420–421
Мугабе Р. 20, 23, 35, 174, 178
Мусевени Й. 261, 275
Муссолини Б. 227–228, 231, 236
Мухаммед пророк 11
Мухаммед Али (Кассиус Клей) 15
Мухаммед Али (Микаэль) 219
Мухаммед Эл. 11, 15, 60, 70, 85–87, 89–91, 93–94, 98–99
Мухитдинов Н.А. 367
Мухум Б. 360
Мюллер Г. 173
Найпол В. 36
Наполеон 28
Науде Й.Ф. 106
Нгема М. 203
Нгендандумве П. 254–255
Нгкука Б. 198
Нгути ва Тхионго 8
Ндадаье М. 266
Ндайизейе Д. 276
Ндумбе А. 387
Нзиманде Б. 151
Нзинга 84
Никитин М.Д. 431
Никифоров Б. С. 354
Никифорова И.Д. 389
Николай II 28
Ницше Ф. 96
Нкрума К. 15, 48, 51, 59–60, 62, 66, 69–70
Нкурунзиза П. 276
Нtare V 257
Ньерере Дж. 58–59, 61, 67, 69, 428
Ньюбери К. 243
Ньютон И. 9
Оболенская С. В. 376
Оботе М. 260–261
Окайя 8
Окоча Э. 362–367, 370
Олмстед Ф. 91
Ольпп Й. 384, 390
Омар Ф. 287
Оне Ж. 24
Оппенгеймер Г. 130
Орлейн Т. 161
Осман, см. Даар Аден А. О.
Осман А. 285
Оуд-Абдулла А. 307
Очвата Дж. 365
Панкин Б.Д. 360
Панхерст Р. 225
Пассен П. ван 100
Пастер Л. 427
Петр Великий 28
Пиерема Дж. Е. 136
Пиллей Д. 184
Плесси Л. дю 125
Поза М. 199
Попов Б. 341–342, 357
Потехин И.И. 365
Потехина Г.И. 406, 428
Приа М. дю 181, 184
Принс Э. 283
Прокофьев М. 346–347, 354
Прюнье Ж. 240, 245, 255, 264
Пушкин А.С. 8

- Пэдмор Дж. 50, 66, 69
Радебе-Кумало Ф. 181
Раззаков И. Р. 357
Раматлоди Н. 209
Расул И. 205
Рвагасоре Л. 249, 253, 255
Рвигъема Ф. 261
Ревел-Пинто Т. 31
Рей К. Де ла. 182–185
Ренсбург Н. фан 173
Рехенберг А. фон 397
Ричбург К. 35–36, 74
Роджерс Дж. А. 91
Родс С. 25–26
Россоу Й. 184
Ру Г. ле 219
Рудт Д. 172–173
Рукиндикиза Г. 257
Румянцев С. М. 333, 337, 355, 366–367
Садат А. 32
Салтыков-Щедрин М.Е. 29
Самантар Ю. 338, 370
Сартр Ж.-П. 17, 29, 424
Себа Ж. 394–395, 400
Сезер Э. 8, 60, 69, 423
Секу Туре А. 61–62, 372
Селеби Дж. 160–161
Семе П. К.И. 103–104
Сенгор Л.С. 16–17, 34–35, 423
Сеньяка Х. Б. 203
Сепелли А. 226
Сигкаву Ст. 200
Силаньо А. М. 301
Сильвестр-Уильямс Г. 50, 62, 65
Синицына И.Е. 399
Ситоле Н. 418
Скалквейк М. фан 166
Скватша М. 205
Сквеййа 3. 175
Скубко Ю.С. 429, 432
Слово Дж. 123–124, 142, 145, 166, 208.
Смит А.Л. см. Асанте Сократ 95
Солана Х. 312–313, 317
Солод Д. С. 372
Сосновский Н.С. 72
Соссе У. 426
Спилберг С. 54
Спиноза Б. 96
Спицкий И.С. 369–370
Сталин И. 32
Стейн М. 168
Стенли М. 25
Стивенсон Р.Л. 428
Стивенсон Э. 94
Страхов Н. Н. 33–34
Сукарно 20
Тайе Гэбрэ-Мэдхын 219
Тайя М. 318–320
Тамбо О. 142, 183
Твен М. 8
Теодоракис А. 304
Теодрос II 222, 235
Тернер Дж. 59
Тернер Н. 92
Титов Г. 28
Тихомиров В. И. 105, 107
Тойнби А. 91
Токвиль А. де 29
Толстой Л. Н. 17, 31
Трумэн Г. 87
Туре Самори 84
Туту Д. 101–102, 109, 141
Уарабе Ф.А. 301
Уоллер Д. 244
Устинов В. И. 353
Уэлш 8

- Фаррахан Л. 11, 20–23, 57
Федотов Г. 34
Фельтен К. 396
Фервурд Х. 111, 115
Феррера-Вальднер Б. 320
Филатова И. И. 157
Флок А. 181
Форстер Б. 132
Франц Иосиф I 28
Фрейд З. 9
Фриден Л. 313
Фрост Р. 8
Фуш Дж. 122
Хабиаримана Ж. 239, 251–252, 263, 268
Хаггард Р. 428
Хадис А. 218
Хайле Селассие I 235
Хайле-Мариам М. 220
Халасинский Ю. 218
Хан Г. 383
Хасан И.Х. 350
Хассан Х. 293
Херсковиц М. 73, 376–377, 409, 431
Херцог (Герцог) Д. Б. 110
Хираве А. М. 368–369
Хирси А. А. 294–295
Ходжсон Дж. 123
Хорст С. 299
Хофмейер Ст. 184–185
Хрущев Н.С. 45, 333, 355
Хьюз Л. 8
Хэйли А. 54
Цунгу Х. 390
Чака 10, 178
Черчилль У. 23
Чикане Фр. 181
Шеварнадзе Э.А. 134
Шекспир В. 8, 31, 428
Шелепин А.Н. 335, 353, 355
Шермарк А. А. 369–371
Шилова С. (Шилова М.) 201
Шиппер М. 428
Шкловский И. 24
Шоинка В. 8
Шонге 8
Шопенгауэр А. 96
Шпенглер О. 17
Шуарег 219
Шубин В. Г. 124
Эзоп 91
Элиот Т. 8
Эллингтон Д. 8
Эрвин Э. 181

Список авторов

Давидсон Аполлон Борисович — д-р ист. наук, профессор Государственного университета Высшей школы экономики, руководитель Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, профессор МГУ, президент Ассоциации британских исследований, заслуженный деятель науки РФ.

Балезин Александр Степанович — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, профессор МГУ

Городнов Валентин Петрович — (1929–2009) — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Иванова Любовь Владимировна — канд. ист. наук, ученый секретарь Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Кривушин Иван Владимирович — д-р ист. наук, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики.

Литинский Александр Леонидович — аспирант Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Мазов Сергей Васильевич — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Никуличев Сергей Юрьевич — аспирант Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Филатова Ирина Ивановна — д-р ист. наук, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, почетный профессор Университета Дурбан-Вествил (ЮАР).

Цыпкин Георгий Викторович — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Щербаков Николай Георгиевич — канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Анонс

Африка, афроамериканцы и африканская диаспора играют все большую роль в мире. Понимание современного мира будет неполным, если не вглядываться пристальней и в африканскую действительность, и в то зеркало, в котором видят себя «Черный континент» и его диаспора. Какие новые идеи несет миру Африка? Как складываются там межрасовые отношения? Как черные воспринимают белых, а белые — черных? А сами африканские народы — друг друга? Как складываются отношения Африканского континента с бывшими метрополиями и вообще с внешним миром?

Конечно, все эти проблемы очень многообразны и чрезвычайно сложны, но задуматься над ними необходимо.

Авторы статей этого сборника — среди тех, кто уже задумался. И этой книгой они пытаются привлечь внимание читателей к вопросам, которые представляются жизненно важными.

В сборнике суммируются результаты исследований ведущих российских африканистов по широкому кругу вопросов, связанных с исторической самоидентификацией африканцев. В центре внимания — формы и каналы трансформации межрасовых и межэтнических отношений и типы этнополитического сознания в странах Тропической Африки (на материале ЮАР, Эфиопии, Руанды, Бурунди и др.), а также в африканских общинах за ее пределами (СССР/Россия, США, Великобритания) в колониальную и постколониальную эпохи. Различные аспекты проблемы рассматриваются в широком контексте противостояния и взаимодействия традиционных, псевдотрадиционных и современных форм сознания и поведения. Проводится комплексный анализ теорий африканского национализма (афроцентризм, panaфриканизм и др.), выявляются природа и причины усиления межрасовой и межэтнической враждебности и пути ее преодоления в современной Африке и в странах, где существует африканская диаспора.

Для широкого круга читателей, в первую очередь историков, политологов, этнологов, культурологов и журналистов.

Рак Африкана: континент и диаспора в поисках себя [Текст]: П21 сб. науч. ст. / отв. ред. А.Б. Давидсон; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2009. — 439, [1] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0677-6 (в пер.).

Издание осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории» («Власть и общество в Африке XX века»)

УДК 94(6)(08)

ББК 63.5

ISBN 978-5-7598-0677-6

Редакционная коллегия:

Давидсон А. Б. (отв. редактор),
Кривушин И. В., Цыпкин Г. В., Щербаков Н. Г.

Авторский коллектив:

Давидсон А. Б., Балезин А. С., Городнов В. П., Иванова Л. В., Кривушин И. В.,
Литинский А. Л., Мазов С. В., Никуличев С. Ю., Филатова И. И., Цыпкин Г. В.,
Щербаков Н. Г.

Рецензенты: д-р ист. наук Рябинин А. Л. д-р ист. наук Черкасов П. П.

Зав. редакцией ***Е. А. Бережков***

Редактор ***М. С. Ковалев***

Художественный редактор ***А. М. Павлов***

Компьютерная верстка: ***В. А. Пономарева***

Корректор ***Е. И. Лакирева***

OCR by Palek

Подписано в печать 29.09.2009. Формат 60х88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон». Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 26,7. Уч.-изд. л. 22,10. Тираж 1000 экз. Изд. № 1034. Заказ № 6185. Государственный университет — Высшая школа экономики 125319, Москва, Кочновский проезд, 3. Тел./факс: (495) 772-95-71. Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ», 140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403 при содействии ООО «МАКС Пресс», 105066, г. Москва, Елоховский пр., д. 3. стр. 2. Тел. 939-38-90, 939-38-91. Тел./факс 939-38-91.

© Государственный университет — Высшая школа экономики, 2009

© Институт всеобщей истории РАН, 2009

© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2009